

Наталья Владимировна Игнатова
Рыцарь из преисподней

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=646685
«Игнатова Н. В. Рыцарь из Преисподней»: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва;
2011
ISBN 978-5-9922-0898-6

Аннотация

Мир, где правит Смерть и двенадцать князей-демонов. Мир прекрасных городов и страшных пустошей, подвигов духа и чудовищных преступлений. Огромный мир, в безднах которого спят драконы... Артур Северный искал в этом мире убежища, а нашел новую битву. Но ни он, ни его брат Альберт даже не догадываются, чья воля направляет их и чем закончится эта война.

Наталья Игнатова
Рыцарь из преисподней

*Ты такой же, как прежде:
Что дано – то и свято.*

*И не веришь надежде,
Лишь Мадонне. И брату...*
Melaris

Начало

Что-то изменилось. Он проснулся не там, где вчера лег спать. Но местность – белесая пустыня под светло-синим небом, на котором не было солнца, – выглядела той же самой. Он помнил все до деталей, до количества иголок на кусте саксаула, часть которого пошла на топливо для костра. Куст был тот же. А место – другое. Но он не взялся бы объяснить, в чем отличие.

Воды оставалось в обрез. Если умыться и побриться, нечего будет пить днем. Умываясь, он думал о том, что вчера по пути не случилось никакого источника, не попалось ни одного мотеля, караван-сарая или постоянного двора. Такое бывало на границах между мирами; так он границы и определял: если трасса летит к горизонту в полном безлюдье, пропадают гостиницы у обочины, а дорожные знаки сводятся к одному-единственному, с лежащей на боку восьмеркой, значит, близок рубеж. Нормальные люди и нелюди держатся подальше от таких мест. Для нормальных знак бесконечности – знак угрозы. А совсем нормальные вообще о нем не знают.

Под светлеющим небом по серой трассе он ехал еще два часа. Солнце так и не взошло. Горизонт по правую руку был очерчен алым светом, по левую – желтым, как будто с одной стороны закатилось красное солнце, а с другой вставала золотая луна. К полудню в зените открылась черная круглая дыра.

Взгляд фиксировал неизменные «восьмерки» – привычка запоминать все, что видишь, даже если оно кажется одинаковым, даже если оно не имеет значения. Потом встретился первый незнакомый знак с улыбающимся черепом, а потом начали попадаться автомобили, трейлеры и мотоциклы, поодиночке и табунками. Пограничье закончилось.

Знак с черепом означал заправку, смену аккумуляторов. Череп – человеческий символ смерти, а здесь пользовались мертвой силой, некротической энергией. Бензин тут, впрочем, тоже был – другие маркировки, но язык понятен (не бывает непонятных языков), – и золото в ходу. Не везде, где довелось побывать, принимали в оплату золото, серебро или драгоценные камни. Здесь повезло. Неплохое было бы начало, если бы не дыра в небе вместо солнца.

Он покупал воду в закуской, когда из-за дальнего столика поднялась девчонка – высокая, ладная, затянутая в черную кожу, выразительно подчеркивающую округлости. С округлостями все было в порядке, глаз радовался. Мгновением позже он отметил яркие черные глаза, блестящие, как влажные ягоды смородины, такие же яркие алые губы без следа помады. Очень белую кожу. Под здешним солнцем не загорить, это точно.

– Привет, – девчонка улыбнулась, показав островатые зубы, – подбросишь до Эниривы?

– Да, если ты покажешь, где это.

– Клево. Мне нравится. Ты что, не местный? – Она тряхнула черными кудрями. – Человек?

– Да.

– Меня зовут Марийка. А тебя?

– Артур Северный, – он взял со стойки «Карту автодорог Ахтеке», – рыцарь ордена Храма.

Глава 1

Хорошее начало не мелочь, хотя и начинается с мелочи.
Сократ

Оказалось, что Ахтеке – это название княжества.

Марийка уверенно показала пальцем:

– Мы здесь, у границы. Вот тут Кабир. А это Иду. Тоже княжества. – Из нагрудного кармана куртки она достала пластину коммуникатора, потыкала в экран коротко остриженным ногтем, и в воздухе развернулась трехмерная карта. – Вот, гляди. Все княжества и даже Немоты немного есть.

Артур поглядел. Два материка, океан со всех сторон, ни намека на полярные шапки. В верхней и нижней частях карты, в океане, были нарисованы два круга: желтый и красный, стояли пометки: «ал. столп» и «злт. столп». Алый свет по правую руку, золотой – по левую. Какие-то местные ориентиры? В отсутствие солнца и звезд без них не обойтись. Артур прикинул масштаб, уважительно хмыкнул.

– Я слышал, что тут много места, но чтобы настолько...

– Так ты знаешь, где ты? – Марийка недоверчиво перевела взгляд с карты на Артура. – Точно человек?

– Точно.

– Люди сюда живыми не попадают.

– Попадали, – сказал Артур. – Где Энирива?

– В Эсимене. – Ноготь снова ткнулся в экран, на карте замигал зеленым один из бесчисленного множества городов.

Другой континент. Артур вопросительно взглянул на Марийку, та в ответ безмятежно улыбнулась:

– Ты обещал.

– Океан.

– Мы на Трассе. – Карта погасла. – По ней можно куда угодно. Но в одиночку стремно. – Марийка сунула коммуникатор обратно в карман. – Очень стремно. Вдвоем, так-то, тоже. Поехали?

По пути на стоянку Марийка держалась с Артуром плечом к плечу, но по мере приближения к «Найзагаю» замедлила шаг. Притороченный слева вдоль седла Миротворец из окон закуской было не разглядеть, а сейчас он стал виден. Отполированная ладонями рукоять, скрытое в чехле, но безошибочно угадываемое лезвие. Нормальный двуручный топор. Хотя, наверное, не слишком нормальный по здешним меркам. Здесь принято было возить с собой другое оружие, потому что висящий за спиной Артура «Перкунас» вопросов не вызвал. Миротворец – другое дело.

– Это что? – спросила Марийка из-за спины. – Ты что, с топором, что ли, едешь? Зачем? Ты нормальный?

Слишком много вопросов сразу. Но это водилось за девушками, почти за всеми. Артур привык. Во множестве вопросов всегда есть один, главный. Научись его находить, и сможешь общаться с женщинами, не создавая проблем ни им, ни себе.

– Я на службе, – сказал он. – Это табельное оружие.

– Так у тебя что, настоящая форма? – Марийка тут же снова оказалась с ним рядом, обогнала, попятилась, разглядывая нашивки. – Ты архан?

– Рыцарь. Я же сказал.

– Сказал. Ну мало ли. Здесь нет рыцарей-людей. А ты кому служишь?

– Пречистой Деве. – Артур достал из багажника второй шлем, протянул Марийке, начал закреплять на байке канистру.

– А кто это?

За годы, прожитые на Земле, Артур привык отвечать на такие вопросы, правда, о том, кто такая Богородица, его никогда раньше не спрашивали взрослые люди. Только дети и феири, которые, в сущности, те же дети, потому что не знают ничего, что сделало бы их взрослыми.

– Мать Господа нашего, Иисуса Христа, – сказал он, зная, что сейчас последует новый вопрос, теперь уже о Боге. Нужно было ехать, но, с другой стороны, он ведь никуда не спешил. А если не отвечать на эти вопросы, то зачем тогда вообще разговаривать?

– Ты же сказал, она дева. – Марийка изумленно вытаращилась вверх зеркального

синего пластика.

– Господь был зачат непорочно.

– Ну зачат-то ладно, а рожать? Чува-ак, – она снова сверкнула зубами в улыбке, и Артур снова отметил, что зубы выглядят острыми, – ты вообще-то с анатомией как, дружишь? – И доверительно сообщила, чуть подавшись вперед: – Невозможно родить и остаться девственницей.

– Девой зачала, девой родила, девой осталась. – Артур столько раз слышал подобные разговоры, что начал опасаться однажды ответить на вопросы о Приснодеве, не задумываясь. А так нельзя. Каждое слово о Ней или о Боге должно идти из сердца и разума. – Это чудо. Бесконечное могущество Господа.

– Ты псих, – Марийка еще раз посмотрела на притороченный у седла Миротворец, – но я с тобой поеду. Псих, который уважает женщин, лучше нормального, который изнасиловал меня на первом же привале. – Надела шлем, ловко спрятав под него свои буйные кудри, и оседлала байк.

Что ж, Артур признал, что эта его проповедь оказалась одной из самых коротких. Еще и с очень неожиданным результатом. И ведь не поспоришь же с выводами: насилловать Марийку у него и в мыслях не было, ни на первом привале, ни на всех остальных. Зачем насилловать? С женщинами по-другому надо.

Впечатления от княжества Ахтеке Артур мог изложить в двух словах: «оно ровное». Краткий путеводитель, прилагавшийся к карте, расписывал красоты горной природы, полноводные реки, сказочные города в оазисах. Но Трасса шла мимо городов, летела через пустыню, небо дышало жаром, а горы оставались на горизонте, всегда по правую руку. Синеватые, едва различимые и почти неизменные очертания хребта Хентеф.

К дальним перегонам было не привыкать, к однообразному пейзажу тоже. Так что Артур не скучал. Да и Марийка скрашивала жизнь. Она быстро поняла, что вопросы задавать бесполезно, и начала на привалах болтать сама. В основном о своих путешествиях по Трассе, о знакомствах, которые здесь свела, о психах, которых тут было предостаточно. Кто угодно может оказаться на Трассе, но далеко не все делают это добровольно, и немудрено сойти с ума, если не знаешь, как отсюда выбраться. А если выберешься, очень может быть, что спишишь, попытаешься вернуться обратно. Трасса – такое место... на ней плохо, без нее еще хуже.

Марийка много рассказывала о себе. Могло даже показаться, что рассказывала все. Но Артур за несколько дней так и не смог составить представление о семье своей попутчицы. Он привык обдумывать любую информацию – приучили с детства, и хорошо сделали. Он и обдумывал. Марийка рассказывала правду о друзьях, но привирала про учебу и очень редко упоминала родственников. Рассматривая эти упоминания каждое по отдельности, Артур мог увидеть строгую патриархальную семью с правилами и традициями. Но вместе кусочки не складывались. Марийка была слишком самостоятельна для патриархальной семьи. Да и трудно было представить семью, в которой есть дед, отец, брат, племянник, но нет ни бабушки, ни матери, ни жены брата. Бывает, конечно, и такое, потому что кто знает, каковы правила и традиции в патриархальной семье? Может, у них принято убивать женщин после рождения первенца, а Марийка как раз результат промедления в выполнении правила. Но для семьи, в которой принято убивать или прогонять женщин, она опять-таки слишком самостоятельна и слишком весела. Редкий случай хорошего, легкого характера, оптимизма без надрыва и притворства. Ясноглазая веселая птица, радуется каждому новому дню, а на привалах щебечет, щебечет, щебечет...

Впрочем, Артуру нравилось. Хорошо, когда кто-нибудь говорит. А то он молчун, Миротворец тем более. Кроме Марийки поговорить можно было только с Альбертом, а с ним любой разговор скатывался на Конец Света. К тому же неправильный. Куда деваться, если Альберт в этом живет, а Артур уехал только потому, что, останься он, и ни мира, ни людей уже не было бы.

Братик выходил на связь каждый день и иногда рассказывал, что у него происходит и

что осталось от мира, но чаще все-таки старался узнать, как дела у Артура. А у того и дел никаких не было, пока сюда не приехал. Да и здесь, кроме как довести Марийку до Эниривы, ничего не намечалось. С такими настроениями полная оптимизма попутчица на Трассе – это милость Божия.

Марийка на Трассе скорее жила, чем путешествовала, все время между экзаменами и каникулами проводила, странствуя из княжества в княжество. Поэтому и не говорила всю правду об учебе. Учиться-то она училась. В Институте управления и права Интарафийского государственного университета Эсимены. Но, судя по тому, сколько времени проводила на Трассе, учеба сводилась к написанию самостоятельных работ.

– Теория! – отмахнулась Марийка, когда Артур задал ей вопрос насчет посещения лекций. – А здесь практика. На Трассе идеальное самоуправление. Нет ни одного писаного закона, только традиции, да к тому же у каждой стаи свои, но как-то все между собой уживаются и сотрудничают, когда надо. А драйверы, если не лезут никуда, то проезжают спокойненько. Даже не знают, что их безопасность непонятно на чем держится. Вообще, мало кто знает, как что на Трассе устроено.

Она выразительно посмотрела на седельные сумки, в которых, тщательно уложенные, хранились спальный мешок и каремат. Пользоваться ими за время совместного пути пришлось всего один раз. Марийка знала все до одного постоялые дворы, в том числе те, которых не было на карте. Если бы Артур планировал маршрут сам, он каждую вторую ночь проводил бы под открытым небом просто потому, что понятия не имел о том, что поблизости есть мотель, трактир или дом, в котором можно снять комнату. А так, уже почти неделя в пути, и всего одна ночевка под открытым небом.

Правда, у всего есть обратная сторона, и у осведомленности Марийки тоже. Знание всех мест для ночлега было необходимостью: Марийка могла есть только специальные продукты, приготовленные в специальной печи. Ничего сложного, концентрат она возила с собой, а нужная печь была на любой кухне, но кухню хотя бы раз в сутки стоило найти. В ночь, когда пришлось остановиться в поле, Марийка осталась голодной, а с утра была злоющей, как кошка, и ядовитой, как гремучая змея. На кого злилась, непонятно, но с женщинами так бывает: когда им некого обвинить в своих бедах, они злятся гораздо больше, чем когда знают виновника.

Если бы еду получилось сохранять свежей, было бы проще.

– Есть стазисные контейнеры, в них время останавливается, – сказала Марийка, – дорогие, как я не знаю что. Можно было бы один такой с собой взять, но я не подумала.

Казалось бы, дальнейшие размышления должны привести к логичному «сама виновата», а когда виновник известен, женщины злятся меньше. Но нет, Артур знал, что если женщина «сама виновата», то она злится даже больше, чем когда злиться не на кого. Такими уж они созданы. Сводят с ума во всех смыслах. Не нужно пытаться понять, нужно просто выучить правила и молиться, чтобы они хотя бы иногда работали.

Сегодня на Трассе снова было безлюдно. Марийка с утра предупредила, что Глейс и Рена, два вампира, через чьи тийры¹ предстоит проехать, недавно начали войну. То, что об упырях на Трассе говорили как о чем-то обыденном, пока еще не стало привычным. Обычно люди боятся мертвяков, ненавидят их и, столкнувшись, стараются уничтожить. Либо убежать. Это кто как воспитан.

Бояться вампиров – здоровый инстинкт. Не-мертвые оскорбляют природу и Бога, и живые чувствуют это, даже те живые, кто и к природе, и к Богу относятся одинаково равнодушно. Мертвое должно быть мертво, потому что это естественно, не-мертвого не должно быть, потому что это противоестественно.

¹ Т и й р – территория на Трассе, принадлежащая одному правителю.

Здесь все было иначе. Упырей считали кем-то вроде феодалов, побаивались, но при том полагались на их защиту.

Странно и неправильно.

И все-таки Артур не спешил с выводами. Личное знакомство с не-мертвыми многое меняет в представлениях о правильном и неправильном, учит отличать противоестественное от сверхъестественного. А тот не-мертвый, которого Артур знал лучше других, своим существованием, пожалуй, давал право на не-жизнь и остальным. До тех пор, разумеется, пока они могли сосуществовать с людьми.

Сцепившиеся в войне вампирские стаи – дело другое. Тут о сосуществовании речи не идет. Вряд ли кого-то будут убивать специально, но, сражаясь между собой, упыри, которые почти все еще и маги, по сторонам не смотрят. Кто не спрятался – сам виноват. Из объяснений Марийки следовало, что войны между стаями – дело обычное, однако войны «холодные». Противостояния могут длиться десятки лет, и за все эти годы дело так и не дойдет до настоящей драки, разве что молодняк встретится случайно в одно время в одном месте и сцепится так, что перья полетят. А сейчас речь шла уже о настоящей войне. Поэтому с середины дня им не встретились ни одна машина и ни одна не обогнала. Марийка, перекрикивая двигатель и рев ветра, мрачно напроорочила, что владельцы заправки, где предстояло переночевать, наверняка собрали манатки и убрались подальше, пока война не закончится.

– Дверь взломаем, – откликнулся Артур.

Вломиться в чужой дом казалось ему лучшей перспективой, чем провести еще один день в компании голодной попугайцы. Вообще-то, конечно, такая зависимость от еды слегка удивляла. По наблюдениям Артура, девушки гораздо чаще стараются сделать вид, что вообще не бывают голодными, чем явно демонстрируют, насколько их злит невозможность поесть. Но в основном наблюдения Артура сводились все же к тому, что девушки все разные, а это было хорошее объяснение чему угодно.

Жизнь на заправке была ключом. На стоянке перед маленькой гостиницей гремела музыка, хаотично перемещались тени и человеческие силуэты, в черное беззвездное небо врезались лучи «люстр» с крыш тяжелых «Скадатов»², освещавшие заодно и пустоши вокруг. Кто-то, похоже, совсем не беспокоился о том, что на этих землях война. Ну или беспокойство выражалось только в том, чтоб осветить подходы к лагерю. Не слишком строгая мера безопасности. Артур даже часовых не увидел.

– Не надо нам туда, – сказала Марийка.

Полтора десятка внедорожников, длинная фура для перевозки скота и пятерка байков. Интересный набор. Станный.

Буйное веселье, дикарские пляски и далеко разносящиеся над пустошами звериные вопли – все вместе требовало объехать заправку как можно дальше, помолвившись по дороге за ее владельцев, если те не успели сбежать. Так и следовало сделать. Но Артуру очень не понравилась фура. Маловероятно, что в ней везли лошадей на скачки...

Нет, он не мог объяснить себе, что ему не нравится. Просто странно она смотрелась, длинная, нелепая, между мощными автомобилями и дорожными мотоциклами.

– Теней меньше, чем людей. – Артур остановил байк, разглядывая фуру.

– Поехали! – Марийка вцепилась ему в ремень. – Не все они отбрасывают тень. Поехали, Артур!

– Кто в фуре?

– Я не знаю...

– Не верю. – Он опустил подножку. – Ты же все о Трассе знаешь.

– Это людей в Пески везут.

² «С к а д а т» – марка внедорожника производства концерна «Оорог».

– Зачем?

Про Пески Артур уже знал. Огромная территория к востоку и северу от княжества Эсимена. Южная половина Песков почти целиком захватывала пустыню Сельему, отсюда и пошло название. Северная половина забиралась далеко в горы, отхватив изрядный кусок Дорсума, горного хребта, занимающего большую часть континента. Пески были землями вампиров. Не государством, просто местом, где обитали вампиры, только вампиры, и никто, кроме вампиров. У них не было ни законов, ни правил, ни хоть какого-то порядка... ни еды. Вот оно что! Там, где никого нет, кроме вампиров, что им жрать?

– Это неправильно, – сказал Артур.

– Это не наше дело!

Он впервые увидел ее испуганной. Марийка на Трассе как рыба в воде, знает тут все и всех, ничего не боится, но охотники за живой добычей опасны даже для нее. Этот участок Трассы на время войны не подчиняется никаким законам, а значит, для живых на нем нет никакой защиты.

Артур слез с седла, отстегнул ремни, которыми был приторочен чехол с Миротворцем.

– Садись за руль.

– Ты больной?

– Садись за руль, – повторил он, – если что, успеешь уехать. Сама говорила, что умеешь водить тяжелые байки.

– Никуда я... ты придурок! – Марийка соскочила на землю. – Ты что, – она яростно вцепилась в его рукав, тряхнула несколько раз с неожиданной силой, – их тридцать! Это большая стая! Это значит, что они очень сильные. Футуй! Ты что, не понимаешь? Да... какая разница? – Она злобно оскалилась, но голос по-прежнему не повышала; вампиры слишком хорошо слышат, об этом Марийка помнила даже сейчас. – Тридцать! Хоть бы и молодняк. Их тридцать, а ты один! Что ты, блин, хочешь сделать?! Их даже из этой штуки всех не положить! – Она сердито ткнула кулаком в чехол с «Перкунасом».

– Садись за руль, – сказал Артур, – храни тебя Господь.

И пошел к биваку.

Ну а что, спорить с ней, что ли? Время-то идет.

У всех упырей есть эта особенность: они не боятся смертных, если только не распознают в них магов. Часовые засекли Артура издалека, им и видеть не надо, они живых чувствуют, но тревоги не подняли. Чего дергаться из-за смертного? Стрелять тоже не стали: еда сама идет, зачем ее отпугивать? Когда он поравнялся с двумя мертвяками, охранявшими проход между «Скадатами», один из охранников принял его.

– Нет, не дурь, – сказал он второму так, будто Артура тут вообще не было.

– Значит, псих, – попытожил второй. – Сгодится.

Вообще-то им и обдолбанный до невменяемости наркоман сгодился бы, судя по тому, какое веселье царило на темной стоянке. Почти все, кто отбрасывал тень, были пьяны, некоторые курили «травку», кто-то уже валялся без сознания, у кого-то только начинался приход, но все выглядели абсолютно счастливыми. Стадо. Упыри их для того с собой и возят – для праздников, когда хочется заменить консервы свежатиной или опьянеть от алкоголя и наркотиков в крови.

– Кто у вас тут старший? – спросил Артур у охранников.

– Тебе зачем? – откликнулся тот, который назвал его психом. – Иди, раз пришел.

Сами пригласили. Нет, в отличие от упырей, рыцари в приглашении не нуждаются, но все равно лучше быть званным гостем. А старшего найти не сложно. В стаях всегда действует право сильного, вожак остается вожаком только до тех пор, пока не найдется кто-нибудь, кто сможет его победить, ну а того, кто сильнее всех, издалека видно. Вот и здесь, стоило присмотреться, как стало ясно, старший – вон тот длинноволосый русский дядька в кресле. Он был без куртки, одежда не закрывала ни шеи, ни рук, даже браслетов или ошейника не было. Достаточно уверен в себе, чтоб не думать о том, что это провокация для всей стаи. И

достаточно уверен в стае. Все-таки право сильного у мертвяков не волчье, а человеческое. Совокупность множества факторов, в том числе и личной привязанности остальных.

Артур направился напрямик к вожаку. Его появление в круге «Скадатов» не осталось незамеченным, упыри потянулись было поближе, но он пошел к старшему, и остальным осталось только ждать, что будет дальше. Правда, две девушки, державшиеся поблизости от вожака, преградили Артуру путь, когда он был шагах в пяти от кресла. Что ж, Артур остановился. Хоть он и смертный, хоть он и не маг, а подходить вплотную ему нельзя. Вожак, уже сытый, особого интереса к нему не проявил. Что он, психов не видел? Сейчас прикажет сунуть в фуру, к остальным, и весь разговор.

– Отпусти этих людей. – Артур кивнул на фуру.

Вот теперь вампир заинтересовался.

– С хрена ли? – спросил он весело.

– Потому что они пошли с вами не добровольно, – объяснил Артур.

Он понимал, что переговоры необходимы. Если против тебя тридцать мертвяков и дюжина людей из Стада, нельзя просто прийти и всех уничтожить. Не потому, что силы неравны, хотя, конечно, неравны, тут Марийка права, а потому, что людей убивать нельзя, а они же кинутся. Но... объяснять элементарные вещи тому, для кого они так же элементарно неверны, – это не очень похоже на переговоры. Это ерунда какая-то. К счастью, вожак не пожелал вступать в дискуссию.

– В скотовозку его суньте, – буркнул он. – И не жрать!

Артур увидел краем глаза, как вампиры, державшиеся позади, превратились в смазанные тени. Ждать не стал. Страхнул чехол с Миротворца и отступил на шаг от девонок-телохранительниц. Они, в свою очередь, отпрыгнули назад на десяток метров. Одна зашипела, оскалив клыки и зажмурившись. Вторая закрыла глаза ладонью, из-под пальцев поползли кровавые слезы. Обожгла сетчатку. Бывает.

Вожак кувыркнулся назад вместе с креслом и одним прыжком взлетел на крышу «Скадата». В руках у него появился пистолет, да толку-то, если он даже не видит, куда стрелять? Никто из них не видит.

Артур огляделся. Над опустевшей стоянкой гремела музыка. Люди из Стада, пьяные, накачанные наркотиками, не понимали, что происходит. Они вообще еще не поняли, что что-то происходит. Упыри попрятались за машинами, затаились на крыше фуры, кто-то рычал, кто-то шипел, кто-то ругался вполне по-человечески.

– Что это за дерьмо?! – рявкнул вожак. – Ты кто такой?

– Артур Северный, рыцарь ордена Храма, – ответил Артур. – Я пришел, чтобы освободить людей. С тобой останутся только те, кто сам этого захочет.

– И куда ты с ними денешься? Эта штука не будет светиться вечно.

– Будет.

– На сорок человек ее не хватит. Ты, долбак придурочный, да я их лучше убью, чем отпущу. Пара очередей вдоль борта, и внутри только мясо останется.

– Тогда я убью тебя и тех, кого успею.

Вот это уже были переговоры. То, с чего следовало начинать. Они нашли общий язык, осталось прийти к соглашению.

– Чтобы не быть голословным... – Артур за время жизни на Земле поднаторел в переговорах, теперь он умел это делать правильно. Ждать вопросов не стал, сразу указал правой рукой в сторону упыря на крыше фуры. «Копье Святого Георгия» лучом золотого света сорвалось с пальцев, испепелив руку выбранного мертвяка. Тот заорал, когда вокруг взвихрился белесый пепел. Они боятся сгореть, огонь может убить их насовсем, и парень пока не понял, что лишился только руки, что этот пепел – не последнее, что он видит.

– Заткнись! – рявкнул вожак. Его голос раскатился над стоянкой рыком, таким же страшным и мощным, как рев льва в ночной саванне.

Крики тут же смолкли.

– Еще доказательства нужны? – спросил Артур.

– Погаси этот свет, – отозвался упырь. – Если хочешь спасти их, если ты рыцарь, то соверши подвиг. – Кажется, он усмехнулся. Артур в темноте не различал его лица, так что не мог сказать наверняка. – Здесь нет рыцарей-людей, будешь первым, если выживешь. Мы будем драться, у меня когти, у тебя ножи, ты со своей... силой, чем бы она ни была, и я со своими дайнами³. Никакой магии.

– Хорошо, – сказал Артур, поднял чехол и надел на лезвие Миротворца. Сунул топор в петлю на поясе.

Вожак оказался в шаге от него сразу, как только погасло невидимое для Артура сияние. Просто спрыгнул с машины, преодолев разделяющее их расстояние. Бросил на асфальт пояс с двумя ножами, наскоро заплел волосы в косу и застегнул куртку, проклепанную сталью, тяжелую, больше похожую на доспех. На Артуре тоже были доспехи: надетая под куртку кираса из шкуры беловолка. Так что и здесь все честно.

Четверо вампиров, не церемонясь, но довольно аккуратно, утащили со стоянки утративших связь с реальностью людей из Стада.

– Я Харир, – назвался вожак. – Будем знакомы, Артур Северный. Бьемся до невозможности продолжать. Не хочу тебя убивать, лучше заберу в Пески.

– Ладно, – сказал Артур. – Я бы тебя убил, да ты уже мертвый.

В тот же миг Харир исчез, Артур успел заметить движение вправо, уклонился, хоть и не видел атаки... в этом бою нельзя полагаться на зрение, только на чутье, на движение воздуха, на редкий шорох подошв по асфальту. Удар, еще один. Потом еще два. И еще. Харир слишком быстрый, чтоб уследить за ним взглядом. Артур атаковал наугад, увернулся снова – длинные когти мелькнули у плеча, метнулась в полумраке светлая коса, и вдоль нее, с упреждением, Артур ударил другой рукой. Нож полоснул упыря по черепу, по лицу, располозовав кожу, насквозь прорезав щеку. Мертвые чувствуют боль, но старые мертвяки давно знают, что она не имеет значения, и поэтому умеют ее игнорировать. Надеяться на то, что рана ограничит подвижность Харира, не приходилось. Так же как и на то, что кровь зальет ему глаз, мешая смотреть: из ран вампиров не течет кровь, в мелких сосудах ее попросту нет, а крупные мгновенно сжимаются, чтоб не потерять и капли.

Когти разодрали плотную кожу куртки, скользнули по кирасе. Харир пока еще вел разведку, выявлял защиту, но Артур уже понял, что он атакует дважды, обеими руками, получается три серии из двух ударов. И вторую когтистую лапу, которая должна была содрать ему кожу с лица в качестве ответной любезности, он поймал, уронив один из своих ножей. Вампира не удержать в захвате, и кости не переломать, и суставы не вывихнуть, но Артур и не пытался. Он с молитвой вонзил лезвие оставшегося ножа в руку Харира и отрезал ее чуть ниже локтя. Отшвырнул подальше, чтоб не дать противнику времени прямо сейчас прирастить конечность обратно.

Харир прыгнул в сторону, сейчас он был виден. А когда приземлился, удар был такой силы, что асфальт вздыбился, пошел волнами. Артура бросило назад, на качнувшийся «Скадат», с которого, как кошки с забора, дернули в разные стороны трое мертвяков. Харир вновь топнул ногой. «Скадат» приподняло и отшвырнуло. Артур остался стоять. Он успел увидеть изумление на лице упыря, потом тот снова исчез. Серия атак сразу со всех сторон, каждая новая сильнее предыдущей. Одна рука, две ноги в тяжелых армированных ботинках. Харир двигался настолько быстро и перемещался в трех плоскостях так свободно, как будто умел летать. И все же, рассчитывая захватить Артура живым, он был обречен проиграть. Он не мог использовать смертоносные дайны, любой из которых прекратил бы поединок. А Артур... ему достаточно было увидеть когти, чтоб точно знать, где именно его противник.

Правда, одного знания недостаточно.

Лезвие ножа раз за разом резало только воздух. Харир был неуязвим, как будто сам

³ Д а й н – дар, талант. Особые умения вампиров, дары, полученные ими от феири-покровителей.

превратился в пустоту, наносившую удары. Куртка Артура висела лохмотьями, ребра трещали, очередным ударом упырь чуть не оторвал ему голову, но по-прежнему не мог достать. От его сверхъестественной силы Артура хранил Господь, от сверхъестественной скорости – искусство боя, а сверхъестественными навыками Харир не пользовался сам. И, в конце концов, когда загнутые когти вновь мелькнули перед глазами, нож нашел цель. Лезвие пробило Хариру грудную клетку. Второй рукой Артур схватил упыря за горло. Выдернул нож из его груди и в тот же миг, когда Харир ударил его обеими ногами, полоснул ножом по холодной шее, молясь о том, чтобы перерубить позвонки. Удар был страшен, но Артур не разжал пальцы, и сила упыря обернулась против хозяина: поврежденный позвоночник не выдержал. Харира отбросило в одну сторону, а Артура с его головой в руке – в другую.

Над стоянкой пронесся тихий изумленный ропот. Артур ожидал любой реакции, вплоть до того, что стая кинется на него, чтоб отомстить за вожака, несмотря на оговоренные условия поединка. Что ж, удивление – лучший из вариантов.

Он подошел к Хариру и положил голову рядом с телом.

Упыря не уничтожить обезглавливанием. Если голову не сжечь, ее можно прирастить обратно, как любую часть тела. Но, лишившись головы, вампиры впадают в мертвое оцепенение. Они все видят, слышат и понимают. Только двигаться не могут.

– Я победил, – сказал Артур. – Я забираю людей.

– Забирай, – откликнулся женский голос.

Девушки-телохранительницы вышли на перепаханное поле боя. Одна, та, что успела зажмуриться и уберегла глаза от света Миротворца, приложила голову Харира обратно к шее, пошла за валяющейся в стороне рукой. Вторая, с размазанной по щекам кровью, кивнула Артуру, мол, иди за мной, и направилась к фуре. Отперла заднюю дверь.

– Корма у нас только на два дня, – буркнула она.

Артур кивнул. На два дня – это лучше чем ничего. Он вообще не рассчитывал, что спасенным людям отдадут еще и пищу. У упырей свой прагматизм, человеку его не понять, как ни старайся. Харир мог перестрелять всех пленников, только чтобы не отдать Артуру. Но раз отдать все-таки пришлось, нет никакого смысла морить людей голодом.

Внутри были нары от пола до крыши в три ряда, в три яруса. Между ними два узких прохода, ведущие к контейнерам утилизаторов. Когда упырица распахнула дверь, внутри тихо, испуганно ахнули, кто-то заплакал, послышалось шебуршание – люди старались стать как можно незаметнее, как можно дальше забиться на нары.

Люди боятся вампиров, и бывает, что этот страх заставляет их сражаться и убивать. Но только не тогда, когда вампиры становятся хозяевами положения. Мертвяки умеют воздействовать на инстинкты, пугать так, что не остается ни воли, ни гордости. В фуре было четыре десятка человек, молодых, здоровых мужчин и женщин. Все они были способны постоять за себя, и все оказались раздавлены страхом.

Люди, лишённые человеческого достоинства...

Артур подумал, что прежние времена, когда он знал, что существованию мертвых нет никаких оправданий, были лучше нынешних. Мысль неправильная, и все-таки от нее не получилось так просто отделаться.

– Выходите, – сказал он, – вы свободны.

Сказать легко, но сколько хлопот за словами «вы свободны». Перепуганных до полусмерти людей очень сложно организовать там, где они постоянно видят тех, кого боятся. Они сначала медленно и опасливо выходили из фуры, а потом, когда снаружи их стало больше, чем внутри, все оставшиеся, запаниковав, решили выйти одновременно, едва не затоптав друг друга.

– Дай им сил, Господи! – взмолился Артур.

Но силы-то у них были, не было смелости поверить в это, а смелость ты или находишь в себе, или нет. Бог, в своей бесконечной милости, не делает за людей то, что они могут

сделать сами.

Оставалось спрашивать имена, разбивать на группы, наугад выбирать, кто сможет стать старшим. Хорошо, что они все знали друг друга, сами, инстинктивно, тянулись к тем, с кем хотели держаться вместе. Группы по пять человек. Старшим Артур отдал припасы. Самыми ценными были емкости для воды. Вампиры везли воду здесь же, на фуре, в огромной бочке, но у них нашлось три канистры, в которые из бочки набирали воду, чтоб разлить по чашкам. Артур забрал и их. И, разумеется, чашки. Подумал, что скажет Марийка, и решил, что вряд ли она будет искать себе другого попутчика. Ей неинтересно было добраться до Эниривы, ей интересно было добираться. Процесс, а не результат. А интереснее, чем с ним, ей точно ни с кем не будет.

Марийка сказала такое, что девушкам говорить не следовало бы, особенно девушкам из хорошей семьи. Но Артур давно утратил иллюзии насчет их лексикона. Это в Единой Земле представить было невозможно, чтобы женщина, если только она не совсем опустилась, говорила такие слова. А на Земле и здесь, в Ифэрэнн, все по-другому. Впрочем, Марийка осыпала Артура ругательствами, то цепляясь за него обеими руками, то молотя кулаками, куда придется, а это делало ругательства чем-то вроде шелкового шарфа на рукаве, знака расположения прекрасной дамы. Она извелась, но не уехала. Сидела с биноклем, следила за стоянкой. «Перкунас» расчехлила. Артур даже не стал спрашивать зачем, и так понятно, что Марийка пошла бы за ним, если б его не убили.

Вряд ли она смогла бы помочь в бою, даже умея стрелять из «Перкунаса», но оказалась отличной помощницей в гораздо более сложном деле установления хоть какого-то порядка среди спасенных. Девушки без оружия действуют на испуганных людей гораздо лучше парней с топорами. Стараниями Марийки группа перестала напоминать бессмысленно мыкающееся во все стороны стадо, превратилась в подобие отряда: восемь пятерок, восемь командиров, остальные даже начали к командирам прислушиваться.

– Они из Луги, – сказала Марийка, когда все получили по кружке воды, а кто хотел есть, поели, – поселок назывался Луга. Это в Глейстире. Ты езжай, а я пешком пойду, с ними разговаривать надо. Я позвоню друзьям, они приедут, машин хватит, чтоб всех увезти. Но, когда приедут, я не знаю. Так что пойдем пока.

Таким порядком в путь и двинулись. Артур на байке, как овчарка, патрулируя окрестности и присматривая, чтобы никто из людей не отстал или не слишком обогнал остальных, и Марийка, как пастух, следящая за тем, чтобы у всех все было хорошо. Настолько, насколько это возможно в таких условиях.

Привалы делали каждые три часа. Вампиры не преследовали, отпустили, значит, отпустили. Мертвяки в Ифэрэнн похожи на земных, и у тех, и у других многое держится на честности, хоть она порой и насквозь буквоедская. Это у многих бессмертных так. Не умаляя значимости подписей и печатей на бумагах, которые тщательно сохраняются веками, они ценят и договоры, заключенные на словах. Бессмертным нужна стабильность, хоть какая-то, потому что миры вокруг них меняются слишком быстро.

– Харир – один из постоянных поставщиков людей в Пески, – сказала Марийка на одном из привалов, – я о нем слышала, он по Трассе регулярно ходит. В этот раз ему повезло, война началась, а он под шумок на Лугу напал. Никто и не заметил, а потом уж поздно было бы, да и подумали бы не на Харира. Война же. На Рену думали бы.

– Рискованно.

– Риск того стоит. Вместо того чтобы в княжествах хватать по два-три человека, содержать их, пока не наберется достаточно, чтоб можно было ехать в Пески, он в одном поселке на Трассе взял сразу сорок. Один рейд, почти никаких расходов, а заплатили бы за них очень хорошо. Он самых здоровых выбрал, посмотри. Да к тому же, если Глейс узнает, что Харир украл людей в его тийре, он просто убьет. А если б Харира в княжествах прихватили, его бы в кровососку отправили.

– Что это?

– Лаборатории, где из вампиров выкачивают кровь. Кормят и сцеживают. И так – целую вечность, они же не умирают. Кровь вампиров очень дорого стоит, – объяснила Марийка в ответ на вопросительный взгляд. – Лекарство почти от всех болезней, даже от старости.

– Почему ж их всех не переловят?

– Потому что не угадаешь, кто за кого, если что, заступится. Они повсюду, – Марийка изобразила руками крайне замысловатую фигуру, то ли спрута, то ли паутину, – у них настоящая власть, а у людей только видимость, если княжеских наместников не считать. Но вампиры как бы... прячутся в темноте. Таятся. Вот и ловят тех, про кого точно известно, что заступится некому. Да еще фиг поймашь, – добавила она, вставая. – Если б ты ребят Харира светом не распугал, они бы мигом тебя к остальным закинули. Ехал бы сейчас в Пески.

– Угу. – Артур кивнул.

Марийка видела свет Миротворца. Ничего себе новость! А ведь с виду человек как человек, теплая, и сердце бьется. Впрочем, для мертвяков притворяться живыми – обычное дело. Направляют кровь по жилам, разгоняют сердце, и все, не отличить их. Зачем только это Марийке, непонятно. Если ей нужен попутчик на Трассе, с которым можно безопасно добраться до Эниривы, то почему было не присоединиться к кому-нибудь из вампиров? Не пришлось бы притворяться, расходовать лишнюю кровь, прятаться, чтобы поесть. Да вообще проще было бы. Со своими всегда проще.

Вопросы лучше отложить. Задать их надо будет обязательно, но не раньше, чем люди окажутся в безопасном месте. Марийка хорошо о них заботится, а выяснение мотивов сильно испортит ей настроение, осложнит отношения, что обязательно скажется на людях. Так что все вопросы потом.

Артур сложил карематы, застегнул седельные сумки. Марийка тем временем обошла подопечных. Она улыбалась, над кем-то подшучивала, кого-то подбадривала. Теперь понятно, почему у нее так хорошо получается успокаивать людей, приводить их в чувство. Те же самые чары, которыми упыри Харира запугивали пленников до животного состояния. Ночевать сегодня и завтра придется в поле, а она и так уже один раз не поела. Сколько вампир может просуществовать без пищи, оставаясь в здравом уме? Двое или трое суток. Но характер начнет портиться после первой же ночи без крови. Особенно если вокруг сорок человек, а есть их нельзя, потому что сам притворяешься человеком.

Привыкший к постам, Артур не понимал, как тяжело голодному отказываться от пищи, видя ее в изобилии, но знал, что такой соблазн существует. Пост в первую очередь ограничивает в еде, потому что дисциплинирует дух, а не поддаться другим искушениям гораздо проще. Ладно, время покажет, как поступить. Если с голодной Марийкой станет по-настоящему трудно ужиться, надо будет сказать ей, что маскировка не удалась. Тогда она поест, успокоится, ну а там уж как пойдет.

Хотя, конечно, Артур Северный в компании с упырицей... Альберт, когда узнает, лопнет со смеху. Хм... значит, не надо ему рассказывать. Нельзя же доводить родного брата до смерти.

Глава 2

*Sol lucet omnibus*⁴.

Земус был в ярости. В бешенстве. Он уже почти держал сокровище в руках, уже получил его... почти получил. Оставалась формальность, и тут все рухнуло. А ведь подумать только, у него могла быть душа! Целая душа! Земус, конечно, отдал бы ее господину, но

⁴ Солнце светит для всех (лат.).

наградой стали бы могущество и власть. Души – редкость даже для сулэмов, а он мог бы...

Не получилось.

Земус бесился из-за того, что душу увели у него прямо из рук. Ведь он уже получил согласие, оставалось лишь заверить договор, когда его отчаявшаяся добыча обрела надежду. Это было... Земус не мог сказать, что это нечестно или несправедливо, его пожирало бешенство, он злился так, что терял разум, но что такое «нечестно» и «несправедливо», он не знал, поэтому не мог даже объяснить себе своей злости. От необъяснимости становилось еще хуже.

Бесчисленное множество других душ, добыть которые не удалось, он выкидывал из мыслей сразу. Ушли и ушли. Даже сулэмы редко добывают такое сокровище, у господина Земуса никогда не было ни одной души, а у самого Земуса в собственности ее никогда и не будет. Но он мог бы добыть эту, отдать господину, сделать господина богатым, а сам стать сильнее. И, кто знает, может, если бы получилось, потом добыть еще одну душу, господин сделал бы его достаточно сильным, чтобы следующую душу Земус мог забрать себе. Это, конечно, невозможно, ему не под силу добыть целых три души, и еще три дня назад Земус об этом знал. Но сейчас ему казалось, что он сумел бы. Он нашел верный способ. Никто, кроме него, не додумался, а он решил попробовать и не прогадал.

Другим демонам в мысли не закрадется связаться с вампирами: очень трудно преодолеть брезгливость и оставаться рядом с этими тварями. Земус тоже думал, что не сможет. Вампиры похожи на людей, у них даже души есть, и притом вампиры – худшее извращение человеческой природы, какое только можно вообразить. А демоны все знают об извращениях и на недостаток воображения не жалуются. От такого противоречия на вампиров противно даже смотреть. Первое, о чем думаешь, глядя на них, – это о мерзости, скрытой под человеческой плотью. Но Земус слышал, что есть демоны, подчиняющие себе вампиров из тварного мира, и слышал, что мертвые рабы приносят им немало пользы, некоторые даже продают свои души. А ведь в тварном мире вампиры ничем не отличаются от здешних, и если у демонов хватает терпения и воли на то, чтобы иметь с ними дело там, то можно попробовать и здесь. Просто быть рядом с ними, не давая о себе знать, не вступая в контакт. Это гораздо легче, чем заключать с ними договор и давать им силу.

Земусу нужны были души. Он слышал слова «я душу отдам», сказанные в шутку или всерьез, устремлялся на них, наперегонки с другими ловцами, искал отчаявшихся, предлагал помощь, сулил чудеса, обещал спасение. Все ловцы делают это, все ищут тех, кто думает, будто терять уже нечего. Только настоящее отчаяние – очень большая редкость. Бог, создавая людей, дал им надежду, вот они и не научились отчаиваться. Даже те, чьи дети умирают от неизлечимых болезней, верят в то, что найдут деньги на лекарство из вампирской крови, или в чудо, или просто боятся демонов – все люди боятся демонов – и не поступаются душой. Ни за что. Даже за чудеса.

Надеются.

Тем, кто оказался в Песках, надеяться не на что, судьба их ужасна, и спасения нет даже в смерти. В Песках любая из Жертв отдала бы душу только за то, чтоб умереть, за то, чтоб все закончилось. Но демону в Пески не попасть. Сулэмы могли бы, наверное, но сулэмы ловлей душ не занимаются. И Земус решил попытать счастья с теми, кто обречен попасть в Пески, с теми, кого только везут туда. Открывать этим людям глаза на их участь, объяснять, что их ждет, и предлагать спасение. Стая Харира возила людей в Пески каждые полгода, Земус следовал за ними, смотрел на пленников, ждал заветных слов. Он искал настоящее отчаяние, год за годом, десятилетиями и знал, каким оно будет, когда наконец найдется. Пленники Харира тоже надеялись: увы, они не понимали, что надежды нет. И все же держась рядом со стаей, особенно когда она приближалась к Пескам, Земус находил в людях то, что больше всего походило на отчаяние. Больше, чем самая безнадежная скорбь в хосписах. Люди так устроены, что даже смерть для них – надежда. Но если лишить их и смерти, вот тогда... просто дождись заветных слов, и можешь быть уверен, они не окажутся преувеличением.

Земус дождался этих слов, когда Харир напал на Лугу. Из трехсот жителей стая выбрала четыре десятка самых здоровых, а среди них молодую пару. Счастливую пару. Эти двое ждали ребенка, ему уже придумали имя, бабушки уже покупали ему игрушки, и детская была полностью обставлена. Обои в штурвалах и корабliках, кроватка-качалка, мягкие игрушки и пушистые ковры. И в один миг все изменилось: бабушки убиты, дом разорен, а счастливая пара заперта в фуре для перевозки скота, и ребенок родится в Песках. Вампиры обожают новорожденных!

– Я душу бы продал, чтоб спасти вас, – сказал муж, когда стало ясно, что сбежать не получится.

И Земус понял: это по-настоящему.

Он освободил бы их. Всех троих. Да что там, он бы им и бабушек вернул. И дом восстановил. А если б парень додумался пожелать свободы не только для жены и для себя, Земус в обмен на душу мог бы спасти всех. Сделка делает демона всемогущим на время выполнения контракта.

Но до пожелания не дошло. Последняя формулировка, которая отдала бы Земусу душу, так и не прозвучала. Не успели. В Ифэрэнн явился святой, и почему-то, по какому-то нелепому своему промыслу, он решил спасать людей не из Нижних Земель, как делали все остальные святые, а вот этих, с поверхности, обычных людей, не заслуживших ни Небес, ни Преисподней. Не представляющих для святых никакого интереса.

Как же это бесило! Как это невероятно, невыносимо, страшно бесило! Земус жрал сам себя от ненависти, блевал и жрал снова. И далеко не сразу он понял, что бесится потому, что думает об упущенных возможностях, что нужно перестать о них думать, иначе он так и закончится, уничтожит себя собственной злобой, на радость еще более мелким демонам, которые с удовольствием доедят то, что останется.

Земус перестал думать о том, что могло бы быть, и стал думать о том, что он может сделать. Вернуть добычу не получится: прежде чем он сможет начать действовать, люди уйдут с земель Рены, а могут и вообще свернуть с Трассы. Но можно отомстить. Это вернет спокойствие, и хищная мелочь перестанет виться вокруг, ожидая, когда можно будет поживиться его останками. Итак, месть. Для этого нужно кое-что поменять в Харире и в его стае... Хорошо, что сейчас война, вампиры убивают друг друга, и изменения можно не создавать самому, а просто взять готовое состояние духа и разделить на всех. Если достанется еще какому-нибудь мертвяку, что ж, тем для него лучше. Звериные инстинкты и полная свобода – все мечтают почувствовать это, и вампиры, и люди. Не зря вампиры получают именно из людей.

О том, чтоб свернуть с Трассы, Артур с Марийкой подумывали, но, определив расстояние и прикинув, насколько удобна дорога, решили, что до границы Ренатира, до поселка в Пайсартире, на соседней территории, доберутся быстрее, даже если друзья Марийки и не успеют их подобрать. В княжествах безопаснее, чем на Трассе, но это верно только для населенных областей, а в Ахтеке, вдоль границ которого они до сих пор двигались, населены были только горы и оазисы.

Так что продолжили поход по Трассе, а уже к вечеру их встретил автобус, здоровенный, разноцветный, с яркими надписями «Перевозки «Беруанг» по обоим бортам. Из автобуса высыпали пятеро: трое парней и две девушки, – с виду ровесники Марийки и, кажется, люди.

– Ну ты даешь! – веселились они, перебивая друг друга. – Автобус на Трассу! Целый автобус! Нам и водителя не дали: дураков нет сюда ехать. Даже за двойную оплату.

– Это Матиус, – одна из девушек, рыжая пышечка, помахала выглянувшему из кабины молодому человеку, повернулась к Марийке, – друг моего брата.

– Ага. И двойную оплату – ему, а не ссыкунам из «Беруанга», – поддержал девушку брюнет с дикой прической. – Кстати, Маки, деньги там хотели вперед, так что мы скидывались и еще у Пэт заняли.

– Я отдам, – пообещала Марийка, – знаешь же.

– Ты Пэт отдай, мы-то подождем.

Разговоры о самом важном и насущном, то есть беспорядочные выкрики и веселье, постепенно иссякли, все больше любопытных взглядов обращалось к Артуру. Столпившиеся на обочине люди не вызывали такого интереса. Скорее всего, потому, что в Ифэрэнн, как и на Земле, считалось дурным тоном демонстрировать любопытство в отношении тех, кто попал в беду.

– Это Артур, – сказала Марийка. – Да, это он. Знакомьтесь. Артур, это мои однокашники.

И пошла рассаживать людей в автобус.

Они все здоровались за руку, и парни, и девушки. Артур на Земле к этому так и не привык. Девушки, протягивающие руку, как мужчины. Нежная кожа, тонкие косточки, мягкие ладони – какое тут может быть рукопожатие? Поддержать в пальцах осторожно и отпустить. А еще на Земле так и не смог привыкнуть к мягким ладоням мужчин. Не держат они в руках оружия, не пахнут землей, не знают ремесел... Им и не надо. Но, пожимая им руки, чувствуешь себя странно.

Рыжую звали Кирой, вторую девушку, очень светлую блондинку, Царулой. Брюнет со стоящими дыбом волосами назвался Хади, парень, держащийся рядом с Кирой, представился Ирченом, а третий – Даниилом. Имена разных культур и национальностей, разные фенотипы, а компания одна. Особенности Ифэрэнн? Или университета, в котором училась Марийка?

Артур не знал, что именно она рассказала друзьям, но о том, что он дрался с вампиром и победил, рассказала точно. Потому что именно об этом его и начали расспрашивать, как только сочли, что достаточно знакомы, чтоб, не чинясь, задавать вопросы. Сама по себе история захвата упырями живых была интересна молодежи ровно настолько, насколько им пришлось посуетиться, отыскивая транспорт и деньги на аренду. Живущие на Трассе воспринимались обитателями княжеств как потенциальные жертвы вампиров и фейри, и не было ничего удивительного в том, что один из охотников за людьми совершил набег на Лугу. Кто не хочет оказаться в Песках, тот живет в княжествах. Хотя в жизни на Трассе есть свои преимущества: законы там проще, налоги ниже, и для предприимчивых натур есть много способов заработка, которые в княжествах не приветствовались.

В автобус они вошли уже после того, как все спасенные были рассажены. Для «Найзагая» нашлось место на корме, в отсеке, отведенном под велосипеды. О воде и еде никто не подумал, Артур попенял себе, что и он тоже не вспомнил о том, что надо бы пополнить припасы. Впрочем, чтобы людям попить, перекусить и прийти в себя, хватило и того, что отдали вампиры. А мягкие кресла, кондиционер и, главное, стремительно полетевшая под колеса Трасса – все это вместе действовало как отличное успокаивающее. Молитва была бы еще лучшим средством, но молиться здесь не умели.

Минут через пятнадцать после того, как автобус тронулся, к Марийке подошел один из старших, господин Себеста, высокий, темноволосый, лет сорока на вид. Хорошо одетый, хоть, конечно, после пребывания в фуре и двенадцатичасового перехода по Трассе одежду было только выбрасывать. Артур уже знал, что в Луге Себеста был мэром. После освобождения он сориентировался быстрее многих, присматривал за своей группой и за соседями. Но на контакт по собственной инициативе пошел в первый раз. До этого Марийка вытягивала Себесту на разговор так же, как остальных. Первым ни с ней, ни с Артуром не заговаривал никто.

Сейчас мэр посмотрел на нахохлившуюся, уставившуюся в окно Марийку и сказал:

– Счет за аренду автобуса и помощь господина Матиуса я оплачу сам, если вы не против.

– А? – Марийка перевела на него мрачный взгляд.

– Я оплачу счета, – повторил Себеста. – Спасать людей, ввязываясь в опасности, это в духе студентов, но деньги – это уже по нашей части.

– Да у нас есть... – начала Марийка, однако Хади с энтузиазмом перебил ее.

– Отличная мысль! Спасибо!

Себеста улыбнулся и вернулся на свое место.

– Будто мы сами не могли бы, – пробурчала Марийка.

– Она не поела, – сказал Хади Артуру. – Это хуже, чем ихнее ПМС. Хорошо хоть, что реже.

Артур молча кивнул. Хади не знал, и никто из друзей Марийки, похоже, не знал. Ну значит, пусть так и будет. Они уже через пару часов приедут в мотель, где Марийка сможет поесть, а остальные связаться с родственниками и знакомыми и вообще начать как-то устраивать свои дела. Да уж, можно только посочувствовать и Себесте, и остальным. Себесте в меньшей степени, он из тех, кто почти в любой ситуации выкрутится, еще и не без пользы для себя. А другие... народ на Трассе живет, конечно, крепкий духом и готовый к неприятностям, но в одночасье потерять все: крышу над головой, друзей, семью, детей и родителей – это удар, от которого трудно оправиться. Жизнь нужно начинать сначала.

Сейчас об этом еще мало кто задумывается, любой расклад лучше, чем Пески и вечность в Песках. Но задумаются уже скоро.

Мотель назывался «Чата», он оказался невелик и к тому же полон постояльцев. Большинство тех, кому нужно было ехать через Ренатир, остановились здесь, пережидая, пока война закончится. Комнат на без малого пятьдесят человек не нашлось, расселились, как шли, пятерками. Важна была даже не крыша над головой, и не вода и еда вдоволь, а возможность сделать остановку. На некоторое время перестать двигаться и посмотреть вокруг.

Хотя Марийка не согласилась бы с мнением насчет еды. Она умчалась на кухню, едва автобус остановился. Не открой Матиус двери вовремя, выбежала бы сквозь дверь. Остальные понимающе переглянулись. Подшучивать над Марийкой они себе по пути не позволяли, однако к ее диете относились хоть и с сочувствием, но не без юмора. В больном желудке ничего смешного нет, но неспособность хоть сколько-то поголодать казалась им забавной.

Кира, сама любившая покусать, Марийке слегка завидовала. Она очень быстро набирала вес, который считала лишним, изводила себя диетами, злилась по этому поводу лишь немногим меньше, чем Марийка от голода, но, в отличие от Марийки, старательно злость скрывала. Сложно у женщин разум устроен. Не позавидуешь.

А ночь обещала быть суматошной.

Телефонные звонки, беготня, мгновенно разошедшиеся по мотелю слухи о том, что вампиры напали на Лугу. О том, что Луга – поселок на Трассе, быстро забылось, и нападение превратилось в из ряда вон выходящее событие. Оно таким и было, обитатели Трассы в отличие от жителей княжеств, понимали, что хозяева территорий обеспечивают их безопасность немногим хуже князей, и если б не война, Харир не рискнул бы напасть. Но в княжествах о Трассе сложилось свое представление.

Земусу стоило большого труда добиться того, чтоб Урмирта услышала его. Он слишком низко, она слишком высоко. Не так высоко, как сулэмы, тех Земус не дозволялся бы никогда, но все же достаточно высоко, чтобы не сразу заинтересоваться его обещаниями. И достаточно высоко, чтобы справиться с Хариром и всей его стаей, заставить их делать то, что нужно Земусу.

– Итак, – уточнила Урмирта, – я направляю вампиров, а ты взамен отдаешь мне себя.

– Во временное пользование, – быстро напомнил Земус.

Он действовал через голову господина, и ему это не нравилось. Господину тоже не понравится. Обратиться к нему за помощью было бы проще, господин ближе к демонам ранга Урмирты, он попросил бы ее откликнуться, и она бы услышала. Но Земус не хотел, чтоб господин знал о том, как он упустил душу.

– Я тебе помогу, – сказала Урмирта.

Стоянка перед «Чатой» была забита автомобилями. Автобус, стоящий на краю, смотрелся как кит в стае дельфинов. Артур забрался на плоскую крышу над кабиной покурить, подумать, на небо посмотреть. Здесь его было не видно, а ему было не видно ничего, кроме неба. Нет, от людей Артур не устал, но ему задавали слишком много вопросов, и слишком много благодарили, а это было лишним: и вопросы, и благодарности.

Артур лежал на крыше, смотрел вверх, курил и думал. Небо в Ифэрэнн, белое, некрасивое, с темнотой обретало цвет и, чем ближе надвигалась ночь, тем насыщенней становились небесные краски. Голубое к вечеру, синее к началу ночи, к полуночи небо становилось бездонным темно-фиолетовым куполом, прекрасным даже без звезд. А потом, к утру, оттенки менялись в обратном порядке. Ради такого неба можно пренебречь ночевкой под крышей. Артур и пренебрег. Какая уж тут ночевка, если не спит никто, все мечутся и непрерывно о чем-нибудь говорят? В основном о Харире и о том, какое это чудо, что все спаслись. Может, и чудо. Артур любовался меняющим цвет небом и думал о том, где же обман? Что не настоящее? Белая плоская крышка, обитая изнутри ватой, в которую небо Ифэрэнн превращается днем? Или эта прозрачная ультрамариновая глубина, которая скоро станет ярко-синей, потом голубой, разнообразная и красивая, как земное небо? Где обман? Неужели это то самое место, которое он искал? Мир, которому нужен рыцарь-защитник, а не карающий меч? Бога не знают не только здесь, спасать людей доводилось не только здесь, драться один на один с чудовищами тоже приходилось не только в Ифэрэнн. Но нигде больше не было такого странного неба. И нигде небо не было так далеко.

Цель не в том, чтобы сделать небо ближе.

– Я должен сделать людей ближе к Тебе? – Артур произнес это вслух, потому что в вопросе был ответ, и ответ был решением. – Я сделаю.

Его молитву прервали крики со стороны дома. Захлопали двери. Зазвенело разбитое стекло. Погас свет во всех окнах, и с секундным запозданием потухли прожектора, освещавшие стоянку. Ни луны, ни звезд. На землю пала крошечная тьма. В этой тьме кричали люди. И кто-то стрелял. Пороховое оружие... звуки выстрелов сливались в один непрерывный, так что Артур не мог разобрать, из чего ведут огонь, не мог понять, сколько стволов. Не меньше десятка точно. Бесшумные белые сполохи. Два... нет, три. Проклятье, пульсаторов и одного-то много! Неужели война выплеснулась за пределы владений Рены и Глейса?

Артур выстрелил из «Перкунаса» по вспышкам дульного огня, больше не видно было ничего: ни теней, ни силуэтов. Один раз попал, превратил кого-то в столб мечущегося пламени, тот осветил стоянку, но среди тесно стоящих автомобилей все равно ничего было толком не разглядеть. И непонятно, почему не стреляют из дома. «Чата» была построена как форт. Это особенности архитектуры Трассы: закрой ставни, преврати окна в бойницы, запри дверь, и ты в безопасности. На какое-то время. Но с той стороны слышны были только голоса, кто-то кричал от страха, кто-то пытался отдавать команды, и ни одного выстрела. Окружающие здание вампиры, Артур был уверен, что это вампиры, вели не настолько плотный огонь, чтоб помешать отстреливаться, даже при открытых окнах. Так в чем же дело?

Спустя несколько секунд автобус изрешетили пули. Все условия для перестрелки, чтоб им провалиться! Он не видит ничего, кроме выстрелов. Его... снизу тоже не видно, но эти сволочи, они ж прыгают, как черти.

И точно. Следующие две очереди пришли сверху, разворотили крышу. Артур спрыгнул вниз, нырнул под колеса. Вовремя. В автобусе и над ним начали рваться гранаты.

Пока он опережал вампиров на полшага... следующую гранату кинут между колес.

Артур кувыркнулся, метнулся к ближайшей машине, едва успел укрыться за ней, как грохнуло, полыхнуло, – тяжеленный автобус приподняло взрывом. Машину, спасшую от осколков, прошили автоматные очереди, но Артур уже несся по стоянке к мотелю. Что бы

там ни происходило, если люди все еще кричат, значит, они все еще живы.

Миротворец мог бы спасти. Его яркий свет ослепил бы нежить, не позволил стрелять. Но Миротворец приторочен к седлу байка, а байк стоит за автобусом, и добраться до него сейчас, представляя собой отличную мишень, невозможно. А Артур ведь и «Перкунас» бы с собой не таскал, если б не привычка не оставлять оружие там, где до него могут добраться. Миротворец никто не возьмет, а пульсатор-то запросто.

Он смог добежать до мотеля раньше вампиров только потому, что они отвлеклись на него. Узнали и почему-то сосредоточили на нем все атаки. Очередное чудо? Трудно предполагать, что Харир привел свою стаю только по его душу. Терять ему уже нечего, а тут такая добыча: беззащитные люди в беззащитном доме. Даже дверь не закрыта. Да что же здесь происходит?!

Артур влетел в распахнутую дверь, захлопнул ее за спиной и быстро запер на все засовы.

– Окна! – крикнул он в темноту. – Ставни! Опустите ставни!

– Где окна? – заорал в ответ чей-то плачущий голос. – Двери где?! Спасите!

Это было страшнее выстрелов и гранат. Потому что было необъяснимо.

– Ничего не вижу! Тут кругом стены! Где дверь?!

Артур тряхнул головой, прогоняя подступившую жуть. Он снова был отличной мишенью, стреляй кто хочешь, не промахнешься. Боевой коридор – кирпичная стенка, отделяющая входную дверь от холла, – осталась позади, и никаких укрытий, кроме стойки, не было. Стойка, правда, прочная, рассчитанная как раз на перестрелку. Времени не было, подумать можно и потом, а сейчас Артур вслепую метнулся через холл, перемахнул через стойку, щелкнул зажигалкой. Зажмурился на мгновение: глаза, привыкшие к темноте, резануло даже этим неярким желтым светом. Вот... пульт управления ставнями. Все тумблеры в положение «вниз»!

Вовремя, слава тебе господи, как же вовремя! Когда ставни опустились, в окна уже швырнули гранаты, но внутрь попала только одна. Грохнуло. Артур упал. Армированный пластик стойки принял на себя взрывную волну, свистом осколков взрезало воздух. По ставням оглушающе забарабанили пули, но... пока можно выдохнуть. Выдохнуть и попытаться понять, что происходит. Он нашел, где включается аварийное освещение. В холле неярко засветилось несколько синих длинных ламп, но оба коридора, в которые выходили двери номеров, остались темными.

Голос был слышен справа, не так уж далеко от арки, ведущей в холл. Что значит «тут кругом стены»? Кто-то не может выйти? Оказался заперт в номере? Но тогда голос звучал бы глухо, а Артур слышал его ясно и отчетливо.

– Вы там? – окликнул он.

Тишина в ответ. Ни стоны даже. Неужели погиб? Но от взрыва гранаты никто не умирает сразу, мгновенно. Гранаты – немилосердное оружие.

– Я где-то, – услышал Артур. – Где я? Спасите! Выпустите меня отсюда!

Недоумеая, Артур пошел на голос и через пару шагов увидел того, кто с ним говорил. Один из постояльцев, коммивояжер, дожидавшийся, пока можно будет проехать через Ренатир. Немолодой мужчина по имени Фидель Рамирес, больше похожий на ковбоя из любимых Альбертом вестернов, чем на продавца бытовой химии. По первому взгляду он показался Артуру человеком не слишком серьезным, но определенно смелым: в одиночку ездить по Трассе, полагаясь только на свой автомобиль и пистолет, – это требует характера. Сейчас, однако, поведение Рамиреса было необъяснимым. Вытянув перед собой руки, он мерил шагами пространство вдоль стен коридора, замирал у выхода в холл, словно наткнувшись на что-то, разворачивался и шел в другую сторону. Как будто был заперт...

Здесь кругом стены?

– Что с ним? – спросил Артур, глянув в низкий потолок. – Помоги мне...

Он мог развеять наваждение, будь оно наведено на него. Но этот человек, как и все здесь, не верил в Господа, верил лишь в демонов-князей, почитал их как богов и не принял

бы помощь своего Создателя просто потому, что не поверил бы в нее.

– Ты меня слышишь? – Артур подошел к Рамиресу так близко, что, сделав разворот, тот неминуемо наткнулся бы на него.

– Слышу... выпусти меня отсюда! Открой дверь! Тут должна быть дверь! – Рамирес прошел по коридору на несколько шагов дальше, чем раньше. Как будто стена, видимая только ему, отодвинулась. А он соответственно ушел от Артура.

– Ну хватит! – чувствуя, что ему снова становится жутко, Артур протянул руку, схватил бедолагу за локоть и дернул к себе. Хуже точно не будет.

Хуже не стало. Рамирес ударился об него. Вытаращил глаза и... убрал в кобуру пистолет. Шут знает когда успел его выхватить. Артур и исчезновение-то оружия едва сумел заметить. Шустрые здесь коммивояжеры, страшно представить, каковы сборщики налогов.

– Ты? – Рамирес огляделся. – Коридор? Что это было?

– Да хрен знает. С остальными то же самое? – Артур слышал крики о помощи, вспоминал план мотеля и пытался сообразить, кого в каком порядке спасать. Только не знал от чего.

Мгновение Рамирес молчал, потом вспыхнул фонарик.

– Я посвечу. Я никого не видел с момента, как... началось. – Что началось, Рамирес не знал, момент для себя определял по появлению вокруг стен, которых не должно было быть. – Что снаружи?

Снаружи в двери начали размеренно бить чем-то тяжелым. Поджигать дом вампиры не станут, они боятся огня, но рано или поздно избавятся от вкопанных в землю перед дверью бетонных блоков и тогда вышибут дверь автомобилем. Или одним из блоков. Вполне возможно, как раз им сейчас и долбят. Силы-то у них немерено. Терпения не всегда хватает, на это вся надежда.

– Они с ума сошли? – Рамирес пошел по коридору вслед за Артуром, светя фонариком под ноги. Главное он понял: нужно держаться поближе, тогда чары не действуют. – Сюда в любой момент прилетит стая Пайсара.

Хозяин этого тийра. Его бойцы должны защищать людей на своей территории, а боевых стай у Пайсара не одна и не две, хватит на всех тридцать мертвяков Харира. Если только Пайсар узнает, что здесь происходит.

– Кто-нибудь вызывал подмогу?

Артур открыл дверь одного из номеров. Отсюда тоже звали на помощь. Кричала женщина. Она не увидела света фонарика, слепо водила перед собой рукой, делала пару шагов вперед и отступала, наткнувшись на какое-то препятствие. Знакомое зрелище. Рамиреса передернуло. Другой рукой женщина держалась за ремень мужчины с помповым ружьем, чтобы не отходить слишком далеко и чтобы всегда знать, куда вернуться. Всего в двух шагах от них парень-подросток и девчонка, года на три помладше, метались каждый в своем тесном пространстве, почти сталкиваясь и все же не видя друг друга.

– Нагаревы, – еле слышно прошептал Рамирес. – Алла и Илья... Как детей звать, не помню.

Артур понял, что помповик будет разряжен в него, как только его увидят. Слишком им страшно.

– Рамирес, на пол.

– Понял.

Несколько шагов вперед. Дождаться, пока женщина, в очередной раз наткнувшись на стену, отступит обратно к мужу... Сейчас!

– На пол!

Артур прыгнул, локтем прижал к себе ствол ружья, другой рукой, ребром ладони, наискосок, ударил мужчину в бицепс. Длинное оружие – готовый рычаг: помповик легко вывернулся из потерявших подвижность пальцев.

Женщина вскрикнула. Мужчина без лишних слов засветил Артуру в челюсть. Не попал, но... до чего ж они резкие тут все. Подоспел Рамирес с фонариком: два шага,

разделившие его и Артура во время прыжка, оказались недостаточным расстоянием, чтобы коммивояжер снова подпал под морок. Пока эти трое узнавали друг друга и объяснялись, Артур вытащил обоих детей.

– Я спросил, – заговорил он, прерывая поток воодушевленных «хвала Луне!», – кто-нибудь вызвал помощь?

Выяснилось, что ни Рамиресу, ни Нагаревым это в голову не пришло. Вполне объяснимо. Оказавшись запертым в неизвестно откуда взявшихся четырех стенах, почти любой начнет метаться в поисках выхода, а не звонить в службу спасения. При пересечении границ на Трассе телефон стай быстрого реагирования каждой новой территории автоматически становится первым в списке контактов, но... это ведь еще вспомнить надо. Артур вот не вспомнил. Свой телефон он отключил, еще когда ушел с Земли, но пульт коммуникатора на стойке смотрел прямо на него, и номер дежурного на пульте высветился сразу, как только были опущены ставни. Нажми кнопку и сообщи о проблеме. Так ведь нет.

– Возвращаемся в холл, – скомандовал он, – помощь запросим оттуда, и места там больше. Потом вы останетесь, а я пойду за остальными.

Оборону, если что, тоже лучше держать в холле. В мотель иначе как через дверь не попасть. Если морок вернется, то на оборону можно не рассчитывать, но пока что он не возвращается.

Они успели выйти из коридора как раз вовремя, чтобы увидеть, как к дверям, отталкивая друг друга, бегут сразу двое. Две женщины, перепуганные до полусмерти. Они увидели дверь, увидели выход и думали только о том, чтоб вырваться на свободу. Вампиры снаружи притихли. Ждали.

– Стоять! – рявкнул Артур.

На мужчинах такой тон работает лучше. Но женщины все-таки остановились. И изумленно вытаращились на всю компанию.

– Алла? – неуверенно спросила одна.

– Мелисса! Ольга! – Нагарева обогнула Артура, бросилась к женщинам: – Слава Луне! Как вы? Целы?

Что ж, к дверям они прорваться больше не пытались, ранены не были, значит, все в порядке. Артур вернулся к стойке, вышел на связь с дежурным Пайсара, доложил обстановку. Услышав о том, что мотель атакует стая Харира, дежурный утратил дар речи. О Харире в Пайсартуре уже были наслышаны: с вечера только о нем все разговоры, все письма, все звонки и по Трассе, и в княжества. Новости здесь быстро расходятся. Но поверить в то, что вампир, которому сейчас нужно было сломя голову нестись в Пески в поисках хоть какой-то защиты от Глейса, вместо этого снова напал на людей, оказалось слишком сложно.

– Стаи выезжают, – сообщил наконец дежурный. – Командиры Чероки и Ласка. Но ты что-то путаешь, парень. Это не может быть Харир, это вас духи накрыли.

– С автоматами, – буркнул Артур. – Не вопрос. Они всегда так делают.

Он дал отбой, все равно дальнейший разговор не имел смысла. Дежурный сейчас обдумает все еще раз, придет к выводу, что фейри и огнестрельное оружие несовместимы, и свяжется с Чероки и Лаской и уточнит, что на мотель напали все-таки вампиры. Больше от него ничего и не требуется. Артуру стало интересно, а как мертвяки поступают в случае нападения фейри? Те ведь огнестрельным оружием не пользуются не потому, что не могут, а потому, что считают его малоэффективным, и небезосновательно считают. Им и «Перкунас» не оружие, а так, трубочка для жеваной бумаги. Так что вампиры могут с ними сделать?

Самое время задуматься о том, что он вообще знает о вампирах? О фейри – до хрена, больше, чем самому хотелось бы, и в основном практика, а не теория. А мертвяки? С ними повоевать почти не пришлось, в Единой Земле тоже преобладали фейри, а на Земле вампиры с людьми сосуществовали довольно мирно. Да и Артур, оказавшись на Земле, изменил к ним отношение. А здесь в итоге столкнулся с врагом, о котором, как выяснилось, почти ничего не известно.

– Останетесь здесь, – сказал он Рамиресу, который подошел узнать, что делать дальше. – Я пойду собирать остальных.

– А если опять начнется?

Артур покачал головой:

– Не начнется.

Как будто в опровержение его слов, дверь снова содрогнулась под мощными ударами. Мелисса вздрогнула, попятилась к стойке. Ольга и Алла многозначительно на нее посмотрели, мол, вот, а ты хотела эту дверь открыть. Алла-то ладно, но Ольга и сама бежала к той же двери. С той же целью. Вот кто их поймет, этих женщин?

Артур закрыл глаза, выкинул из головы женщин, недоумение, удары в дверь, вопросы насчет вампиров... ничего не важно, ничего не имеет значения, потому что единственное настоящее – это то, что происходит сейчас.

Он попросил помощи и услышал ответ.

В тусклом свете аварийных ламп сияние было ясным, такого насыщенного золотого цвета, что казалось теплым, как...

Как что?

Ни у кого из собравшихся в холле людей не нашлось ответа на этот вопрос, но все они переглянулись, недоуменно и ищуще, потому что слово требовало, чтоб его произнесли. Его не было, этого слова. Никто здесь не знал его. Но золотой свет, разлившийся от склонившего голову Артура, заставлял людей снова и снова мучительно перебирать все, что они помнили ясного, яркого, живого... перебирать бесполезно и бессмысленно, потому что они не знали солнца, никогда не видели ни звезд, ни синего неба, ни ярких радуг. Это было больно, искать и не находить, это было почти мучительно. Если бы Артур знал, что чувствуют, глядя на него, спасенные им люди, он был бы доволен. Потому что вот так: искать, не находить, но искать снова и снова, пока, в конце концов, не случится невозможное – так начинается путь к Богу. Но Артур просто молился, просто просил защитить тех, кто ему доверился. Это сильные люди, сильные и смелые, они помогают друг другу в беде, они готовы драться за себя. Хорошие люди. Они не знают Бога, но Бог все знает о них.

Дальше было проще. Наваждение пропало, постояльцы обнаруживали себя в темноте, но, по крайней мере, в знакомой обстановке. Никаких стен, никто не замурован заживо, вот двери в коридор, вот перепуганные, но целые и невредимые соседи в коридорах. Рамирес и оба Нагаревых, отец и сын, пошли по мотелю объяснять, что происходит, успокаивать. В темноте замелькали фонарики, засветились огоньки зажигалок. Не хватало светящихся экранчиков телефонов и коммуникаторов, но тут уж ничего не поделаешь, по необъяснимым причинам молитва выводила из строя тонкую технику, в которой была хоть капля магии.

Марийки и ее компании не обнаружилось ни в одном из номеров. Артур по этому поводу решил пока не беспокоиться. Если б Харир захватил Марийку, он дал бы об этом знать. А раз никаких попыток шантажа не было, значит, она пока в безопасности. Хочется верить, что остальные тоже.

В холле все не поместились, но окна половины номеров тоже выходили на стоянку перед мотелем, и к бойницам, прорезанным в стальных ставнях, очень быстро встали мужчины и женщины с оружием. Суровая жизнь на Трассе. Что бы местные ни говорили о защите правителей, а в княжествах-то, пожалуй, отправляясь в поездку, дама лучше возьмет с собой еще одну косметичку, чем пистолет. Да и мужчина предпочтет не перегружать багаж помповиком или карабином. Перестрелка, впрочем, закончилась, едва начавшись, потому что к стоянке, залив ее ослепительно-ярким светом «люстр», подлетели броневики.

Группы Чероки и Ласки подоспели вовремя.

Артур хмыкнул. Он подумал о том, что кроме пистолетов и карабинов у большинства запертых в мотеле людей есть, пожалуй, еще и страховка на случай повреждения автомобиля в перестрелке. По крайней мере, хотелось верить, что она есть. Потому что

крупнокалиберные пулеметы и скорострельные пульсаторы броневигов творили на стоянке страшное. Что там оставалось от укрывшихся за автомобилями бойцов стаи Харира, лучше и не думать. В огненном аду, в черных клубах дыма, пронизанных осколками, снарядами, разлетающимися обломками автомобилей, не уцелели бы даже самые старые и могущественные вампиры.

Если, конечно, забыть о недавнем неприятном открытии.

– «Ты ничего не знаешь о вампирах», – напомнил себе Артур.

Он думал о Марийке. С этими мыслями сложно было справиться. Слишком сложно.

– Ты командир, – сказал Артур Рамиресу. – Запри за мной дверь. Оставайтесь здесь, пока Чероки или Ласка не скажут, что можно выходить.

Рамирес хотел спросить, да что там, его чуть не разорвало сразу от десятка вопросов. Но раньше, чем он смог выбрать хоть один, Артур открыл дверь и вылетел на улицу. Кувыркнулся за отброшенные подальше бетонные блоки. Как он и предполагал, вампиры выломали их из асфальта и использовали вместо тарана. Осмотрелся. И, помолясь, бросился на край стоянки, туда, где рядом с чадящей тушей автобуса остался его байк, остался Миротворец.

Байк он нашел лежащим на боку в двадцати метрах от автобуса. На первый взгляд вроде без повреждений. Разбираться пока не стал. Сдернул чехол с Миротворцем: то, что мотоцикл упал так, что топор оказался сверху, не удивило ни на секунду. Иначе и быть не могло.

В него не стреляли. Броневики лупили по площадям, автоматных очередей Артур уже почти не слышал, но именно в него никто не целился. Опасности угодить под шальную пулю или оказаться погребенным под пылающими обломками это не уменьшало, но если б стрелки взялись за него специально, уцелеть бы точно не получилось. О чем думал, когда ломился из мотеля?

– «О бабе, – как наяву услышал Артур ехидный голос братца. – Ты всегда о них думаешь».

Нет, Альберт на связь не выходил. Это воображение шутило шутки. Но где же искать Марийку? Где-нибудь по периметру, подальше от боя. Она деваха смелая, но с мозгами, и уж живых-то точно уведет в хоть сколько-нибудь безопасное место.

Артур передвинул «Перкунас» из-за спины под руку, вытащил из чехла Миротворец и, не пригибаясь, направился в темноту. На фоне пылающей стоянки он был отличной мишенью, но маловероятно, что кто-то из врагов остался вне адской каши, зато Марийка опознает его. Увидит сияние топора. Его ни один вампир ни с чем не спутает.

Круг по периметру, потом следующий, с большим радиусом. Расширяющаяся спираль. Как еще искать, когда нельзя связаться? Прятаться тут было негде, ровная степь, поэтому Артур на первом круге уделил внимание только скальному выходу, заросшему колючими кустами. На втором направился к составленным подальше от дороги старым автомобилям без колес. Услышал оттуда крик, короткий, тут же оборвавшийся. Голос женский. Кажется, это была не Марийка, но какая разница? Если кричат, значит, зовут на помощь.

О том, что вскрик мог быть реакцией какой-нибудь упырицы на свет Миротворца, Артур подумал, только когда оказался рядом с машинами. В отблесках пламени со стоянки он увидел, как метнулись птичьим крылом рыжие длинные волосы. Кира попыталась вскочить, хотела бежать, снова вскрикнула, теперь уже позвала его по имени. Марийка одним ударом свалила подругу на землю, намотала на руку волосы. Острие ножа упиралось Кире в шею под челюстью.

– Отвали, монашек! – рявкнула Марийка. – Эту ты не спасешь!

Она не смотрела на Миротворец, глаза были закрыты, зато ноздри дергались, ловя запахи. Вампирам, в отличие от животных, вонь гари проблем не создает, так что Марийка отлично ориентировалась на обоняние. И еще на слух. А между машинами, кроме оглушенной Киры, были и все остальные. Царула, Хади, Ирчен, Даниил, Матиус. Лежали,

скрючившись, неподвижные. Мертвые?

«Копье Святого Георгия» не причинит вреда Кире...

Марийка не видела, как Артур поднял руку, но почувствовала движение, резко дернулась, заслонившись Кирой. Луч света ударил в рыжую девушку и погас. Нож вонзился в шею. Неглубоко. Лезвие окрасилось кровью. И здесь обоняние Марийку подвело: запах лишил ее осторожности. Бросив нож, она, урча, развернула голову Киры так, чтоб добрать губами до раны.

Артур прыгнул вперед. Под ударом были только голова и левое плечо Марийки, и лезвие Миротворца просвистело снизу вверх, так, чтобы ни в коем случае не задеть Киру. Не было никакого сопротивления, когда сталь разрубила кости черепа. С ними всегда так, с мертвяками, Миротворец сразу превращает их в пыль.

Кира кричала не переставая, дергалась, хлопая себя по плечам, по телу. Страхивала прах. У нее даже нашлись силы, чтоб вскочить на ноги. Артур поймал девушку в объятия, прижал к себе, не позволив вырваться: Кира в шоке, ее эти прыжки и вопли доконают, сердце может не выдержать перегрузок. Он тихо, почти про себя, стал читать молитву Священному Кресту, и уже после первого прочтения девчонка перестала биться и кричать, вцепилась в Артура обеими руками и расплакалась.

Вот так-то лучше.

На то чтобы остановить поток слез, потребовалось время, но не так уж много, потому что Кире очень скоро носовые платки стали важнее возможности рыдать и дальше, а платков-то как раз и не нашлось. Артуровского надолго не хватило. Оставив Киру шмыгать носом, Артур занялся ее друзьями. Убедился, что все живы, хоть и выглядят бледно от потери крови, но даже не в обмороке. Просто крепко спят. Вампирские мороки как они есть. Сон до рассвета. Рассвета здесь не будет, но, может быть, этот сон до утра? Если так, то уже скоро ребята проснутся. Хорошо бы не здесь все-таки.

Стрельба и взрывы уже затихли. Можно было возвращаться в мотель и просить помощи.

– Я с тобой! – сказала Кира гнусаво. – Я знаю, что надо с ними посидеть. Я не могу! Я с тобой! Тут везде эта пыль!

Артуру в голову бы не пришло оставить ее приглядеть за остальными. Что за ними приглядывать, кто их тронет? Хищник тут был один, да и от него только «эта пыль» и осталась.

По прямой до «Чаты» было рукой подать. До развороченной стоянки, где чадно догорали машины, до четырех броневикулов, медленно ползающих по периметру в поисках, в кого б еще пострелять. Один броневикулов свернул с курса, выехал навстречу, но, кажется, Артур и Кира показались неподходящими целями. Вампиры умеют отличать живых от неживых, а бойцам Чероки или Ласки... Артур увидел на броне семилучевую звезду и уточнил для себя: «бойцам Чероки» стрельба ради стрельбы неинтересна. Ну или правило «война все спишет» незнакомо.

Сначала пришлось объясниться с командиром экипажа, потом с самим Чероки. Натурально, индеец индейцем, будто только что из резервации: горбатый нос, потертая джинса, косички с амулетами. Бледный только не по породе, но тут никто загаром похвастаться не может, ни живые, ни мертвые, – солнца-то нет.

Надо отдать мертвякам должное, выслушав Артура, мешкать они не стали. Заминка возникла с тем, чтобы попасть в мотель: ни у кого из мертвых не получилось пересечь порог, пока изнутри не позвали каждого персонально, но дальше пошло быстро. Под носилки приспособили покрывала с кроватей. Десяток вампиров как ветром сдуло: исчезли с глаз, появились обратно через пару минут с дрыхнувшей в покрывалах молодежью. Кира уже совсем успокоилась. Ей для этого не хватало то ли умыться, то ли поговорить с кем-то из дам и выплакаться еще раз. Ну а к Артуру, пока размещали спящих, пока выясняли, проснутся они утром или нужно будить экстренными методами, подошла Ласка. Высокая, крепкая,

худая блондинка в камуфляже и бронежилете.

– Это ты что-то сделал в мотеле, – сказала она без предисловий. – Мы туда зайти не могли. А на дверях и везде написано: «Добро пожаловать». Что ты сделал?

– Помолился, – сказал Артур.

– Кому? Кто из князей так делает?

– Никто. Я молился Господу. Творцу.

– Белому Богу, что ли? – изумилась Ласка и донельзя изумила Артура.

– Ты знаешь о Боге? – обалдело переспросил он.

Ласка расхохоталась, скаля прекрасные, без намека на клыки, зубы:

– Чтоб тебя! Так смотришь, будто с тобой обезьяна заговорила! Я монахиней была, не видно?

Артур моргнул. Из чего могло быть видно, что Ласка была монахиней? Из камуфляжа, пистолета и пары гранат в разгрузке? Или из стрижки, как у него: будь чуть короче, и говорить придется уже не о стрижке, а о бритье?

– На такую хорошую кость, – объяснила Ласка, – и ни граммuleчки мяса неросло. Это ж долбаная монастырская жизнь! Ты на себя посмотри! Но я тебе скажу, в тварном мире ходили слухи о том, что такие, как ты, здесь бывают, только я за четыреста лет ни одного не видела. Не верят там в Белого Бога. А здесь про него вообще только вампиры и демоны знают.

– Там верят немногие, но многие ищут веру, – возразил Артур.

– А тебе откуда знать про тварный мир? – Ласка впиалась в него взглядом. – Где ты о нем слышал?

– Я десять дней как оттуда.

– Живые сюда не попадают.

– Я знаю.

– Но бывают исключения из правил. – Ласка перестала веселиться, светлые брови сошлись у переносицы. – Я-то знаю, я эту мутотень наизусть учила. Исключения обычно не поверху шаробохаются, а напрямик в Нижние Земли идут, но это без разницы, так?

– Возможно.

– И кого ты спасать собираешься? Живые Бога не знают. Кто тебе тут остался? Мы да демонье, что ли?

– Все, кто хочет спастись, – сказал Артур. – Мое дело показать путь.

– Я-то думала, святые в теме, – сказала Ласка разочарованно, – а ты и того не знаешь, что ни вампирам, ни демонам прощения нет.

– Кто не простит? – Артур не понял, о чем она говорит, он слышал о вечном проклятии для демонов, но даже оно было добровольным выбором самих демонов. – Бог, который нас создал и умер, чтобы спасти от наших же ошибок? Или Пречистая Дева, которая простила даже тех, кто убил ее Сына? Если ты приравниваешь существование не-мертвого к грехам, за которые нет искупления, это твое право. Впадай в гордыню, кто ж тебе запретит? Но я таких грехов не знаю.

– Да иди ты! – буркнула Ласка, потеряв интерес к разговору.

Артур женщин не посылал принципиально, хоть некоторых и стоило бы. Так что он пожал плечами и пошел. Дел было столько, что и думать не хотелось.

Люди умеют объяснять даже то, чего не понимают. Так устроен человеческий разум, что он предпочтет необъяснимому даже явную ложь. Все решили, что Марийке дали афат. Это когда вампир создает другого вампира, делает себе потомка, часто не спрашивая согласия.

Артур не спорил. Версия не выдерживала никакой критики: Марийка не сталкивалась с упырями ни во время боя за пленников Харира, ни во время осады мотеля, но пусть лучше думают, что она стала жертвой, чем подозревают упырей друг в друге. Дружья знают ее уже три года, для них мысль о том, что все три года они имели дело с мертвяком,

притворявшимся человеком, стала бы слишком мрачным открытием. Им и так досталось. Марийка зачаровала их, выманила на автосвалку, напилась их крови... Хочется верить, что не убила бы, но Артур видел ее и не сомневался: она зарезала бы Киру, если б это помогло спастись.

Для Себесты и остальных Марийка получила афат во время нападения Харира на мотель. Ее друзья считали, что кто-то из стаи добрался до нее, пока Артур дрался с Хариром. Сличать версии никто не пробовал. Инстинктивно опасались, что вскроется их полная несостоятельность. Ну и правильно. Незачем.

Самого Артура интересовало другое: когда и как Марийка оказалась одержима демоном, который свел с ума Харира и его стаю? Бойцы Чероки и Ласки были нормальными. Значит, одержимость случилась раньше? Но тогда и Марийка накинута бы на людей раньше, а она увела свою команду из мотеля незадолго до появления Харира. Или был инкубационный период? Демон затаился и ждал? В таком случае Харира и его вампиров безумие накрыло быстрее, чем Марийку. Может быть, потому что они дольше подвергались воздействию? Скажем, разбили стоянку не на том месте? Кто его знает, что происходит в тийрах, где вампиры воюют между собой?

Вернувшись к мысли о том, что он очень мало знает о вампирах, Артур начал злиться. Как так вышло? Он храмовник, он убийца нечисти и первый враг нежити. Чтобы победить врага, его нужно изучить, а получается, что самая опасная нежить ему врагом никогда не была. Он снова вспомнил, как под лезвием Миротворца рассыпалось в пыль лицо зажмурившейся Марийки. Да, она не была ему врагом. И не стала бы, если б не одержимость.

Демона он уничтожил, не развоплотил, не отправил в Нижние Земли, просто уничтожил. Теперь, пока ему не найдут замену, в мире не будет... чего-то... что было этим демоном. Не будет комков в манной каше, или западающих кнопок на клавиатурах, или какую там еще мелкую гадость олицетворяла эта дрянь. Но Марийку он погубил. Упыри, в отличие от живых, не уходят отсюда на перерождение. Они попадают в Нижние Земли. Какой бы ни была их жизнь, что бы они ни делали, хоть доброе, хоть злое, пусть один и выхода нет. Ласка об этом говорила.

Ласка ошибается. Они все ошибаются. Они просто не знают, что выход есть, и не пробовали его найти. Но может ли такое быть, что Господь отправил его сюда спасать мертвяков, а не людей? Ласка права в том, что настоящие святые шли напрямик в Нижние Земли, вытаскивали оттуда проклятых, которые иначе вообще не увидели бы спасения. А те, кто живет на поверхности, они сами строят свою жизнь, сами выбирают, добрые или злые поступки им совершать, они не знают Бога и, умерев здесь, не увидят Небес, но они рождаются на Земле и там получают возможность стать ближе к Небу. Бог нужен им, Он всем нужен, но получается, что... упырям и демонам Он нужнее?

Альберт вышел на связь сам. Недовольный, почти сердитый.

– «Что там у тебя стряслось? Почему не звонишь?»

«Звонить» – это они на Земле подхватили. Слово прижилось, хоть они и не пользовались телефоном для того, чтоб связаться друг с другом.

– Одержимость, – ответил Артур. – Демона изгнал, девушку убил.

– «Случайно?» – Альберт тут же перестал злиться, в голосе появилось сочувствие.

– Специально.

– «Ну и правильно!» – бодро заявил младший.

– Ты с Маришкой, что ли, поругался? – уточнил Артур. И подумал, что совпадение имен «Маришка – Марийка» еще недавно могло бы показаться ему забавным. Если б он, конечно, мог представить Марийку в качестве своей девушки.

– «Да ну их всех, – отрезал Альберт. – Рассказывай, как дело было, а я тебе объясню, почему ты прав».

Почему он прав, Артур знал и сам. Существование мертвяка не стоит жизни человека. Кире грозила опасность, и неважно, что опасность исходила не от Марийки, а от

захватившего ее тело демона. Если б на месте Марийки был человек, Артур оказался бы перед сложным выбором. Он постарался бы спасти обоих, но, скорее всего, Кира погибла бы до изгнания демона. А так даже думать не пришлось. О выборе речи не было.

Он рассказал Альберту все как есть. Младший удивленно помолчал, потом сказал ожидаемое:

– «Ну ты даешь! С упырями связался? А у нас тут они тоже... помогают. В Праге, вообще в Европе. Все с ног на голову».

Что ж, Европа еще была, и это радовало. С упырями Артур не связался, помощь от них была ему не нужна, и результатом размышлений о своих целях и задачах в Ифэрэнн он с Альбертом не делился. Но младший всегда был склонен к скоропалительным выводам и порой, правда, очень редко, умудрялся не ошибиться.

Друзья Марийки ничего не знали про ее семью, не знали, откуда она приезжает на учебу, где живет на каникулах, откуда она, вообще, родом. Но поняли они это, только когда Артур начал задавать вопросы. Не спросить он не мог, потому что пусть небольшой, но был шанс, что им что-нибудь известно. Увы. Эти ребята, не задумываясь, примчались выручать Марийку аж на Трассу, без колебаний потратили кучу денег на то, чтобы выполнить ее просьбу. Марийка наверняка сделала бы то же самое для любого из них. Но при этом они совершенно не беспокоились о том, как мало о ней знают. То ли магия вампиров, то ли просто жизнь для студентов сконцентрирована там, где они учатся, а семья и родной дом – это что-то не очень реальное, если только речь не идет о своей семье и своем доме.

А между тем найти семью Марийки было необходимо. Она говорила об отце и брате, скорее всего, речь шла о вампире, давшем ей афат, и о другом его най⁵, но для Марийки они были «отец» и «брат», и они имели право знать, как она погибла. Артур даже в мыслях не мог сказать «была уничтожена». Его учили, что нельзя относиться к упырям как к людям, но, если уж обещал им спасение, нужно быть последовательным.

Что ж, раз ничем не могли помочь друзья, оставался университет. Там-то должна быть информация. Город Интарafi в Эсимене не так уж далеко от Эниривы, куда Марийка хотела доехать. Артур подумал поискать ее семью в Энириве, но Хади объяснил, что там они просто собирались компанией раз в месяц. Рядом с городом есть красивое озеро, про которое почему-то никто не знает. Отличное место, чтоб отдохнуть: ни людей, ни машин, ни мусора на берегу.

– Как раз в эти выходные мы туда собирались, – добавил Хади, – теперь точно не поедem. Ни в эти выходные, никогда. Нам его Маки показала, озеро это... – Он замолчал, потом сказал: – Как же я упырей ненавижу! Почему ее забрали, что, других мало, что ли? Ты, когда ее родных найдешь, кинь мне адрес, а? Мы съездим. Наверное, надо. Я не знаю правил, но я думаю, что надо обязательно.

Артур воздержался от обещаний.

Байк почти не пострадал в бою. В мастерской «Чаты» нашлось все необходимое для мелкого ремонта, и Артур управился часа за полтора. Когда он уже раскладывал по местам инструменты, в мастерскую пришел Себеста. Мэра делегировали и жители Луги, и постояльцы «Чаты», а вообще от Артура старались держаться подальше. Рассматривали с приличного расстояния, улыбались, в разговоры не вступали. Как будто опасались. Но чего?

Себеста, как Артур уже заметил, вокруг да около ходить не умел. Вот и сейчас перешел сразу к делу:

– Ты не мог бы рассказать о своем боге? Мы уже поняли, что это не князя, ни один из них не имеет власти на Трассе. Твой бог или сильнее князей, или это бог Трассы, нам все равно, но нам не помешала бы защита от вампиров.

– Бог защищает не только от вампиров, – сказал Артур. – И Он не мой, Он –

⁵ Потомок вампира.

единственный. Он создал все сущее, и тебя, и меня, и князей.

Себеста не поверил. Неудивительно. Мысль о том, что князей кто-то создал, показалась ему такой же нелепой, какой Артуру могла бы показаться мысль о том, что кто-то создал Бога. А между тем в этом ведь и есть основа всего. Ты веришь, что Господь создал мир и тебя самого, ты веришь, что Господь любит и мир, и тебя и не делает разницы между большим и малым, и ты знаешь, что Господь защитит тебя от всего, с чем ты не можешь справиться сам. А все, что нужно ему взамен, – это простая благодарность. За любой подарок говорят спасибо, и невозможно придумать подарок чудеснее, чем мир и твоя жизнь в этом мире.

Артур объяснил это, как умел, пока мыл руки и перекладывал седельные сумки.

Себеста остался в недоумении:

– Как я скажу об этом остальным? Пока ты говоришь, это звучит убедительно, но если скажу я, мне не поверят.

– Ты поверил? – спросил Артур.

– В то, что есть тот, кто создал все? Весь мир? Это не так-то просто. Но, если он создал Трассу, это объяснило бы его власть здесь. Я так и скажу. И еще... – Себеста задумался, – ты прав насчет благодарности. Трасса – сложное место, но мы ее любим. И если у нее есть творец, то лично я ему благодарен. Тебе нужна какая-нибудь помощь? Деньги? Жилье? Как с тобой связаться, если что?

Что ж, пора включать телефон. Все к тому, что в этом мире он надолго. Возможно, по-настоящему надолго. Иногда это называют «насовсем», но насовсем ничего не бывает.

Глава 3

*Разве есть что-либо более откровенное и очевидное, когда мы
взираем на небеса и созерцаем небесные явления, чем чувство, что
есть некий высший разум, который всем этим управляет?*

Цицерон

Артур уехал сразу, как только починил «Найзагай». Путь лежал дальше по Трассе, на другой континент, в княжество Эсимена, где правила Ойхе, госпожа Ночь. Сначала в Интарафи, университетский городок, там узнать, где искать родных Марийки. Возможно, ее семья обитает в Песках, но даже с Песками есть сообщение. Если понадобится, впрочем, Артур готов был приехать туда сам. Пески для людей не место, но ему ли бояться нежити? Это нежить боится его. Так было и так будет.

А потом? Куда дальше?

Себеста звал возвращаться, обещал дом и работу. Он хотел по-настоящему узнать о Боге, говорил, что они все хотят. Что ж, у них свой интерес: защита от упырей. И опять все сводится к мертвякам. Артур еще не знал, вернется ли. Ему нужно было понять, как получилось, что демоны добрались до Харира и его стаи, добрались до Марийки. Это из-за него, никаких сомнений, но где связь между одержимостью и освобождением пленников? Был ли у Харира с демонами какой-то договор? Марийка говорила, что вампиры ненавидят демонов, а демоны брезгают вампирами. Так какие между ними могут быть договоры? Что нужно демонам? Известно что. Им нужны души. Здесь, в Ифэрэнн, люди не знают Бога, но души берегут даже сильнее, чем на Земле. Здесь для них демоны не сказка, а реальность, обычно кошмарная, и нужно по-настоящему отчаяться, чтобы пойти на сделку. Оказавшись у Харира, люди быстро впадали в отчаяние. Артур их видел сразу после освобождения, видел, как мало в них осталось надежды. Так что получается, демон помогал Хариру в обмен на возможность вымогать души у пойманных людей? Стоп... А зачем демону помогать Хариру? Кто помешал бы ему просто добраться до пленников?

Значит ли это, что одержимость была мстью демона Хариру, упустившему добычу? Да, возможно. А Марийка оказалась под ударом случайно? Потому что демоны брезгают

вампирами и не различают их, и Марийку тварь восприняла как часть стаи только потому, что Марийка была неподалеку, когда Артур освобождал пленников? Это казалось странным, но других объяснений Артур не находил, а поставить себя на место демона и восстановить события с демонической точки зрения не смог бы, даже если б захотел.

Демон уничтожен. Но легче от этого не становилось. Мсть – это грех, и даже если б нашлось, кому отомстить, Артур не стал бы брать грех на душу, но... мстить было некому. И это злило. Сам все сделал, демон наказан сторицей. А душа Марийки в Аду.

За эту мысль Артур зацепился. Кажется, он знал, куда отправится после Песков или где там обитает семья Марийки. В Нижние Земли. Святые как-то умудрялись туда попасть. Он не святой, зато настырный. Главное, найти дорогу, а там уж хрен его кто остановит. Да, еще Альберту о планах нужно не проговориться. Если младший узнает, что Артур собрался в Ад, он все дела бросит и тоже помчится. Никакого чувства ответственности.

Энирива лежала за морем, но на Трассе это не имело значения. Артуру уже приходилось пересекать и моря, и даже океаны. Трасса не менялась: все та же лента шоссе, та же разметка, те же километр-полтора окрестностей по обе стороны. Местность разная: леса и горы, степи, пустыни, как здесь, болота с комарами, лужайки с цветами, а дальше – море. Границу было не разглядеть, Артур пробовал выезжать на край, на «берег», но не находил ни волн, ни линии прибоя. Вот земля вдоль Трассы, а вот уже вода, и как одно переходит в другое, не понять, не увидеть. В княжествах, наверное, будет так же. А пока он ехал мимо Хуола, и пустыни сменялись степью, безжизненные земли уступали место равнинам, поросшим высокой травой, разноцветным холмам. Впереди маячили горы: Трасса разрезала хребет Хентеф. По ту сторону гор начнется Уэлан, владения княгини Луны, той самой, которой молятся Нагаревы.

Себеста, когда Артур уезжал, как раз завел с Аллой Нагаревой спор о том, не лучше ли молиться одному Богу, сила которого повсюду на Трассе и в защите которого они все убедились, чем поминать разных князей, которые к тому же ничего не могут сделать за пределами княжеств. Себеста – прагматик. Странно это, молиться Богу из практических соображений, но дорог на Небо много, и каждый выбирает по себе.

Дорог в Ад гораздо меньше, в этом Артур был уверен. Но твердо решил найти хотя бы одну.

На границе княжеств Ахтеке и Хуол Трасса врезалась в горы, полетела по дну глубокого ущелья. Скалы превратились в стены, они закрыли небо, оставив лишь узкую полоску, похожую на люминесцентную лампу. Здесь, где Трасса не кралась по краю княжества, а пересекала его в самом центре, движение стало уж очень оживленным. Путешественники из разных эпох, не замечая друг друга, спешили в обе стороны, трейлеры проносились прямо по караванам верблюдов, отряды всадников мчались по встречной, сквозь автомобили. Жуткое зрелище. Артур не сразу сообразил, что они не из разных времен, а в разных временах. Об этом вскользь упоминал когда-то Альберт, когда зашел разговор об Ифэрэнн. Заговорили тогда о том, что время течет только для людей и немногих фейри, а на самом деле оно существует сразу все, сколько было создано, и значит, в Ифэрэнн одновременно попадают души из разных миров и разных эпох, да и сам Ифэрэнн существует сразу во всех временах и эпохах. Каким же он должен быть?

О том, что души здесь перерождаются, проживают жизнь с самого начала, искупают грехи, совершенные в тварном мире, и делают выбор, который определяет их дальнейшую судьбу, они не знали. А насчет сосуществования людей и нелюдей, разных миров и разных времен Альберт предположил, что в Ифэрэнн все так же, как на Земле. На Земле тоже все живут в одном времени, просто времени бесконечно много, вот люди и события и распределены по нему так, чтобы не мешать друг другу. Похоже, он угадал. А когда Трасса оказалась в центре княжества, система почему-то дала сбой, и Артур увидел сразу несколько эпох... и несколько миров, пожалуй. Он только сейчас сообразил, что далеко не все, кого он видит, люди.

Что ж, Господь любит разнообразие.

Артура тоже видели, уступали дорогу, провожали байк изумленными взглядами. Не все тут были верхом или пешком, путешествовали и на самых разных машинах, в том числе скорее низко летящих, чем быстро едущих, но из родного для Артура времени видели только его одного. Вот и удивлялись. Несколько раз он, сам того не желая, чуть аварийную ситуацию не создал, когда нелюди, до того нелюди, что аж не гуманоиды, увидев его, останавливались, даже не включив тормозные огни. За фейри, наверное, принимали. Самое простое объяснение всему странному, что видишь на Трассе: духи едут. В княжествах фейри не бывали, не дружат они с демонами, а на ничьих территориях чувствовали себя как дома, в Немоте.

Себеста позвонил, когда Артур уже начал привыкать к тому, что Трасса превратилась в ожившую сюрреалистическую картину.

– Привет, Артур. Ты почему нас спас? Тебе Бог велел? – Себеста, как всегда, обошелся без предисловий. Ну и правильно, чего там, поздоровался, и ладно.

– Господь не говорил мне: «Иди и спаси их», – ответил Артур, объезжая чернобородого дядьку в чалме и на сером ослике. Дядька безмятежно ехал против движения, Артуру помахал рукой и скорчил веселую рожу, мол, ну и воняет же твой железный ишак. – Господь просто хочет, чтоб мы относились ко всем, как к себе, а значит, хочет, чтоб помогали.

– Хочет или велит? – уточнил Себеста.

– Хочет. Нельзя приказать быть милосердным.

– Что-то не заметно, чтоб люди делали, как он хочет, – заметил Себеста скептически.

– И, однако, вы не в Песках, а тебя никто не заставлял подписывать друзьям Марийки чек на оплату аренды автобуса, а Мелисса Дженкинс могла бы просто дать Кире снотворное, а не нянчиться с ней и с остальными. Еще примеры нужны?

– Значит, Бог хочет, чтоб все помогали всем, а не выбрал именно нас и не послал тебя нас спасать?

– Да, – Артур не понимал, куда клонит Себеста.

– Роман Барчан сказал, что ему обещал спасение не Бог, а демон.

– А ты, оказывается, умеешь начинать издаека, – удивился Артур. – Роману обещал спасение демон, а после этого появился я и спас вас? – Он вспомнил Романа и Анну Барчанов. Анна на сносях, ребенок первый и желанный... подходящая добыча для демона. – Себеста, они заключили сделку? Спроси, успел ли демон скрепить договор?

– Продал ли Роман душу? – уточнил Себеста, которого от этих слов, похоже, не передергивало, как Артура. – Нет, не продал, но ты-то все-таки пришел. Получается, что демон свою часть договора выполнил и теперь явится за душой.

– Имя демона? – Лавировать между машинами и всадниками становилось утомительным. Артур свернул с дороги к скальной стене, остановился. – Роман должен знать имя!

– Земус, – ответил Себеста после паузы. – Артур, так ты уверен, что тебя никто не посылал спасать нас?

«Смирение и милосердие... – напомнил себе Артур, – и еще терпение». Себеста боится, его можно понять. Здесь все боятся демонов.

– Меня никто не посылал спасать вас, – сказал он вслух, – я просто делаю то, что хочет Бог. И я враг демонам. Скажи Роману, что Земуса больше нет. И скажи, чтобы он, вместо того чтобы в страхе ждать расплаты, поблагодарил Господа за подарок. Ему и Анне подарили жизнь. Второй раз. Пусть благодарит Бога всегда, когда подумает об этом.

Им всем подарили жизнь: Роману, и Анне, и их еще не родившемуся сыну. Но кто однажды поддался демонам, тот будет приманивать их снова и снова. Роман уже помечен, как добыча.

– Есть какие-нибудь молитвы? – спросил Себеста. – Благодарить своими словами всегда труднее.

– Да. Запоминай. Всем нам есть за что благодарить Бога.

Закончив рассказывать Себесте о молитвах, Артур дал отбой, вывел байк обратно на Трассу, уже не такую оживленную, – кажется, он сумел наконец попасть в свой временной поток. Нужно было выбрать. Возвращаться в Лугу, чтобы подготовить Романа и его жену к крещению, а потом крестить их сына? Или спасти Марийку? Три души, которым грозит опасность, против одной, которую он уже погубил. У живых есть возможность спастись, а у Марийки нет, но, если живые погибнут, на совести Артура будет четыре погубленные души. Он ведь и Марийку если и сможет освободить из Нижних Земель, то лишь на время. Рано или поздно она все равно попадет туда. Если только не захочет спастись по-настоящему.

И с каких пор он называет людей «живыми»?

Эта мысль Артура так озадачила, что он и думать забыл о том, чтоб развернуться и ехать обратно. Вперед, значит, вперед. Если он поторопится, то все успеет. Бог создал время для того, чтоб им разумно распоряжались, а не тратили на размышления.

Настоящего неба здесь не было. Километровая воздушная подушка, а выше снийв – светящаяся белесая взвесь, что-то вроде разобранной на волокна ваты. Хорошо хоть, эта дрянь была легче воздуха и не опускалась ниже чем на километр даже при самой плохой погоде. А еще, дрянь или не дрянь, но снийв был очень чувствителен к свету, который его волокна преломляли порой самым неожиданным образом. Артур уже видел, как небо Ифэрэнн меняется в зависимости от времени суток. А когда он пересек границу между Хуолом и Уэланом, и владения князя Этмы сменились землями Луны, небо расцветилось красками, как будто поймав отблески далекого полярного сияния. Артур долго медленно ехал по обочине, любовался невиданным зрелищем и гадал, что же это такое происходит со снийвом. Потом краски стали ярче, Трасса, вырвавшись из гор, полетела через заросшие цветами холмы, а землю и небо стало не отличить друг от друга. И сверху, и внизу яркие цветные полотна, по которым волнами проходит ветер, меняя оттенки. Сиреневое, розовое, лиловое, белое, голубое, желтое... море цветов, насколько хватало глаз, и на земле, и в небе. Только с неба лился еще и свет, не белесый, привычный, а золотой, как будто где-то над снийвом все-таки сияло солнце.

Артур не единственный сбросил скорость, увидев небо над Уэланом. И перед ним, и позади многие сворачивали на обочину, останавливались или ехали очень-очень медленно. Тех, кого совсем не задела поразительная красота здешних небес, можно было пересчитать по пальцам. Да и то Артур сомневался, что все они действительно остались равнодушны. Невозможно быть равнодушным к такому чуду, если у тебя есть душа.

Путеводитель рассказывал, что небо Уэлана сияет потому, что леди Луна или лорд Месяц всегда освещают свое княжество. У леди-лорда был весьма переменчивый и довольно-таки скверный характер: путеводитель об этом умалчивал, зато Артур слышал достаточно разговоров. Иногда у Луны появлялась прихоть отправиться в путешествие по другим княжествам, и каждый ее визит отмечался праздниками: и люди, и демоны, и упыри – все приветствовали полнолуние. Бело-золотой диск Луны по ночам пронизывал даже плотную взвесь снийва, а золотой оттенок небо сохраняло и ночью, и днем.

Точно так же почему-то княжества радовались и появлению лорда Месяца. И вот это уже было необъяснимо. По мнению Артура, невоспитанный пацан с паршивым характером был так себе гостем и для князей, и для жителей княжеств, но тем не менее в его честь тоже устраивали праздники, а среди вампиров бытовало суеверие, будто в княжестве, где гостит лорд Месяц, охота наиболее удачна.

Есть о чем подумать. Харир напал на Лугу как раз тогда, когда лорд Месяц гостил в Ахтеке, то есть в княжестве по соседству. Дерзкое нападение и впрямь оказалось удачным. Пользы оно, правда, не принесло, но к тому времени, как Артур и Марийка выехали к стоянке стаи Харира, лорд Месяц уже вернулся в Уэлан. Совпадение? Артур не верил в совпадения. В то, что князь покровительствует упырям он, разумеется, тоже не верил: мертвяки отвратительны демонам. Но, возможно, Месяц давал удачу вообще всем охотникам. Что-то вроде мужского варианта Дианы. Та – девчонка, которой не суждено

повзрослеть. Этот – парень, всегда остающийся подростком.

Артур спешил в Эсимену и все же пожалел, что Трасса проходит по самому краешку Уэлана. Две тысячи километров – это слишком мало для такого неба и такой земли. Холмы сменились равнинами, дикорастущие цветы – плантациями, которые оказались даже красивее. Люди всегда могут улучшить то, что создано демонами. Луна создала Уэлан с его цветами и деревьями, холодными реками, зеркальными озерами и золотым разноцветным небом, а люди сделали еще прекраснее и цветы, и деревья, и реки, и озера... и небо. Плантации создавались не только садоводами, но и художниками, и цветы, высаженные в правильном порядке, отражались в снйиве поразительными живыми картинами от горизонта до горизонта. Там были и пейзажи, и цветные абстрактные полотна, и даже портреты, и все это менялось в зависимости от сезона цветения, от погоды, от направления ветра. Жить в Уэлане, наверное, было бы сложно, но Артур хотел бы задержаться здесь на неделю или две. Однако он спешил и хоть все время, пока Трасса летела через Уэлан, ехал не торопясь, все равно меньше чем через сутки граница осталась позади, а скоро погасли и последние отблески небесных красок.

Впереди была Арката, одно из морей Ифэрэнн. Еще несколько часов в седле, и если не останавливаться на отдых, то можно будет увидеть море еще до рассвета. Точнее, до утра. Какие уж тут рассветы, без солнца-то? Море должно было быть отвратительным, ведь так же, как Луна была одновременно светилом, демоном и княжеством, так же и море было демоном, да еще и одним из самых мерзких. Князь Даалнаму, воплощение аггельской мерзости. Вот только красота Луны и ее владений не оставила бы равнодушным ни одно сердце. И Артур неохотно предполагал, что море просто не может быть некрасивым. Ну... никак. Это все равно что некрасивые горы или некрасивый огонь.

Отдыхать он не собирался: слишком медленно ехал через Уэлан, нужно было наверстывать, поэтому гнал и гнал байк, останавливаясь лишь для дозаправки. Трасса бежала через холмы, взбираясь по склонам, ныряя вниз, снова забираясь вверх. От этих качелей, в конце концов, голова пошла кругом. Когда Артур снова увидел, как небо меняет цвет, он решил, что чувство времени подвело и он потерял куда-то час или два. По его ощущениям, для утра было рановато.

Зато в самый раз оказалось для моря. Но кто же знал, что это будет вот так?

Байк взлетел на холм, и море стало видно. Пока еще далекое, оно поднималось к горизонту стеной расплавленного серебряного стекла, оно светилось... чтоб им, этим демонам, они не могут без света. Светящееся небо, сияющая луна, а теперь еще и море. Что такое с морской водой, почему она такого цвета? Потому что князь так захотел, вот и весь ответ. Под темно-синим глубоким небом светлое сияние моря. Днем небо станет белым, но волны отразятся в снйиве, и насколько это будет красиво, можно пока только предполагать.

Артур был рад, что успел увидеть Аркату до утра, был рад, что увидит ее завтра ночью, под фиолетовым небом. Он уже знал, что в глубине неба отраженный морской свет станет похож на звезды. Жалкое подобие настоящих звезд. Так же, как свет Луны – жалкое подобие Солнца. Но... почему-то слово «жалкое» упорно отказывалось втиснуться в мысли. А врать Артур не любил. Особенно себе. Ничего жалкого не было ни в Луне, ни в Даалнаму. Но он все-таки сказал себе, что правильно думать: «ни в небе, ни в море». Демоны и правда не были жалкими, Артур никогда и не считал их таковыми, но все они были опасны, все они были врагами людей, и даже их красота была отравлена злом. А вот море и небо... это просто море и небо. Они созданы в подражание тем, настоящим, сотворенным Господом, и потому прекрасны.

Глава 4

Ум людей мы держим в узде при помощи ложных доводов, когда он не внемлет истинным.

Тимей Локрийский

С Трассы он свернул к столице. Пересек Копье, пролив между Хуолом и Эсименой, по меркам Ифэрэнн, узкий, чуть больше тысячи километров, и сразу отправился в княжество. Стоило бы проехать дальше на восток: Интарафи был в горах, довольно далеко от побережья, но Артур не смог не свернуть. Своротка с Трассы вела на исполинский ажурный мост из хрусталя и слоновой кости. Мост выгибался вверх, под ним светились серебряные волны Аркаты, а Трасса уходила вниз, под воду. Там все будет так же, как всегда: шоссе, поселки, мотели, заправки, только вокруг вместо неба – толща воды, подсвеченная сверху белым. Артур выбрал мост. Дело было не в том, что по мосту – вверх, а по Трассе вниз. Какая разница куда, если небо все равно не настоящее? Просто мост был красив. И потом, он знал, что Трасса уже привела его туда, куда он хотел попасть.

Под местом, куда хотел попасть, Артур имел в виду, собственно, Ифэрэнн, но, увидев открывшийся с моста вид на Сидену, подумал, что при других обстоятельствах целью его путешествия могла бы стать именно она. Столица княжества Эсимена. Сказочный мост спускался прямо в сказочный город, к разноцветным домам с плоскими крышами и тенистыми галереями; к разноцветным садам, где круглый год, сменяя друг друга, распускались цветы; на белую ленту шоссе, через которое тут и там были перекинuty пешеходные мостики. Юг города, особняки, дорогие отели, оазисы, природные и искусственные, пение птиц вместо шума машин, серебряное море прямо под окнами домов, а над этой одноэтажной сказкой фантастическими миражами возносились башни небоскребов.

– Дьявольский искуc, – пробормотал Артур, усмехаясь. – Ты видишь? Какими бы они ни были, что бы ни сделали, Ты создал их, и они все равно не могут без красоты. Может, она и отравлена, но, сдается мне, она все-таки Твоя.

Впрочем, насчет дьявольского искуса он ошибся. Княгиня Эсимены не была демоном, она была человеком, самым настоящим. Не самым обычным, но Артур за всю свою жизнь не встречал обычных людей. У каждого человека есть душа, значит, каждый человек – сотворенное чудо, и некоторые из людей сами умеют творить чудеса. А некоторые, как княгиня Эсимены, способны делать это с демоническим размахом.

Ее здесь звали Ойхе, Ночь. А еще Госпожа. У нее было много имен, но Ойхе подходило идеально, а Госпожа как обращение характеризовало ее наилучшим образом. Владычица. Она была в каждой женщине, во всех женщинах тварного мира, даже в тех, которые вовсе не походили на людей. Кроме одной. И этой одной она уступала во всем. Но вряд ли они соперничали.

Сидену можно было объехать, путь лежал на север, и под колеса «Найзагая» просились сразу несколько дорог, ведущих в промышленно-портовую зону дальше по побережью. Выбирай любую и лети, выбрось пока из головы сказочный город и его сказочную повелительницу. Артур не стал выбирать. Не думать о Сидене было бы грешно. Разве можно не думать о такой красоте? Ну а не думать об Ойхе он мог где угодно, хоть в ее городе, хоть объехав его десятой дорогой. Он вообще никогда о ней не думал.

Эсимена считалась одним из самых красивых княжеств Ифэрэнн, но Сидену путеводитель не называл самой красивой столицей. Понятно почему. Красота разнообразна, и пусть Сидена была первым городом, который увидел Артур, он предполагал, что все другие столицы прекрасны, каждая по-своему. Воображения не хватало, чтоб представить, какова столица Уэлана – Толэ с его цветами в небе и на земле; или каким может быть Файху, подгорный мегаполис княжества Рэвах; и даже самые качественные фотографии Келоса ла Иму, столицы Хуола, половина которого была выстроена на летающей платформе, а половина под водой огромного озера, создавали лишь очень смутное впечатление о том, насколько удивителен и красив этот подводный и небесный город. А княжеств было двенадцать. И столиц двенадцать. И оставалось только диву даваться: ведь все это строили люди. Да, с помощью князей, но своими руками и на собственных идеях. Так почему же в виденных Артуром тварных мирах, рукотворной красоты гораздо меньше?

Объехав по краю восточный район Сидены, пешеходный, прогулочный, отданный художникам, начиная от живописцев и заканчивая архитекторами, Артур понял, что знает ответ. В Ифэрэнн живут те же самые люди, но здесь они все собраны в одном мире, и вся сотворенная ими красота – тоже. К тому же князья не стеснялись брать в Ифэрэнн то, что в тварных мирах было создано с их помощью. Артур опознал в Сидене несколько зданий, которые видел на Земле, и еще больше тех, о которых только слышал как о фантастических и нереализуемых проектах. Дьявольское наущение? Ну ладно, Госпожа не демон, но ведь и Эсимена не единственное княжество, правитель которого приложил свою руку к искусству в тварных мирах.

Думать об этом можно было, только если всегда помнить: ангелы подали людям не меньше идей.

Перед сорокакилометровой полосой парков, отделяющей Сидену от промышленной зоны, Артура остановили арханы. Он через всю столицу проехал со штурмовой винтовкой у седла, а внимание на него обратили только на выезде. Да уж, жизнь в княжествах, конечно, отличается от жизни на Трассе, но к оружию, кажется, и тут, и там относятся одинаково спокойно. Едет человек с «Перкунасом», ну и пусть себе. Мало ли какая у него надобность?

Ладно, остановили все-таки. Двое патрульных. Один остался в машине, второй подошел, представился сержантом архи Леонидасом и попросил показать разрешение на оружие.

Не было ни разрешения, ни вообще никаких здешних документов. Когда это выяснилось, арханов удивило только одно: то, что Артур живой. Ездить по Сидене без удостоверения личности, зато с тяжелым огнестрелом могли, оказывается, только вампиры. Они, вообще, многое могли и тут, и на Трассе. Прав вроде никаких, зато какие возможности! Упырь без документов и с оружием, на которое нет разрешения, нарушителем не считался. Артур ровно в том же положении, но живой, на свою беду, оказался почти преступником. Его задержали... потом задумались, а что с ним делать? Везти в участок, это понятно. Но как? Впихнуть его в приземистый патрульный автомобиль можно было, только испортив либо его, либо машину. Сошлись на том, что с арханами поедет «Перкунас», а Артур последует за ними своим ходом. Благо тут недалеко, не потеряются.

Даже если б захотелось потеряться, все равно бы не получилось. «Найзагай» – отличный байк, в своем классе лучший, но он дорожный, не сбежать на нем от быстрого арханского «Шурлака».

Отделение архи оказалось в паре кварталов к югу, в малоэтажном уютном жилом районе. Недорого, судя по вывескам магазинов и редких увеселительных заведений. Наверное, здесь жили люди, работающие в порту и на заводах там, за парками. В участке было чисто, немногочленно и спокойно, пока Артур не переступил порог. Стоило ему оказаться внутри, как большая часть ламп погасла, вырубилась аппаратура, взвыла и подавленно умолкла сигнализация. Арха Эсимены была достаточно богата, чтоб позволить себе магическое оснащение даже в заштатных участках, и вот результат.

Прежде чем в него начали стрелять, Артур поднял руки и быстро, громко сообщил:

– Ничего страшного, просто оборудование вышло из строя. – И добавил уже тише: – Знал бы я, что у вас тут столько магии, предупредил бы.

– Это ты сделал? – В голосе слышалась опаска. Куда-то в сторону был задан вопрос: – Он еще и маг, что ли?

– Я не маг. Это неконтролируемое воздействие, – объяснил Артур. – Аномалия.

Объяснениям не особо вняли, они как-то затерялись в бурной дискуссии по поводу того, что с ним делать. Тот факт, что его все время держали под прицелом двух неопознанных пистолетов, говорил, впрочем, о том, что рано или поздно объяснений непременно попросят снова.

Включились аварийные лампы... краткое дежавю вернуло в окруженную упырями «Чату». Но здесь из окон лился дневной свет, снаружи был огромный город, а упыри если и

бродили поблизости, то архой не интересовались.

– Сюда пройди, – сказал Леонидас, открывая дверь в куб со стеклянными стенами, который Артур из-за довольно удобной с виду мебели поначалу принял за странно оформленный кабинет начальника участка. – Сейчас разберемся, что за аномалия. Имей в виду, это адамант, так что никаких чар.

– И никакой магии, – хмыкнул Артур.

Леонидас малость стушевался, но в защиту легендарного адаманта тут верили крепко и не без оснований. Он не спасал, пожалуй, только от вампирских дайнов, потому что они не были ни магией, ни чарами. Талант, искусство, душевная предрасположенность – как от этого защищаться? Артур про адамант только слышал. Он знал, что это не миф, что вещество, сама суть которого – прочность, та, изначальная, доставшаяся понемногу разным земным материалам, действительно существует, хоть и не в тварном мире. Но представить, что из адаманта сделают стены обезьянника в полицейском участке, он не смог бы... да даже Альберт не смог бы, а у младшего гораздо лучше с воображением.

Звук стены не пропускали. Оставалось читать по губам. Еще поди выбери, кого «слушать». Дел у арханов хватает даже в этом спокойном районе, а Артуру хоть и интересно было узнать, чем живет рабочая Сидена, но не настолько, чтоб не интересоваться в первую очередь собственными перспективами. Какое-то время, правда, только о нем все и говорили. Несколько раз повторенное слово «демон» озадачило и даже задело. Никогда Артур не считал себя похожим на демона, и никогда его демоном не считали. Альберта за ангела принимали, было дело, но, во-первых, по глупости, а во-вторых, хоть природа у ангелов с демонами общая, а все-таки быть принятым за ангела как-то приятней. Артур сосредоточился на обсуждении, выяснил, что помимо прочего вывел из строя еще и сканер на входе в участок, так что опознать его природу своими силами арханы не могли. По этой причине в демонстве и заподозрили. Упыри тоже часто скрывают от людей, что они упыри, но, чтобы походя обезмажить вообще все приборы в здании, нужно быть из тех мертвяков, которых все знают. Ладно хоть ни на одного из них Артур не походил.

И как доказать, что он не демон? Местных даже крест и молитва не убедят, потому что ни о том ни о другом здесь понятия не имеют.

Придумать ничего путного он не мог. Дали бы ему поговорить хоть с кем-нибудь, глядишь, и убедил бы, что он человек, настоящий и чистокровный. Но кто ж будет с ним разговаривать, если он может оказаться демоном? Все-таки в Ифэрэнн многое с ног на голову. Бесправным упырям можно то, что непозволительно людям, имеющим все права. А истинные хозяева этого мира, демоны, считаются пугалами, с которыми нельзя не то что разговаривать, а на которых лучше даже и не смотреть. Вон, Леонидаса уже отправили к психологу. Это после пятиминутного-то разговора с Артуром, который демон только предположительно. А все почему? Потому что в их разговоре шла речь о «сделке». Сделкой сочли договоренность, что он на «Найзагае» едет за «Шурлаком» арханов. Однако туго у них дело поставлено, если даже такая мелочь считается зацепкой для уловления души. Молодцы ведь, если подумать. Договор с демоном, любой, даже самый пустячный, смертельно опасен, и здесь это, похоже, понимают. Именно потому, наверное, что демоны тут истинные хозяева. В тварном мире, увы, тоже. Но там никто не принимает их всерьез.

Размышления о демонах были прерваны появлением нового человека. В участок явилась немолодая женщина в шелковом платье, переливающимся густыми, сочными оттенками павлиньего пера, таких же шароварах и в вышитом борике⁶, покрытом сине-зеленым дорогим платком. Осанка у гостьи была царственная, взгляд холодный, губы неулыбчивые. Пока она шла от входа к адамантовой клетке, арханы вставали и вежливо кланялись.

Артур тоже встал и кивнул. Он понятия не имел, кто это, но раз все отнеслись к даме с

⁶ Б о р и к – девичий головной убор в виде шапочки, имеющей форму высокого конуса.

таким уважением, то, наверное, она того заслуживает. К его удивлению, один из арханов открыл дверь куба, безбоязненно впустил дорогую гостью и запер замок у нее за спиной.

– Добрый день, – сказал Артур.

– Здравствуйте, юноша, – прохладно ответила дама. – Я профессор Алимова из Института взаимодействия с демоническими формами жизни. А вы определенно не демон. Но арха мне заплатит как за полную консультацию. Что за манера дергать по любому пустяку! Зачем вы испортили сканер?

Искусно нарисованные брови приподнялись, как будто профессор вдруг увидела нечто интересное. Ничего интересного ни в клетке, ни в Артуре не было. Не должно было быть.

– Ну-ка, постойте... – Алимова сделала попытку обойти Артура по кругу, но он попятился к стулу, с которого только что встал. Еще не хватало, чтоб его противусолонь обходили неизвестные ведьмы, а в том, что гостя – ведьма, он ни на секунду не усомнился. Профессор, ха! Все они с магией знают.

– Вы что, спокойно постоять не можете? – с холодным удивлением произнесла Алимова. – В вашей ауре странный отпечаток, мне нужно его разглядеть... ох... – Она зажмурилась, инстинктивно прикрыв глаза ладонью.

Дверь немедленно распахнулась, и двое арханов буквально выдернули даму наружу.

Артур ничего не понял.

– Отпустите меня! – приказала профессор. Теперь Артур знал, как звучит ее голос, и, даже читая по губам, представил себе ледяные, высокомерные нотки. – Мой мнемограф в машине, принесите... Хотя нет! – Она подняла палец, и архан, уже бросившийся к выходу, остановился на полпути. – Не нужно. Мнемограф выйдет из строя, как вся ваша аппаратура. – Алимова села за ближайший стол, постучала пальцем по столешнице. – Записывайте!

Оказалась она за столом единственной на весь участок девушки, та почтительно кивнула, подсветила клавиатуру на столешнице.

– Человек, – решительно сказала Алимова. – Но в ауре непрерывно меняющийся узор из золотых нитей, который при попытке рассмотреть его получше очень ярко вспыхнул. – Она надавила на уголки глаз кончиками пальцев. – Очень ярко. У меня до сих пор цветные пятна перед глазами. Это можно не писать. А молодой человек не меньше вашего удивлен, и он совершенно не похож на злоумышленника.

Артур проникся к профессору Алимовой некоторым расположением. Правда, эти слова она наверняка сказала тем же безапелляционным тоном, что и все остальное, а значит, ее не послушают просто из принципа.

Архан-патрульный, напарник Леонидаса, подошел к госте и что-то сказал, не разобрать что, потому что к Артуру он оказался спиной. Брови Алимовой снова приподнялись.

– А что, если без документов, но не демон и не вампир, так обязательно преступник? – осведомилась профессор. – Он может быть из Немоты, пришел по Трассе, с Трассы можно попасть в любое княжество.

Патрульный сказал что-то еще. Алимова выслушала и покачала головой.

– Нет, мотоцикл в Немоте невозможен, – она недовольно поджала губы. – Но чем умножать сущности, проще предположить, что он был куплен на Трассе же. Золото духов не отличается от нашего. А другой мир, о котором он вам сказал... хорошо, не вам, вашему напарнику, это Немота и есть. Если она не другой мир, то что же, по-вашему?

И попробуй с ней поспорь. Даже не слыша голоса, Артур чувствовал, что интонации Алимовой убивают малейшее желание вступать с ней в дискуссию. Казалось бы, проще его самого еще раз спросить о том, откуда он взялся. Хотя, конечно, что профессор, что арханы, в другой мир, по-настоящему другой, не поверят. Они понятия не имеют, что, прежде чем родиться здесь, умерли в тварном мире, не знают даже о звездах и иных планетах, потому что нет здесь ни планет, ни звезд. Что ж, пусть будет Немота. Место не хуже прочих. Странные земли на границах, там, где музыка, создавшая княжества, была не слышна или

смешивалась с другой мелодией в непредусмотренной композиторами дисгармонии. Там не было демонов, там обитали фейри, демонам обычно враждебные, и даже там жили люди. Про людей из Немоты в Ифэрэнн ходили самые разные слухи. Их называли дикарями, потому что там не знали технического прогресса. Их считали чародеями, потому что любой ребенок, родившийся в Немоте, получал от фейри какой-нибудь подарок вроде вампирских дайнов. У них, разумеется, не было документов в понимании жителей княжеств. А еще Немота, пожалуй, объяснила бы для всех, способных видеть, заинтересовавший Алимову «золотой узор».

Вряд ли Немота объясняла байк несуществующей в Ифэрэнн модели, но здесь на помощь пришли сказки о Трассе, в мастерских которой якобы собирали уникальные машины.

Артур решил, что не станет ни подтверждать, ни опровергать версию Алимовой. Подтверждения, скорее всего, и не потребуется, потому что действительно ни к чему умножать сущности. А не опровергнуть не означает солгать. Выписали бы поскорей какой-нибудь мандат да отпустили. Взять с него нечего, а время-то идет.

Подождать все-таки пришлось. Версию о Немоте приняли, но, приняв, кажется, начали проверять. Артур мог улавливать только обрывки происходящего, но в какой-то момент и профессор Алимова, и арханы, включая тех, кто вроде потерял к нему интерес, снова стали на него смотреть. Дверь куба открылась, впуская внутрь офисный шум и голоса. Тут только Артур понял, как же тихо за алмазными стенами, так же тихо, как где-нибудь в дороге на безлюдном участке пути. Хорошее место для сосредоточения и раздумий, но, как большинство хороших мест, оцененное слишком поздно.

– Господин Северный, садитесь сюда, пожалуйста, – позвала девушка, та самая, за столом которой уже сидела профессор Алимова. На бэджке значилось «сержант Фаталиева», но на сержанта архан походила еще меньше, чем Алимова на профессора.

Для Артура поставили второй стул. А еще с ним были на «вы». Интересно, это хорошо или плохо?

– Где вы были в ночь с девятого на десятое этма?

Припомнив названия здешних месяцев, Артур сопоставил числа. Хмыкнул. В ту ночь упыри штурмовали «Чату».

– В мотеле «Чата» на Трассе, – ответил он.

– Расскажите подробнее.

Тут Алимова постучала по столу аккуратным ногтем.

– Не понимаю, почему я должна еще и учить вас разговаривать с людьми, – сказала она сержанту Фаталиевой, – как будто недостаточно того, что я снизила цену за консультацию. Вы даже не представились. Хотите кофе или чаю? – это было уже Артуру.

Тот глянул на сержанта, улыбнулся, наткнувшись на мрачный взгляд. Кому понравится, когда тебе прилюдно читают нотации?

– Просто воды, спасибо, – совсем отказаться было бы невежливо, об этом Марийка тоже успела ему рассказать. Она вообще немало рассказала про Эсимену, все-таки училась здесь.

– Сержант Эльвира Фаталиева, – отчеканила архан. – Господин Северный, будьте так любезны, расскажите подробнее о том, что произошло в мотеле «Чата» в ночь на десятое этма.

Артур рассказал. Слушали его всем участком. Сержант Фаталиева задавала наводящие вопросы, поэтому пришлось вернуться назад, к бою с Хариром, потом рассказать про одержимость. Артур был уверен в том, что вампиров захватил демон, но тут в допрос... или что это было? беседа?.. в общем, включилась Алимова. Ей непременно нужно было знать, на основании чего Артур запросто ставит такие диагнозы.

С учеными сложно.

– Демон знал обо мне то, чего не могли знать вампиры, – объяснил Артур.

Алимову объяснение не удовлетворило, но арханы уже спрашивали о том, что за заклинания он использовал, чтобы не пустить упырей в «Чату», а Алимова тут же, не дав ответить, поинтересовалась, откуда у него знания о демонах, если в Немоте их никогда не было. Хорошее место эта Немота, оказывается, Артур так и сказал. Вряд ли это было ответом на вопрос, но и Алимова и арханы, обступившие едва успевающую запоминать их вопросы сержанта Фаталиеву, уже добрались до главного. Уничтожить демона невозможно, даже чтобы развоплотить его, нужно быть магом или заручиться поддержкой демона более могущественного.

Это было одной из аксиом Ифэрэнн, да и в тварном мире Артур не раз слышал утверждения, что даже Господь не может уничтожить демонов, иначе давно сделал бы это. От утверждений таких недалеко было до мысли о том, что не Господь, значит, демонов и создавал. Но все теории легко разрушались практикой: одним-единственным ударом Миротворца. Нет, не по теоретикам, хоть и хотелось иногда приложить их обухом по темени, чтоб вправить мозги.

Миротворец по воле Божьей уничтожал демонов, Господь пожелал делать это руками Артура, и Артур был благодарен Ему за доверие...

Когда он понял, что проповедует, а не отвечает на вопросы, останавливаться было уже поздно. Да и незачем. Ничего плохого нет в проповеди, если она вовремя и к месту, а сейчас именно так и вышло. Слушали ведь, запоминали, Алимова вообще стенографировала. Не так сильна, значит, привычка к мнемографам у профессора демонологии. Не полагается демонолог на магию. И правильно делает.

– Так этот Бог, это что, не князь? – спросил Леонидас, нарушая негласное правило задавать все вопросы через ведущую допрос сержанта Фаталиеву. – Для духа из Немоты как-то круто, а?

– Поразительно! – откликнулась профессор, в кои-то веки не осадив нарушителя регламента. До этого она одним взглядом пресекала любую попытку вмешаться в разговор. – В научном сообществе существует теория, что у сулэмов есть своя религия, якобы они верят в единого Творца, в некую силу, создавшую и их, и... – кажется, Алимова хотела понизить голос, но в последний момент заставила себя продолжить громко и твердо: – ...создавшую и их, и князей. Возможно, до духов в Немоте дошли отголоски этой религии. В отличие от нас, духи необъективны и склонны к фантазиям, к тому же они всего лишь побочный эффект творения. Осознание своей неполноценности и ненависть к князьям делают привлекательной для них мысль о том, что и князья были кем-то созданы и могут быть уничтожены.

– А для князей что делает такую мысль привлекательной? – растерянno спросила сержант. Авторитет демонолога был в участке неоспорим.

– Возможность переложить на кого-то ответственность за себя, – профессор ни на секунду не задержалась с ответом, наверняка «в научном сообществе» эта тема поднималась не единожды. – Им вполне хватает того, что они отвечают за всех нас и за мир, который создали. Хочется, чтобы и за них тоже кто-нибудь отвечал.

– И мог уничтожить?

– Об этом лучше спрашивать самих сулэмов. – В голос Алимовой вернулся холодок. – Но я уверена, что возможность уничтожения они отрицают. Даже мы знаем, что это чушь, а они и подавно.

– Но... – сержант перевела взгляд на Артура.

– А это можно проверить, – пожала плечами профессор. – Имя демона нам известно, несложно выяснить, существует ли такой. Потребуется некоторое время... и средства связи. – Она выразительно стукнула ногтем по мертвому коммуникатору на столе.

– Есть аварийный коммуникатор, вас проводят, госпожа профессор. А мы пока выпишем данные для документов, хорошо? – Фаталиева улыбнулась Артуру. Арханы вообще сменили гнев на милость, когда выяснилось, что он вроде как сделал их работу на чужом участке. – Печатать в другом районе придется, там, где аппаратура работает. Может, все-таки чаю?

Артур согласился на чай, а пока отвечал на вопросы сержанта, уже строго по делу: где родился, сколько лет, имеет ли родственников в княжестве и за границей, и прочая, и прочая, отношения окончательно наладились, а сержант Фаталиева стала для него Эльвирой. Легко спрашивать и легко отвечать, когда спрашивающий уже построил относительно тебя свою теорию, в которую укладываются все странности в ответах. Артур говорил правду, ничего, кроме правды, а Эльвира слышала свою правду, и это полностью ее устраивало.

Рисунок ауры в паспорт перенесли с мнемографа Алимовой. На улице. Там мнемограф работал. А потом курьер с пакетом умчался в соседний участок, принесли обед из чайханы по соседству. От еды Артур отказался, день сегодня был постный. Алимова вернулась из кабинета с аварийным коммуникатором раньше, чем прибыл курьер с документами. И громогласно сообщила:

– Земус не уничтожен и не развоплощен. Что и следовало ожидать. Но по имеющейся у нас классификации это мелкий демон, не способный захватить разумное существо – ни вампира, ни человека. По вашему описанию, Артур, можно с большой вероятностью предполагать одержимость. Если это так, то вы изгнали какого-то другого демона.

– Другой демон? – переспросил Артур, пропустив мимо ушей все остальное. – Значит, Земус цел... – Он понял, что говорит вслух и заткнулся.

Другой демон. Неважно кто, важно, что Земус цел и еще может добраться до Барчанов.

– Мне нужен мой телефон.

Телефон вернули, заодно вернули и нож, и обе чресседельные сумки, и даже обоймы к «Перкунасу». Но не сам «Перкунас». Кто бы сомневался! Артуру пока было не до оружия и не до объяснений Эльвиры о правилах конфискации и о том, что он может получить разрешение на что-нибудь более легкое...

Все потом. Он набрал номер Себесты. Мэр ответил почти сразу и, услышав, что Земус не уничтожен, ничуть не удивился. Никто здесь не верил в то, что демона можно уничтожить, никто не верил в то, что человек, не маг, может демона развоплотить.

– Мы готовы к тому, что он явится, – заверил Себеста. – Как придет, так и уйдет, ты же научил нас что делать. Но хорошо, что ты о нас помнишь.

– Этому я вас не учил, – сказал Артур. – Для того чтобы отогнать демона, может не хватить одной только благодарности Господу. Тебе хватило бы, ты не боишься. Роману и Анне – нет. Поэтому запомни еще одну молитву и научи всех.

В полной тишине он читал молитву Священному Кресту. Почему все замолчали, почему даже аварийные лампы перестали гудеть, вообще не вникал. Молитва на то и молитва, чтоб отдаваться ей целиком. И когда учишь молиться другого, чтобы он научил еще кого-то, хорошо бы суметь научить не только словам и чувствам, но и отрешенности от всего сиюминутного и преходящего... Однако когда просторный зал взорвался сверлящим мозг визгом, пролетели от стены к стене столы, лопнули лампы и финальным аккордом вышибло пуленепробиваемые окна, даже отрешенность Артура дала трещину. Себеста заорал в трубку: «Что там у тебя?!» – так громко, что даже визг перекрыл.

– Спокойно! – нечеловечески низким голосом скомандовала профессор Алимова. – Все оставайтесь на своих местах. Не двигайтесь! Это массовый экзорцизм, живым ничего не угрожает! Не двигайтесь!

Вот для чего ей вредность и зазнайство, чтоб в таких ситуациях не теряться.

Арханы замерли кто где был. Большую силу воли, однако, надо иметь, чтобы не двигаться, когда мимо с бешеной скоростью летает мебель, пусть не тяжелая, но твердая ведь, остатки обеда, цветочные горшки и оргтехника. Артур продолжал молиться, Себеста, сообразивший, что другого ответа не дожидается, повторял его слова, и рано или поздно все успокоилось.

– Экзорцизм? – переспросила Эльвира, опустив пистолет и озирая разгромленный зал. – Массовый?

– Если вы из Коллегии, если это аудиторская проверка, то я должна сказать, ваши методы непорядочны. – Голос профессора Алимовой был ледяным. – Нам известно, что

защита общественных учреждений от демонов могла бы быть лучше, но мы делаем все возможное. Мы над этим работаем. Совершенно ни к чему устраивать подобные демонстрации.

– А? – Артур понимал, что вопрос развенчивает только что заработанное им звание кого-то там из Коллегии, да и вообще, пожалуй, лишает его права называться разумным. Но абсолютно ничего в голову не лезло. Какая Коллегия? Какие демонстрации? Он понятия не имел, что здесь столько мелких бесов!

Впрочем, Алимова и сама поняла, что никакая проверка не стоит цирка с отсутствующими документами, оружием без лицензии и выведением из строя всей магической аппаратуры.

– Какой-то приют для умалишенных, – констатировала она недовольно. – И вы только что еще кого-то научили этому заклинанию? Или это был сеанс экзорцизма по телефону?

Насчет сумасшедшего дома профессор была права: разгромленное помещение больше ничем не напоминало тот тихий участок, в который доставили Артура Леонидас с напарником. Гораздо больше оно теперь походило на офис арханов где-нибудь на границе с Немотой после нападения фейри. Ладно хоть отбитого нападения.

– Это вообще не экзорцизм. – Артур поставил на ножки ближний к нему стол, подвинул к нему стул, пригласил Алимову садиться. – Это молитва во славу Господа. Демонов просто корячит от молитвы, вот и все. Этих сильно раскорячило.

Да уж... очень сильно.

Пока не привезли документы, он помог навести хоть какой-то порядок. Здесь так же, как в «Чате», отношение к нему изменилось: арханы были вежливы, даже изображали дружелюбие, но держаться старались подальше. Чародей из Немоты. Не та репутация, которой хотелось бы, но он и не ожидал, что будет легко. Больше того, он не ожидал, что начнет привлекать к себе внимание и люди сами станут задавать вопросы о Боге. Понятно, что их пытаются отпугнуть. Это люди про Бога не знают, а демоны знают все, и они до сих пор не верят в то, что проиграли. Демоны до сих пор пытаются воевать. Таков порядок вещей, значит, так тому и быть, пока мир существует.

Документы у курьера забрала Эльвира. Достала из пакета небольшую карточку, протянула Артуру:

– Никакой магии. Вот эта пометка означает, что не рекомендуется использование магических сканеров. Аура нигде в княжествах не засвечена, никакого криминала, ничего, – последнее было сказано громко, чтоб слышали все заинтересованные.

В криминале Артура и не подозревали, по крайней мере, он на это надеялся. Но арханы просто обязаны были проверить, не случилось ли где-нибудь в княжествах чего-то вроде штурма «Чаты», каких-нибудь из ряда вон выходящих событий со стрельбой и одержимостью. Ничего не случилось, по крайней мере, ничего с участием Артура. Вот и хорошо.

Профессор Алимова догнала его уже на выходе, сунула в руки визитку.

– Позвоните мне, Артур. У вас огромный потенциал. Имейте в виду, наш институт крайне редко дает кому-либо направления на учебу, но вы его, скорее всего, получите.

– На демонолога, что ли, учиться? – Артур глянул на визитку, выяснил, что профессора Алимову зовут Жасмин, и предпочел поскорее это забыть. Несмотря на дивной красоты шелка и, в общем, привлекательную внешность, профессор гораздо больше походила на ледоруб, чем на нежный цветок.

– Это ваше призвание, а не... – она метнула взгляд на штрафную стоянку, где одиноко скучал «Найзагай», – бродяжничество и бессистемные экзорцизмы. Вы обязаны самореализоваться.

– Да не экзорцизм это был, – вздохнул Артур, – я просто молился. Любой так может, кто в Бога верует. Демоны страсть как боятся молитвы.

– Что ж, тогда позвоните, чтобы подробнее рассказать про этого Бога, – все так же уверенно распорядилась профессор. – Это интересно не только мне. Институт организует

семинар. Если хотите, директор пригласит вас лично.

– Быстро у вас дела делаются. Когда успели-то?

– Когда выясняла судьбу Земуса. Я сказала, что вы не местный и надолго задержаться не можете, директор заинтересовался, сейчас решаются последние вопросы в бухгалтерии. Семинар, разумеется, будет оплачен...

– Нет, – сказал Артур. – Я расскажу про Бога всем, кто захочет услышать, но я не возьму за это денег.

Брови Алимовой снова приподнялись, и Артур подумал, что она таким образом генерирует в себе новый заряд холода, взамен растраченного.

– Вот как? – произнесла профессор, действительно весьма прохладно. – И почему же?

– Потому что это подарок. За подарки не платят. – Он набрал номер Алимовой на своем телефоне, нажал кнопку вызова. – Вот. Теперь вам тоже есть куда позвонить, если будут вопросы. Когда я вернусь, мы договоримся о точных сроках этого семинара. Всего хорошего, госпожа Алимова.

Он остановился на ночлег в караван-сараях, двухэтажном каменном доме, во внутреннем дворе которого бил фонтан и цвели ранние мелкие розы. Снаружи, на стоянке, где вместо верблюдов и лошадей сгрудились грузовики, было шумно, там о чем-то спорили, чему-то радовались, из-за чего-то ссорились. Просто удивительно, как много есть поводов пошуметь у людей, которые встречаются разве что на таких вот стоянках. Артур приехал поздно вечером, уже практически ночью, а уезжал, как обычно, очень рано, еще при синем небе, но на стоянке как шумели, когда он прибыл, так и продолжали, когда уезжал.

Зато в кофейне, выходящей во внутренний двор, те же люди вели себя тихо-тихо. И поскольку все окна в номерах выходили туда же, на фонтан и розы, выпался Артур прекрасно. Перед отъездом он помолился за этот дом, и за его хозяев, и за гостей, шумные или нет, пусть им будет удача в пути. На Трассе такую гостиницу нельзя было представить. Стеклопакетные двери, огромные окна; ни у obsługi, ни у постояльцев нет под рукой оружия. Придется привыкать.

Глава 5

Жизнь все-таки всегда лучше смерти.

Эзоп

Интарафи оказался городом при университете. Чаще бывает наоборот – университет в городе, город может им гордиться, может досадовать на студентов, с которыми всегда сложно, может выделять или не выделять деньги на стипендии от мэра и особо влиятельных членов мэрии, но город все-таки остается главным и в собственном восприятии, и в глазах приезжих. Но случается и так, как в Интарафи, который, кажется, существовал только для того, чтобы профессорам и преподавателям было где жить, а студентам – на что жаловаться. Они не могли не жаловаться на замшелость, сонность и скуку этого маленького городка. Артуровский «Найзагай» был здесь, кажется, единственным байком, даже автомобилей на улицах почти не было, только велосипедисты. Понятно, почему компания Марийки хотя бы раз в месяц, но старалась сбежать в Энириву. Уж, наверное, не только ради безлюдного берега озера. Хотя и до Эниривы, и до других городов, где веселее и интереснее, чем в Интарафи, путь был неблизкий.

Артуру Интарафи понравился. Жить здесь он не хотел бы, так и мхом обрасти недолго, но остановиться на пару дней было бы неплохо. Красивый городок. Улицы, вымощенные вместо асфальта шершавой плиткой с орнаментом. Разноцветные, как на юге Сидены, дома с плоскими крышами, на которых были разбиты цветники. Кружева многочисленных беседок рядом с такими же многочисленными фонтанами. В Ифэрэнн не было солнца, поэтому ажурные ставни на окнах, ажурные крыши беседок и стены галерей не давали тени, но Артур

уже знал, что эсименские зодчие умеют создавать узоры, которые ловят ветер и дарят спасение от жары. Под этими кружевами всегда было свежо, гуляли легкие сквозняки, а белое свечение снийва не слепило глаза.

Здания университета были самыми красивыми в этом красивом городе и самыми необычными. Причудливый комплекс из белого камня, просвечивающихся насквозь галерей и разнообразных, но вписывающихся в общий сумасшедший стиль корпусов, жилых и учебных, расположенных на разных уровнях и, кажется, ничем не поддерживаемых в воздухе, кроме стеклянных, прозрачных переходов. Как будто белый, сверкающий стеклом и сталью взрыв света над темной-темной зеленью университетского парка.

Без магии в строительстве не обошлось, это точно. Но, поскольку в Сидене, где хватало удивительных, невозможных без колдовства зданий, ничего не рухнуло и не обвалилось, пока Артур осматривал тамошние красоты, хотелось верить, что и университету ничего не грозит. Понять бы, как работает этот его генератор безмагии, когда включается, на что действует. Но разобраться с этим до сих пор не удалось. Альберт не может проводить эксперименты, потому что там, где есть Альберт, там все работает без помех. А кроме него кто возьмется? Не так-то просто на Земле найти магов-ученых, согласных поэкспериментировать с безмагией. Да и не на Земле тоже.

Артур оставил байк на парковке, от которой к университету вело сразу несколько дорожек. По его представлению, это была стоянка для студентов и преподавателей, но никаких запрещающих знаков он не увидел, а на самой стоянке обнаружилась всего дюжина автомобилей. Велосипедов у коновязей было значительно больше. Какой хороший город! Здесь, наверное, всегда очень тихо и очень чисто. Рехнуться можно со скуки.

Поглядывали на него с любопытством, неуставная форма одежды все-таки. Большинство попавшихся по пути к центральному корпусу молодых людей было в костюмах, самых разнообразных, начиная от рубаш и шаровар из дорогого шелка и заканчивая двойками из дорогой шерсти. Не очень официально, но весьма строго. Серьезная молодежь тут училась. Те же, кто считал, что строгости и официозу в студенческой жизни не место, одевались и причесывались так, что Артур пару раз задумался: а действительно ли это стиль одежды или попытка отпугнуть демонов и злых духов? Впору было почувствовать себя старым и закосневшим, но Альберт столько раз шпынял его за косность, что выработался иммунитет.

Зато Артур начал понимать, что Марийка действительно была из очень хорошей семьи. Как и ее друзья. Очень хорошая семья – это аристократия, ни больше, ни меньше. В Интарифийском университете, по крайней мере в Институте управления и права, учили магов, отсюда выходили правители-колдуны, наместники сулэмов среди людей и те, кто ровня наместникам. Ничего себе, попутчица на Трассе! Теперь ясно, почему стычка в «Чате» получила такую огласку. Осталось понять, что с этим делать, как избежать проблем и воспользоваться возможными преимуществами.

Впрочем, одной проблемы, и существенной, он уже не избежал. Марийка была вампиром из очень влиятельной семьи, а он убил ее своими руками. Прекрасное начало.

Внутри его не пропустили. Задержали в холле, попросили документы. Простым смертным тут вообще нечего было делать, а университетский парк не охраняли, кажется, только потому, что он же был и единственным на весь Интарифи общественным парком. Пометка о том, что не рекомендуется магическое сканирование, охранника слегка озадачила, но это был толковый охранник, правильный, он немедленно уточнил у Артура, что не так с магией. А выслушав ответ про безмагию, извинился и решительно сказал, что не имеет права впускать его в здание. Резонно. Тут маготехники больше, чем в любом из участков сиденской архи. Охранник, в частности, попытавшись связаться с кем-то из начальства, чтоб узнать, не будет ли специальных указаний, выяснил, что его телефон уже не работает. Симпатии к Артуру это не добавило, но, в конце концов, сошлись на том, что он подождет снаружи, пока о визите доложат секретарю Института. А там уж как пойдет. Штурмовать Университет или корпус

Института управления и права Артур не собирался, а вот навестить в гости к секретарю во вне рабочее время ему точно никто бы не помешал.

Обошлось, впрочем, без экстремизма. В Институте о «Чате» знали, и сейчас это оказалось преимуществом, хоть Артур и собирался превратить преимущество в проблему. Поговорить с ним вышел лично директор, господин Гайтарым Шакил. Импозантный эсименец, колдун невест в каком поколении, весь в черном, только кушак, перехватывающий кафтан, был темно-синим, и с абсолютно белыми волосами, заплетенными в толстую, не очень длинную косу.

– Рад познакомиться с героем, спасшим четверых наших студентов, – сказал Шакил, отведывая Артуру глубокий поклон. – Мы провели свое расследование и выяснили, что в гибели госпожи Марийки вы не виновны и действовали единственно верным способом, – он поднял взгляд, и Артур понял, что не отражается в черных глазах, таких черных, что зрачок не отличался от радужки. – Семья согласилась с нашими выводами.

Госпожи Марийки? Артур не понял. Марийка – это же не фамилия, вон, друзья-приятели вообще сокращали ее до «Маки». И что значит «Семья», почему Шакил произнес это слово, будто с прописной буквы?

– Имя-то у них есть? – спросил он. – Марийка... и? Что за семья?

Наверное, Гайтарым Шакил редко удивлялся, вот и отвык. Смуглое, длинное лицо директора Института приняло такое странное выражение, как будто он пытался сохранить обычную невозмутимость, но мимика требовала отреагировать на необъяснимую ситуацию.

– Семья, – произнес он почти по буквам. – Господин Северный, зачем вы приехали?

– Найти семью Марийки, – честно сказал Артур, – извиниться надо, нехорошо получилось.

Он второй раз пронаблюдал подергивание мимических мышц Гайтарыма Шакила. А тот, справившись с собой, произнес таким тоном, будто говорил с недоразвитым ребенком:

– Господин Северный, если бы Семья хотела встретиться с вами, они бы уже с вами встретились.

– А вот это вряд ли, господин Шакил. Так как мне их найти?

– Я вижу, вы не понимаете, отпрыски каких фамилий у нас учатся. Откуда вы взяли?

– Считается, что я из Немоты, – буркнул Артур.

– Но вы не чародей!

– Считается, что чародей. Так что с семьей Марийки?

Шакил, кажется, хотел снова сказать, что если б с Артуром хотели встретиться, с ним бы встретились. Но один раз это не сработало, а могущественные колдуны, они многое понимают с первого раза. Так что, подумав секунду, директор неохотно посоветовал:

– Свяжитесь с юристом. Вот по этому номеру. – Он протянул визитную карточку. – Больше я ничем помочь не могу.

На Земле было то же самое. Везде одно и то же. Высокопоставленные семьи все одинаковые, с той только разницей, что семьи, наследники которых учились в Интарафи, не просто занимали высокое положение, но и обладали реальной властью. А в остальном то же стремление защититься от любого вмешательства в их жизнь. Бывало так, что их по одному сжигали фейри, считавшиеся семейными привидениями, но даже последние выжившие обращались за помощью только тогда, когда ситуация становилась безнадежной. И даже в безнадежной ситуации пытались врать, чтобы никто посторонний не смог узнать ничего лишнего, ничего личного.

Здесь то же самое. Интересно, фейри этим пользуются?

Артур позвонил юристу, нарвался на автоответчик. Этого и следовало ожидать. Он оставил сообщение, но только для очистки совести. От идеи разыскать семью Марийки он уже отказался. Незачем тратить время на затею, в которой тебе противостоят люди, а не демоны. Люди не враги, значит, лучше обойтись без противостояния. Упыри в данном случае тоже люди. Потому что не демоны.

Предстояло найти путь в Нижние Земли, в Преисподнюю.

Проще сказать, чем сделать. В Ад ведет много путей, но ни один из них не подходит, потому что это пути жизни, а не та дорога, которая может лечь под колеса байка. Наверное, в Нижние Земли можно было добраться по Трассе, по ней куда угодно можно добраться, но придется дать слишком большой крюк. Артур помнил карту: Трасса шла через все княжества, все двенадцать. Если потом она и приводила в Преисподнюю, то поездка все равно отняла бы чересчур много времени.

Трассу он оставил на крайний случай. Были подсказки, он видел не все, но в том, что они есть, не сомневался. И будут еще. Господь очень терпелив, он указывает путь снова и снова, даже уметь видеть не надо, чтоб знать, куда идти. Достаточно просто смотреть.

Артур помолился перед тем, как выехать с университетской стоянки.

Путь его лежал в Энириву.

Не так уж и далеко от Интарафи, пять-шесть часов по забирающейся все выше в горы дороге, по ухоженному серпантину, где за каждым поворотом открываются виды, один великолепнее другого. В Энириву стоило ездить уже ради этой дороги. Ради глубоких, заросших лесами ущелий, сверху похожих на переливающийся зеленый бархат невиданно глубоких, невиданно красивых оттенков. Ради мостов над быстрыми горными реками, цветов в трещинах пыльных камней, пропастей, у которых не было дна. Проезжая над одной из них, Артур остановился у края, спешил и долго смотрел вниз. Дна действительно не было. Не так высоки эти горы, чтобы не увидеть, где же заканчиваются пропасти, не разглядеть растущие внизу деревья или ленту ручья или, как бывало не раз, крошечную деревушку рядом с озером. Он понял, что знает дорогу. И все же сначала нужно было побывать в Энириве. Раз поехал туда и уже на полпути нашел ответ на вопрос, значит, путь нужно закончить. В Энириве ждут ответы на вопросы, которых он еще даже не задал.

Что за семья такая, в которой убийство дочери признается единственным способом решить проблему? Способ был единственный, но Артур не знал, не мог представить себе людей, которые согласились бы с этим, если бы речь шла об их ребенке. Он думал, что семья Марийки – вампиры, а не люди. Но что же это за вампиры, если одна из них учится в Интарафи? Обладая в княжествах фактической властью, номинально упыри не имеют ни власти, ни прав, и путь в Интарафийский институт для них закрыт. В любой другой – пожалуйста, хоть в том же Университете, но не в тот, где учат будущих правителей. Вопросы, вопросы... Когда Артур добрался до Эниривы, вопросов по-прежнему было больше, чем ответов.

На узких улицах Эниривы вольно гулял ветер. Во всех направлениях. Городок был выстроен то ли без учета розы ветров, то ли, наоборот, как раз ее и учитывая. Город для ветра и флюгеров, для сквозняков и поющих дымоходов, для множества бронзовых и медных колокольчиков, развешанных тут и там. Город для людей, но для них не в первую очередь. Чтобы жить здесь, нужно либо привыкнуть к непрекращающейся песне ветра и перестать замечать ее, либо любить эту странную музыку и получать от нее удовольствие. Пело все. Струнами отзывались на сквозняки кованые решетки балконов и перила многочисленных крутых мостиков, перекинутых над разрезающими город ручьями. Мелодично звенели цепи, на которых висели красивые резные вывески. Лепетали, шептали, звонко гремели колокольчики и бубенцы. Поскрипывали флюгеры. И, конечно, вел нескончаемую песню сам ветер, протискиваясь между домами, кружась над трубами, играя на всех предоставленных в его распоряжение инструментах.

Такой же маленький город, как Интарафи, но совсем не такой спокойный. Много машин, много людей, тут и там попадаются туристические автобусы. На всех улицах одностороннее движение: это и понятно, двум автомобилям тут не разъехаться. Следить за знаками приходилось очень внимательно, но оно того стоило: каждый дорожный знак в Энириве тоже был чем-нибудь украшен. На некоторых просто висели колокольчики, но попадались знаки, подпоркой для которых служили кованые стебли с цветами, или знаки,

которые держали в клювах взлетающие с карнизов, с деревьев, с фонарных столбов металлические птицы. С фантазией у местных все было в порядке. С головой, может, не очень. Немудрено рехнуться, если постоянно слушать ветер.

Хади говорил, что к озеру они всегда ходили пешком. Оно располагалось где-то недалеко от города, меньше часа пути. Маленькая долина, сосновая роща, а в центре – озеро. Туда не было дорог, по крайней мере ни Хади, ни остальная компания не смогла вспомнить дороги. Они оставляли машину, шли по Светлячковой улице, пока город не заканчивался, а сразу за городом начиналась роща. Очень толково. Хорошо хоть, название улицы известно и направление.

Артур оставил «Найзагай» на первом ярусе подземной парковки, похожей на замок горного короля. Здесь и обслуга была жадная, как гномы, и вряд ли из стремления соответствовать антуражу. Люди всюду люди, и многие из них бескорыстно любят деньги. Артур деньги тоже любил. Поэтому попытки навязать ему дополнительные услуги пресек решительно и беспощадно. На замечание, мол, у вас же антикварное оружие, оно же дорогое, значит, мотоцикл надо переставить в зону усиленной охраны, чуть было не предложил доброхоту попробовать забрать «антикварное оружие», но сдержался, попеняв себе за жестокость. Миротворец убить не убьет, даже не покалечит, но треснет больно. Нельзя людей на такое провоцировать.

Так что он просто сказал, что топор заберет с собой, а по поводу остальных вещей посоветовал сильно не беспокоиться, пообещал, если что пропадет, вчинить обычный иск, в рамках правил, и обойтись без членовредительства. Ну а как еще с гномами? Наживаться на одиноких путешественниках – плохая привычка, но неискоренимая.

Кроме Миротворца, Артур взял с собой веревку и крючья – малый альпинистский набор. Самый короткий путь – самый прямой, а прямые пути всегда сложные. Даже когда они ведут в Ад. Слухи о том, что туда проторены удобные дорожки, слегка преувеличены. Дорожки-то проторены, да только они не всем подходят.

Он закинул рюкзак за плечо, пожелал злему гному хорошего вечера и отправился пешком по извилистым улицам, по неровной брусчатке тротуаров под несмолкаемый перезвон и посвистывание. Небо темнело, наливалось красивой синевой, пока еще блестящей, бархатную глубину оно обретет ближе к ночи. На столбах, и над вывесками, и вокруг редких фонтанчиков для питья, и в крошечных скверах, обнесенных узорчатыми оградами, – всюду начали загораться золотые и серебряные огни.

Артур думал, Светлячковую улицу назвали из-за светлячков, а похоже, из-за фонарей. С неведомой целью их разместили в кронах деревьев, растущих по краю узкого тротуара. Что толку от такого освещения, непонятно: сквозь густую листву видно лишь неяркие проблески голубого и белого света. Смотрится красиво, но света почти нет, и если кто не видит в темноте, тем лучше по ночам на Светлячковую улицу не соваться. Она мало того, что в гору, в гору и в гору, так еще и плавный подъем время от времени сменяется ступеньками, и не все ступеньки освещены дополнительно.

Потом впереди стало светлее, что было странно, потому что по описаниям город там заканчивался и светиться ничего не могло. А еще через несколько минут Светлячковая улица вывела Артура на окраину, где сиял огнями «Гебер» – гигантский стеклянный куб, залитый светом изнутри и снаружи. Самая большая в Ифэрэнн сеть универсальных магазинов, идеальное место для покупки чего угодно, причем недорого. В «Гебере» разве что души не продавали, да и то... не факт. Вот только тут должен быть не «Гебер», а сосновая роща, спускающаяся к безлюдному озеру. И в этом Артур был уверен настолько, что предпочел не верить глазам своим. Супермаркет и полупустая автостоянка ему, конечно, не мерещатся, «Гебер» и правда построил один из своих магазинов рядом с Эниривой. Но... это не все, что здесь есть. «Гебер» для людей. А что тут есть для Марийки? Для нее и таких, как она, кем бы они ни были, вампирами или демонами.

Идти пешком – это часть ритуала, позволявшего людям вслед за Марийкой попасть туда, куда путь для них был заказан. Но только вслед за Марийкой. Потому что нужен

проводник, а без него хоть пешком, хоть на машине, ты все равно окажешься перед магазином и автостоянкой. Артур прикинул направление: выходило так, что идти надо напрямик сквозь «Гебер», и пошел вперед.

– Просвети взор мыслей моих, Приснодева, – попросил он вслух. – Ты, возлюбившая истину, яви мне сокровище и тайное премудрости Господней...

Как всегда, от молитвы стало тепло на сердце, но в тварном мире во время молитвы реальность становилась яснее и четче, а взаимосвязи между предметами и явлениями, причинами и следствиями, прошлым и будущим как будто подсвечивались. Не для взгляда, нет. Просто... ну многое становилось понятным, оставалось лишь удивляться, как же не видел этого раньше. А здесь, на полпути к сияющему золотым электрическим светом зданию, Артур почувствовал, как реальность меркнет и размывается. Он услышал музыку, которой и была эта земля, услышал звуки, которыми были эти несколько километров света и асфальта, автостоянки с одной стороны, сквера со старыми деревьями – с другой, чуть поодаль... и он услышал, как красивая, хоть и дикая мелодия гаснет, будто звуки поглощает слой мягкой пробки. Здесь была граница с Немотой. Звуковая лагуна. Плохая акустика в этом месте, когда Эсимена создавалась и была еще только музыкой, нематериальной, идеальной, чистой? Все возможно. Причины не так уж важны, главное, что в результате прямо посреди княжества образовался провал в Немоту, в место, где музыки нет. Она звучала, пусть и еле слышно, ее было достаточно, чтобы затянуть провал, сделать его безопасным для людей. Но достаточно было перестать слушать музыку, чтобы пройти ее насквозь. И Артур, поглощенный молитвой, миновал тончайшие слои мелодии, отметив для себя лишь то, что даже совсем тихая музыка оставалась прекрасной. С лагунами или без, Эсимена все равно самое красивое княжество Ифэрэнн.

Там, где стоял «Гебер», росли сосны. Роща спускалась вниз по пологому склону широкой чаши, похожей на кратер старого вулкана. Стройные стволы, темные кроны, хвойный запах, которому не хватало обязательного для сосняков запаха солнца, но это восполнялось ароматом неярких ночных цветов. Их тут было много: белые, лиловые, голубые соцветия на оплетающих корни и кусты стеблях. И так же много было светлячков. Настоящих, но тоже золотых и серебряных, как фонарики на улицах Эниривы. Светящиеся жуки плясали в воздухе, вились вокруг сосен, мерцали на листьях и траве. Их были сотни, и от них было достаточно света, чтобы спуск вниз, без тропинки, по изрытой корнями земле не составил труда. Никаких звезд в Ифэрэнн, и можно подумать, будто часть звездного неба укрылась в этой долинке. Не хочется им гореть среди снйива, гораздо приятнее и веселее танцевать среди цветов. И провожать неосторожных смертных, которые самоуверенно идут туда, куда дорога заказана.

Артур заметил, что светлячки следуют за ним. Они освещали путь, это правда, но вело их, скорее всего, любопытство, и вряд ли доброжелательное. Немота, даже границы Немоты – неподходящее место для людей, если только их не сопровождает кто-нибудь вроде Марийки. Так кто же она все-таки? Не демон, нет, это точно. Но и вампиром она быть не может, потому что они не учатся в Интарафи. Даже потенциальные жертвы вампиров не учатся в Интарафи. Слуги вампиров занимают в княжествах очень высокие посты, но не настолько высокие, как те, на которые приходят выпускники Интарафийского института. Значит ли это, что Марийка – человек, но человек проклятый, боящийся Миротворца, опасного лишь для нечисти, нежити и по-настоящему черных душ?

Да куда там? Проще поверить, что Марийка – демон, только демонам тоже незачем учиться среди людей. К тому же демону трудно пришлось бы здесь, в окружении фейри. Светлячки – это же так, баловство, а где-то рядом есть твари гораздо страшнее и опаснее. Если лагуна до сих пор не заполнена музыкой, значит, ее охраняют, и стража до сих пор не напала лишь потому, что всем интересно посмотреть, что Артур собирается делать. Насчет демонов они бы не любопытствовали, накинулись сразу и гнали незваного гостя обратно в реальность Эсимены так, что только перья летели бы.

Марийка приходила сюда, приводила людей, их не выгоняли, больше того, их

принимали достаточно тепло, чтоб и людям, и Марийке нравилось бывать в долине снова и снова. Почему? Фейри неплохо относятся к упырям, считают их отдаленными родичами, младшими родичами, бедными и больными, но все-таки не чужаками. Поэтому не обижают. А бывает, что и покровительствуют. Значит, Марийка все-таки вампир? Ох, рехнуться можно, если долго об этом думать. Нет смысла искать ответы на неверно поставленные вопросы. А для верной формулировки пока недостаточно информации. И будет ли ее когда-нибудь достаточно, зависит от того, чем закончится рейд в Преисподнюю.

На этой здравой мысли Артур наконец вышел из леса к озеру.

Здесь было светло. В Ифэрэнн вообще, на удивление, много было света. Не только демоны пытались создать хотя бы жалкое подобие солнца и звезд, фейри тоже искали что-нибудь похожее. Как можно больше света. Любого. Разного. Лишь бы он был.

Озеро светилось само по себе. Прозрачная, зелено-голубая вода, сквозь которую видно устланное жемчугом дно. Обманчиво-близкое. Знакомый эффект. Здесь довольно глубоко, здесь может быть даже очень глубоко, если эта долина действительно кратер вулкана, но вода так прозрачна, что глубину невозможно ни увидеть, ни почувствовать, а пронизывающий водную толщу свет усиливает впечатление того, что дно вот оно – рукой подать.

У берега, правда, так и было.

Артур сел у воды, положил Миротворец на колени и какое-то время просто смотрел в воду, на неподвижные водоросли, на неторопливых рыб, на перламутровые переливы жемчужин, которые были здесь вместо гальки. Красивые. Очень красивый жемчуг, разноцветный, разной формы и размеров, наверняка тоже волшебный, как и все здесь. Он думал о жемчуге, думал о Марийке, молился Пречистой. Не искать ответы на вопросы, которые не можешь задать, это верное решение. Артур ответы и не искал. Просто разговаривал с Ней и вспоминал Марийку, все подряд: мимику и жесты, привычки, взгляды, любимые словечки, характер и те его стороны, что были очевидны, и те, которые Марийка хотела скрыть. Трудно отличить одно от другого, он не очень-то хорошо разбирался в людях. Если честно, то и Она тоже.

– Проклята, – сказал он честно, – ее слепит Твой свет. Но она не демон, значит, шанс есть.

Его Собеседница полагала, что шанс есть у всех, и всех старалась спасти, даже тех, кто никак не заслуживал спасения. Но Ей, конечно, было виднее, Она дальше видела и больше знала. Она только не знала, хочет ли Артур спасти Марийку ради самой Марийки или ради того, чтобы не чувствовать себя виноватым. А он не чувствовал. Никогда не винил себя в уничтожении нежити или нечисти, какими бы они ни были человеческими, какую бы симпатию ни вызывали. Жизнь людей важнее.

Получалось, он действительно хочет спасти Марийку, а не себя.

– Спасибо. – Он понял, что улыбается.

Всегда с ним так, когда он Ей молится. Это понятно, хоть, наверное, и не очень правильно, что молитва Приснодеве дарит больше радости, чем полные благодарности молитвы Господу. Но Она ведь... ох, да что там!

Здесь, у берега, было совсем неглубоко. Артур сунул руку в воду, взял со дна приглянувшуюся молочно-золотую жемчужину. Но не зря вода светилась, что-то в ней было искажающее цвета, потому что когда он вытащил добычу на воздух, жемчужина оказалась с заметным алым оттенком, проступающим словно откуда-то из глубины. Много ли той глубины в шарике размером с голубиное яйцо? Видимо, достаточно, чтобы волшебство, создавшее этот жемчуг, добавило ему красок.

– Не совсем то, что нужно. – И все же алый проблеск в золотисто-белом сиянии притягивал взгляд, был красив, хоть и казался... неуместным? просто странным? – Жаль. Я думал, она подойдет Тебе.

Марийке... эта жемчужина подойдет Марийке. Артур не в первый раз получал совет от Пречистой, но насчет подарков женщинам – точно впервые. Он так изумился, что чуть не

выронил жемчуг обратно в воду. От греха подальше сунул в нагрудный карман, застегнул клапан.

– Так и сделаю. Спасибо.

Задерживаться у озера он не стал. Отправился по берегу дальше, на другую сторону волшебной долины. И после часа пути через сосновый лес, в запахах цветов, в светлячковой праздничной круговерти нашел то, что искал. Долина не была кратером, ее западная сторона, обращенная к Эсимене, выглядела как край чаши, но сторона восточная не поднималась вверх, а уходила вниз. Заросшее лесом плато, в центре которого озеро, а край срывается в бездонную пропасть – вот как выглядела долина отсюда. И у пропасти действительно не было дна.

То, что нужно.

Артур сел на краю и достал кисет. В хорошем, тихом месте, где не надо никуда торопиться, можно было позволить себе выкурить трубку. Дело неспешное, требующее внимания и времени. Гораздо лучше сигарет, которые, в сущности-то, просто потакание вредной привычке. Тоже, конечно, помогают думать, но помогают как-то суетно, на бегу, и думать с сигаретой получается только о суетном и сиюминутном. Правда, и об этом думать надо, вот уж с чем не поспоришь. Но не сейчас.

Сейчас ему предстояло из хорошего тихого места спуститься в место нехорошее и, пожалуй, очень шумное.

– Прямо вся наша жизнь, – пробурчал Артур, разглядывая опускающиеся вниз клубы голубоватого дыма. – И я бы понял еще, если б силой гнали.

– «А никто не гнал! – тут же откликнулся Альберт, которого угораздило именно в этот момент выйти на связь. – Сидел бы дома, мне бы не пришлось тут командос изображать».

– Сидел бы дома, уже и дома бы никакого не было, – напомнил Артур. – Я бы его сам...

– «Но мне ведь не пришлось бы изображать командос», – парировал Альберт, как всегда, не заботясь о том, что перебивает.

Формально он был прав, и Артур не сразу нашелся что сказать.

– Зато ты можешь стрелять из автомата, сколько захочешь.

– «Да щас! Будто я не знаю, что ты, когда вернешься, спросишь за каждый патрон». – Альберт притворился до того несчастным, что Артур чуть не повелся и не сказал, что не будет ни за что спрашивать. Вовремя прикусил язык. Дело-то не в патронах, патроны на войне не считают, а у младшего там война. Но купишь разок на его нытье, пообещай ему что-нибудь, вроде «ни за что не спрашивать», и вся педагогика насмарку.

– Как там у тебя? – спросил Артур.

И, пока курил, пока разбираал снаряжение, Альберт рассказывал ему о войне, о Земле, о том, что осталось от Земли и вообще от тварного мира. И о том, что все это может закончиться так, будто ничего и не было, если только тот, кто может спасти мир, захочет его спасти.

О последнем Артур знал и сам. Еще он знал, что рано или поздно так и случится. А еще знал, что мир не стоит спасения. Очень плохое знание, но очень правильное. Мир, спасенный ценой души, будет уже не тем миром, что был спасен ценой жизни. А если уж даже тот, прежний, мир заслужил уничтожения, что говорить о будущем? Зачем он вообще будет нужен?

Из-за надежды. Он будет нужен для того, чтоб оставалась надежда на спасение для всех.

Монотонная работа очень помогает думать – рано или поздно это открывает для себя любой думающий человек. Что интересно, каким бы думающим человек ни был, но до этого открытия он уверен, что монотонная работа ничему не помогает, а, наоборот, очень мешает жить и делать что-нибудь полезное.

Артур ничего такого все еще не открыл, однообразие терпеть не мог, но принимал утверждение на веру, потому что так говорил Альберт, а Альберт про то, как лучше думать,

знал все. Он же все время думает. Артур спускался по бесконечному склону в бездонную пропасть, понимал, что более монотонное занятие трудно вообразить, и хотя оно требовало внимания, думалось под него хорошо, хоть и не о хорошем.

На Земле начался Конец Света, не тот, что описан в Откровении, но тоже подходящий для того, чтоб все закончилось и те, кто заслужил Царства Божия, пришли в него, а те, кто не заслужил, получили, что заслуживают. Где в это время должен быть рыцарь Пречистой Девы? В первых рядах тех, кто сражается с хлынувшими на Землю адскими полчищами? Правильно. А если сражение с адскими полчищами как раз отдаляет уничтожение мира? Отдаляет цель, ради которой мир стоило бы уничтожить? Конец Света – альтернативный, полчища – не адские, и без его вмешательства ничего не закончится так, как задумано. Ничего не закончится. Мир уцелеет.

Так где в это время должен быть рыцарь Пречистой Девы?

Тот факт, что у него некрещеный брат и большинство друзей в лучшем случае язычники, а в худшем фейри, наверное, тоже имел значение. Никому из них не дано было попасть в Царство Божие, пока они не примут Бога всей душой, а над этим еще работать и работать. Артур тогда недолго думал над тем, где его место. Он должен был уничтожить тварный мир, он знал, что рано или поздно сделает это, но предпочел подождать настоящего Конца Света. Он был создан не только для того, чтобы разрушать: Господь никогда не создал бы существо, единственное предназначение которого – уничтожение мира, Господь вообще никогда не создал бы существо с одним-единственным предназначением. Всего-то и нужно было найти другое место и другую точку приложения сил.

Он нашел...

Склон стал вертикальным. Артур повис на веревке и несколько секунд изучал серый неровный камень перед глазами. Вершины скалы уже не видно. Подножия не будет видно никогда. Он ведь знал это, когда начал спускаться. И он все равно будет спускаться. Господь любит метафоры, и конечно же Он прав: история с картинками всегда лучше и понятнее. Но за собой склонности к метафорам Артур раньше не замечал и сейчас предпочел бы, чтоб она никогда и не проявлялась.

Он нащупал мыском ботинка выступ на стене и продолжил спуск.

Он не заметил, когда снова оказался в Энириве. Однообразие бесконечного склона, одни и те же движения, никаких перемен, ничего, что могло бы привлечь внимание, – все это действовало усыпляюще, но ведь невозможно заснуть, спускаясь почти по отвесной стене, совершенно по незнакомому маршруту.

Однако факт оставался фактом: в какой момент он попал со скалы в Энириву, Артур не заметил.

Другая Энирива, пустой город под мутным, словно заболоченным небом. Дома с выбитыми окнами похожи на затаившихся в ожидании чудовищ, подъезды щерятся голодными пастьми, улицы щупальцами лезут под ноги. Схватят, оплетут, утянут в жадную глотку. Город сожрал всех живых, но по-прежнему был голоден. Поющие улицы, бесконечные колокольчики, флюгеры, решетки, причудливые дымоходы стали ловушкой для ветра, и от его бесконечного воя, стога, жалобных воплей, пробирала дрожь.

Ветру было больно...

Артур понял, что боль постепенно добирается и до него, будто каждая кость в теле начала отзываться на это нытье. Только ветра никакого не было. Артур шел по улице, держась подальше от стен домов, подальше от раскачивавшихся, оторвавшихся от креплений решеток, от тяжелых вывесок, едва державшихся на цепях. От накренившихся флюгеров, готовых пригвоздить к земле любого, кто окажется слишком близко. Все качалось, скрипело, грозило вот-вот упасть. Но не от ветра. Духота на узких извилистых улицах, ни единого сквозняка, и все же над городом стоял мучительный стон боли.

– Это люди, – пробормотал Артур, – это же люди, да?

Он остановился на крошечной площади, где в фонтане медленно бурлила, переливаясь

через край, густая темная жижа. В зеленовато-болотных сумерках цвет было не разобрать, но оно и к лучшему. Артурухватило запаха. В омерзительных пузырях, вздувающихся на поверхности, проступали искаженные лица.

Люди, нелюди, подчас одних было не отличить от других, так изглодала их невыносимая боль. Такая знакомая. Чужая. Чужая боль страшнее своей, Артур это знал, выучил навсегда, когда у него на глазах бешеная тварь, чудовище в человеческом облике, пытала Альберта. В те дни было радостью, когда тварь переключалась на него. Радоваться пыткам... безумие. Но так оно и было. Да и мудро не сойти с ума в аду, пусть и рукотворном.

Эти люди здесь, люди, кричащие так страшно, терзающиеся так невыносимо, они все заслужили свою участь. Иначе быть не могло: Господь милосерден и терпелив, и Он прощает до последнего, и Он спасает всех, кто хочет спастись. Но тех, кто отказывается от спасения, кто не хочет прощения, Он не станет неволить. Каждый выбирает сам.

– Они не выбирали этого, – сказал Артур вслух, – да-да, их предупреждали, много раз предупреждали, и они не вняли предупреждениям. Но они не понимали. Никто не выбрал бы такое... – Он выдохнул, он хотел бы не дышать, потому что боль пропитывала даже воздух, проникала в кровь с каждым вздохом, и спросил, хоть и знал ответ: – Они тут навсегда?

С кем разговаривал? А главное, зачем? Он же не сомневался в справедливости наказания, просто боль оказалась слишком сильной. Невозможно поверить в то, что кто-то согласился на нее добровольно.

А он согласился бы остаться здесь вместо этих людей? Дать им еще один шанс, еще одну жизнь, еще одну возможность спастись? Теперь они знают, что такое настоящее наказание, а значит, сделают все, чтобы избежать его. Спасут себя. Или хотя бы не станут отказываться от спасения, будут жить снова и снова, не способные подняться в Небо, но защищенные от Ада.

Тут было о чем подумать, но больно было так, что думалось плохо, поэтому Артур не стал тратить время. Он сказал:

– Конечно. Но Марийка тоже должна уйти.

И понял, что сам себя переспорил. Оказывается, не так уж и плохо соображает, даже когда больно и страшно. Он только что осознанно выбрал ту же участь, что и эти люди, чей выбор показался ему невозможным.

Парадокс?

– Дурацкий парадокс, – буркнул Артур, которому было не до шуток.

С уроками часто так: чем болезненней, тем наглядней. Тем в итоге эффективней. И теперь он знал, что делать. Имя каждого из проклятых пронизывало его вместе с терзающей их болью. Никакой надежды для лишенных спасения, никакой, никогда, но тот, кто верит, всегда надеется. Артур верил, и его надежды должно было хватить для всех, неважно, прокляты они или нет. Спасение возможно. Не сейчас, не завтра, но когда-нибудь – обязательно. Просто нужно хотеть спасти их. А он хотел. Никогда не верил в рассказы о праведниках, которые, глядя с Небес, наслаждаются муками грешников в Аду. Впрочем, он и праведником никогда не был.

Преклонив колени на залитой кровью мостовой, Артур молился. За каждую из тысяч душ, чьи имена услышал и запомнил. Он просил за них и просил уже не Пречистую. Она Заступница – это правда, и Она была здесь, в Преисподней, но Артур не хотел, чтоб Она видела это снова. Пречистая защищает всех. А он защищает Ее. И неважно, что Ей не нужна защита.

Артур молился. Боль и страх остались только в воспоминаниях, он помнил о них потому, что именно от них и просил избавления. Он молился о спасении для проклятых и видел, что ждет их, ждет всех, кто найдет в себе силы верить и жить по вере. Это всегда было удивительно и чудесно: видеть Небо отовсюду, из самых прекрасных мест тварного мира, и рукотворных, и первозданных, и из самой грязной грязи, из самой страшной боли. Когда-нибудь... обязательно. Когда Господь решит, что пора. Скорее всего, это будет уже после

того, как тварного мира не станет.

Но не сейчас. Как бы этого ни хотелось.

А вот Марийка нужна ему сейчас. Прямо сейчас. Такая, какой она была, а не родившаяся заново где-то в тварном мире.

– Помоги ей, – попросил Артур напоследок, – пожалуйста. Даже если она сама хотела стать вампиром, это я отправил ее сюда, лишил надежды. Она даже не знает о Тебе. Я почти ничего не успел рассказать.

– Он что, за мной сюда пришел? – ахнула Марийка, глядя на коленопреклоненную фигуру, окруженную почти невыносимым для взгляда золотым сиянием. – Татай⁷, он что, все еще живой?

При желании она могла увидеть то, что видел Артур, но предпочитала смотреть по-своему. Никаких кошмаров, никаких бесконечных страданий, просто многое множество сфер, прилепившихся друг к другу, как гроздь мыльных пузырей. Каждая сфера – душа каждого проклятого, его личный ад, собственная темница. Проклятые пытали сами себя в меру разума и фантазии. Такое место... Не все в царстве прадеда были прокляты, хватало и других мертвых. Бывает так, что личность слишком сильна и красива, чтоб душа могла забыть ее и родиться снова. Эти люди, когда прадед забирал их, оставались собой и жили, то есть существовали... или все-таки жили?.. в общем, обитали и здесь, и в Ифэрэнн, и в тварном мире, среди фейри Полуночи. Но хватало и проклятых. И смотреть на них Марийке совсем не хотелось.

Отец ненавидел это место, а брату нравилось здесь бывать. Брату нужны были боль, кровь и ужас. Что ж тут поделаешь? У каждого своя диета. Марийка любила брата, но отца любила больше. Отец был человеком, и она была человеком. А брат был ангелом. Ангелы, они... странные.

Кем был прадед, она вообще не знала. Кроме того, что он Смерть конечно же. Об этом-то всем было известно.

– Это случается, – отозвался прадед, – редко, но бывает, что любовь оказывается сильнее смерти. Но никому вернувшемуся отсюда не удалось жить счастливо.

– П-при чем тут... – Марийка возмущенно подпрыгнула. – Татай, ну ты чего?! Мы десять дней как знакомы. Он святой, святые же здесь тоже бывали! Без всякой там, без всякого этого...

– Бывали. Но он не святой. И он убил тебя своими руками, а это то же самое, что любить.

Покраснеть Марийка не могла, в смысле, физически, но прадеду-то на нее смотреть не нужно, чтоб понять, будь она живой, у нее уже полыхали бы уши и горели щеки.

– Он молится за проклятых, – отрезала она, – и он в Аду. Он молится за проклятых в Аду. Он не может не быть святым.

– Для них он святой, – согласился прадед невозмутимо, – отмолит всех и спасет для новой жизни. А о новой жизни для тебя он не молится. Значит, для тебя он не святой.

– Святые не бывают для кого-то, они или святые, или нет... – пробормотала Марийка, которая всегда путалась, когда заходили такие разговоры.

Прадед с братом могли говорить про Белого Бога и веру до бесконечности, им было интересно, отец злился, а Марийка быстро запутывалась и начинала скучать.

– Значит, он не святой, – прадед никогда ни в чем не запутывался. Смерть-путаник – это было бы чересчур. – Ты хочешь с ним уйти?

Марийка все еще не поняла толком, что Артур ее убил. Она это знала, но никак не могла осознать. Шок, наверное. Это же всего второй раз, а первый был не по-настоящему: в первый раз она умерла, чтобы стать собой, что-то вроде инициации, не больно, не очень

⁷ Дедушка (рум.).

страшно и под присмотром. Во второй раз, наверное, было больно, она не помнила, а испугаться не успела. Сначала ее захватил демон, а потом пришел Артур... и сразу следом за ним – прадед. Вот и все. Как тут осознать, что тебя убили?

Дома относились к смерти философски, а к Смерти – как к ушедшему на покой главе семьи. Прадеда Марийка любила, но умирать боялась. Или любила жить? Слишком много времени проводила с людьми, а люди, они же совсем иначе смотрят и на жизнь, и на смерть. Вообще почти все, даже демоны, смотрят иначе, не так, как ее родные. Получалось, что она застряла где-то посередине между человеческим восприятием и семейным, а своего не сложилось. Это нелепо, но первое, о чем она подумала, когда демон исчез, а прадед привел ее к себе: «В Институт теперь нельзя». Ей нравилось учиться в Интарафи, и потеря этой возможности стала первой в списке. Потом – друзья. С ними тоже больше не встретиться.

И все. Никаких больше поводов грустить, или злиться, или что положено делать тому, кого убили? В том-то и дело, что обычно убитые не делают ничего, они же мертвые, их просто нет. Душа – на перерождение, тело через сорок дней исчезает, а грустят, злятся, сожалеют те, кто остался. Живые.

Брат и отец не злились, но... они ей сочувствовали. Оба немедленно примчались к прадеду, бросили все дела, не оставляли Марийку одну и, наверное, ожидали, что у нее в любой момент случится истерика или хоть какая-то человеческая реакция на смерть. По их поведению – даже отец, всегда очень строгий, и то был внимателен и заботлив, – Марийка поняла, что произошло нечто плохое, нечто неприятное. Но почувствовать это плохое и неприятное так до сих пор и не получилось. Брат посмеивался над отцом, говорил, что тот наконец-то понял, что второй ребенок у него – дочка, а не еще один сын и что к дочкам надо быть добрее. А отец, против обыкновения, даже ни разу его не приструнил так, чтоб подействовало.

– Татай, я должна его ненавидеть? – спросила Марийка.

Артур закончил молиться, но золотое свечение вокруг него не погасло. Он и правда святой, только он пришел почему-то не сразу в Нижние Земли, а сначала в Ифэрэнн. Почему? Зачем? Он сам-то знает?

– Тебе решать, – ответил прадед, который ничего не знал о ненависти, это одно из чувств, недоступных Смерти, – но ты ведь не умеешь выбирать нужную эмоцию, ты просто чувствуешь или не чувствуешь.

– Он меня убил.

– И ты думаешь о том, что больше не увидишь друзей и не вернешься к учебе. Не похоже на ненависть.

– Да. – Марийка растерянно кивнула. – И он за мной пришел. А почему я должна решать, идти с ним или нет? Ты разве не можешь ему отказать?

– Он спасет многих проклятых, – ответил прадед, – это только между ним и Белым Богом, не касается меня, не я караю души, я просто забираю их, когда приходит время. Ты – другое дело, я могу не отпустить тебя, если ты не захочешь уходить и если он не захочет отдать выкуп. Но обсудить с ним условия я обязан, таковы правила: если у кого-то из живых достанет силы и смелости прийти в мое царство, я буду говорить с ним и узнаю, чего он хочет. Приходят редко, – добавил он, – смерть сильнее любви.

«Редко» для Смерти, существовавшего, кажется, вечно, – это «никогда» для всех, кто не застал начало времен. Ну... почти никогда. Марийка знала все случаи, когда живые приходили к прадеду, этих случаев было больше, чем тех, когда живые уходили не в одиночестве. Потому что есть же еще и плата.

– А если я захочу с ним уйти, ему не надо будет платить?

– Думаешь, те, за кем приходили другие, не хотели уйти? – вопросом на вопрос ответил прадед.

– Они же не были твоими родственниками, – хмыкнула Марийка, – к тому же Наэйр кучу раз забирал у тебя своих подданных и ничем не платил.

– Этот рыцарь не мой родственник.

– Я зато твой родственник. И вообще единственная девочка в роду. – Она вспомнила насмешки брата над отцом и добавила: – Меня беречь надо. У меня тонкая душевная организация.

В этот раз прадед молчал довольно долго. Но не похоже, чтобы он взвешивал резоны. Марийка сказала бы, что он подбирает самый понятный ответ.

– Наэйр просил меня взять плату, – ответил наконец Смерть. – Малыш – провидец, он знает, о чем говорит, если он сказал, что так нужно, значит, я это сделаю. И еще он сказал, что рыцарь заплатит.

– И это изменит что-то... когда-то... – пробормотала Марийка. Брат, живущий вне времени, видел будущее так далеко, что мог заглянуть даже во времена после Конца Света. – Один камешек сейчас станет лавиной когда-нибудь потом. Я надеюсь, нас не зацепит.

– Нас? – переспросил прадед. Он улыбался, Марийка не видела его, но могла поклясться, что он улыбается. – Тебя и?..

– Всех нас! – ответила она быстро, понимая, что опять краснеет.

Молитва помогала, иначе и быть не могло. То, что он не начал молиться сразу, едва оказался в Преисподней, можно объяснить только болью, она сбила с толку, а страх запутал и заморочил. Сейчас было уже гораздо легче, только имена оседали в памяти, давили, они и будут давить, пока он их не отмолит. Кто бы мог подумать, что он когда-нибудь пожалеет грешников, добровольно отвернувшихся от Бога! Даже как-то... неловко. Главное, чтобы Альберт не узнал. Засмеет, паршивец.

Артур улыбнулся. Сейчас, если честно, даже насмешки были бы в радость: он соскучился по младшему. Столько лет вместе, расставаясь от силы на несколько дней, а теперь – вот так, в разных мирах, и даже увидеть друг друга не всегда получается, только поговорить.

– Зачем ты пришел, смертный? – прозвучал бесплотный голос. Звук, низкий, как рев самолетных двигателей, доносился сразу отовсюду, будто заговорила сама Преисподняя. – Это царство смерти, живым здесь не место.

– Я за Марийкой пришел. – Артур был уверен, что, кто бы ни говорил с ним, этот кто-то знает, зачем он явился. Но ритуал есть ритуал. Правила надо соблюдать, иначе никакого порядка не будет. – Если живым здесь не место, так отдай ее, и я пойду.

– Ты знаешь закон? Живой, пришедший в мое царство, может говорить со мной, может просить, но чтобы получить то, о чем просишь, нужно заплатить.

– Душу не отдам. – Артур пробежал пальцами по чехлу на лезвии Миротворца. – А так, выбирай, что хочешь забрать.

– Твою самую великую победу, – незамедлительно ответил голос.

Никакой паузы, никакого раздумья. Хотя... он, наверное, вообще не думает. Это же Смерть? Наверняка он самый и есть. А Смерти думать не надо, он и так все знает.

– Я думал, у меня уже была самая великая победа, – ответил Артур честно. – Столько раз дрался... где-то там самая великая точно затесалась. Но ладно, тебе виднее, забирай.

Ничего не изменилось. Или он ничего не почувствовал. Если что-то и забрали, то это прошло незамеченным. А может, Смерть пока ничего и не забирал, может, когда придет время этой великой победы, тогда что-то и случится. Артур подумал над этим, но мысль интересной не показалась, и он начал думать о том, как им вдвоем с Марийкой подняться обратно в Ифэрэнн. Если у Марийки есть опыт скалолазания, это будет несложно, она же вампир, сильная, ловкая и может не бояться упасть. Если опыта нет... ну... она все равно сильная и ловкая и упасть может не бояться. В общем, особых трудностей подъем не обещал.

– Привет, – сказала Марийка. – Имей в виду, я пока еще не уверена, что не ненавижу тебя.

Она просто появилась рядом, неожиданно, и Артуру стоило труда не вздрогнуть.

– Ты по скалам лазать умеешь? – спросил он. – Кстати, у меня для тебя подарок.

Золотисто-белая жемчужина с алыми бликами в молочной глубине. Артур прокатил ее

в ладони, протянул Марийке.

– Держи. Нашел в том озере, про которое вы мне рассказывали.

Марийка моргнула, приоткрыла рот и как-то сразу перестала быть самоуверенной и независимой.

– Ты... достал жемчужину? Из озера? – Она заморгала чаще, и Артуру это очень не понравилось. Знакомые симптомы. – Ты... о чем ты думал?

Это не было риторическим «о чем ты только думал, придурок?» Это был вопрос, требующий ответа.

– О том, как тебя спасти, – начал перечислять Артур, – о том, почему я этого хочу, о Пречистой, о...

– Ты думал о том, что хочешь меня спасти? – переспросила Марийка. – И достал жемчужину?

– Ну... да.

До чего же с женщинами сложно, их никогда не поймешь, их невозможно понять, потому что... да неизвестно почему! Они и сами-то себя не понимают. Симптомы оказались верны: Марийка уронила жемчужину и расплакалась. И вот... Вот что с ней делать?

Артур беспомощно огляделся, но на то и Преисподняя, чтобы не рассчитывать ни на чью помощь. Оставалось надеяться, что ехидный смешок, от которого вздрогнула земля и едва не растрескался воздух, ему только послышался. Смерть не может быть ехидным, он бесстрастен и беспристрастен!

Глава 6

Люди иногда посвящают свою жизнь таким желаниям, о которых не знают, можно ли их осуществить или нет. Тот же, кто смеется над подобными причудами, – просто ничего не понимает в человеческой природе.

Акутагава Рюноскэ

Подъем со дна бездонной пропасти – дело бессмысленное, потому что дна-то нет. Но и спуск на дно бездонной пропасти – дело бессмысленное. И раз уж спустился, то можно и подняться. «Бессмысленно» и «невозможно» – это разные понятия. Однако подниматься не пришлось. Оказывается, попасть в Преисподнюю сложнее, чем выбраться из нее. Не было ни мертвого города, ни ущелья между серых скал, а была мощенная квадратной желто-серой плиткой дорожка, уже изрядно заросшая колючей травой. Дорожка привела на окраины Эниривы, живой Эниривы, а там и до парковки, где остался «Найзагай», оказалось рукой подать.

– Я думала, мы пойдем мимо озера. – Марийка сбавила шаг, понюхала воздух, будто по запаху хотела проверить, настоящий ли город вокруг. – Граница по озеру проходит, как мы умудрились ее проскочить?

Под порывом ветра колокольчики на деревьях зазвенели громче, это было до того похоже на смех, что Артур огляделся в поисках слишком уж веселых фейри. Но откуда взяться фейри в княжестве?

– У озера нам, возможно, пришлось бы повоевать, – сказал он. – Они меня не любят.

– Кто?

– Нечисть всякая.

– Так ты и про них знаешь, да? – Марийка сунула руки в карманы, что в ее донельзя обтягивающих брючках было непростой задачей. – Про духов знаешь, про демонов знаешь, а про вампиров нет? Как так?

– Не сталкивался. С фейри воевал, с демонами воевал, с вампирами еще не довелось.

– Какой-то ты странный все-таки, – она развернулась, пошла спиной вперед, разглядывая Артура снизу вверх, – топор, винтовка, доспехи, морда страшная... только я пока что не видела, чтоб ты воевал. Зато видела, как спасал. Трижды. За десять дней.

– Двенадцать. Послезавтра две недели, как я здесь. Я убиваю, чтобы спасти, это и есть война.

Марийка надула губы, это получилось у нее очень пренебрежительно, тряхнула волосами и снова пошла нормально.

– Фигня какая-то с этой одержимостью, знаешь? – сообщила она задумчиво. – Не должно такого быть. Вампиров никто не защищает от демонов, никакие князья, но демоны к вампирам сами не лезут. Это не принято. И с чего бы вдруг все поменялось, да еще так сильно? Целую стаю захватили! Это для них знаешь как, для демонов? – Марийка снова крутнулась на пятках, сделала пару шагов, глядя Артуру в лицо, – это для них противно, как для нас мертвая кровь. – Она развернулась обратно, подумала немного. – Не знаю, как сказать, чтоб живому было понятно. Что для тебя самое противное, такое, что бэ-э, фу-у, фе-е? – При каждом слове Марийка корчила такие уморительные рожи, изображая брезгливость, что Артуру стоило усилий не улыбаться.

– Демоны, наверное, – сказал он.

– Что «демоны»? Я тебе как раз про демонов.

– Демоны для меня самое противное.

– Да нет, они ничего. – Она махнула рукой. – Не объяснить, короче, но вампиры для них это самое и есть. А тут вдруг одержимость. Вот как так?

– Пока не знаю. Разберемся.

Когда спустились к «Найзагаю», Марийка обошла байк, потыкала пальцем пустой чехол от винтовки, посмотрела, как Артур вешает у седла Миротворец.

– Махнул ствол на документы? И чей ты теперь подданный, Ночи или Луны? Или тебе временный вид на жительство дали?

– Временный. Жить я, скорее всего, на Трассе буду, в Луге. Куда тебя отвезти?

– В Лугу, – без тени сомнения ответила Марийка. – Но сначала домой, конечно. Ты, как честный человек, обязан познакомиться с моей семьей. Ладно б женился или еще что, а то ведь убил. Не чужие теперь.

Это было лучше, чем ждать звонка от юриста, который все равно бы не позвонил или, если б собрался, не сказал бы ничего полезного. Загадочная семья Марийки! Может, при знакомстве с ними хоть что-то прояснится? Артур очень на это надеялся. И ведь нельзя сказать, чтоб для него важно было узнать, кто же такие Марийкины родственники, ему о Марийке нужно было знать, ну так она уже и не скрывала, что вампир. Но он столько времени изводился от любопытства, что не мог не искать ответ. Слишком много противоречий, слишком много непонятного.

Непонятного стало еще больше, когда выехали с парковки и Марийка крикнула на ухо:

– Как ты попал к озеру? Сможешь так же, только прямо отсюда?

Артур качнул головой. Нет, так же он не сможет, озеро в звуковой лакуне, там нет музыки Эсимены, а здесь музыкой полно все, мелодия полна гармонии, в ней нет изъянов.

– Тогда просто езжай вперед! – Марийке было весело, и еще веселее стало, когда Артур начал сворачивать на дорогу. – Нет! – Она покрепче обхватила его за пояс. – Вперед, прямо, прямо в стену, давай!

Да уж, интересная у нее родня. Пешеходов не было, проезжая часть тоже пустовала, так что Артур прибавил скорость, «Найзагай» пересек улицу и въехал в стену дома напротив. Подальше от окон, подальше от единственного крыльца... Стена стала прозрачной даже раньше, чем ее коснулось переднее колесо, удара не было, только легкое сопротивление, как будто байк оказался в воде. Артур вел «Найзагай» сквозь завесу на грунтовую дорогу между поросших лесом холмов, двигатель рычал чуть громче, чем обычно, колеса порой словно прокручивались вхолостую, но продолжалось это недолго, секунд десять. Сопротивление исчезло совершенно неожиданно: байк взметнул пыль, шваркнул землей из-под протекторов, рванулся. Марийку едва не сбросило с седла.

– Давай, давай! – заорала она радостно. – Вперед! Тут совсем рядом!

Они пронесли по дну лощины, дорога, сделав плавный поворот, пошла вверх, вынесла байк на вершину холма. И снова вниз, набираясь сил для подъема на следующий склон, куда более крутой и высокий. На нем, каменистом, безлесном, стоял маленький замок. Островерхие башни, стены из белого камня, узкие окна, флюгера и флаги. Артуру показалось, что он вернулся на родину, в Единую Землю, до того этот замок походил на тамошние крепости. Крошечный гарнизон, превосходный арсенал и дикие леса вокруг, кишацие голодной, жадной нечистью.

Дорога заканчивалась у ворот. Дальше ехать было некуда. Похоже, подразумевалось, что и незачем, но неужели на этих землях никто больше не живет, только хозяева замка и дикие звери в лесах?

– Это не Немота, – сказал Артур.

Ворота медленно отворились. За ними был крытый двор, пустующие службы. Вместо привычных запахов сена, птичников и конюшни здесь пахло, как в гараже или в чистой автомастерской. Нет, не Немота. И точно не Единая Земля. Той давно уже нет, вернулась в тварный мир, больше не носится в хаосе, не приманивает на себя всякую нечисть и перепуганных фейри.

– Это граница Нижних Земель, – сказала Марийка. – Хуже Немоты в сто миллионов раз. Идем? Брат уже ждет.

Итак, гараж вместо конюшен, климатические установки вместо печей, двери на фотоэлементах, отсутствие прислуги и никаких сбоев в работе магических приборов, которыми дом напичкан от подвалов до крыш. Этот специфический гул, едва слышный, его только магия издает. При этом интерьеры такие, какие считались безнадежно устаревшими даже в Единой Земле. Тяжеленная мебель из дерева, голые каменные полы. Но теплые. Но голые. Но теплые ведь! Обилие ковров на стенах, на крышках сундуков, на лавках и неудобных с виду креслах. И повсюду оружие. Сабли, копья, топоры, снова сабли, охотничьи ружья дивной красоты, Артур даже шаг замедлил, чтоб получше разглядеть тонкую гравировку. Марийка его не торопила, не похоже, чтоб она так уж спешила увидеться с братом. Но не ружьями же любоваться они сюда приехали.

Анфилада небольших залов, узкие коридоры, лестница. И совсем другая обстановка. Другой дом. Огромные окна, обитые шелком стены, по которым вьются плети цветущих растений, много света, много пространства и столько магии, что на мгновение дышать стало трудно, как будто она вытеснила весь воздух.

– Здесь брат живет, – сказала Марийка. – Это он для нас... переделал. Вообще-то тут ни стен, ни потолка нет. Брат говорит, на него снийв давит, говорит, если уж потолок над всем Ифэрэнн, так пусть хоть здесь его не будет, – она пожала плечами, – не знаю, что это значит.

– Это значит, что ему нужно небо.

Артур хотел, чтоб насчет семьи Марийки прояснилось хоть что-нибудь. Но пройдя вслед за ней сквозь стену на открытую всем ветрам террасу, где и ожидал их загадочный брат, он подумал, что некоторым желаниям лучше бы никогда не исполняться.

По крайней мере, он был в человеческой форме. Уже спасибо. Высокий, бледный как смерть, с длинной гривой черных, вьющихся крупными кольцами волос. И, как всегда, разодет не по-людски, и, как всегда, на пальцах когти такой длины, что непонятно, как он вообще может что-то делать, кроме как глотки рвать и глаза выцарапывать.

А крыльев нет. С крыльями сидеть неудобно, разве что на спинке кресла устроиться, вроде тех ангелов из кино.

Марийка, широко улыбаясь, начала:

– Мико, познако...

– Мы знакомы, – невежливо прервал ее Артур.

– Не здороваешься, Миротворец? – улыбнулся Мико, будь он неладен, воплощение зла, наместник Дьявола, Змей, Назйр, сын Дракона, Представляющий Силу Санкрита, Принц Темных Путей. Злоехидная тварь со злоехидными ухмылками, которые он напрасно

пытается выдавать за улыбки.

– Я тебе здоровья не желаю, незачем оно тебе, ты мертвый давно, – Артур был искренен, во всяком случае, он был уверен в своей искренности, – Мика и Мико, значит? Тебя с сестрой не путают?

На что, спрашивается, разозлился? Наверное, от неожиданности просто. Никак не думал, что Марийка, его Марийка, сестра – вот этого.

«Ревную, что ли?» – всерьез озадачился Артур.

Марийка, судя по изумленному молчанию, тоже озадачилась и тоже не на шутку.

– Ревнуешь, – подтвердил Змей. – Садись, нам есть о чем поговорить. Мика, не смотри ты так, все очень просто. Сэр Артур – святой, а я наоборот, и мы естественные враги, просто еще не выяснили, кто выше в пищевой цепочке. Выясняем время от времени, но пока безрезультатно.

– Я не святой. А ты нечисть.

– А Миротворец – это топор, – брякнула Марийка.

Артур понял, что она нравится ему даже больше, чем он думал.

Перил на террасе не было, высота впечатляла, а от открывающегося пейзажа, бесконечной череды лесистых холмов на душе стало теплее. Ну похоже на Единую Землю, похоже.

– Я, может, и нечисть, – Змей не возражал против очевидного, – но мой сын научил тебя основам твоей веры.

– Приемный.

– Какая разница? Воспитал-то его я. Будем спорить дальше или перейдем к делу? Мне твое общество нравится, так что, пожалуйста, я не против дискуссии.

– Как получилось, что Марийку смог захватить демон? – Артур решил, что это подходящий переход от спора к разговору о делах. Заставь противника оправдываться, и, считай, половина победы в кармане. – Она же твоя сестра.

– Да, но она человек. Моей силы у нее нет, а Бог ее не защищает.

– А ты ее почему не защищаешь?

– Артур! – Марийка подалась вперед, грозно нахмурившись, но Змей глянул на нее, и она лишь сердито стукнула кулаком по колену.

– Мика взрослая и достаточно самостоятельная, чтоб жить без нашего с отцом постоянного присмотра. Ты же оставил брата на Земле, хоть и знал, что там вот-вот начнется война с фейри.

– Брат – другое дело, – сказал Артур убежденно, – сестру бы я не оставил.

– Слышала? – Змей подмигнул обалдевшей Марийке. – Вот так-то. А ты говоришь, мы с отцом сексисты. Артур, одержимость демонами имеет прямое отношение к тому, что я должен тебе сказать. Мы признательны за то, что ты уничтожил Урмирту. Отец или я могли бы лишь развоплотить ее, наказать, но не уничтожить. Моя благодарность для тебя пустой звук, поэтому, чтоб не оставаться в долгу, я обещаю тебе нейтралитет. Хочешь рассказать людям в Ифэрэнн о Белом Боге, рассказывай. Учи, защищай, обращай в свою веру. Я не стану мешать. Правда, я не советовал бы тебе понапрасну обнадеживать мертвых.

– Это ты про вампиров? – уточнил Артур. – Им есть на что надеяться. – Мгновением позже он понял, почему Змей заговорил о мертвых, и добавил зачем-то: – Марийке тоже.

Значит, демона звали Урмирта, не Земус. Все запутано, но с демонами всегда все запутывается. Именно поэтому их и нужно просто уничтожать, не вникать, не разбираться, не пытаться понять.

Змей покачал головой:

– Не обещай им того, чего не будет.

– Я и не обещаю. Слушай, – Артур достал трубку, – ты-то знаешь о вере больше, чем все вампиры Ифэрэнн вместе взятые... – Он сделал паузу для того, чтобы набить чашечку табаком, умять его, раскурить. И, выдохнув дым, приведя в порядок мысли, продолжил: – Они не выбирали проклятие, даже те, кто знал, на что идут, все равно не понимали

полностью. И почти никто не отказывался от Бога. Ну многим ли вампирам известно, что они не просто противоестественны, а искажают Божий замысел? Да они понятия об этом не имеют, и най своим не говорят, и афат дают в полном неведении. Их есть за что наказать, но не за что проклинать и лишать надежды. Вот если б они души продавали, тогда да, тех не спасти. — Он вспомнил мертвую Энириву, фонтан, заполненный гниющей кровью, чужую боль и свою молитву. Наткнулся на внимательный взгляд Змея и задумчиво признал: — Да, насчет их я тоже уже не уверен.

На террасе воцарилась тишина. Непokoйная, чуть напряженная, но без колючих искр, проскакивающих при столкновении взглядов. Это была очень задумчивая тишина. Артур курил и думал о том, что сказал. Змей смотрел на горы и тоже думал о том, что сказал Артур. Марийка откинулась на стуле так, что он встал на задние ножки, качалась, рискуя упасть. Не падала.

— Ни одного святого, кроме тебя, я не знаю лично, — сказал Змей с легким недовольством, — но от тебя одного столько головной боли. Делай что хочешь. Вампиры, значит, вампиры. Это все. — Он поднялся из кресла. — Мика, хочешь проводить сэра Артура?

— Чего это проводить? — Марийка тоже встала. Какая же она была маленькая по сравнению с ними двумя! — Я с ним поеду.

Вот теперь и ее брату пришло время удивляться.

— Куда ты поедешь?

— В Лугу.

— Но зачем? Крошечный поселок, еще и на Трассе, все всех знают, тебе там даже есть будет нечего.

— Затем, что хочу быть с Артуром. — Марийка уставилась на Змея в упор, тряхнула черными кудрями. — А ты не хочешь, чтобы я ехала в Лугу. И не потому, что мне нечего будет есть, ты прекрасно знаешь, что есть консервы. Ты не хочешь, чтоб я туда ехала, потому что там опасно. — Она прищурилась. — И Артуру ты об этом не сказал, потому что хочешь, чтоб он встрял в проблемы.

— Или потому, что ему все равно, — вмешался Артур. — Нейтралитет — это оно и есть, а мы враги. И тебе лучше со мной не ехать.

— И не узнать про Белого Бога то, что знаешь ты? — Марийка развернулась к нему со змеиной стремительностью. Оба они нелюди, и она, и ее братец. Но это без разницы. — Я хочу верить, как ты! Я хочу так же! — Она снова смотрела на брата. — Хочу знать, что всегда поступаю правильно! Ты так не можешь, и отец не может, только прадед, но так, как прадед, я точно не хочу.

— Ты сейчас знаешь, что поступаешь правильно? — мягко спросил Змей.

— Да!

— Значит, уже научилась.

Марийка только фыркнула.

— Думаешь, я с тобой спорить буду? Я поеду, и все. Отец отпустил бы. Хоть там и опасно, хоть что.

У Змея стало такое лицо, как будто и впрямь голова разболелась. Еще бы. Наверное, сложно сохранять нейтралитет, когда в дело вступают родственные чувства. Сможет? Не сможет? Артуру было интересно. Змей, похоже, любил сестру. Он вообще хоть и гад нечистый, но жил-то среди людей, набрался от них всякого. А может, и сам всегда любить умел, с него станется.

— Артур, тебе действительно нужно вернуться в Лугу, — сказал Змей.

«Не смог», — констатировал Артур. Задумался, нарушил бы он нейтралитет со Змеем ради Альберта. Понял, что нарушил бы. Задумался еще больше. Как-то это было... странно.

— Ты уничтожил демона, это невозможно, так что тобой заинтересовались. Сулэмы еще не поняли, насколько все серьезно, они тебя знают, но никогда раньше, ни в тварном мире, ни в Единой Земле, у вас не было настоящих конфликтов. Одному из них ты даже помог.

— Я ему не помогал!

Того демона люди называли Лунный Туман, и так получилось, что он оказал Артуру услугу, а Артур, сам того не желая, оказал услугу ему. Но это было просто совпадение интересов.

С демоном?

Ох нет, Артур предпочитал вообще об этом не думать. А Змей, конечно, не мог не напомнить. Потому что нечисть и злоехидна!

– Ты ему помог, – сказал Змей терпеливо, – сулэмы видят это именно так. И они с тобой пока не ссорились. Но остальные демоны взволнованы, не понимают, что произошло, и очень хотят разобраться. Тебя им не найти, поэтому они придут в Лугу.

– Придут? – переспросил Артур. – Еще не пришли.

– Они там, но ты же научил людей молиться. – Змей пренебрежительно скривил губы. – Пока что это работает.

Секундная пауза. Очень мрачный взгляд на Марийку, которая, судя по полной невозмутимости, к очень мрачным взглядам давно привыкла. А потом Змей добавил таким тоном, как будто с самого начала именно это и планировал:

– Ты сможешь выехать на Трассу прямо из Поместья.

– Мы сможем выехать, – напомнила Марийка. Ей, кажется, стоило труда не ухмыляться.

– Ты вообще лучше молчи! – буркнул Змей. – Я еще поговорю с отцом о твоём воспитании.

Глава 7

*Все в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья;
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.*

Фирдоуси

Луга второй день была в осаде. Вроде бы не так и долго, но второй день осады означал второй день непрекращающегося кошмара, и минуты растягивались в часы, дни же казались вечностью. Луга исчезла из мира, исчезла с Трассы, или, может быть, исчез мир.

Вокруг поселка клубился туман, в котором скользили пугающие тени. Клэй Грован с сыновьями пошел туда, пошел на разведку. Он говорил, что туман просто скрывает от них окрестности, а на самом деле ничего не изменилось, и по проселку можно выйти на Трассу, с заправки дозвониться до вампиров, попросить помощи. Туман окружил Лугу ночью, Грованы ушли утром, а уже к полудню вернулись, но в поселок не вошли, бродили за оградой, то скрывались в тумане, то выходили из него. Сначала звали к себе всех, кого видели: тогда еще Себеста думал, что лучше держать на улице патрули, вот патрульных Грованы и звали. Потом стали просить о помощи. Умоляли вывести их из тумана. Говорили, что не видят, куда идти.

Их ограда не пускала. Для того поселки на Трассе и огораживают, хотя бы чисто символически, как вот, например, Лугу. В символизме весь смысл и есть. Когда Грованы стали просить, Себеста отозвал патрульных в ратушу. Когда Ира Грован узнала, что ее муж и дети не могут вернуться в поселок, потому что никто не захотел помочь им, она вышла в туман. Удержать ее не смогли. Стрелять не стали. Мысль такая появлялась: на длинной улице, ведущей к воротам, Ира была отличной мишенью, и ранить ее, прострелить ногу труда бы не составило. Но Себеста подумал, что это откроет туману путь в Лугу. Нельзя проливать кровь. Ира выбрала сама, это ее право. Она могла бы остаться в ратуше и молиться вместе со всеми, но предпочла попытаться спасти семью.

Предпочла погубить себя. Таковы были новые правила: спасти надо по-настоящему, а не совершая самоубийственные поступки. Пусть даже настоящее спасение выглядит равнодушием и страхом. Неважно, как твое поведение смотрится со стороны, важно, что ты

делаешь. Себеста пока еще очень мало знал о новых правилах, знал только, что Луга оказалась под прицелом демонов с той минуты, как Артур вызволил их из вампирского плена. А это означало, что жизнь изменилась и никогда больше не станет понятной.

Ира не вернулась. Она вошла в туман, а спустя минуту туман наполз на околицу, скрыл из виду живую изгородь, скрыл увитые цветами ворота, над которыми красовалась надпись: «Луга. Нас 300». Их было сорок, а не триста. После ухода Грованов осталось тридцать шесть. И, как ни ужасно было понимание того, что нет худа без добра, но гибель Иры принесла пользу. Всем стало ясно: туман сдерживает не ограда, туман сдерживают они сами, их молитва, их страх и их готовность защищаться.

– А я не знаю, как теперь молиться, – сказал Себесте Роман, – не знаю. Благодарить Бога? За то, что он защищает нас от демонов? Но это же я позвал демона, и это все из-за меня! Как я могу благодарить за защиту, если я жив, и Анна жива, а Клэй, и Ира, и их парни, все погибли, хоть и ни при чем?

– Это уже случилось, – ответил Себеста, – это то, что нельзя исправить. Но мы все еще...

– Это можно исправить! Я знаю как. Я причина, я виноват, мне и платить. Земус где-то там, нужно завершить сделку, и демоны уйдут. А Грованы вернуться.

Если б не эти последние слова, Себеста, может, и задумался бы над идеей. В ней была логика. Когда на тебя нападают демоны, думать логически становится опасно: рассуждения, логика, здравый смысл – все это оружие демонов, но ведь и до этой мысли еще додуматься надо. Однако Роман сказал про Грованов, и Себеста тут же вцепился в него:

– С чего ты взял? С чего ты взял, что они вернуться? Кто тебе сказал об этом?

– Никто. – Роман слегка струхнул перед его напором. – Кто мог мне сказать? Здесь нет никого! Я просто подумал... что, может быть...

– Ты сказал так, будто знаешь. Земус пообещал тебе, подкрался к тебе, а ты и не заметил. Слушай, ты разве не чувствуешь благодарности за то, что вы с Анной живы? Я не спрашиваю, чувствуешь ли ты радость, понятно, что нет, тебе страшно и совестно. Но вы живы. Разве ты не благодарен за это?

– Но Ира...

– Каким образом ее смерть отменяет твою жизнь?! – взорвался Себеста. И сразу заставил себя говорить спокойно, даже мягко. Контрасты срабатывают, потому что привлекают внимание. – Роман, тебе приходится сложнее всех, потому что демонам проще до тебя добраться. Это значит, что только ты можешь их победить. Ты единственный из всех нас, кто сумел устоять перед искушением. Уже дважды. У тебя есть опыт, есть сила, есть ответственность, демоны пытаются повернуть это против тебя, но мы им не позволим.

– По-твоему, я отвечаю за всю Лугу?

От такой мысли никто бы не пришел в восторг, Романа она тоже напугала, но пусть уж лучше он боится ответственности, чем винит себя и с каждой минутой становится все более легкой добычей.

– По-моему, именно об этом ты и говорил, когда собирался отдать Земусу душу. Хотел спасти нас, пожертвовав собой. Ты прав в том, что можешь всех спасти. Ты не прав насчет жертвы. Настоящее спасение должно быть не поражением, а победой. Вот и сражайся. Артур скоро приедет.

– Откуда ты знаешь? Он тебе сказал? Он едет? Ты что, смог дозвониться? – Роман готов был молиться Богу, но, как все они, как сам Себеста, ничего о Боге не зная, надеялся только на Артура.

– Ну конечно он едет. Дозвониться сквозь этот туман нельзя, но ты что, думаешь, снаружи не заметили повышенную активность демонов на Трассе? Он приедет, может быть, уже приехал, может, прямо сейчас пробивает себе путь через туман.

Вот только Себеста сам не слишком верил в то, что говорил.

Три дня назад Артур уехал из «Чаты», два дня назад демоны осадили Лугу. Если об этом стало известно, значит, уже двое суток, как об осаде говорят в новостях и на Трассе, и в

княжествах. Если б Артур знал, он бы уже был здесь. Он не знает. А значит, не знает никто. Но рано или поздно... Молитвы-то помогали! Какая-то сила не позволяла демонам войти в поселок. Кто на такое способен? Демон значительно выше рангом, какой-нибудь сулэм? Или все-таки бог? Создатель Трассы. Сулэмам незачем вмешиваться, их интересы ограничены княжествами, и поверить в исключение из правил сложнее, чем в то, что Создатель Трассы все-таки есть. А раз он есть, то он найдет способ дать знать Артуру о том, что Луга в беде. Нужно просто ждать. И не сдаваться.

Марийка прекрасно ориентировалась на Трассе. Артур еще и осмотреться не успел, а она уже ткнула пальцем в скальный выход справа от дороги и в купу деревьев слева:

– Мы в Глейстире, поворот на Лугу там, дальше. Объедем заправку, а за ней дорога. Указателей никаких нет, так что внимательно. Нужно позвонить дежурной стае.

– Не нужно. Упыри ничего не смогут сделать с демонами. – Артур остановил байк, развернул карту. Вот она, заправка, вот дорога: ниточка на карте, грунтовка, но все равно пропустить сложно, если специально искать.

Эти поселки на Трассе – уникальное явление, такое есть только в Ифэрэнн. Почему-то здесь территория Трассы не ограничена полукилометром в обе стороны от шоссе, если только не идет по морям или не поднимается в небо. Граница, конечно, все равно есть, но может проходить километрах в пятнадцати – двадцати. Достаточно места, чтобы построить город, маленький, вроде Луги, но настоящий. Живи, если не боишься. Если возможность самому для себя устанавливать законы важнее, чем защита, которую дают князья.

Мимо заправки пролетели, не останавливаясь, дальше пришлось сбросить скорость. Марийка оказалась права: разглядеть поворот на Лугу оказалось непросто, он прятался в россыпи здоровенных камней. На Земле про такие места говорили, что это дьявол бросал камни с неба. Зачем бросал? Назло, наверное. Он все назло делает.

«Найзагай» вильнул, проскочил между камнями, Артур мельком отметил довольно-таки искусное граффити: с камня на камень неслась стая диковинных красивых тварей. Художник умело использовал грубую фактуру скал и выветренные мягкие складки – неведомые звери получились реалистичными, объемными, и если не останавливаться, а так же, как Артур, бросить на них взгляд на ходу, могло показаться, что они живые. Бегут куда-то в своем мире, под быстрые лапы летит упругая земля. А скалы – окна в ту реальность, отмытые художником от каменистого налета.

– Че-и кэкату’ эста?! – Марийка застучала его по спине: – Стой! Да стой ты, не видно же ни черта!

Артур не понял, чего ей не видно, но остановился. Оглянулся:

– Что?..

Он недоговорил. Марийка вскрикнула, словно от боли. Схватила за руку.

– Блин... куртка. Артур, это в тумане! Я его не вижу!

Какой туман? Артур не видел ничего опасного или подозрительного и не видел тумана. Ясный день. Лента грунтовки, огибающая небольшие скалы, просматривается далеко вперед. И никого вокруг.

Марийку ударило в спину, бросило на него. Она оглянулась, выругалась. Ждать было нельзя, «Найзагай» снова рванул вперед, но Марийка, вцепившись в Артура, закричала так, что ухо заложило:

– Мы разобьемся! Тут кругом скалы!

Крик перешел в визг, Марийку дернуло назад. Артур остановил байк, успел развернуться в седле, поймал девчонку раньше, чем ее вынесло из седла. Кто-то вцепился в ее волосы, выбившиеся из-под шлема. Марийка тряхнула головой, и с неожиданной силой сама рванулась из рук Артура. Отпрыгнула от мотоцикла, пригнулась, щерясь, слепо махнула рукой. Когти на пальцах вместо ногтей. Упырь... Не человек, только похожа. Артур дернул из креплений Миротворец, одним прыжком оказался рядом с Марийкой. Но... что толку?

– Я не вижу их!!! Артур!

Она с кем-то дралась, отбивалась... От кого? Артур не только не видел ее противника, он даже не видел, чтоб с Марийкой хоть что-то происходило, но она вела себя так, будто противник наносил удары. Так, будто удары находили цель.

Демоны! Тупой рыцарь, тупой. Сразу должен был понять, но сбило с толку то, что они с Марийкой видели разное.

– Они ничего не могут сделать! Это иллюзия. Просто... – Просто что? Просто молись? Она не может молиться!

– Это иллюзия?! – рявкнула Марийка, подняв руку. – Ты охренел?! – И прыгнула в сторону, видимо, попытавшись увернуться от очередной атаки. Безуспешно, судя по тому, что упала на землю и встать смогла, только перекатившись.

С рукой все было в порядке. Крови нет, ран не видно. Отсутствие крови для упыря не показатель, но и куртка цела. Нет, не время для объяснений. Никто не убедит окруженного врагами вампира в том, что враги ему только кажутся. Враги реальны, а то, что они не могут причинить настоящего вреда, не имеет значения. Вред причинит себе сама Марийка.

– Открой ей глаза! – взмолился Артур. – Помоги увидеть! Пожалуйста!

И увидел сам.

Господь милосерден, Он не дал Артуру Северному дара видеть демонов постоянно, не попустил сойти с ума. Всегда видеть такое и не спать – невозможно. Их тут были тысячи или тысячи тысяч. Они кишели в воздухе, сновали по земле и под землей, вились над головой, как мухи, черными, огромными тенями проплывали вдаль. Разные, такие разные... от крохотных, меньше комара, до гигантских, закрывающих полнеба. Не уродливые, не отвратительные, но настолько чужие, что отвратительность и уродство показались бы благом.

Марийка не видела их. Видела только туман. И хорошо.

Артур взмахнул Миротворцем, очертив лезвием широкий полукруг. Демоны, облепившие Марийку, шарахнулись от топора. Они уже знали? Ну конечно же они знали. Поэтому и ждали здесь. Окружили Лугу, потому что он не мог сюда не вернуться.

Что ж, он вернулся.

Марийка замерла, настороженно оглядываясь. Руки опущены, когти на остриях поблескивают остатками лака. На Артура она не смотрела, но Миротворец все равно светился слишком ярко для нее. Марийка щурилась, моргала, зажмуриться боялась, а стоило бы. Чтоб поберечь глаза.

– Отвязались? – хрипло спросила она после пары секунд тишины.

– Отступили, – ответил Артур. – Это демоны, они не могут причинить тебе...

– Они уже смогли! – крикнула Марийка, и нечисть, вспугнутая Миротворцем, тут же метнулась к ней, привлеченная эмоциями.

Артур снова взмахнул топором, снова вынудил их отступить.

– Ты боишься и приманиваешь их, веришь в то, что они делают, и этим тоже приманиваешь их.

– Да когти демонов... – Марийка скрипнула зубами, заставила себя не кричать, а говорить, и хоть голос переполняли эмоции, их оказалось недостаточно, чтоб демоны набросились снова, – хуже вампирских! Посмотри на меня!

– Ты цела. Слушай меня. Они могут повреждать плоть, когда сами во плоти, но куда проще и привычнее им вцепляться в душу. И они ленивы, поэтому всегда выбирают простые пути.

– Они и есть во плоти, иначе как...

– Ты цела, – повторил Артур. – Твоя одежда цела, нет никаких ран, и кровь, которую ты тратишь на лечение, сгорает впустую, потому что лечить нечего. Они хотели бы заставить тебя истратить слишком много, чтоб, когда ты проголодаешься и озвереешь от страха и злости, ты стала их добычей. Видишь, как просто? И не нужно воплощаться, нужно только пугать и ждать. Пока они бесплотны, они считают себя неуязвимыми для тех, кто во плоти.

– А они... нет? – Марийка снова огляделась. – Они боятся света?

– Не настолько, чтоб не наброситься на тебя, как только ты дашь повод. Но их неуязвимость – такая же ложь, как раны, которые они тебе нанесли. Только в раны веришь ты, а в неуязвимость – они.

Любая нормальная женщина, любой здравомыслящий человек сделал бы из этих слов правильный вывод: не надо давать демонам повод, надо держаться поближе к Артуру и выбираться в безопасное место. У вампиров мозги устроены по-другому. Или у представителей Семьи мозги устроены по-другому?

– Давай! – хрипло рыкнула Марийка. – Я наору на тебя, они слетятся, а ты вломишь им. Тарфа! – Она угрожающе взмахнула когтями в сторону демонов, сделала неприличный жест. Нет, она их не видела, просто знала, что они повсюду.

– Давай ты не будешь поддаваться эмоциям... – начал Артур.

Но Марийке хватило его «давай», чтоб прыгнуть в сторону и разразиться потоком ругательств. Она не злилась на него, но не так и трудно разбудить в себе злость, если материться яростно и с таким чувством. В любых словах есть сила. Ругательства связаны с эмоциями, и связь работает в обе стороны. Не прошло и нескольких секунд, Артур едва успел восхититься особо вычурной конструкцией, как демоны кинулись к Марийке, окружили ее разноцветными вихрем.

Нельзя так. Неправильно. Тешить дьявола, чтобы... подставить его под удар? Что ж в этом неправильного?

Неправильно было все, но подумать об этом можно позже. Миротворец свистнул, разрезая воздух, разрезая вместе с воздухом цветные пятна, диковинные кляксы, вспышки и сполохи, брызги света и красок, перламутровые, колышущиеся тени. Это была бойня. Это не могло быть по-другому. Демоны не просто верили в неуязвимость, они знали о ней, а знание – такая прочная иллюзия, что способна устоять даже перед фактами. Фактом было уничтожение Урмирты. Знание демонов устояло перед ним, чтобы сейчас разлетаться пылью под лезвием топора. Их были тысячи или тысячи тысяч, Артур не считал, он убивал, разрушал, уничтожал, раз и навсегда избавлял мир от демонов, которые слишком полагались на знание. Он успел убить многих, прежде чем остальные разлетелись, разбежались, просто исчезли, оказались так далеко, что он перестал их видеть.

– Туман ушел, – сказала Марийка. И зажмурилась, вытирая со щек кровавые дорожки. – Как же сильно он светится! Что теперь? Они не вернутся?

– Вернутся во плоти, – сказал Артур. Взял Марийку за локоть и повел к «Найзагаю». – Лучше бы нам успеть доехать до Луги.

Сколько времени нужно демонам, чтоб воплотиться, Артур не знал. В тварном мире это занимало часы, а то и дни, но в Ифэрэнн с воплощением не должно быть никаких сложностей. Нападения надо было ждать в любую секунду, и он погнал «Найзагаю» к Луге, рискуя разбиться на паршивой дороге. В первый раз пожалел, что лишился «Перкунаса», хотя в бою на открытой местности ненадолго бы помогла им винтовка. От бесплотных демонов спасает молитва и знание, что они бессильны причинить вред. От демонов во плоти спасет молитва и прочные стены. Увы, даже самые прочные стены не вечны, а после того, как демоны разрушат их, надолго ли хватит надежды у молящихся? Утешало то, что Луга еще не пала, значит, люди вверили себя Господу, и Он хранил их.

Тело на дороге... Не демон. Мертвая женщина. Руки и ноги выломаны под неестественными углами, торчат наружу окровавленные сколы костей, кожа истерзана царапинами и ожогами.

Артур узнал ее. Нажал на тормоз. Марийку качнуло вперед, она вцепилась в его куртку пальцами, как когтями:

– Ты что делаешь?

– Нельзя ее так оставлять.

Он спешил, подошел к телу, примериваясь, как бы перенести его на обочину, чтоб

ничего не выпало и не отвалилось.

– Она же мертвая.

Да, конечно. Она уже мертвая. Ира Грован, одна из бывших пленниц Харира.

– Артур, – сказала Марийка напряженно, – это ловушка.

Ловушка. Остановись, чтоб забрать тело, потеряешь время, не успеешь добраться до укрытия. А еще – наглядный пример того, что человек может сотворить с собой, если поверит, что демоны добрались до него. Воплотившись, они и сами способны калечить и убивать, но гораздо лучше, гораздо интереснее, когда люди погибают в муках, поддавшись страху.

Артур поднял Иру на руки, невольно передернулся, услышав, как трутся друг о друга обломки костей. Ей досталась страшная смерть, тем более страшная, что она могла бы спастись, если бы хватило сил не испугаться. Но лучше умереть так, чем выжить в Песках.

Марийка затихла, она оглядывалась вокруг, принималась, каждое мгновение ожидая, что демоны налетят со всех сторон. Может, она и права была насчет ловушки, только Артур знал, что должен делать, и возможная смерть долга не отменяла.

– Звони диспетчерам Пайсартира, – приказал он, прежде чем унести Иру за грудку острых камней, – пусть скажут Ласке, что на Лугу напали воплощенные демоны.

Это Глейстир, а Ласка в стае Пайсара. Пайсар и Глейс не воюют... значит, если боевая стая Пайсара ворвется на территорию Глейса, будут проблемы. Но если не ворвется, проблемы все равно будут, еще и похуже. Долбаная политика! Она есть даже у диких тварей из диких земель... да что там, она есть даже у христиан, которые все должны бы быть друг другу братьями и сестрами.

Он видел, как Марийка взяла телефон. А уйдя за камни, встав на колени рядом с Ирой, какое-то время еще слышал голос Марийки, она, оказывается, умеет говорить очень властно. Кровь сказывается?

Потом он начал молиться и перестал слышать все, кроме музыки.

В Ифэрэнн не чтят мертвые тела: их не хоронят, их свозят в морги и оставляют. Постепенно трупы становятся невидимыми и бесплотными, просто перестают существовать. Приходи хоть каждый день, прощайся с умершим, не пугаясь ужасающих перемен, которое творит с телом разложение. Не приходят. Не принято. Трупы интересуют только врачей, которые делают вскрытия, да арханов, расследующих убийства. Конечно, даже в Ифэрэнн мертвых людей не оставляют валяться на дороге, но не станут убирать подальше с глаз, если это может оказаться опасным. Артур довез бы Иру до морга, если б была возможность, но сейчас он мог лишь молиться за упокой ее души, не успевшей узнать Бога. Он попросил о том, чтобы Ира не оказалась в кошмаре Нижних Земель, чтоб не родилась снова в бесчеловечной Немоте. Пусть попробует еще раз. Пусть пробует столько раз, сколько нужно.

Когда он вернулся к Марийке, земля уже подрагивала: что-то тяжелое, что-то большое двигалось к ним. Конница? Танки? Бронепоезд? Демоны могли выдумать что угодно. «Найзагай» рванул с места так быстро, что чуть не взлетел.

– Ненавижу, – бормотала Марийка, – ненавижу гадов! Брат их в пыль сотрет, в фарш, в дерьмо с кровью...

После того, как они убьют Марийку. Да, несомненно, так и будет. Змей отомстит, на какое-то время демоны угомонятся, потом вернуться и продолжат делать то, что делали. И Марийка вернется из царства Смерти. И ничего не изменится. Для того, чтоб все изменилось, нужно выжить.

Клэй Грован кинулся им под колеса уже у ворот Луги. Хорошо, что не было под рукой «Перкунаса» – Артур мог выстрелить, даже не посмотрев, кто это метнулся к нему с обочины. Следом за отцом на дорогу выбежали оба младших Грована, Эгон и Ламберт.

– Слава Богу! – вырвалось у Клэя, – нам нужна помощь. Нужно позвонить... вызвать дежурную стаю.

– Нам в Лугу надо, – перебил отца Эгон. – Мы заблудились! – Он отчаянно взглянул на

Артура, на Марийку. И попятился обратно к обочине: – Эта девка... она же мертвая. Отец, это демоны!

Ламберт тоже отскочил от байка, поднял автомат. Он, в отличие от младшего брата, с выводами не спешил, но стрелять был готов в любую секунду. А секунд оставалось все меньше.

Как можно заблудиться в прямой видимости ворот поселка, Артур не знал, но проделки демонов могли объяснить что угодно. Марийка видела туман, Ира видела кошмар, Грованы... видели что-то еще, и это заморочило их настолько, что наваждение до сих пор не рассеялось.

– Объяснять долго. – Он спешился. – Пойдемте, времени нет.

Марийка зыркнула на Эгона, прыгнула с седла и пошла рядом с Артуром. Десяток метров до ворот были пройдены в мертвой тишине, только гравий похрустывал под колесами, а пройдя под воротами, Грованы избавились от мороков.

– Так близко? – изумленно выдохнул Клэй. – Мы даже от Луги не ушли.

Неприятно, наверное, понимать, что, отправившись за помощью, ты не смог сделать и десяти шагов. Но Грованам вскоре предстояло узнать куда более печальные новости.

– Где все? – спросил Артур, оглядев вымершую улицу.

– Патрули должны быть, – пробормотал Ламберт, – были, когда мы уходили. А остальные в ратуше. Себеста сказал молиться, как ты научил.

– А вы трое на молитву не особо рассчитывали?

Луга не походила на поселок, скорее на крошечный, но город. Дома стояли, тесно прижавшись друг к другу, фасады выходили прямо на тротуар. Никаких палисадников, Луга – поселок на Трассе, в ней свои правила, и безопасность важнее красоты, а цветы и деревья тут, наверняка, тоже есть, но во дворах, их не видно с улицы. Стены, покрытые светлой штукатуркой, были испещрены выбоинами от пуль, под ногами хрустели осколки стекла и черепицы, узкие окна щерились решетками, вывернутыми под дикими углами, и всюду валялись стреляные гильзы. Харир застал Лугу врасплох, но победа далась ему нелегко.

Первые газоны и первые деревья появились только на подходах к площади. Подобие сквера с детской площадкой и несколькими клумбами, дома по кругу. Детская площадка в городе, где не осталось ни одного ребенка... Если б Артур побывал в Луге до того, как встретился с Хариром, поединок с упырем шел бы до уничтожения, а не до победы.

На крыше квадратной башни, возвышающейся над остальными зданиями, он увидел часовых, а спустя полминуты двери тяжело открылись, показав стальную прослойку, и на крыльцо вышел Себеста.

Небольшой вестибюль ратуши не мог вместить даже сорок человек. Он был гораздо лучше приспособлен для обороны, чем для приема большого количества людей. Однако все, кто не был занят на вахте, попытались выйти в вестибюль, едва Себеста открыл входную дверь. На Марийку смотрели с недоумением, но вопросов не задавали, вопросы сыпались на Грованов, и о том, что Ира ушла, им сказали почти сразу, и, слава Богу, что и Клэй, и его парни слишком устали и были слишком напуганы, чтоб отправляться на поиски.

Артур отметил, что и с ним предпочитают разговаривать через Себесту, Романа или Клэя. Кем его тут считали? Чародеем из Немоты? Надеялись на помощь, но боялись даже посмотреть лишний раз в его сторону.

Вестибюль был невелик, зато в самой ратуше могли при необходимости поселиться все жители Луги. Неудобно было бы и не хватило бы припасов на долгую осаду, но продержаться несколько дней можно. В нормальных условиях боевая стая Глейса пришла бы на помощь через несколько часов, а не дней. Во время войны условия становились ненормальными, и все-таки о нескольких днях осады речь все равно не шла. От Харира Лугу не спасла никакая подготовка, но от упырей так просто и не спастись. Что им стены и засовы, если они всегда могут найти кого-нибудь, кто откроет дверь изнутри? В «Чате» именно так и должно было получиться, а в Луге, когда напал Харир, до ратуши и добежать-

то успели лишь те, кто живет поблизости. Все равно не помогло. Зато от воплощенных демонов эти стены, и эти двери, и прочные решетки на окнах должны были защитить.

Вооружены были все, включая женщин. Харир выбирал самых здоровых и крепких; ни стариков, ни детей в Луге не осталось, но все выжившие могли драться. Туман вокруг поселка сгустился уже через несколько часов после того, как люди сюда вернулись, – демоны умеют действовать быстро, и оказалось, что это к лучшему. Ни у кого из лужан не было времени, чтобы понять, как много они потеряли. У них не было на это времени с того момента, как Марийка с Артуром освободили их от вампиров. Многокилометровый переход по Трассе, бой с упырями в «Чате», возвращение в Лугу и здесь, в Луге, осада демонов – слишком много событий, чтобы остановиться и подумать о них. Вот и хорошо. Когда появится возможность подумать, люди уже привыкнут к тому, что у них нет больше ни семей, ни детей, ни родителей.

К этому можно привыкнуть?

Артур не знал наверняка. Но он точно знал, что необходимость действовать не позволяет ни думать о плохом, ни чувствовать боль в полной мере. И он много раз видел, как люди по прошествии времени смирялись с потерями.

Он надеялся, что настолько долго осада не продлится, Луга способна была продержаться от силы неделю. Но еще Артур надеялся, что непреходящая смертельная опасность, огромное напряжение, необходимость драться за себя – что все это в совокупности окажется достаточно сильным лекарством от боли потерь. Если бы такую концентрацию переживаний можно было разбавить временем, то хватило бы, наверное, на несколько месяцев. А значит, есть шанс, что, когда все закончится, лужане будут чувствовать себя так, будто нападение Харира случилось не меньше полугода назад.

Ну и, кроме того, когда все закончится, они уже будут понимать, что утешение есть для всех, и для них тоже.

– Послушайте меня, – сказал Артур, когда в вестибюле стало достаточно тихо, чтоб все могли его услышать, – Марийка здесь потому, что Господь дал мне забрать ее у Смерти.

Вот теперь тихо стало так, что он мог бы говорить шепотом, и все равно каждое его слово дошло бы до каждого из изумленных людей.

– Это не значит, что я заберу у Смерти любого из вас. Это значит, что Бог властен даже над Смертью. Не бог Трассы, как вы Его называете, а Господь, Творец всего сущего и нас с вами тоже.

Когда Артур шел за Марийкой, у него и мысли не было, что это поможет ему спасти еще кого-то, и, однако, там, внизу, он нашел тех, за кого нужно было молиться, а теперь здесь, наверху, люди, кажется, начали понимать. Пусть немного, пусть по самому краю, но начали. Удивительно, как одно цепляется за другое.

– Умирать не страшно, страшно прожить так, что умирать будет стыдно. Я пошел за Марийкой, потому что ее посмертие отличается от нашего. Для нее смерть – это финал, для нас – начало новой жизни, и только от нас зависит, какой будет эта жизнь. Но поскольку мы все прожили слишком мало, чтоб захотеть таких серьезных перемен, – Артур пожал плечами, – в этом бою нам нужно выжить и победить. И поэтому Марийка здесь со мной. Она – лучший боец, чем любой из нас, однажды она и ее друзья уже помогли нам, теперь она снова готова помочь.

– Вампир? – подал голос кто-то, Артур не разглядел, кто именно.

– И очень сильный, – подтвердил он.

В Луге привыкли полагаться на защиту упырей, все на Трассе привыкли. Проблема была не в том, что Марийка – вампир.

– Демоны один раз залезли ей в голову. – Ага, оказывается, это был Эгон Грован.

– Демонам это больше не под силу. Точно так же, как им не под силу добраться до вас, если вы сами этого не позволите.

Демоны не хуже вампиров умеют морочить головы, но от демонов можно защититься. Воплотиться их вынудил не Артур, а жители Луги, к которым демоны не смогли

подступиться, несмотря на всю свою силу. Артур лишь доказал, что и бесплотные, они уязвимы, разбил последний довод против воплощения.

– Они стали слабее, – сказал он.

Пол под ногами задрожал, от пришедшего издалека тяжкого гула показалось, будто по костям изнутри забегали муравьи. Демоны ворвались в город.

Артур заторопился наверх, на крышу, перед ним расступались. После секундной заминки Себеста начал отдавать приказы. Каждый знал свое место, знал свою задачу. Только те, кто должен был оставаться в резерве, не ушли, как положено, в подвал. Остались в вестибюле. Сейчас, в самом начале осады, людям невыносима мысль о том, чтоб сидеть под землей, не видя, что происходит наверху. Ничего, когда устанут, подвал им раем покажется.

С крыши просматривался весь поселок. Одна улица, полсотни переулков, каждый квартал как небольшая крепость, стены которой – стоящие вплотную дома. И на эту улицу, в узкий проход между крепостными стенами с обоих концов будто поршнем вдавило толпу самых ужасных гадов, каких только может создать воображение. Демоны воплотили то, что думают люди, результат вышел омерзительным и страшным.

Низкий звук, от которого дрожала земля и вибрировал воздух, был рычанием, пугающим, даже если просто слышать его, и вдвойне пугающим, если видеть, кто его издает. Демоны двигались неторопливо, отдельные группы влезали через окна в каждый дом, появлялись во дворах, возвращались обратно в здания. Искали людей. Эти группы действовали так слаженно, словно были частью единого организма, руками или щупальцами. Но коллективного разума у демонов не было, слаженность – такая же иллюзия, как ужасающий вид. Они разобщены, хоть и действуют вместе. Змей сказал, они все равны по силе. А равные по силе демоны не способны договориться надолго – слишком независимы, слишком честолюбивы, слишком много самомнения. На то и демоны.

– Инфразвук, – сказал Артур. – Просто инфразвук.

Часовой, чье место у бойницы он занял, поморщился и потряс головой, будто в ухо попала вода.

– От него умирают! Я читал.

– Один вред от чтения. Если б от инфразвука умирали, люди давно друг друга перебили бы, он же гораздо удобнее бомб или вирусов.

Плохой пример. Непонятный. Здесь же не знают таких войн, как в тварном мире, только отбивают нападения фейри да защищаются от банд. Но несмотря на непонятность, часовой кивнул и перестал трясти головой. Услышать, что от инфразвука не умирают, оказалось для него достаточно, чтоб все остальное пропустить мимо ушей.

Люди... если б их всегда было так легко убедить! И если б они никогда не верили демонам!

Демоны – мастера морочить головы, в этом они дадут фору даже упырям. К счастью, от демонов защищает Господь. От упырей тоже, но почему-то им люди поддаются гораздо легче.

– Молитесь, – сказал Артур. – И стреляйте, как только они приблизятся на расстояние выстрела. Не жалейте патронов. Они уязвимы. Они слабее вампиров.

Марийка поднялась на крышу, подошла к нему:

– Слушай, насчет одержимости, я же не могу, как вы. Не могу молиться, – она говорила так тихо, что и Артур-то едва слышал за висящим в воздухе низким гулом, а остальные не должны были различить ни слова, – я думала, что получится, но, Артур, свет такой яркий. Если я попробую, я же ослепну. Мне больно.

– Больно читать молитву?

– Даже думать про это! Если мне будет больно, я не смогу драться.

– А если не доверишь себя Богу, до тебя доберется демон.

– И что мне делать?! – Она говорила все так же тихо, но голос был полон растерянности и злости. И страха. Марийка боялась, и Артур, наверное, должен был чувствовать себя виноватым перед Змеем за то, что не может защитить его сестру. Но он мог.

И он не чувствовал вины.

– Определись. Ты хочешь защищать людей или хочешь прийти к Богу?

– А это не одно и то же?

– Даже близко не одно и то же. Я хочу, чтобы ты спасала себя. Не сможешь драться, не надо. Мы справимся, до рукопашного боя не дойдет, а один стрелок погоды не сделает, поэтому будь со мной и молись. Я не знаю, насколько это больно, но, если ты можешь терпеть, терпи.

– А если не могу?

– А так не бывает. Никому Господь не пошлет боли, которую нельзя вынести.

В этот момент вся ратуша разом рывкнула огнем, так слаженно, как будто не мирные горожане отстреливались, а настоящие солдаты с настоящими командирами. Первые ряды демонов повалились под ноги остальным. Они слабее вампиров, они уже не встанут, отправятся в Нижние Земли и вернутся не скоро. Второй залп. Третий.

После третьего залпа на крыше полыхнуло темно-зеленое пламя, люди с криком метнулись в стороны, кто куда, подальше от жара. Часовой, боявшийся инфразвука, бросился в бойницу, спасаясь от огня, и Артур едва успел поймать его за ремень.

– Это иллюзия! – Он потащил сопротивляющегося стрелка за собой, в самый центр ревущего пламени. – Демоны не могут причинить вам вред, пока не вцепятся когтями.

Марийка зарычала, стиснула зубы и, зажмурившись, тоже пошла за ним.

– Даже вампир не боится! – заорал Артур уже из огня.

Это подействовало даже лучше, чем то, что он уволок с собой живого человека. О пиромании упырей все знали с младенчества, и если упырь не испугался пламени, значит, оно не настоящее. Каким бы убедительным ни выглядело.

– По местам! – рывкнул Артур. Отпустил часового и открыл люк, ведущий внутрь башни. Оттуда рванулись новые языки зеленого огня, послышались крики. Если люди поверят в иллюзию, они сгорят заживо.

Марийка спрыгнула в люк раньше Артура, ее голос перекрыл и крики людей, и рев пламени:

– Оно не настоящее! Вы, придурки, смотрите, оно не жжется!

Просто прыгать вниз было высоко, больше трех метров... Артур слетел по лестнице, прыгая через две ступеньки, оказался рядом с Марийкой, огляделся, выискивая раненых, обожженных... Слава богу, все целы, испуганны, но невредимы. Слава Богу! Он защищает их тела, чтоб дать душам время на спасение.

– По местам! – приказал он, в один голос с Себестой, командовавшим на первом этаже. Там, внизу, кажется, разобрались сами. Там Себеста и Роман, на них двоих можно полагаться. – Марийка, бегом, узнай, что в подвале!

Она исчезла, как ветром сдуло. Вампир... Артур понял, что улыбается, сам себе удивился, но перестать улыбаться не смог. Вампир, и очень могущественный, защищает людей от демонов. Что-то было в этом от комиксов.

– Что бы ни случилось, – заговорил он громко, – что бы ни произошло, хоть огонь, хоть потоп, хоть даже башня начнет рушиться, помните, это все ненастоящее. Настоящая только эта мразь снаружи, и внутрь они попасть не в силах. Скоро придет подмога, и с двух сторон мы вломим так, что Луга им будет в кошмарах сниться.

Ласка должна была приехать. Артур не был уверен, но он надеялся, из всех сил надеялся, что она приедет. Упыри ненавидят демонов, как только можно ненавидеть тех, у кого ты вызываешь отвращение. Драться с демонами не рискнет ни один упырь, они понимают свою уязвимость, понимают, что защищает их только то, что демоны брезгуют с ними связываться, однако воплощенные демоны – это совсем другое. И Ласка должна это понимать, а если поймет она, поймет и ее стая. Знай Артур еще кого-нибудь из вампиров, имевших отношение к церкви, он позвал бы на помощь их всех, но пока мог рассчитывать только на Ласку.

Когда-нибудь все изменится.

– Внизу порядок, – доложила Марийка, вернувшись. – У них и огня не было. Анна там вообще песни поет. – Она поморщилась. – Или не песни. У меня от них голова болит, короче, так что я ушла.

Псалмы? Но Артур не успел научить их ни одному псалму, он и о молитвах-то рассказать почти не успел, что там можно рассказать за несколько телефонных разговоров? И все же внизу не было огня, а Анна пела какие-то песни, от которых у Марийки началась мигрень. Либо очень скверный голос, либо все-таки псалмы. Инфернальный спиричуэлс... воистину чудны дела Твои, Господи!

Демоны накатывались на ратушу волна за волной, меняли форму, обрастали неуязвимой для пуль броней, превращались в живые тараны, обстреливали башню огнем и молниями, сотрясали землю, надеясь расшатать стены. Ратуша содрогалась от основания до крыши, электрические разряды искрили в бойницах, за стенами бушевал огненный смерч. Вентиляция работала на полную мощность, вытягивая клубы дыма. Генератора хватит надолго, опасность задохнуться защитникам не грозит, а демонов надолго не хватит, они не из тех, кто управляет стихиями, они созданы, чтобы смущать разум, морочить, сводить с ума. Чем больше будет силовых атак, тем больше они устанут.

Люди не сдавались.

Пожары тушили – быстро научились отличать настоящий огонь от мороков, каменная кладка держалась, сложена была на совесть. Молнии вынудили защитников оставить крышу, но в Ифэрэнн не летали даже демоны, а их попытки добраться до крыши по соседним зданиям пресекались метким огнем. Защищенные от пуль, они все-таки были уязвимы для энергетического оружия, а на Трассе не требовалось лицензии ни на плазменные винтовки, ни на пульсаторы, хоть ручные, хоть станковые. Станкового в Луге ни одного не нашлось, а несколько винтовок в арсенале хранилось. Роман сказал, что их когда-то привез Себеста. Себеста сказал, что просто купил по случаю. Повезло, мол, бывает.

Артур задавать вопросы не стал. Ему и самому на Земле поначалу, чтоб купить автоматическое оружие, чтоб не считать боеприпасы, приходилось полагаться на такое везение. Если знаешь хорошие места и хороших людей, предпочтешь держать их в тайне, чтоб они оставались хорошими.

За окнами посветлело, дым унесло сильным порывом ветра. Миг, и воздух снова прозрачен, видимость отличная. А еще тихо. После грохота землетрясений, воя пламени, треска камней под стрелами молний тишина показалась абсолютной. Очередной залп из бойниц не нарушил ее, а словно усугубил.

– Что бы они ни делали, – напомнил Артур, – это ложь!

Прекращение силовых атак могло означать одно: демоны решили действовать так, как привыкли. Они не смогли добраться ни до кого из лужан за дни осады и все же намерены попробовать снова. Значит, это будет то, чего они еще не делали.

Артур хотел бы велеть защитникам отойти от бойниц, не смотреть наружу, вообще никуда не смотреть, закрыть глаза и молиться Господу. С развоплощенными демонами это была бы лучшая тактика. Воплощенным только того и нужно. Отвлекись хоть на миг, и орда тварей хлынет на стены, просочится в окна, пролезет, как дым, в каждую щель. Бой внутри ратуши мгновенно станет бойней, численный перевес таков, что его и перевесом называть нельзя. В башне тридцать девять человек. Снаружи тысячи демонов.

Артур молился, они все молились, Бог хранил их разум, хранил их души, но нельзя было попросить Бога ослепить их. А ничего, кроме слепоты, не спасло бы от того, что началось снаружи. Не внушение, не чары, вообще никаких попыток снова добраться до разума, просто зрительная иллюзия. Неотличимая от реальности.

Демоны расступились, пропуская вперед людей, детей и стариков, уставших, измученных, но живых. Ратуша отозвалась растерянным, изумленным ропотом. Кто-то выругался, кто-то подался от бойницы, судорожно стиснув автомат, кто-то, наоборот, приник

к узкому окну, вцепился в решетку, жадно глядя наружу. Узнали своих, тех, кого убил Харир, чтоб не тащить с собой бесполезный груз, чтоб не оставлять свидетелей.

– Артур, что это? – Себеста поднялся с первого этажа. Он был зол, и, пожалуй, Артур впервые увидел его испуганным.

Себеста снова задал вопрос, ответ на который был нужен всем. Хвала Господу, стрелки отвернулись от бойниц, хоть ненадолго, но отвернулись.

– Мороки, – сказал Артур. – Демоны могут принять любую форму.

И сразу после его слов снаружи послышался женский голос:

– Яков, сыночек, это же ты?

Артур выглянул наружу. Пожилая женщина в тапочках без задников, в цветном фартуке поверх домашних светлых брюк и блузки всматривалась в окна первого этажа. Она была без очков, видела неважно, поэтому постепенно подходила все ближе к ратуше, спотыкаясь на вывороченных взрывами камнях. За ней неуверенно двинулись еще двое стариков, высматривая по окнам своих близких. Один разглядел, помахал рукой:

– Рэнди...

Внизу, в ратуше, громко разрыдалась какая-то женщина, и тут же сбившиеся в кучку на площадке рядом с перевернутыми качелями дети ударились в слезы. Идти к башне они боялись, она, наверное, ужасно выглядела снаружи, вся в копоти, в выбоинах от молний. А всего страшнее была тишина, в которой навзрыд плакала чья-то мама.

Мороки. Артур закрыл глаза. Это не люди, это демоны, но как убедить в этом людей? Старики пошли первыми, потому что, если начнут стрелять, им умирать не так страшно. А если их примут, то можно будет впустить и детей. Их примут...

Первым ответил Рэнди, Рэндалл Лазлов. Ответил невнятно. Сбивчивое, почти бессмысленно бормотание: «Отец... как ты... вас же... вампиры...» Потом заговорили все сразу. Никто не забыл про оружие, никто не забыл про демонов, но люди начали говорить со своими родителями, со своими детьми. С детьми, плачущими от страха.

Если двери откроют, то их откроют сейчас.

Артур бросился вниз одновременно с Себестой. Марийка оказалась быстрее их обоих, она просто исчезла, чтобы появиться уже на первом этаже. Когда Себеста и Артур выбежали в вестибюль, Марийка стояла рядом с отгораживающей дверь кирпичной стеной. Она улыбалась. И она была так красива, что замирало сердце. Прекрасная юная женщина. За ее улыбку можно умереть. За ее улыбку, за то, чтоб она улыбнулась лично тебе, можно отдать все: мать, отца, детей, отдать душу. Все смотрели на нее: и мужчины, и женщины – каждый видел что-то свое, и каждый благоговел перед тем, что видел.

Чары действовали только миг, но и этого хватило, чтоб, когда наваждение прошло, жизнь показалась потускневшей. Артур пришел в себя. Остальные – нет. Смотрели на Марийку, зачарованно улыбались, слушали ее. А она говорила о том, что снаружи демоны, никого, кроме демонов. Говорила, что они не могут воскрешать мертвых. Что нельзя пачкать память о погибших, перепутав их с мерзкими тварями, с чудищами, которые хотят только одного: ворваться сюда и уничтожить всех, кто еще жив.

Пат. Марийка бесконечно может удерживать тех, кто видит ее. Демоны бесконечно могут сводить с ума тех, кто видит их. Но люди ничего не могут делать бесконечно. Ситуация переломится в любой момент, и переломиться она может только в пользу демонов, потому что даже молитва сейчас разрушит не их мороки, а чары Марийки.

Рядом бесшумно появился Роман, он тоже таращился на вампиршу, но с ним была Анна, и, похоже, присутствие жены не позволяло Роману полностью поддаться сверхъестественному очарованию.

– У него есть жена и будет сын, – сказал Себеста шепотом. – У многих не осталось ни жен, ни детей, ни родителей. Я одинокий. Ты тоже. Нас уже не слушают. Марийка... – в голосе было поровну восхищения и сожаления, – не удержит всех. Второй этаж... они там ждут, что мы откроем двери.

– Мы откроем, – сказал Артур. – Я выхожу. Вы двое оставайтесь с Марийкой. Если

дойдет до драки, она никому не позволит выйти, но... вы ее все-таки подстрахуйте.

Он осторожно тронул за локоть жену Романа:

– Анна...

Женщина обернулась к нему. В серых глазах была теплая безмятежность. Если бы Артур боялся, взгляд Анны вернул бы ему покой, если бы он злился, этот взгляд погасил бы злость. Анна незаменима здесь, рядом с Марийкой, но для нее тут слишком опасно.

– Идите вниз, – распорядился он. – Там еще не знают, что здесь происходит, постарайтесь им все объяснить.

Себеста посторонился, пропуская Анну, потом сделал шаг к Артуру, снизу вверх посмотрел ему в лицо:

– Постарайся и ты мне объяснить, – произнес он негромко, но напряженно, – зачем тебе выходить? Что это даст?

– Посмотрим. Зависит от того, как поведут себя демоны.

– Они тебя растерзают!

– Надеюсь, что нет. Дай мне минуту. – Артур поднял руку, делая Себесте знак помолчать, и молча позвал: «Альберт?»

Младший откликнулся в ту же секунду, злющий, как... как всегда, когда у него долго не получается дозвониться.

– «Ты! Долбак здоровенный! Я тебя убью вообще! Тебе что, трудно ответить?! Что у вас там происходит?! Змей сказал, ты собрался драться с тысячей демонов! Ты рехнулся или как?!»

– Змей слишком много болтает, – проворчал Артур. – Мне нужна помощь.

– «Тебе ноги оборвать нужно, будешь дома сидеть, всем лучше станет. В чем помощь? Убить тысячу демонов?»

– Да.

– «Вообще рехнулся?» – спросил младший грустно.

– Я знаю, что сразу тысячу не убить. – Артур не хотел, чтоб у Альберта сложилось превратное представление о его душевном здоровье, пусть лучше считает придурком. – Их надо напугать и отогнать подальше.

– «Это, по-твоему, более реально, да? – Превратное представление, похоже, все-таки сложилось. И явно не прямо сейчас. – Артур, я не могу к тебе прийти».

– Во плоти не можешь. Но мы разговариваем, значит, связь есть.

– «Когда тебе надо...»

– Прямо сейчас. Я выхожу к ним. – Артур кивнул Себесте, мол, увидимся, и начал отпирать тяжелую дверь.

Себеста выругался, но ругань Альберта была громче, потому что младший ругался прямо в голове.

– Запри! – сказал Артур вслух и вышел на улицу.

В нос ударила вонь дыма и оплавленного металла, ботинки чавкнули в потекшем от жара асфальте. А демоны, подошедшие уже вплотную к башне, увидев Миротворец, отпрыгнули в стороны, разом расчистив пространство перед дверью. Дама в фартуке с цветами прыгнула спиной вперед, не оборачиваясь, перемахнула через раскоряченную крону лежащего дерева. Даже тапочки не потеряла. Дед Лазлов упал на все четыре конечности и крабом понесся в сторону, ловко виляя между вывороченными кусками асфальта. Дети огромными прыжками унеслись с площадки, попытались затеряться в окружившей ратушу толпе демонов.

Башня, из которой все это время не доносилось ни звука, ожила. Вразнобой, но все более слаженно заговорили карабины и автоматы, мутно-белые вспышки в задымленном воздухе – энергетическое оружие.

Сработало! Слава Господу!

Оказывается, он все-таки боялся. Пока не попустило, даже не замечал страха, а сейчас от радости чуть не сел, где стоял. Сработало! Все получилось! Сколько их было,

человекоподобных? Две сотни? Две с половиной? Ничего человеческого, кроме облика, в них не осталось, и схожесть с людьми теперь вызывала лишь тошноту.

Они могли не испугаться, могли наброситься на него, но это тоже был бы результат. Артур готовился к такому исходу, надеялся, что какое-то время продержится против массовой атаки... дальше он не загадывал. Они могли не испугаться и не набрасываться, повести себя как люди и предоставить остальным демонам расправиться с ним. Это был бы самый плохой исход. Их все равно пришлось бы уничтожить всех человекоподобных, но люди в ратуше уверились бы, что снова пережили смерть своих близких. И ни Себеста, ни Роман с Анной, ни даже Марийка никогда не смогли бы доказать обратное.

Они повели себя как демоны. Не смогли притворяться людьми до конца, не были уверены, что остальные их защитят. Слишком независимы, слишком честолюбивы, слишком много сомнений.

К тому, что, когда пройдет первый страх, они накинутся, он тоже был готов. Под прикрытием огня он успел бы вернуться в башню. Но Альберт притих, не ругался больше, значит, у него там порядок, а Артур мог поклясться, что прежде чем из ратуши вновь открыли огонь, слышал автоматное стаккато, видел зарницы в полукилометре от площади. Там стреляли. Там шел бой. Если бить по врагу с двух сторон, то сейчас самое время.

– Во имя Пречистой Девы! – Артур неторопливо пошел от башни в центр площади.

– «Псих ненормальный! – поддержал его Альберт. – Домой не возвращайся, я тебя сам убью!»

Марийка услышала выстрелы со второго этажа, не успела ни испугаться, ни даже подумать, в кого стреляют, когда Себеста, смотревший в бойницу возле двери, закричал:

– Смотрите! Видите? Это демоны!

– Смотрите, – машинально сказала Марийка, и люди, зачарованные, вернулись к окнам. Чтобы через несколько секунд схватиться за оружие и открыть огонь с еще большей яростью, чем до того, как демоны попытались притвориться их детьми и родителями. – Все, – Марийка пошла к дверям, – я наружу.

– Нет. – Себеста был вроде худым, хоть и высоким, а как-то умудрился загородить коридор между дверью и штурмовой стенкой. – Артур сказал подстраховать тебя.

– Ну так вы подстраховали.

– Он не сказал, когда мы можем перестать.

Себеста смотрел ей в глаза, так смотрел, что было ясно: он подпал под чары так же, как все остальные, если не сильнее. Остальных-то защищали другие сильные чувства: радость обретения семьи, страх за вернувшихся родственников. Но, даже зачарованный, Себеста не собирался пропускать ее к дверям.

– Выпусти меня!

Не может же он не выполнить прямой приказ!

– Выпущу, – сказал Себеста. – Как только будет можно.

Марийка слышала, что такое возможно, что какие-то правила, принципы могут оказаться сильнее чар и тогда зачарованный выполнит любую просьбу кроме тех, что требуют нарушения правил. Но она никогда с таким не сталкивалась. Какие принципы? Какие правила? Она сказала людям, к которым вернулись их дети, что это демоны в детском облике, и люди поверили. А Себеста не хочет делать то, что ей нужно, потому что ему Артур так сказал?

– Бред какой-то, – буркнула Марийка. – Я тебя сильнее и быстрее.

– Поэтому я запер дверь так, что открыть ее можно только ключом, и не скажу тебе, где ключ.

– И детский сад, – сказала она.

– Мы можем только смотреть. – Себеста снова повернулся к бойнице. – Он уходит от башни, идет к демонам.

– С топором?

– Да.

– Футуй!⁸ Я даже посмотреть не могу. Рассказывай, что там.

– Его окружают... – Себеста замолчал. Вдруг подался к бойнице: – Они напали!

И все. Марийка поняла, что больше ничего от него не добьется, ни одного связного слова. Она снова ругнулась, уставилась на затылок Себесты. Брат говорил, что можно увидеть то, что видит человек, можно увидеть даже воспоминания, он объяснял как, Марийка пробовала, и у нее почти никогда не получалось. Баловство же, просто развлечение, чтоб в кампусе на вечеринке пощеголять «телепатией» на зависть другим магам, которым такому учиться еще и учиться. Но сейчас посмотреть глазами Себесты было необходимо. И Марийка даже не сразу поняла, что получилось: стало светло, стены раздвинулись, под ногами появились какие-то ямы. От неожиданности она чуть не потеряла равновесие, качнулась вперед, оперлась о стену рядом с головой Себесты.

Дым, вялые языки пламени, глаза немного ест... нет, это у Себесты глаза ест. В ратушу дымом почти не тянет. А в центре площади, в бывшем сквере, среди вывороченных с корнем деревьев – золотой, теплый свет.

Потеки стремительно мечущейся слизи, пляска похожих на бичи щупалец, хоровод фантастических тварей, рык и грохот и изредка взлетающее над свалкой лезвие топора, разбрасывающее черные брызги.

Это что? Такая у демонов кровь? Черная?

Окровавленное лезвие на широком замахе врезалось в пружину из колючей проволоки, десятки метров упругой стали, попадись в такую – уже не выпутаешься. Марийка не поняла, откуда взялась проволока, и окончательно растерялась, когда та под ударом рассыпалась в пыль. Пыль налипла на топор, Артур взмахнул им, в сторону ратуши полетело что-то... то ли коготь, то ли крыло, то ли острая кость. Что бы это ни было, оно оказалось сожжено одиночным зарядом плазмы. Стрелки знали свою задачу: ни один демон не должен был подойти к ратуше. Даже по частям.

В центре площади в воздух поднялось еще одно облако пыли. Это не дым... там не только дым. Это прах уничтоженных демонов. Сколько же их уже? За какие-то секунды?

Почему они лезут в рукопашную? Почему не расстреляют, не сожгут?

Демоны подались назад, расчистив пространство перед Артуром. Это, конечно, не было ответом на ее вопрос, это было инстинктивной реакцией на гибель одного из них: отступить, оказаться вне досягаемости страшного топора. В центре неровного круга вспыхнул огонь, с бешеной скоростью в огонь понеслись камни, острые осколки черепицы и стекла. Марийка сдавленно охнула и примерилась, как бы ей выбить дверь. Артура, может, и не берет огонь, но камни и стекло, это похуже пуль, и... это не создано демонами, это настоящее...

Снаряды бессильно осыпались, ударившись об окружившую Артура невидимую сферу. Осыпались, а не отскочили, сфера поглотила энергию, замерцала на миг и снова стала полностью прозрачной. Что это? Силовые поля? Это молитва такое делает?

На площадь упала тьма, и во тьме воцарился хаос. Воздух вспыхнул огнем, с ревом и треском ощерился сотнями молний, ветер подхватил упавшие деревья, и они, вращаясь, понеслись через площадь вместе с осколками, обломками, камнями и черепицей. Марийка на секунду перестала видеть – это Себеста зажмурился, ослепленный молниями, потрясенный. Он не хотел смотреть. Марийка тоже. Артура не спасет никакая защита. Ветер захватит его, переломает кости, то, что останется, уничтожат огонь и взбесившееся небо.

Через секунду Себеста открыл глаза – показалось, что молнии вонзились прямо в мозг. Марийка увидела рядом с Артуром еще одного человека. Человека, не демона. Вспышки света играют дурные шутки... но она увидела Артура, это главное. Он уцелел! Лишь спустя мгновение Марийка поняла, что именно она видит. Артур не просто уцелел: хаос и светопреставление на площади были его рук делом. Артур стоял в центре огненного смерча,

⁸ Ругательство.

в эпицентре грозы, бушующей прямо у него над головой, это от него во все стороны били взбесившиеся молнии, а когда он развернулся и пошел по улице, под его ногами дрогнула земля. То, что демоны пытались, но не смогли сделать с ратушей, Артур сделал с ближайшими домами, всего лишь пройдя несколько шагов в их сторону. Фундаменты треснули, стены просели, с крыш посыпались остатки черепицы, которые мгновенно подхватил ветер.

Что было дальше, Марийка не видела. Себеста начал молиться, и она чуть не ослепла от вспышки головной боли.

Когда дома обрушились, Артур вышел из молитвенного транса.

– Ты что делаешь?! – заорал он вслух. – Мне нужны были защитные поля!

– «Изображаю гнев божий, – ответил Альберт сосредоточенно. – Не мешай. Когда еще такая возможность выпадет?»

– Прекрати!

– «Да щас!»

– Прекрати богохульствовать, – уточнил Артур.

Молнии, огонь, тьма и ревущий смерч его устраивали: демонов вымело с улиц, они набились в дома, а те, кому не хватило места за стенами, отступили за границу поселка и попали там под удар упырей. Землетрясение тоже пришлось кстати, потому что, укрывшись в домах, демоны бросили все силы на дистанционные атаки, а поля не вечны. Похоронить врагов под рухнувшими стенами показалось наилучшим тактическим решением. Но мотивы! Мотивы неприемлемы.

– «Ты зануда. – Альберт, наверное, скорчил рожу. Артур его не видел, связь позволяла только слышать друг друга, но, судя по голосу, рожа получилась премерзкая. – Я только что совершил прорыв в использовании стихийных связей, мне удалось воздействовать на место, которого нет, это открытие, важность которого ты и представить себе не можешь. А ты запрещаешь мне побыть богом? Всего-то минуточку!»

– Да!

– «Ох, черт...» – сказал Альберт.

Артур порадовался, что братец не здесь, а на Земле. Здесь поминать нечистого было гораздо опаснее. Больше радоваться было нечему.

Демоны изменились. Снова. По-прежнему воплощенные, они больше не пытались поддерживать хоть какую-то форму, хотя бы даже ядовитой слизи, от испарений которой, если честно, было больше проблем, чем от любых других атак. Альберт едва успевал перестраивать поля так, чтоб они защищали от яда, но все-таки успевал. А что делать с тучей насекомых, твердых, как пули в стальной оболочке, быстрых, как пули, и в отличие от пуль способных самостоятельно выбирать цель?

Их не сжег огонь, они были неуязвимы для огня; не остановил ветер, они летели слишком быстро для ветра; часть из них, десятки или сотни, не смогли миновать поднятую смерчем кучу обломков, завязли в стволах деревьев, разбились о камни, но остальные прорвались в центр урагана. И ударили в защитные поля. В одну точку, одной бесконечной очередью. Демоны-самоубийцы?! Да быть такого не может!

Это было, происходило прямо сейчас, стальные мухи бились в поля, разбивались в брызги, невозможно было поглотить такое количество энергии, не помогло вращение: демоны не промахивались. Когда поле треснуло и растаяло, вокруг Артура, опалив лицо и волосы, вспухло огненное облако. Альберт вложился полностью: температура оказалась такой, что мухи просто расплавились, но их было больше, гораздо больше, чем сил у младшего.

И хорошо, что их больше не интересовала ратуша. Им с самого начала нужен был только Артур.

– Убирайся! – приказал он.

– «Да иди ты! – откликнулся младший. – Меня здесь нет».

Его здесь не было. Во плоти не было. Но демоны смогут добраться...

– «Только если развоплотятся».

Артур оставил бесполезный спор и начал молиться за упокой. Выходя из ратуши, он знал, что бой закончится именно так. Ласка рядом, у упырей против демонов-мух найдутся инсектициды, людей успеют спасти.

Пламя встало над руинами домов, над тем, что когда-то было поселком Луга, огненный взрыв, в котором камень плавился и застывал, как стекло.

Разве Альберт не истратил все силы на последний огненный шторм?

Альберт выругался, в голосе было изумление и злость. Младший всегда злится, когда что-то не понимает.

– Подумал, – весело произнес черноволосый тощий парень, появляясь рядом с Артуром, – что это будет интересно.

Он правильно выбрал дистанцию: места для взмаха топором не хватило, и Артур успел сначала подумать, а уж потом рубить.

– Демон.

– Точно!

– Почему?!

– Да надоело все. Давай вместе! – Он посмотрел вверх. – Я тебя не вижу, ты не здесь, что ли? Еще один удар, потом вампиры...

И они дали вместе. После пролетевшего над останками Луги третьего огненного шторма от домов остались оплавленные холмики, улицы превратились в безумную фантазию стеклодува, те демоны, что не успели разлететься как можно дальше, туда, где огонь потерял силу, просто исчезли. Остальные, гудящей тучей рванувшие вниз из черного неба, заметались, начали кругами носиться над руинами.

– Вампиры, – сказали Артур и Демон одновременно.

– «Ну, трындец! – констатировал Альберт. – Артур, ты же молишься, почему его от тебя не тошнит?»

Артуру это и самому было очень интересно. Но выяснения пришлось отложить.

Первой, подскакивая на рытвинах, по улице пронеслась бронемашина Ласки. Остановиться удалось не сразу: скорость бешеная, а под колесами стекло, но водитель справился, машина замерла метрах в пятидесяти от Артура.

– Топор убери! – рявкнули динамики. – Ни хрена ж не видно!

Очевидно, упыри считали, что демоны больше не опасны. Миротворец пугал их больше. Артур посмотрел вверх, на стальную тучу, круг за кругом наматывающую над поселком. Надел на лезвие Миротворца чехол и повесил топор в петлю на поясе. Тут же из башни выпрыгнула Ласка.

– Вот так лучше, – она пошла к Артуру, остальные бойцы окружили машину, поглядывали на демонов, но особой тревоги не проявляли. – От тебя столб света аж небо насквозь буровит. Головы мы им заморочили, или что там у них, так что, если сделаете еще такой же огонь, всех туда направим. Кто уцелеет, тот уцелеет, но... – Ласка демонстративно огляделась, пнула ближайший застывший выворотень асфальта, – немного их таких будет.

К бывшей площади, к притихшей ратуше, один за другим подъезжали новые и новые броневики. Десять машин. Сотня вампиров?

– Сколько здесь стай? – спросил Артур.

– Пять. наших бойцов два десятка, десятков из Ренатира, вон та машина – ребята Глейса, – Ласка ткнула пальцем, – вон те две из стаи Лодина, те, пятнистые, стая Иртыча, а которые страшные, это Истмаровы. Истмар сам еще то чудище, у него социалов вообще нет, только бойцы. Как территорию держит, не спрашивай.

Артур и не собирался спрашивать, хотя при взгляде на зверообразных тварей, выбравшихся из последней бронемшины, ему и правда стало интересно, как они общаются с людьми и другими упырями. Вампиры – существа социальные, им контакт нужен, а кто

добровольно на контакт с этими пойдет?

Демона Ласка игнорировала. Остальные тоже. Будто и не было его. Демон тоже помалкивал. Если б Артур его не видел и если б не знал точно, что Альберт его тоже видит, мог бы решить, что у него галлюцинация и рядом никого нет. Хотя... Ласка сказала: «Если сделаете еще такой же огонь». Множественное число. Вряд ли она говорила об Альберте, Альберта здесь нет.

– Как ты умудрилась пять стай поднять?

– Кто ж откажется демонам присунуть?! – Ласка оскалила острые зубы. – Да нам за всю вечность второго такого шанса не выпадет. Ну что? Сможете еще огонь сделать? Только подальше где-нибудь, там, на околице.

– Сможешь? – спросил Артур сразу у Альберта и у Демона.

– Если он направит, – сказал Демон. – У меня только сила.

– «А тебе за сотрудничество с ним ничего не будет? – поинтересовался младший с искренним любопытством. – Готов, Демон?»

– Да.

– Они готовы, – сказал Артур.

– Сейчас будет огонь! – крикнула Ласка... адресуясь к зверовампирам Истмара.

Так это они создали мороки для демонов? Ничего себе!

На окраине Луги темнота расцвятилась алым, оранжевым и золотым, дивный огненный цветок раскрылся там, огромный, жадный, и демоны, не завершив очередного круга, устремились в самую его сердцевину. Стальная туча исчезла в пылающих лепестках. Все случилось быстро, беззвучно, как-то очень просто. И от этого гораздо более страшно, чем если б снова гремели выстрелы и плавилась земля.

– Кто «они»? – Ласка снова пнула остекленевшие потеки камня. – Тут с тобой бесплотный маг ненормальной силы, а кто еще? – Она наконец перевела взгляд на Демона. – Этот, что ли?

– Это Демон, – сказал Артур.

– А то я не вижу!

– Второй огненный шторм был его, и этот огонь тоже.

– «Скажи ей, что это он землю остудил, скажи, иначе они б сгорели все, если б в город сунулись». – Альберт в кои-то веки решил восстановить справедливость? Чудны дела Твои, Господи, неужели у младшего есть совесть?

– Это он остудил землю, – повторил Артур вслед за братом, – иначе вы бы не смогли сюда попасть.

– Демон-стихийщик, – выплюнула Ласка с невыразимым презрением, – мелкота. Эти куда круче были.

– Они были, а я все еще есть. – Демон наконец соизволил заговорить с упырицей.

– Он разговаривает?! – Ласка аж попятилась, и, похоже, она уже не издевалась. – Какого хрена он со мной разговаривает?!

Артур не понял, что ей так не понравилось. Альберт тоже. Младший, кажется, решил оставаться на связи, пока все интересное не закончится, а интересное только начиналось.

– «Чего она? Артур, она чего? – зазудел он. – Что у вас тут такое?»

Артуру даже показалось, что братишка нетерпеливо дергает его за рукав.

– Мне придется, – сказал Демон так неохотно, как будто каждое слово творил прямо сейчас и отдавал на это все силы, – разговаривать с вами. Я останусь с ним. Вы тоже.

– Мы не останемся, – фыркнула Ласка. – Чероки своих уведет, остальные тоже. У всех дела есть. Я, кстати, остаюсь, – без перехода сообщила она Артуру.

Демон пожал плечами. Он с каждой минутой выглядел все более отстраненным – то ли собирался развоплотиться, то ли его и правда, как говорила Марийка, тошнило от близости вампиров.

– Могу поделиться саолами, – произнес он все так же, с усилием.

Ласка открыла рот. Закрыла. Наклонила голову набок, как будто так было проще

понимать. И наконец переспросила:

– Что? Какими?

– Шесть тысяч демонов, – сказал Демон. – Шесть тысяч демонических саолов. Полторы тысячи ваши, три Артура, а полторы мои. Я уже не «мелкота», Ласка, уже не «стихийщик».

– Я тебе не представлялась. – Ласка снова показала клыки: – Мы ничего от тебя не возьмем. Артур, никаких сделок с демонами...

– Я даже не знаю, что такое саолы. Но ты права, – Артур кивнул Демону: – Ласка права, ни они, ни я ничего у тебя не возьмем, если только это не будет подарком. А демоны не умеют дарить.

– Я буду учиться. – Демон закрыл глаза. – Мне много чему надо учиться. Могу я... – пауза была долгой, он, кажется, забыл слова, или их не получалось произнести, – сделать пожертвование? В храм?

– Куда?! – в один голос спросили Артур, Ласка и Альберт.

– В храм. Ты же построишь его? Людям надо куда-то идти. И вампирам. Пожертвование – это подарок, если я смогу это сделать, значит, смогу остаться.

Глава 8

Жемчужина, если она брошена в грязь, не станет более презираемой, и, если ее натрут бальзамом, она не станет более ценной. Но она всегда ценна для ее обладателя. Подобным образом сыновья Бога, где бы они ни были, они всегда имеют ценность для их Отца.

Евангелие от Филиппа

Артур терпеть не мог, когда вот так валится на голову все и сразу. Демон, упыри, разрушенная Луга, метаморфозы демонической сущности, саолы, храм, которого нет, и тридцать девять человек, которым нужно сказать, что делать. Люди пока не начали винить его в своих несчастьях, им все еще было не до того. Поселок, за пару минут превратившийся в потеки застывшей лавы, это шокирует. Даже Себеста не нашел что сказать, когда вышел из ратуши.

Ничего не осталось: ни домов, ни скарба, ни хоть каких-то дорогих сердцу вещей, памяти о погибших близких. Отступая в ратушу, люди взяли с собой только самое необходимое: оружие, боеприпасы, сухпак. Еще домашних животных. Собаки и кошки, разбежавшиеся, когда на Лугу напала стая Харира, вернулись в пустые дома, ну а потом вернулись хозяева, те, кто выжил. На улице зверье не оставили, на съедение демонам не бросили, и теперь лужане выглядели как евреи во время Исхода: вооруженные, голодные и в окружении разнообразной живности. Ружья и автоматы, пистолеты и ножи, собаки на поводках, кошки в переносках и так, сами по себе, а вокруг черная, безжизненная земля.

– Я могу сделать, как было, – сказал Демон. – Время вспять не поверну, но могу заново построить так, что будет не отличить.

Себеста покачал головой:

– Нет, не надо. Так лучше.

Поразмыслив, Артур решил, что Себеста прав. Луги больше не было, не было и прежней жизни. Жизнь началась новая, но вот какая?

– Что мы должны делать? – спросил Себеста, и, будто молча повторяя его вопрос, на Артура посмотрели все остальные. – Мы должны рассказывать всем о Боге? О том, что случилось в Луге? Бог спасает наши души, выбрасывая нас в воду, сразу на глубину. Поплывем – хорошо. Нет – вытащит, даст отдышаться и бросит снова. И Он, – Себеста обвел взглядом черные руины, – снял с нас все камни, которые могли утянуть на дно. Артур, я понимаю это, мы все понимаем это, но как об этом рассказать, чтоб поняли другие? «Бог не оставит вам ничего, идите к Богу!» Плохая мысль.

– Да нет, нормальная. – Ласка пустила по кругу пачку сигарет. – Для тех, у кого уже ни

хрена нет, самое то. На Земле христианство началось с тех, кому терять было нечего.

– На Земле христианство началось с Христа, – сказал Артур.

– А кто в него верил? – парировала Ласка. – Так, чтоб по-настоящему, чтоб по воде ходить или... – Она щелкнула зажигалкой, затянулась. – Или чтоб демоны от одного вида корчились. Он не дает доказательств, Ему же вера нужна, а мы верить не можем, нам доказательства подавай. Только такие, как ты, и выручают, а вас таких хрен да ни хрена. Здесь вообще ни одного не было. Христианство началось с отчаявшихся.

– Не знаю, где эта Земля, но мы не отчаялись, – сказал Себеста.

– Вы поверили. В этом и смысл. А значит, и другие поверят. Я к тому, что подход ты обозначил верно: к... Нему придут те, у кого ничего не осталось. От этого и будем плясать.

– Меня не спросите? – поинтересовался Артур.

Ласка не упоминала Христа, так же как Марийка, и она не могла смотреть на Миротворец. Никто из них не мог. Плохо.

– А у тебя есть опыт миссионерской работы? – промурлыкала Ласка сквозь белесую завесу дыма. – Ты прости, но топор и винтовка, это не то же самое, что доброе слово. Ты командуешь, не вопрос. – Она подняла руки, изображая, будто капитулирует. – Но, если у тебя пока нет других идей, я предлагаю ехать в Ренатир. Рена с Земли, с ней можно попробовать договориться. А кому терять нечего, так это вампирам, вот с вампиров и начали бы. Смотри-ка, Демон с Марийкой разговаривает и даже не морщится. Она разве не вампир?

Выяснилось, что саолы – это основа экономики Ифэрэнн. Слово «саол» означало «жизнь». Та энергия, которая и отличает живое от мертвого. Саолы были трех видов: человеческие, экзотические, демонические. Стоили они по-разному, и человеческие считались самыми дешевыми. Это понятно: в Ифэрэнн жили по-настоящему только души, а тела были лишь видимостью, поэтому и саолы в них использовались слабенькие.

Узнавать о жизненно важных для мира реалиях через две недели пребывания в этом мире – это «только» через две недели или «уже» через две недели?

Демон сумел забрать саолы демонов. Вампиры такого не могли, им доступны были только жизни людей и экзотов. Полторы тысячи Демон оставил себе, сделал своими, и это превратило его из стихийщика, способного воздействовать только на природу, в сулэма, демона высокого ранга, достойного войти в свиту кого-нибудь из князей.

Безумие какое-то.

– Все, что я пока умею, это создавать видимость хорошей погоды и сбивать с толку синоптиков, чтоб в самый неподходящий момент, когда все без зонтиков и даже без шляп, начался дождь со снегом. Еще неплохо получается непогода на выходные, особенно если это праздники с массовыми гуляниями, – рассказывал Демон, пока ехали в Карешту, столицу Ренатира. – Но теперь все должно стать по-другому, а как, я не знаю. Боюсь, пожелаю я устроить дождик, и случится потоп, а про снег я даже думать пока не хочу. Но проблема не в том, чтоб контролировать силу, а в том, что изменилось место в мире.

На ближайшей заправке, той самой, за которой были скалы с граффити, нашлось достаточно путешественников, пожелавших помочь лужанам эвакуироваться. Трасса – очень небезопасное место, взаимовыручка тут – способ выжить, и готовность помочь обусловлена надеждой на то, что когда-нибудь помогут и тебе. Это не полная бескорыстность, но и не в чистом виде сделка. Артур надеялся, что Демону пойдет на пользу разобраться в таких отношениях.

За руль «Найзагая» он пустил младших Грованов, поручил им вести байк по очереди. Они и так уже ни в чем не подозревали ни его, ни Марийку, а от такого доверия мгновенно перемертвели в лагерь его самых убежденных сторонников: к Себесте и Барчанам. По крайней мере на время пути. А там уж как пойдет.

– «Он стал гораздо сильнее, – вмешался Альберт, который до сих пор оставался на связи, – поэтому и не мог сам огонь в нужное место направить. Направлял я. А у меня проводник – ты. Получается, что он с тобой взаимодействовал. В мистике я ничего не

понимаю, но он же демон, значит, такого быть не могло».

– Да такого вообще быть не может. – Демон держался очень спокойно, то ли его ничего не удивляло, то ли освоение новых ресурсов подавляло эмоции. – Артура здесь быть не может, с этого и надо начинать. Я хотел душу, – сказал он неожиданно, – хотел стать сильнее, и один из моих рабов-охотников, Земус, почти сумел купить душу Романа Барчана. Сделка сорвалась в последний момент, в последние секунды, и даже будь Земус властен над временем, этого он изменить не смог бы. Земус взбесился, захотел отомстить, через мою голову связался с Урмиртой, потому что мне признаваться боялся. А Урмирта согласилась войти в стаю Харира и повести их за вами в погоню. Невозможно, – он пожал плечами, – ни один демон даже не заговорит с вампиром, тем более не войдет в него, но Урмирта захватила всю стаю, еще и Марийку. Уверен, что ей было очень противно, поэтому она не смотрела, в кого входит, спешила покончить с этим как можно скорее. И Артур ее уничтожил.

– «Что тоже невозможно», – прокомментировал Альберт.

– Вот именно. Земус перепугался и все рассказал мне. Урмирта что-то знала, ей было важно избавиться от Артура, а если демоны ее ранга настолько интересуются кем-то из людей, это интересно.

– Сколько демонов-стихийщиков охотятся на души? – Артур знал, что перебивать невежливо, но считал, что вежливым быть необязательно.

– Не знаю. Стать сильнее хотят все, но есть другой способ: можно стать слугой демона более высокого ранга и расти вместе с ним. Сделать так, чтоб тебя заметили и взяли в услужение, нелегко, но раздобыть душу... – Демон развел руками.

– Невозможно, – подытожил Артур. Это слово явно было главным в их разговоре.

– «А у тебя своя-то душа есть?»

– Конечно.

– У них есть души, – Артур кивнул, – у них с телами сложности. Здесь еще ничего, а в тварном мире полный швах. Но с душами вообще-то тоже проблемы. Ты знаешь, что не сможешь спастись? – Он уставился на Демона в упор. – Должен знать. Вы же все это выбрали добровольно и с полной ответственностью.

– Артур, я здешний. Просто стихийщик. Появился вместе с Ифэрэнн. Я ничего не выбирал, меня тогда не было. Если бы я был на Небесах, я занял бы другую сторону. Это невозможно, но, по-моему, смысл слова «невозможно» изменился за последние две недели, и мы только что это выяснили.

– Он прав, – подала голос молчавшая до этого Марийка, – что-то происходит, что от нас не зависит, не зря же мы с тобой встретились. Моя семья – связующее звено между людьми, вампирами и демонами, брат с отцом оказались в долгу перед тобой за то, что ты убил Урмирту, я могу перестать притворяться обычной, и тогда вампиры начнут меня слушаться, и ко всему тут еще и демон-сулэм. Брат мне говорил, что Белый Бог редко являет чудеса, потому что хочет, чтобы в Него верили, но, кажется, Он решил, что для начала чудеса не помешают.

– Вы про людей не забыли? – хотелось курить, но не хотелось дымить в машине. – Не могу даже предполагать насчет промысла Божьего, но точно знаю, что всегда все делают люди. А разная нечисть в лучшем случае помогает. В худшем это демоны, и тогда о помощи можно забыть.

– Вот уж, блин, знаешь, – Марийка и не подумала обидеться на «нечисть». – Людей у тебя тридцать девять, скоро будет сорок, это в три раза больше, чем двенадцать...

– Не богохульствуй.

– Не перебивай. Мы про них не забыли, мы тебе вообще про другое. Если сразу, с самого начала в деле оказались такие силы, то к чему это, по-твоему, ведет?

– «Не спрашивайте у него про будущее...» – начал было Альберт.

– Уж всяко разное, не только к четырем десяткам прихожан и одному храму, – по инерции закончила Марийка.

– И не только к распространению веры в Белого Бога в Ифэрэнн, – добавил Демон.

– «Артур, вернись!» – рявкнул младший так громко, что в ушах зазвенело.

Спустя секунду Артур сообразил, что этот звон – один из барьеров, отделяющих его от реальности, когда он проваливается в пророческий транс. К счастью, Альберт продолжал орать и ругаться, а когда младший так зол, в транс не то что случайно, а и добровольно-то хрен впадешь.

– «Не спрашивайте! – приказал Альберт, убедившись, что в этот раз обошлось. – Всем хуже будет».

– Так ты еще и пророк? – Демон озадаченно хмыкнул. – И как это сочетается с христианством?

– «А как перерождение с христианством сочетается? – поинтересовался Альберт ядовито. – Что-то очень уж на переселение душ похоже».

– Никак не сочетается, – сказал Демон. – В Ифэрэнн нет христиан.

Христианство было ни при чем, в этом все дело. Люди, умершие в тварных мирах, рождались в Ифэрэнн, чтобы прожить здесь жизнь и снова родиться в тварном мире, и так без конца. Даже близко не христианство. По мнению Альберта, это означало, что все, чему Артура учили, – вранье. Младший все время забывал о том, что Артура ничему и не учили. Он знал наизусть Библию и Евангелия, но с самого раннего детства усвоил, что практическое значение имеют лишь несколько правил. Даже эти правила всяк толкует по-своему, а не выполняет почти никто, вся же целиком Священная История останется полем битвы для поколений философов до тех пор, пока мир, описанный в ней, не придет к завершению. Ну а там уж выяснится, кто сильнее ошибался.

То ли проклятый, то ли благословенный своей памятью, Артур помнил все богословские концепции, какие имел неосторожность прочесть или услышать, и единственное, что он точно знал о толковании Писания, – это то, что точно никто ничего не знает. И не точно тоже. А значит, ошибались все. Он сам теологом не был, он вообще думать не любил, поэтому просто следовал правилам. Простым правилам. О переселении душ в этих правилах не говорилось, но ведь они были созданы для христиан, для тех, кто по-настоящему принял крещение, а Артур даже среди священников мог таких пересчитать по пальцам. Хватило бы одной руки. Речь, разумеется, шла о ныне живущих, о тех, с кем он столкнулся в тварном мире, но, судя по количеству населения в Ифэрэнн, христиан и в прежние времена было не больше, и в будущем вряд ли станет.

Христианство было ни при чем. Души рождались снова, снова и снова, Бог искал их, но они не хотели найти Его. Если правду говорят о первородном грехе, то никогда и не захотят. Нет блага без благодати, а благодати нет... потому что просто нет. Правила не работают, потому что им не следуют. Жаль, что в Ифэрэнн из всех христиан оказался именно еретик, да еще и самого разнузданного пошиба, но такова, значит, здешняя удача. И все-таки, если перерождение остановится, если хотя бы десять душ, хотя бы десять, не вернутся отсюда в тварный мир, а отправятся туда, где им и надлежит быть, значит, неважно, еретик он или нет, неважно, сколько существует толкований Писания и насколько не правы толкователи. Важны лишь несколько правил.

Они искали гостеприимства Рены и были готовы к тому, что она не позволит остаться на своей земле. Обычно правители тийров не интересовались тем, что за люди у них живут и как они живут, платили бы налоги, и ладно. Совсем другое дело – лужане, из-за которых началась история, нашумевшая даже в княжествах. Глейс должен был бы радоваться, что избавился от Луги и от лужан, а Рене следовало бы прогнать их, отправить к соседям или вообще куда-нибудь в Ахтеке. Люди, разозлившие демонов настолько, что те лично явились убивать, – это источник гарантированных неприятностей. То, что с этими людьми явился еще один демон, притом могущественный, все только осложняло.

Когда караван добрался до Карешты, окруженного скалами городка, где располагалась резиденция Рены, бронемашина Ласки, возглавлявшая колонну, остановилась, метров двести не доезжая первых домов. Ласка выбралась из люка, уселась на броне, закурила, дожидаясь,

пока весь караван разместится на пустоши. Один из бойцов стаи Ренатира направился в город.

В Кареште не было никакой ограды, даже символической, как в Луге. А еще здесь хватало зелени: деревья на тротуарах, газоны, окруженные живыми изгородями. Маленький, но все-таки город, планировка сложнее, население больше. На первый взгляд казалось, что по сравнению с Лугой, с той, живой, Лугой здесь повеселее. И все равно оба города были похожи. Каждый квартал как крепость. Каждый дом готов к обороне. Удивило количество собак. Без поводков, без ошейников, без хозяев, небольшими стаями, псы деловито трусили по улицам. Пять крупных серых собак, корноухих, бесхвостых, бодрой рысью выбежали навстречу вампиру-гонцу. Окружили, начали пихать боками, отталкивать друг друга, подставлять лбы под руки, напрашиваясь на ласку. Минуты две ушло на то, чтоб погладить каждую зверюгу. Потом упырь взял одну собаку за брыли и, глядя прямо в глаза, начал о чем-то рассказывать. Собака слушала. Артур смотрел издали и каждую секунду ждал, что она вот-вот начнет понимающе кивать.

Когда рассказ закончился, собаки как по команде развернулись и умчались по улице. Упырь вернулся к Ласке, а она, выслушав его, пошла к Артуру.

– Рене доложат, она решит, когда сможет нас принять. Пока что можно остановиться в гостиницах, это, правда, в разных концах города, но тут безопасно.

– Собаки вместо патрулей? – спросил Артур.

– И птицы, и кошки. Собаки еще и драться могут. Правда, дальше в городе собаки помельче: болонки, таксы, шпицы там разные. Бойцовых псов на окраине держат.

Автомобили разъезжались один за другим. С лужанами водители прощались тепло, кое-кто обменивался номерами телефонов, обещаниями держать связь. В Луге произошло нечто загадочное, необъяснимое и страшное, но интересное. Многим хочется чувствовать свою причастность к этому, оставаясь при этом в безопасности. И почти все люди, помогавшие им добраться до Карешты, уверены, что лужане в безопасности уже никогда не будут.

Артур думал, они успеют разбиться на группы, как уже привыкли, определиться с гостиницами. Местные вампиры вызвались проводить. Возникла небольшая заминка с оружием: правила требовали отдать его перед тем, как входить в город, но привыкнув к тому, что от оружия зависит твоя жизнь, расставаться с ним очень сложно. Марийка начала спорить с Себестой, Артур понял, что пора ему вмешаться. На плечо вампиру, который говорил с собаками, спикировал стриж, а спустя полминуты игры с птицей в гляделки, вампир доложил Ласке:

– Госпожа Рена хочет видеть тебя, Артура, Демона и Альберта.

Вмешиваться не понадобилось, Себеста и сам рассудил, что он бы в Лугу вооруженных незнакомцев не впустил, с чего бы Кареште придерживаться других правил?

– Нам туда, к водопаду, – сказала Ласка, – там крепость и казармы стай. А остальных пока расселят.

– Ты тут хорошо ориентируешься. – Артур полагал, что общение между стаями разных тийров не поощряется. Правители земель друг другу чаще противники, чем союзники.

– Рена и Пайсар... – Ласка неопределенно похмыкала, – короче, мы тут часто бываем.

Крепостью, системой фортов были все окружившие город скалы. Внутри, в естественных и искусственных пещерах, располагались жилые помещения, склады продовольствия и боеприпасов. Снаружи, на вершинах и склонах, – огневые точки. В отличие, опять же, от Луги, в Кареште хватало тяжелого энергетического оружия.

Столица. Маленькая, почти игрушечная, но очень воинственная. Было бы хорошо, если бы лужанам удалось найти здесь приют.

Там, где прыгал по камням живописный небольшой водопад, Рена сделала главный вход в свою резиденцию. Местный серый камень облицевали мрамором, украсили резьбой и самоцветами, через озерцо в чаше водопада перекинули декоративный мостик. Вокруг был

разбит небольшой сад. Озеро давало начало текущей через Карешту узкой речке, а сад – идущей вдоль речки кедровой аллее.

Цветы, цепляющиеся корнями за каждую трещину в мокрых камнях, соперничали яркостью красок с полированными самоцветами; среди ползущих наверх лиан, там, куда не долетали брызги, сверкали крыльями бабочки. Артур не в первый раз пожалел о том, что в Ифэрэнн нет солнца, но впервые подумал, что ему не хватает радуг. Взвесь пены, взбитая струями водопада, была жемчужно-белой. Красиво, но еще красивее было бы, если бы каждая капля сверкала на солнце ярче цветов и самоцветов, ярче бабочек и стрекоз.

Ифэрэнн не заслужил ни солнца, ни неба. Ни радуг. И все же, если судить непредвзято, разве уступит он в красоте тварным мирам?

Артур уже не мог судить непредвзято. Тварные миры были прекрасны, но когда цветы Уэлана отразились в бесконечной, обманчиво глубокой сети снийва, Ифэрэнн завладел его сердцем. Небо, которого нет, оказалось красивее настоящего. Хорошо еще, он понимал, что очарован, зачарован, что он под властью наваждения. Избавиться от чар понимание не помогло бы, но делать на них поправки в рассуждениях пока получалось.

Крепость Карешты, система пещер, обустроенных для жизни людей и существования вампиров, так же, как ратуша Луги, могла вместить все население города. Правда, если на Карешту и нападали, то в те времена, о которых никто из людей не помнил даже по рассказам. Теперь все могло измениться. Рена с этого и начала, как только Ласка закончила церемонию приветствий и взаимных представлений.

Правительница оказалась высокой статной дамой лет сорока на вид. Сливочно-белая кожа, русые, тронутые сединой волосы, серые глаза. Ей пошли бы пеплос и гиматий, и Артуру не составило труда представить Эгиду у нее в руках и сову на плече. С такой-то осанкой и взглядом тут и копье пришлось бы к месту. Но Рена была одета в длинное платье с высоким воротником и рукавами до середины кистей, и когда Артур сумел прогнать из воображения образ суровой богини, он решил, что Рена похожа на Афины, притворяющуюся директором школы благородных девиц.

Школа та еще, если вспомнить, что они в сердце вампирятника, но приличия Рена соблюдала от и до. Даже украшения были выбраны так, чтоб отвлекать внимание от шеи и рук.

– «Фу-ты какая, – пробурчал Альберт, который уже начал скучать, а увидев Рену, окончательно понял, что больше ничего интересного не случится. – Спорим, она зануда?»

Артур мог бы поспорить, потому что он точно не заскучал бы в компании существа, способного разорвать его на куски меньше чем за секунду, но объяснять это Альберту бессмысленно, у младшего свои взгляды на жизнь и развлечения.

Ласка, по-военному чеканя шаг, подошла к правительнице, опустилась на колени, склонив голову. Тут же встала и обернулась к остальным.

– Позволь представить, госпожа. Это Артур Северный, его брат Альберт и... какой-то сулэм по имени Демон.

– Воплощенный демон и бесплотный человек, – произнесла Рена, после того как они, все трое, поздоровались с ней. – В тварном мире я сказала бы, что вы странная компания, здесь я скажу, что это невозможно. Демоны иногда воплощаются, но призраков в Ифэрэнн нет.

– «Я не призрак, – обиделся Альберт, – я проекция из тварного мира. От меня у вас вообще только магия».

– Образы Ифэрэнн иногда являются жителям тварных миров, но никогда наоборот, – произнесла Рена. – Хочешь сказать, что ты образ из тварного мира, явившийся своему брату, но видимый для всех?

– «Подразумевалось, что ни для кого. Артур меня не видит. Зато все остальные пырятся... в смысле смотрят, – кажется, строгий вид Рены подействовал даже на Альберта, иначе с чего бы младшему следить за словами. – Но люди не видят, кстати, вампиры и Демон только. Я это обдумую, когда время будет. А сейчас пойду, пожалуй. Удачи, братец, пока

всем...»

Связь оборвалась. Мелкий поганец действительно сделал это, смылся с аудиенции, не дожидаясь, пока ему разрешат уйти. Вопиющее нарушение правил. Искренне возмутиться поведением младшего Артуру мешало только понимание, что это он научил Альберта так поступать и сам всегда поступал так же. И сегодня поступит, если обстоятельства вынудят.

– Стремительный молодой человек. – Рена осталась невозмутима. – Артур, о тебе ходят разные слухи, противоречивые, но в одном они сходятся. Говорят, что ты можешь уничтожать демонов. Этого не может быть, никому не под силу уничтожить идеи или мысли, поэтому объясни мне, что же ты все-таки делаешь?

– Уничтожаю демонов. – Артур больше чем когда-либо почувствовал себя родным братом Альберта. Ничего, что позволило бы развить мысль, в голову не приходило, и, чтоб не казаться совсем невеждой, он добавил: – Это не основная специализация, я больше по нечисти.

– Значит, ты не знаешь, что делаешь, или не можешь объяснить как. Это я понимаю. Спрошу иначе: можешь ли ты обещать, что, если демоны нападут на Карешту и ты убьешь их, они больше не вернуться?

– Да.

– А ты, сулэм, – взгляд холодных глаз обратился на Демона, – можешь ли сейчас сказать мне, что случилось с теми, кто попал под топор Артура?

– Уничтожены. – Демон был лаконичен, но сейчас это выглядело как подражание Артуру, а не как признак того, что ему трудно разговаривать с вампиром.

– Назови мне имена.

– Азур, Зидрис, Мавилик, Аракан... – Слова Рены Демон понял буквально и начал поименно перечислять всех уничтоженных демонов.

Надо отдать должное терпению правительницы Карешты: минуты две она слушала не перебивая. Артур, тот заскучал гораздо раньше, но Демон проигнорировал его «заткнись» и называл имена, каждое замысловатее предыдущего, пока Рена не сказала:

– Достаточно!

– Ну ни хрена ж себе! – не удержалась Ласка.

– В это трудно поверить, – произнесла Рена, и Ласка кивнула, мол, да, именно это она и имела в виду. – Я прикажу навести справки об этих демонах. Они не могут быть уничтожены, но, если хотя бы половина из них развоплощена, это уже настоящий подвиг.

Рена протянула руку, откуда-то сверху к ней на запястье упал голубь, рыже-белый, с хохолком. Несколько секунд птица глядела на госпожу, поворачиваясь к ней то одним, то другим глазом, потом, хлопнув крыльями, взлетела и исчезла в прорезанном под потолком воздуховоде.

– Вы можете остаться в Кареште, – сказала Рена Артуру. – Но ни в каком другом городе моего тийра. Если демоны придут за вами сюда, – впервые за разговор Рена улыбнулась, и Артур неожиданно и неприятно вспомнил, что она мертвая, – я буду рада.

Жить рядом с упырями было странно. Рядом с мертвыми.

Интересно.

Карешта была как город из готических романов, такой, где обязательно есть гора, а на горе замок, а в замке живут упыри, и они полновластные хозяева над живыми. Артур на Земле и готические романы читал, он вообще чего только не читал с тех пор, как Альберт его научил. В Кареште замок был внутри горы, а не наверху, но атмосфера все равно один в один. Потому что люди упырей боялись.

Никаких резонов для страха не было, крови из горожан не пили, люди из Стада жили в крепости, и если из Карешты кто туда и уходил, то добровольно. В городе вампиры почти не бывали, а когда бывали, вели себя сдержанно. На первый взгляд они вообще не отличались от людей, создавали иллюзию жизни, прятали клыки и когти. Но все-таки они были мертвыми. Это и пугало.

Достаточно было вспомнить улыбку Рены, чтоб понять, что чувствуют живые. Инстинктивный страх – такой охватывает лошадей, учуявших запах волка. Волк может быть безобиден, безопасен, он может быть на поводке и в наморднике, это неважно, он все равно пахнет как волк, и кровь лошади, даже если ни она, ни поколения ее предков никогда не сталкивались с волками, дает сигнал об опасности.

Столица Ренатира была меньше всех остальных ее городов. Столица Глейстира, кстати, тоже. Себеста говорил, там вообще почти нет людей. Рена у своих подданных вызывала больше доверия.

То, что ее обратили в солидном возрасте, было хорошим знаком. Скорее всего, ее ратун долго присматривался к ней, еще живой, размышлял, ждал, пока она будет готова. И убил не потому, что счел красивой и захотел новую игрушку, а потому, что решил, будто Рена достаточно умна и сильна для бессмертия. Упыри нередко ошибаются в таких решениях, но, имея дело с взрослыми людьми, угадывают гораздо чаще, чем когда дают афат молодежи, а то и подросткам.

Еще это значило, что Рена, вероятнее всего, не страдала от одиночества и ужаса в первые годы посмертия. Когда упырь подходит к выбору серьезно, он не теряет терпения, обучая потомка правилам нового существования, и помогает пройти через кошмар осмысления грядущей вечности. Про Рену говорили, что она очень внимательна к своим най, ну так это потому, что и к ней когда-то были очень внимательны.

Как и все упыри, Рена знала, что если погибнет, то попадет в Нижние Земли. Для тех из них, кто был убит в тварном мире, Ифэрэнн стал подарком, продолжением, вместо страшного финала. Они ведь и на Земле, те, кто с Земли, знали, что, погибнув, попадут в Ад, и что это не подарок, когда вместо адского пламени попадаешь в мир без солнца, в мир, в котором не чувствуешь себя нечистым просто из-за того, что не смеешь выйти из ночи?

Упыри-язычники, исповедовавшие многобожие, не попадали в Ифэрэнн. Они и в Ад не попадали. Но сколько их, политеистов? В бытность свою на Земле Артур знал лишь одного такого и только слышал о втором. Большинство верило во множество богов, но в одного Творца. А Его как ни называй, Он Творец и есть.

Ересь, ересь. Плохо быть еретиком, но куда деваться, если видишь больше, чем знаешь, а знаешь больше, чем понимаешь?

Почти все упыри в тварных мирах знали, что Бог есть. Пусть и называли Его разными именами. Знание – не вера, это было проявление инстинкта самосохранения: если Бог есть, значит, есть Ад, значит, каким бы мучительным не было существование не-мертвого, нужно оставаться в нем как можно дольше. Потому что окончательная смерть не выход, дальше будет хуже.

Насколько хуже, они не знали. Артур и сам не знал, пока не побывал в Нижних Землях.

Упыри в тварных мирах соглашались на афат – те из них, кого вообще спрашивали, конечно, – из страха перед смертью, из желания жить вечно, от непонимания, что жизнь как раз закончится, то, что начнется, будет называться посмертием. Ада они начинали бояться уже после первой смерти.

Все без исключения люди в Ифэрэнн боялись Нижних Земель. И все-таки даже здесь они соглашались на афат. Он обрекал на вечные муки после окончательной смерти, но он же давал шанс избегать их как можно дольше. Кажется, ткни человека носом в кошмары Преисподней, чтоб проникся, разверни потом спиной к ней и дай пинка, чтоб бежал как можно быстрее и как можно дальше, он все равно развернется и побежит обратно. Уверенный, что удаляется от Ада, а не спешит напрямик туда.

Но парадоксальным образом именно афат был шансом на спасение.

В Ифэрэнн верили в князей. Вот уж где политеизм цвел пышным цветом: двенадцать творцов, шутка ли! Тринадцатому, тому, который все это и затеял, даже места в пантеоне не хватило. Но вампиры Ифэрэнн, те, что родились здесь и здесь же получили афат, узнавали о Боге от тех вампиров, кто пришел из тварного мира. Поэтому Марийка, пока притворялась человеком, врала, что не знает про Господа. Врала, потому что людям о Нем знать неоткуда.

Все здесь с ног на голову. Даже демоны ненормальные. Враги, конечно, как враги, и если уж прокляты, то прокляты, сами выбрали, сами виноваты, и не раскаиваются. Но есть, оказывается, те, кто не выбирал.

Марийка заказала для жемчужины оправу: полураскрытую раковину из уэланского золота. В Тагаре нашелся ювелир, настоящий мастер, сумевший, несмотря на размеры камня, сделать оправу так, что украшение вышло изящным и не очень броским. Но не настолько изящным и неброским, чтобы Марийка, предпочитавшая одеваться, как бандитка с Трассы, не могла носить его со своими любимыми майками и куртками, на которых клепок и молний было больше, чем кожи.

Волшебный жемчуг привлекал внимание даже тех, кто никак не знал с магией, возможно, потому, что волшебство — это не магия, а что-то другое, непонятное или необъяснимое. Здесь говорили «чары».

Артур последние четыре года прожил в реальности, где слово «чары» означало как раз магию, но в той реальности, откуда они с Альбертом пришли, чарами и чародейством тоже называлось то, чего нельзя объяснить, можно лишь принимать как есть. Как чудеса.

Только чары конечно же не были чудесами.

Десять лет назад Артур сказал бы, что это просто соблазн и прельщение. Тогда и мир был проще, и он сам знал больше. За прошедшие годы знания и количество информации стали друг другу обратно пропорциональны, и теперь Артур не мог сказать, что такое чары и чародейство. Оставалось лишь признать, что они существуют.

Так же как чудеса.

Зато теперь он знал легенду об озере Амаль. Марийка не рассказывала, рассказал Демон. Считалось, что на дне Амалы не жемчуг, а только его образы, и достать жемчужину может лишь тот, кто сумеет воплотить в нее свое истинное желание.

— Если хочешь чего-то по-настоящему, хочешь всей душой, желание станет жемчужиной, и ты сможешь его взять.

Так сказал Демон. Может быть, это было правдой, может быть, нет, но Артур понял, почему Марийка так дорожит его подарком. Для Марийки важно было не то, что он забрал ее из царства Смерти, для нее важно было, что он пришел туда за ней. И жемчужина была... ну да, как Демон и сказал, воплощением этого.

Если бы каждый поступок, совершаемый для того, кто тебе небезразличен, становился зримой красивой вещью, жизнь стала бы полна красивых вещей.

Или нет?

Не дело рыцаря думать о человеческой природе, пусть об этом философы думают или богословы какие-нибудь. Но жемчужина притягивала взгляды, о ней спрашивали, Марийка рассказывала. Ласка сравнила их с апостолами, их всех, лужан, Марийку, даже Демона. Богохульство. Но послушать, как Марийка рассказывает об амальском жемчуге, как люди рассказывают о бое за Лугу, как Демон не рассказывает ничего, просто живет тут, во плоти, бок о бок с вампирами, и поневоле задумаешься. Что они делают-то? Проповедуют ведь. Странно, криво, под диким на взгляд христианина, углом, но проповедуют.

А Ласка, та вообще взялась рассказывать истории из Евангелия лужанам и всем, кто хотел слушать.

Желающих хватало. Люди хотели узнать о Боге, который дает защиту от демонов. Люди хотели узнать о Боге, который дает силы уничтожать демонов. Удивительное место Ифэрэнн: в тийрах упыри по мере сил защищают людей от демонов, в княжествах демоны защищают людей от упырей. Люди на Трассе ищут у Господа защиты от демонов, будут ли жители княжеств искать у Него защиту от вампиров?

Когда в Карешту приехали люди из Ахтеке и Кабира, выяснилось, что именно это им и нужно. Воистину удивительное место Ифэрэнн. В поисках спасения от вампиров люди едут в вампирские земли. А может быть, это люди такие. Они же не только в Ифэрэнн, они

вообще везде... странные.

Люди как люди.

Они искали у Бога защиту.

А упыри – спасение. Не от демонов, не от людей. От себя. Обреченные на Нижние Земли, они не поверили бы в возможность спастись, если бы им просто сказали об этом. Ласка поверила, потому что умела верить, знала о Боге и знала, что Он всемогущ. Остальным, неважно, считались они в тварном мире христианами или нет, чтоб поверить, нужно было чудо. Чудом стала жемчужина из озера Амаль. Для Марийки она была воплощенным стремлением Артура спасти ее, для вампиров стала знаком, что возможно все и даже из Нижних Земель есть выход.

Ласка предложила им больше, она сказала, что есть другой путь. Тот, что не заканчивается в Нижних Землях. Нет, не перерождение на Земле, в перерождение Ласка не верила, а если б и верила, не сочла бы его спасением. В ее представлении Артур мог показать вампирам путь на Небеса.

Это... накладывало ответственность. Артур привык, что в него верят, но до сих пор эта вера ограничивалась убежденностью в том, что он способен справиться с любым врагом, начиная с эльфов и заканчивая демонами. Было дело, его принимали за святого, этого он и здесь не избегнул, но опять-таки «святость» подразумевала всего лишь, что он навалит любому, кто ему не понравится, будь то хоть сам Сатана. Оказаться в шкуре мессии раньше не приходилось. Но он ведь действительно знал путь. И показать его вампирам было разумно и правильно.

И людям. Само собой.

Артур уже понял, что с вампирами ему проще, он пока еще не мог понять почему.

Не из-за Марийки же. Вампир из нее негодный, не похожа она на остальных. Ад ей в лицо не дышит, смерть не пугает, демонов от нее не тошнит, даже люди ее не боятся. Так что, нет, не в Марийке дело, а в самих вампирах. Но в чем именно?

– Слушай, парень с идеальной памятью, – сказала однажды Ласка, – я помню Писание, но не дословно же. Они к тебе все время с вопросами ходят, а тебя и на проповедь-то раз в неделю не раскрутишь, не то что на систематическую работу в приходе.

– У нас нет никакого прихода. – Артур счел необходимым внести ясность.

Ясность не внеслась. Ласка посмотрела на него... как-то жалостливо. Протянула открытую пачку сигарет и продолжила, будто ее и не перебивали.

– Продиктуй нам Библию.

– Что?

– Библию, – повторила Ласка отдельно. – Не тупи, парень, ты ее помнишь от слова до слова, еще и на разных языках, может, даже на арамейском. Вот и продиктуй. Мы запишем. Будет у нас своя Книга. География, – она пренебрежительно выдохнула дым через губу, – и на Земле-то роли не играла, а остальное все универсальное, хоть для Земли, хоть для, как ты их там называешь... тварных миров, хоть для Ифэрэнн. Ну давай, Артур! Напечатаем хоть десяток экземпляров, уже вперед. Ты их подпишешь как подлинники. А дальше, если понадобится, будем допечатывать.

– Подписать Библию? – призыв Ласки «не тупить» пропал втуне.

– Ты ее сюда принес, – напомнила Ласка. – Ну что? Договорились? Давай тогда, прямо сейчас можно часа два поработать.

Как будто ему нечем было заняться! Уж чего-чего, а «поработать» каждый день хватало, еще и на ночь оставалось. Столько свалилось дел, если б не молитва, силы давно бы вышли. Но кем надо быть, чтоб не найти времени на Библию? Забыть за суетой о главном? Артур бы, может, и сумел, но он вообще не умел забывать.

Упыри в очередной раз удивили его.

Пользоваться мнемографами они не могли: присутствие Артура вывело бы приборы из строя, поэтому в дело пошли обычные, не магические терминалы с обычными, не магическими клавиатурами. Сохранялись данные, конечно, уже не без магии, где-то в недрах

горы, на одном из мощных серверов, обслуживающих крепость Карешты. Туда вредоносное влияние Артура не доходило.

Записывать под его диктовку собиралась сама Ласка и еще двое бойцов из ее группы: Аудьярт и Рунко. Три варианта текста лучше, чем один, больше шансов избежать ошибок и искажений, неизбежных, учитывая, кто собрался писать под диктовку. Даже у Ласки не было опыта переписывания книг, а Рунко и Аудьярт, оба отличные бойцы, но наверняка никудышные протоколисты. Или стенографисты. Да как ни назови, увидеть их сидящими за клавиатурой было странно. Автоматы и ножи в этих руках смотрелись гораздо естественнее. Тем более что оба пренебрегали гражданской формой одежды, зимой и летом, и в любое время суток носили камуфляж с нашивками своей группы и земель Пайсара и выглядели... ну кем угодно, только не протоколистами. Или стенографистами.

– Да ладно тебе, – фыркнула Ласка, – не о том думаешь. Давай начинай, сам увидишь.

Что ж, увидит, значит, увидит. Артур кивнул.

– В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

Артур не увидел, что сделали вампиры, не увидел, чтоб они вообще что-то делали, не слышал даже шелеста клавиш. То, что он произнес, просто появилось в воздухе над клавиатурами. Проекторы вместо мониторов – тут много где так. Но как, без мнемографов, с такой скоростью, что взгляд не замечает движений?

Разве это возможно не только в бою?

Спрашивать вслух Артур не стал. Эти парни и Ласка записывали все, что он скажет, а значит, время пустых разговоров закончилось. Все потом.

– И сказал Бог, да будет свет. И стал свет.

Ему самому больше нравилось начало Евангелия от Иоанна. То, про Слово. Но Ласка права, начинать надо... сначала. А вначале была не музыка, сотворившая Ифэрэнн, как бы ни был прекрасен этот мир мертвых, вначале был другой мир, живой, разный, в котором меньше музыки, зато есть солнце и настоящее небо.

Демоны были уже потом. Если и рассказывать людям о чем-то, то именно об этом. О Творце, создавшем все, в том числе и демонов.

Вампиры могли работать бесконечно. Не останавливаясь. Здесь, в мире без солнца, они не впадали в обессиляющую спячку, и в их распоряжении были круглые сутки. Если только сутки можно называть круглыми в плоском мире. Похожий на многослойную ленту Мебиуса, Ифэрэнн еще и не такие загадки подкидывал.

Как бы там ни было, вампиры могли работать не останавливаясь: с тех пор, как Карешта приняла лужан, Ласку и ее группу не отправляли в рейды, их задача была охранять новичков или охранять от новичков, в зависимости от ситуации, так что диктовку не прервал бы даже сигнал тревоги.

Поэтому график зависел только от Артура.

На чтение Библии в том темпе, который они взяли, ушло бы двое суток, возможно, чуть больше. Артур думал сначала о двух часах в день. Потом, когда два часа истекли, решил, что шесть, а лучше восемь, будет в самый раз. Потом потерял счет времени, видел только, как меняется цвет неба за узкими высокими окнами. Красивое небо в Ифэрэнн. То, что он пересказывал, то, что записывали за ним вампиры, поглощало целиком. По-другому не могло быть: кому, как не ему, это знать. Почему не подумал о том, что не сможет остановиться, не захочет? О том, что чтение Библии само по себе как молитва, а молится он всегда, постоянно, даже, наверное, во сне.

Ну вот. Не подумал. Да и какая разница?

Небо меняло цвет, Ласка, Рунко и Аудьярт, казавшиеся неподвижными, сидели за круглым столом с сенсорными датчиками клавиатур, от столешницы вверх непрерывно бежал текст. Священное Писание. В Ифэрэнн оно выглядит так.

Сказав: «в начале было Слово», Артур отметил, что вот они и добрались до Иоанна. Вспомнил на миг, что это не просто молитва. Или даже вообще не молитва. Что это такая

работа. И, тут же забыв, продолжил диктовать.

Завершилось Евангелие, начался Апостол, а потом было прекрасное и ужасающее своей светлой уверенностью Откровение.

– Гряди, Господи Иисусе...

– Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь. – Это сказала Ласка и, поморщившись, сжала пальцами виски. Потом потянула носом: – Что это? Пахнет... будто гарью.

Артур тоже почуял запах. Темно-синее небо, ночное, глубокое, почти не давало света. Но вместе с мерцанием проекторов этой малости оказалось достаточно, чтобы увидеть на висках Ласки черные жирные следы.

Прежде чем Артур успел хоть что-нибудь сказать или сделать, Ласка посмотрела на свои руки. Подушечки пальцев прогорели до самой кости, превратились в золу.

– Плохая была идея? – Ласка спокойно посмотрела на Артура. – Не надо было мне это затевать, да? Ребята, вы как?

Рунко с Аудьяртом отделались легче. Пальцы кровоточили от ожогов, но не сгорели. Они не были христианами, они и на Земле ими не были, может, поэтому им меньше досталось?

– Больно? – спросил Артур. Вопрос, глупее не придумаешь, но...

– Это такой способ сказать: «Сочувствую»? – Ласка была все так же неприятно спокойна. – Нет, не больно. Даже странно. Должно бы болеть. Я боюсь, Артур, больше я не боец. От этого не исцелиться.

– Будешь проповедовать, – сказал он. – У тебя отлично получается. А потом постепенно руки восстановятся. Ты же вампир. Это не может быть навсегда.

– Мы ведь еще по пути из Луги решили, что началась полоса невозможного. – Ласка кисло ухмыльнулась. – Дай сигарету. И кто-нибудь знает, который час?

Вопрос был, наверное, только для того, чтоб немного разрядить обстановку, потому что вот же они, часы, цифры мерцают прямо над столом, видимые с любой точки.

Полночь на часах.

Аудьярт мазнул по клавиатуре тыльной стороной пальцев, глянул на свой проектор и так же спокойно, как Ласка, так же неестественно спокойно сказал:

– Лучше спроси, какой сегодня день. Мы начали сегодня в полдень.

Глава 9

Надежда человека в том, чтобы верить Богу, чтобы то, что Бог хочет, человек сам хотел, и чего Бог не хочет, этого и сам он не хотел.

Эпиктет

Вампиры прокляты. Но у них есть надежда. Выразить это четче и яснее было просто нельзя. Сгоревшие пальцы Ласки, ожоги на руках Аудьярта и Рунко – наказание, угроза. Библия, от Бытия до Откровения, прочитанная за двенадцать часов, – обещание.

Ожоги затянулись с нормальной для упырей скоростью, стоило только выйти из зала с терминалами. С Лаской было гораздо хуже, однако сама Ласка уже ругалась на чем свет стоит, шипела и рычала, обзывала себя последними словами за то, что ей вообще пришла в голову мысль записать Библию, а значит, и с ней тоже все было в порядке. Она все поняла правильно.

А он сам?

Где должен быть рыцарь Пречистой Девы, когда Господь грядет в тварный мир? Где он должен быть, если без него этого не случится?

Гряди, Господи Иисусе! Что, как не самое низкое лицемерие, сказать это, всем сердцем почувствовать радость Его явления, но точно знать, что Он не придет, пока ты здесь, в мире

мертвых, спасаешь себя от спасения мира? Спасаешь мир от себя.

Второе звучит гораздо лучше, но в чем больше правды?

Сам взялся судить, сам взялся решать, настоящий ли Конец Света близится или морок, такой же лживый, как тварь, изображающая Антихриста. Рассудил. Решил. Не сомневался.

Сейчас не поздно ли для сомнений?

Мир должен погибнуть, чтобы возродиться, вся жизнь устроена так, она продолжается бесконечно, но новое всегда вырастает из умершего старого. Но как же трудно признать, что мир должен погибнуть из-за твари, настолько жалкой и отвратительной, что когда-то не поднялась рука, чтоб ее прикончить.

Просто нелепое стечение обстоятельств. Тот, кто должен прийти, чтоб отсрочить неизбежное, погиб. Тварь, явившаяся ему на замену, превратила отсрочку в приговор. Негодная оказалась замена. Никудышная. Но если так и было задумано, то кто дал право решать, что замысел неверен? Кто дал право решать, что гибель мира из-за твари – ошибка?

У Артура всегда был ответ на этот вопрос. Право решать и выбирать дано ему Творцом, так же как и всем людям. Но сейчас он не смог бы ответить, правильно ли он выбрал и правильное ли принял решение.

Гряди, Господи...

Нет. Его нет на Земле, и эти слова по-прежнему остаются лишь строчкой в Откровении.

В Кареште между тем все прибывало людей. Сначала приезжали из двух близлежащих княжеств те, кто слышал о событиях в «Чате» и в Луге и жил достаточно близко, чтоб любопытство оказалось сильнее лени. Средства массовой информации тем временем работали и действовали даже быстрее и лучше, чем слухи, так что люди неленивые и любопытные начали сопоставлять новости с Трассы с массовым изгнанием демонов в районной архе в Сидене.

Запрос от Рены в коллегия демонологов насчет сразу десятка демонов обрушил лавину. Выяснилось, что все числившиеся в списке уничтожены. Каким образом об этом узнали журналисты, Артур понятия не имел, но, наверное, в коллегии просто не видели необходимости скрывать такую информацию. А стоило бы, наверное. Бессмертие демонов – одна из основ здешнего миропорядка, и к ее разрушению людей надо как-то готовить. Нельзя же сразу и в лоб заявлять: это было так, а теперь стало не так. От подобных заявлений люди начинают сомневаться и в остальных основах тоже.

Если демоны не бессмертны, то как быть с князьями? Может, и они не всемогущи.

Князья не были всемогущи, их власть ограничивалась пределами княжеств, но в этих пределах она была абсолютной. Люди могли полностью полагаться на князей, их волю и защиту. Могли, но уже не хотели. Артур думал, им теперь должно быть трудно хоть что-то признать незыблемым, но получилось, что воображаемая слабость существующих опор подтолкнула к поиску других, непроверенных, но выглядящих надежными. Начиная разuverяться в демонах, люди хотели больше узнать о Боге.

Демон и Марийка были правы, все складывалось одно к одному, как будто заранее подготовленные детали собирались в единое целое.

Значит ли это, что Артур выбрал правильно? Значит ли это, что Господь направляет к нему людей, чтобы он направил их к Господу?

Господь ли?

Здесь, в Ифэрэнн, он под такой же надежной защитой от демонов, как в тварном мире. Но демоны хитры и умны, в Ифэрэнн у них есть власть ставить причины впереди следствий. Артур защищен от них и их происков, а другие люди?

Марийка сказала Наэйру, что уедет с Артуром, потому хочет научиться жить без сомнений. У нее убедительно получилось. Она тогда сама в это верила, поэтому и Наэйр поверил. Вообще-то его не обманешь, отца и то обмануть проще. Сейчас Марийка знала, что Артур тоже может сомневаться, он просто решения принимает, исходя из правил, принятых

раз и навсегда, и получается, что, когда он решает, для сомнений места нет и он не ошибается. Артур не сомневается в законах, по которым живет, по этим же законам живут прибившиеся к нему люди и вампиры, они пока еще не верят в законы, зато верят Артуру, и получается все хорошо и правильно.

В чем Артур не уверен, так это в том, действительно ли он живет по этим законам.

Марийка долго не могла понять, как это. Она была эмпатом, хоть и не самым сильным, она чувствовала сомнения, научилась даже различать их внешне: видела, как темнеют глаза Артура, как гаснет нечеловечески яркая, сияющая синева его взгляда. Артур сомневался. Но в чем? Он не мог нарушить им же установленные правила, потому что... ну потому что он верил, что жить без них невозможно. Можно существовать, но Артур для существования годился даже меньше, чем, например, обитатели Трассы. А уж эти-то до того долбанутые, что если на их поселки хотя бы раз в год кто-нибудь не нападает, они сами отправляются на кого-нибудь напасть. Так почему он думает, что что-то нарушил, что делает что-то не так?

Непонятно.

Марийка кое-что знала про Бога, то, что слышала в разговорах брата и прадеда. Она скучала, когда они начинали говорить об этом, но их даже отец заткнуть не мог, так что наслушалась она достаточно, чтоб понимать: то, что вокруг Артура не гаснет неяркий золотой свет, наверняка, означает, что все он делает так, все делает правильно.

Только вот Артур-то этого света не видел.

Сначала Марийка думала, что он скучает по брату. Альберт звонил каждый день, они подолгу разговаривали. Так, как с Артуром вообще можно разговаривать. Надо говорить, говорить, говорить, и, если неожиданно задать вопрос, то Артур, может быть, ответит. Альберт это суперски умел делать – сразу видно годы практики. Но в том-то и дело, что все эти годы они были вместе, даже на несколько дней не расставались, а тут – раз, и оказались в разных мирах. Понятно, что скучают, понятно, что поговорить раз в день им недостаточно. Похоже на правду, если о правилах забыть, а правила Артура говорили, что рассказывать о Боге тем, кто о Нем не знает, важнее, чем быть рядом с братом. Значит, сомневался Артур не поэтому.

Тогда почему?

Спросить-то можно, но не скажет же. Из него не по делу слова не вытянешь.

Когда Артур сам спросил у нее про племянника, сына Наэйра, Марийка так удивилась, что даже не сразу поняла, о котором из двух речь. Один, Невилл, был приемным: Наэйр взял в жены женщину, которую любил, а у нее уже был ребенок. Этот племянник, Невилл, лишился души, погиб в тварном мире и только чудом не попал в Нижние Земли. Марийка решила, что Артур о нем спрашивает, потому что брат вроде говорил, это Невилл Артуру рассказал про Бога. Она честно сказала, что он снова родился в Ифэрэнн и что Наэйр предоставил его самому себе, перестал присматривать, чтобы не погубить окончательно. Но оказалось, что Артур спрашивал про Волка. Сына Наэйра и Элис.

И зачем ему это? Ладно, зачем, это Артуру виднее. Но Марийка и сама-то не понимала, что такое Волк, что с ним произошло, где он сейчас. А как рассказывать о том, чего не понимаешь? Все, что она могла для себя объяснить, это почему Элис сделала то, что сделала – спрятала сына от Наэйра, так чтоб брат не мог его найти.

– Элис классная, – сказала Марийка Артуру, решив, что лучше уж начинать историю с того, что ей понятно, – с ней интересно, только она на голову совсем двинутая. Дух же, феири то есть. Они не такие, как мы или как демоны, они шизанутые, у них это нормально считается. Я понимаю, почему Наэйр ее любит, я вообще не знаю, как ее можно не любить. А отец говорит, что убил бы ее, если б она его жена была. Хотя, может быть, она такая как раз потому, что ее люди вырастили. Ты о Мечах знаешь?

– Знаю. Три Меча мироздания, Санкрис, Светлая Ярость и Звезд...

– Шшш... – Марийка так испугалась, что прижала палец к губам Артура, пока он не договорил последнее имя. – Нельзя его называть. Только два Меча: Светлая Ярость и Санкрис, на них держится мир. Мой дед был Санкрисом, он погиб, мир накренился. Чтобы

мир не погиб, Санкрисст должен был взять Волк, а Волка для этого нужно было убить сразу после рождения, уничтожить его душу и вложить вместо нее Меч...

Артур взял ее руку, поцеловал палец и отпустил.

Марийка обалдела и заткнулась. Что рассказывать дальше, она знала, но говорить не могла, потому что не могла набрать воздух в легкие. Хорошо, что мертвым дышать не надо. В конце концов, когда горло перестало сдавливать от удивления, она хотела продолжить рассказ, но вместо этого у нее вырвалось:

– Ч-ч-что-о ты-ы... т-ты что?

– Ты красивая, – ответил Артур. – Трудно удержаться.

– Я тебе о серьезных вещах рассказываю! – возмутилась Марийка. И подумала, что, если он извинится, она ему глаза выцарапает.

Артур пожал плечами и сказал:

– Рассказывай дальше.

Марийка была разочарована. Слегка. Немного. Она предпочла не думать о том почему.

– Элис узнала, – продолжила она, – Наэйр ей рассказал. Не знаю, как он рассказывал, но она решила, будто Наэйр хочет убить сына и его душу и вложить вместо души... Меч. – Марийка озадаченно хмыкнула. – Что-то получается, что Элис правильно все решила, но это же не так.

Она стойко вынесла насмешку в синих глазах.

– Это бы не было убийством! Он жил бы дальше, просто вместо души был бы Меч, Волк стал бы Санкрисстом. Ничего плохого, наоборот, всем только хорошо, и мир бы уцелел.

– Элис решила, что Змей хочет принести сына в жертву миру, – объяснил Артур, – и не ошиблась. Что она сделала? Сбежала? Спряталась?

– Спрятала Волка. Куда она от Наэйра сбежит? Она его любит, чуть ли не сильнее, чем он ее. Ты бы их видел вдвоем, они как... не знаю... как одно существо. А когда танцуют, это вообще! Я даже объяснить не могу, на это смотреть надо. Нет, никуда Элис не делась, а Волк родился у других людей, у каких-то циркачей-чародеев. Наэйр не мог его забрать, пока они были живы. Он их убил, но желание Элис спрятать Волка было таким сильным, что забрать его все равно не получилось. Наэйр его потерял, и все. Так и не нашел. Ты можешь думать, что хочешь, но я считаю, Элис не права. Если бы моего ребенка нужно было сделать Санкрисстом, я бы согласилась.

– Если бы твоего ребенка нужно было убить сразу после рождения?

– Это для него же лучше было бы. – Марийке почему-то стало грустно. – Пока еще маленький, это не больно. А сейчас как его душу убивать? Он взрослый уже, там все придется стирать, всю личность.

– Он или согласится на это, или нет. Душу за мир, обмен выглядит равноценным, но надо ведь еще и хотеть поменяться.

– Наэйр хотел.

– Ага. Только у Волка не спросил. Это не спасение было бы... это и так не спасение, но нечисти всякой, конечно, по-другому не спастись.

Артур замолчал, достал трубку, начал набивать ее табаком. Трубку он курил редко, в основном по вечерам, когда все дела закончены, можно отдыхать и никуда не торопиться. А еще – когда не хотел говорить. Говорить Артур вообще никогда не хотел, но куда б он делся? Вот он и девался в раскуривание трубки. Небыстрое дело, если не спешить.

– Чтобы спасти мир, – сказал он, когда табак затлел и из чашечки поднялось первое облако ароматного дыма, – надо его любить. У Волка для любви, наверное, нет повода.

Марийка удивилась.

– Он должен стать воплощением зла. Любовь тут вообще ни при чем, наоборот, надо всех ненавидеть...

– Зло равнодушно. Если бы Волка убили в детстве, как собирались, он, может быть, и стал бы правильным злом, никого бы не любил, никого не ненавидел и ничего не делал. Не стал бы драться за мир, если б понадобилось, и ни хрена бы не спас, потому что ему бы это

было не надо.

– Ему и так не надо!

– А надо, чтоб стало надо. Твой братец... – Артур поморщился, будто дым стал слишком горьким, – он мне, конечно, враг, но он был христианином, настоящим, не таким, как другие люди. И он продал душу Сатане, и взял Санкрисст, стал воплощением зла. Справляется не очень, но старается, не дает миру упасть. Ты же не думаешь, что это от ненависти? Это любовь. Пожертвовать всем, что для тебя дорого, чтобы спасти то, что, может, и спасения-то не стоит. Волка он хотел избавить от такого выбора, но способ нашел самый неподходящий: решил вообще никакого выбора не оставить. Не сработало, – Артур развел руками. – И не могло сработать.

– Ага, теперь Волк, может, никогда ничего не надумает. – Марийка так изумилась тому, что Назйр когда-то был христианином, что даже не смогла остановиться на этом хоть чуточку подробнее, мысли скакнули будто, разогнавшись, налетели на ухаб и все куда-то повывлетели. – Становится все хуже и хуже, и скоро ничего не останется и никто не спасется, кроме людей, и то не всех.

– Считается, что пока я здесь, там не случится ничего непоправимого.

Нет, оказывается не повывлетели. Просто сильно встряхнулись. Так что все в голове на секунду встало на свои места. Удивительно даже, оказывается, у нее в голове есть места для всех ее мыслей.

– Так ты поэтому не можешь понять, правильно ли поступаешь? – В том, что Артур один из залогов существования мира, Марийка ни на секунду не усомнилась: Артур слишком странный, чтобы быть обычным. – Ты думаешь, демоны выманили тебя сюда и подсунули нас, чтоб ты был занят и не вернулся в тварный мир?

– Демоны вынуждают меня защищать тех, кто ищет Бога, – ответил Артур после продолжительного молчания, – но то, что вы ищете Его, – это точно не их происки. Поэтому я знаю, что поступаю правильно. Я не уверен лишь в том, подходящее ли выбрал время.

– Ну блин, ты вообще! Потом-то поздно будет, когда мир накроется.

– Да. Возможно, мне следовало прийти раньше.

– Ты не с той стороны смотришь. – Марийка чуть не ткнула его кулаком, но вовремя одумалась. – Ты подумай о возможностях! Всех спасти, ты прикинь?! Когда решишь, что можно возвращаться, тогда и вернешься.

Артур хмыкнул, выдохнул дым.

– И погублю всех, кого не спас. Это совсем не то, что не иметь возможности спасти. Но ты права, я не вернусь, Волк придет раньше.

Она сказала брату, что хочет быть с Артуром, потому что хочет быть как Артур, не сомневаться в себе, всегда знать, что поступает правильно. И ведь даже сама в это поверила. А дело-то в другом. Она хотела быть с Артуром. Точка. И не было никакого убедительного «потому что». Даже любопытства не было, потому что Марийка не представляла, как все повернется. Она думала, ну будет еще один бой в Луге, а потом Артур поедет куда-нибудь дальше; думала о путешествии по Трассе, в котором она могла бы быть полезна, потому что знает Трассу как собственный дом; думала о том, чем была бы самая великая победа, если бы Артур не отдал ее.

О том, что же будет теперь, когда победа отдана, Марийка тоже думала. Она еще и поэтому хотела остаться с Артуром. Знала, что однажды ему понадобится любая помощь, а могущественный вампир, у которого есть и боевые и ментальные дайны, – это очень хороший помощник.

Но она даже не думала, что будет так, как в Кареште. И если то, что здесь происходит, не великая победа над царившим в Ифэрэнн безбожием, то какой же была бы великая? От чего Артур отказался ради ее спасения?

Гостиница Карешты перестала вмещать приезжих, пустоши у города, пыльные, почти безводные, пестрели палатками. Рена сказала:

– Стройте дальше по реке поселок, Тагар⁹. Я дам собак и птиц, чтобы охраняли, а рабочих рук у вас и так больше, чем нужно.

– Я могу построить все сам, – предложил Демон. – Артур, это не сделка, просто могу построить.

Артур отказался. Это все еще была сделка, это не могло не быть сделкой, хоть сейчас уже даже он сам не сказал бы, что же Демон хочет взамен. Какое-то «взамен» все-таки оставалось наверняка, но отказался Артур не поэтому. Людей нужно было занять работой. Они приезжали узнать о Боге, это хорошо и правильно, а еще лучше и правильнее, чтобы, пока мозги трудятся, тело тоже не бездельничало.

Работать соглашались не все. Очень многие рассуждали, что раз они не собираются жить в новых домах, то и строить не станут. Чего ради делать что-то для других, пусть даже за это и платят? Платят, притом гораздо больше, за гораздо более благодарную и почетную работу, чем строитель. Они разные были, люди, приехавшие в Карешту. И насчет работы все верно: там, откуда они приехали, они зарабатывали отнюдь не на размещении цемента, заливке фундаментов или укладке кирпичей. Люди собирались вернуться обратно: в Уэлан, в Эсимену, в Ахтеке и Кабир, в свою жизнь. В Кареште они хотели только послушать про Бога и узнать, правда ли, что Он сильнее демонов, и узнать, какую сделку можно заключить с Ним, чтобы жизнь вернулась в обычную колею.

Разные люди.

Услышав, что возвращение невозможно, многие пугались и уезжали. Но палаток на пустоши меньше не становилось. Приезжали новые. Снова разные. Находились среди них те, кто понимал, что вернуться нельзя не потому, что их принудят оставаться в Кареште, а потому, что хоть тело и вернется к прежнему укладу жизни, душа не вернется уже никогда.

Эсименский институт взаимодействия с демоническими формами жизни обрушил на почту Карешты поток писем на имя Артура Северного. Просьбы приехать, назначить время, когда он сможет приехать, они приехали бы сами, но институт гораздо лучше приспособлен для публичных выступлений, у института гораздо больше возможностей принимать гостей, а гостей будет много. Многие ученые-демонологи хотят узнать о Боге. И у всех у них очень много вопросов.

Артур еще не устал отвечать на вопросы, но думал, что это время не за горами.

– Отправь туда книги, – посоветовала Ласка. – Только настоящие, бумажные, а не цифровые. Это демонологи, на них большие толстые книги знаешь как действуют?

– Как? – Артур читал ее план лекций на следующие три месяца и не понял, что вопрос был риторическим.

– Как большие толстые книги, блин! – Ласка досадливо фыркнула. – Это ж демонологи, я тебе говорю. У них до сих пор все в книгах. Все правила, по которым с демонами надо общаться, все имена, все способы защиты, все-все. Они не делают цифровых копий, только бумажные, и бумага специальная, и переплеты особенные, и тексты с точностью до последнего апострофа.

– Средневековые какое-то, – буркнул Артур.

И понял, что мысль еще о трех месяцах здесь, в Кареште, где он нужен, где все идет так хорошо и правильно, совсем его не радует.

– «Потому что ты не для того, чтоб строить. Ты для того, чтоб воевать. Мы с тобой только этим всю жизнь и занимались, никогда на одном месте сидеть не могли, дом купили, помнишь, так и то в нем, считай, и не прожили».

Альберта Артур не видел, но предполагал, что тот даже во время разговора не отвлекается от мэджикбука, в котором составляет очередное глобальное заклинание. Альберт искал способ с помощью магии решить все мировые проблемы, так же как Артур

⁹ Храм (*карешит* .).

строил поселок под Карештой, – зная, что это правильно, но чувствуя, что хочется совсем другого. Это то, для чего они не созданы. Любое заклинание Альберта в конце концов становится оружием, значит ли это, что попытка Артура учить людей, а не защищать, тоже превратит его паству в солдат?

Да уже превратила! Что, мало Луги, что ли?

– «Оставь там Ласку и Демона, забирай Марийку и поезжай куда-нибудь. Как мы с тобой ездили. Куда глаза глядят. Всегда есть за кого драться, а у тебя там вообще одни демоны. Можно в чисто поле выйти, топором махнуть и к завтраку десяток нарубить».

Интересные были у младшего представления об Ифэрэнн, но он был прав в том, что Артур засиделся на одном месте. Нужно ехать. Хотя бы в Эсиму. Почтовый фургон уже увез в Сидену полсотни экземпляров Библий, отпечатанных в типографии Карешты. Связаться с демонологами, сказать им, чтоб назначали время, собирали людей. Они хотят знать о Боге, Артур хотел знать о демонах – две хорошие причины, чтобы отправиться в новое путешествие.

– «У нас тут каждый день праздник, не мы стреляем, так в нас стреляют, – сообщил Альберт таким тоном, будто ежедневные стычки и в самом деле праздники. Сейчас Артур согласился бы с тем, что так оно и есть. – Ты, кстати, уверен, что твои книжки без проблем в Сидену доедут?»

– Книжки ведь, а не золото. Доедут. Тут до железной дороги рукой подать.

– «А у нас дилижансы грабят, – вздохнул Альберт. Артуру показалось, что вздох мечтательный. – Я все хочу с каким-нибудь проехаться».

– Выпорю.

– «Поймай сначала! – парировал младший. – Но если что, если у вас поезда грабить начнут, на байках там, на машинах, погони, стрельба, динамит на рельсах, поединки на ножах между вагонами и все такое, ты дай знать, я тоже хочу».

Артур задался вопросом: кто же из них засиделся: он в Кареште или Альберт в постоянных перестрелках и переездах от одного укрепрайона к другому? Братец дал отбой и отключился.

А через час из больницы позвонил Роман Барчан. Анна родила сына. Здоровый мальчик, роды прошли легко, мальчик красивый, все с ним в полном порядке... Роман готов был повторять это снова и снова, пока Себеста не отобрал у него трубку.

– Артур, давай к нам, – сказал он. – Я один этого придурка отсюда не увезу, он совсем голову потерял. Скрутим его, напоим... сами напьемся. Да, еще тебя Анна видеть хочет, к ней уже пускают. Так что приезжай, мы с Романом в сквере у родильного отделения.

Ехать нужно было бы в любом случае, за новорожденного следовало помолиться. К тому же Артур хотел лишний раз убедиться, что ни Анне, ни ее сыну ничего не угрожает.

У «Найзагая» ожидала Марийка, аж подпрыгивала от нетерпения.

– Ну ты что так долго? Поехали уже! Я никогда маленьких не видела!

Откуда она знает, Артур даже спрашивать не стал, у вампиров были свои средства связи. Прислал кто-нибудь крысу или голубя с запиской, причем запросто может быть, что еще до того, как Анна родила. С упырей станется.

Марийка нервничала, переживала и всю дорогу болтала, рык двигателя был ей не помеха, хорошо хоть Артур из-за него не слышал три четверти того, что она рассказывала. Ему совершенно неинтересно было, кто из сокурсниц Марийки вышел замуж прямо во время учебы, и у кого к двадцати годам уже были дети, и какие они классные на фотографиях в журналах. Какие сокурсницы, такие и младенцы, это понятно. Штат нянечек, лучшие врачи, персональные портные, да еще и каждое дите рождается с серебряной ложечкой во рту, это уж как пить дать. Удивительно другое: в таких семьях и замуж недоучившись? Змей, наверное, сказал бы, что девицы после пятнадцати неуправляемы, независимо от того, из какой они семьи. И, пожалуй, в этом Артур с ним согласился бы.

Цветы купили прямо в больнице, владелец единственной на всю Карешту цветочной

фермы хоть и был монополистом, а старался не расслабляться, так что его павильоны стояли повсюду, где только могли понадобиться. Попытка сплавить Марийку к Себесте и счастливому Роману не удалась. Так что едва различимая за огромными букетами Марийка вслед за Артуром прокралась мимо несущих стражу медсестер и снова стала видимой только на подходах к палате Анны. Эти упырьские штучки, чтоб им! Ну ладно, люди могут не заметить Марийку, если она старается не привлекать к себе внимания, – отвод глаз в том или ином виде есть почти у каждого из вампиров, – но как можно не видеть ее, когда она старается не привлекать к себе внимания, таща в каждой руке по целой клумбе?

– Ой, како-о-ой... – выдохнула Марийка, увидев кроватку-качалку рядом с кроватью Анны. Сунула Артуру букеты и прилипла носом к стеклу.

Входить она не стала, все равно бы без приглашения не вошла, но что можно было разглядеть с ее места и что «ой какого» в свертке, похожем на большущую гусеницу, Артур решительно не понял.

Сам он в палату, конечно, вошел. Цветы оставил снаружи, отдал одной из сестер, пусть она разбирается, что можно ставить рядом с младенцем, а что нельзя.

У свертка обнаружилась голова в чепчике и красное личико. Анна явно считала его прекраснейшим в мире созданием Божьим, и... учитывая то, что парень действительно был Божьим созданием, к тому же еще и безгрешным, за исключением первородного греха, которого никто не минует, что ж, пожалуй, он и вправду был красивым. По-своему.

Роман готов был душу за него отдать, за то, чтобы он родился. И вот он родился.

– Мы хотим окрестить его, – сказала Анна, когда Артур закончил молиться. – Не ждать, пока он вырастет достаточно, чтоб ты рассказал ему про Бога и чтоб он сам выбрал. Мы с Романом решили за него. Это ведь можно? Ты говорил, что крестят совсем маленьких, недельных.

– Хотите окрестить, потому что боитесь за него?

– Демоны не оставят нас в покое. – Анна кивнула. – Они не получили то, что хотели, они ведь до сих пор считают, что Роман – их добыча. Но нет, Артур, дело не только в том, чтоб его душа была под защитой. Мы решили, что мы все готовы. Маленькому понадобятся восприимчивики. Я сначала попросила Себесту и Ласку, оказалось, что Ласке нельзя, она сказала, что ей нельзя, но из лужан все готовы. И из тех, кто приехал и остался, тоже многие хотели бы. Мы соблюдаем пост уже больше сорока дней. Ждали, пока он родится, – Анна задержалась взглядом на кроватке, – чтобы ты уж наверняка не отказал. А то скажешь, что мы еще не готовы, что нам еще учиться и учиться. Мы знаем, что многого не знаем, – она улыбнулась Артуру, – но теперь тебе придется нас окрестить, чтоб у него были крестные мать и отец.

Интересное же у людей о нем представление. Раньше боялись, теперь... вообще непонятно. Что он делает не так? Или чего он не делает?

– Вы думали, что я откажусь крестить вас?

– Мы же совсем не такие, как ты, – объяснила Анна. – Нам такими еще долго не стать. Не могу говорить за всех, но во мне и Романи все еще больше страха, чем радости. Клэй Грован хочет знать, что Ира не умерла, а Себесте нужны силы, чтобы драться с демонами. Видишь? Мы пока не понимаем, что такое благодать, хотим не ее.

– Сами все для себя решили, сами у меня спросили, сами за меня себе ответили. Не подумали только, что не нужно быть такими, как я. Мы все разные, нас создали разными.

Нет, проповеди – это точно не его. Объясняй не объясняй, никакого толку. Люди сговариваются между собой, планы строят, окреститься хотят, а он ни сном ни духом. Уверен был, что долго еще не решатся. Для тех, кто живет в Ифэрэнн, отдать кому-то свою душу так же страшно, как добровольно сунуть голову под нож лесопилки. И то и другое – верная смерть, но отдавший душу умирает бесконечно.

Они поняли, что крещение – это рождение, а не смерть. Что бы ни говорила Анна о мотивах, которые ими двигают, самое главное они поняли, иначе не решились бы. Значит, именно этого он ждал, оставаясь в Кареште. Он уедет в Сидену, оставив за спиной не просто

людей, ищущих Господа, а христиан. Первых в этом мире.

Если и это не победа, то что же тогда?

К немалому удивлению и Артура, и Марийки, Анна, сказав все, что хотела сказать о крещении сына и остальных лужан, велела Артуру выметаться и увезти из больницы Романа, а Марийку позвала войти. Уходя из палаты, он услышал, как они сюсюкают на два голоса, почувствовал себя инопланетянином и понял, что совершенно ничего не понимает в мире, где матери зовут упырей полюбоваться младенцами.

Глава 10

Сила имени Иисуса Христа так велика против демонов, что оно действует даже и тогда, когда произносится нечестивыми.

Ориген

Бело-оранжевый фургон с надписью «Почтовые перевозки Ренатира» пересек границу княжества Ахтеке затемно. Снийв еще был голубым, но становился все ярче, обещая вот-вот стать густо-синим. В фургоне скучно переругивались. Водитель доказывал охранникам, что опоздание не его вина, охранники резонно возражали, что кто за рулем, тот и тормозит. Охранников было четверо, водитель один, но аргументы обеих сторон казались равно убедительными. Правда, именно поэтому они и не убеждали.

Правота охранников состояла в том, что фургон еще под белым снийвом должен был доехать до таможенного поста на границе, под ним же пройти досмотр и под ним же быть рядом с сортировочной станцией. К синему снийву они могли бы уже вернуться в Карешту. Правота водителя состояла в том, что они не сбились с пути, ехали с нормальной скоростью, и нет никаких объяснений тому, что привычные ориентиры сменяли друг друга гораздо медленнее, чем всегда.

– Глейсовы фокусы, – решил наконец Юл Мальмваль, старшой охраны, – вампиры умеют так делать, что не поймешь, где ты и куда едешь. Слышали, они в Луге демонов так в огонь заманили?

– Что демонам огонь? – Если знаешь, что на тебя накатили не по делу, трудно перестать спорить, даже когда спорить уже вроде не о чем. Вот и Чин не смог сразу остановиться: – Демоны сами из огня.

– А говорят, их всех убили, и я это слышал от парней, которые зря болтать не станут, – возразил Юл.

Чина поддержал Йозеф, Юла – Карл и Ильнур.

Спор грозил набрать прежнюю силу, но спорили уже не о том, кто виноват, а за принцип. Другое дело. Об этом можно. Время коротать самое то.

Особенно когда дорога длиннее, чем обычно.

Зато перед пунктом пропуска не было ни одной машины. Конечно, странно: дорог в княжество с Трассы немного, так что тут всегда очередь, но это была странность удачная, а Чина так достали все неудачные странности этой поездки, что на пустую дорогу он и внимания не обратил. Таможенники их тоже задерживать не стали, Чин так их вообще не увидел.

Еще одна странность. Тоже удачная, не вопрос...

Чин бросил взгляд на Юла с Ильнуром, ехавших с ним в кабине, но те увлеклись выяснением того, могут ли вампиры убивать демонов, сидели, развернувшись к решетке, отделяющей кабину от кузова. Охраннички! Но так-то да, от кого на таможне охранять? От арханов, что ли?

Вокруг была степь, сухая, ровная, нарезанная на полосы лесопосадками. Воду они берегли, или землю от выветривания, или так, для красоты, этого Чин не знал. Он на Трассе жил, в Ахтеке только почту возил, а про лесопосадки, про тополя эти, или саксаулы, или что

там растет, ему Меламед рассказывал. Сейчас его постоянный двор будет. Ехали бы, как всегда, остановились бы выпить чего-нибудь холодного, у Меламеда и квас, и кумыс, и айран, и сидр, что захочешь. А теперь опаздывают, какие уж остановки?

Чин краем глаза увидел в темноте красно-золотую вывеску «Меламед-Баит». Круглый каменный дом с большими, как на севере, окнами был ярко освещен – настоящий волшебный шатер. Они уже почти проехали, когда Юл дернулся:

– Тормозни-ка!

И тут же Ильнур замотал головой:

– Нет! Езжай! Скорее!!!

Юл главный, Чин сбросил скорость, повернулся, чтобы спросить, что стряслось-то. Сквозь широкие окна постоянный двор был виден насквозь, шторы почему-то не опустили. И Чин увидел. То же, что и Юл с Ильнуром. К окнам, выходящим на дорогу, сбегались люди, которые были внутри дома. Как будто никогда раньше не видели машин. И это ладно бы, но бежали они... по стенам и потолку, и выглядывали в окно вниз головой. И кажется... – но это Чин подумал, уже когда вдавил педаль газа и фургон прыгнул вперед, унося их от «Меламед-Баита», – кажется, у них глаза были как-то не там, где надо. Или рты? Или ему все-таки привиделось, что они присасываются губами к стеклу? И что рты у них круглые, как у червей, с зубами со всех сторон.

– Вы там что?! – рявкнул Карл из кузова. – Не дрова везете!

Чин вцепился в руль, смотрел, как летит под колеса полотно дороги, и не мог перестать заглядывать в зеркальце у двери. Если бы он увидел, что за ними едет хоть одна машина, он бы, наверное, запел от счастья, но высматривал он не машины, не попутчиков. Он смотрел, не бежит ли кто-нибудь следом. Кто-нибудь... вроде человека, только глаза и рот не такие.

– Все видели? – спросил Юл.

– Это точно не вампиры. – Ильнур поглядывал в зеркальце у другой двери. И он, наверное, искал сзади на дороге то же, что и Чин.

Что-то. Нечто.

Йозеф и Карл, которые через грязные окошки в стенах фургона не увидели вообще ничего, начали одолевать вопросами. Юл сказал, что видели что-то странное.

Что-то такое странное, что не стали останавливаться, а летят как бешеные, лишь бы оказаться подальше. И на дороге никого. Не может эта дорога пустой быть, с нее еще долго свернуть некуда.

– Это ж княжество, – сказал Йозеф, – безопасная земля. Что тут может быть?

И все заткнулись, даже Карл, который до Юла докапывался, пытаясь подробности, как злой архан до пьяного водилы.

– У нас из Тагара груз, – сказал Чин то, о чем думали все.

Жители Тагара, эти, из Луги, они убивали демонов. Демоны не могут до них добраться. Но если что-нибудь из Тагара оказалось у обычных людей?

– Как открытая банка с кровью... – Юл даже принял, не пахнет ли. – Вампиры ее учуют за километр.

– За полтора, – поправил Ильнур.

Поправка никого не порадовала.

У них работа была защищать почву от вампиров, от дикой молодежи из Песков, которой плевать на правила Трассы. Эти придурки могут напасть ради забавы или грабежа. Получив отпор, вампиры обычно сваливают искать добычу полегче, но, если почуют кровь, отогнать их получится только огнем, да и то... как повезет, на кого нарвешься.

Стычки случались, и пули в каждом третьем патроне были серебряными, а Карл ловко управлялся с огнеметом. Но это все хорошо против вампиров. А сейчас на запах крови... на запах книжек из Тагара пришли демоны.

Гудок поезда прозвучал как музыка. Ехать еще быстрее было опасно, но Чин все равно нажал на газ, фургончик так трясло, что казалось, он вот-вот развалится, и впереди уже

засветились длинные ряды окон сортировочной.

Там высокие стены. Крепкие ворота. Там люди. Там точно люди, а не демоны, на земле князя, на железной дороге, никаких демонов быть не может!

Они почти успели... под колеса метнулось перекасти-поле, Чин выкрутил руль, машину занесло, и в каком-то десятке метров от стальных ворот фургон встал. Пока Чин безуспешно пытался завести двигатель, Ильнур, все время смотревший в зеркальце у своей двери, выругался. Позади на дороге показалась вереница огней, и это были не фары машин.

Факелы? Свечи? Глаза? Стоило подумать о глазах, и Чин увидел, что огни в неровной, подпрыгивающей цепочке делятся попарно.

Чин нажал на сигнал и не отпускал, пока Юл не заорал на него, чтоб он перестал, на хрен, сходить с ума. Йозеф и Карл вышли наружу, встали у задней стенки фургона с автоматами в руках, Ильнур вылез на крышу.

Ворота сортировочной медленно открылись.

– Помочь? – поинтересовался охранник.

Он, мать его, еще спрашивает!

Так Юл и сказал, слово в слово.

– Два мэня каждому, и мы вас втащим во двор, – из-за ударившего по глазам света прожекторов почти ничего не было видно, просто силуэты в фуражках. Трое, они на КПП по трое дежурят. Все вооружены.

Тут строго, стратегический объект, не что-нибудь.

Охрана была в своем праве, они напрягаться из-за почтарей не обязаны, им вообще не положено пост оставлять. Но они что, не видят?! Они этих огней... глаз... не видят, что ли?!

– Да подавись! – рявкнул Ильнур.

Юл выгреб из карманов горсть мелочи, высыпал в подставленную ладонь. Ильнур спрыгнул с крыши, охранники обошли фургон, уперлись плечами, Йозеф и Карл тоже приналегли. И медленно, тяжело, машина все-таки вкатилась во двор станции.

Ворота закрылись.

Стало темно.

Чин, который смотрел то вперед, на прожектора, то в зеркальце – на цепочку огней, сначала не понял. Решил, что так и надо. Красные огоньки погасли, потому что их скрыли ворота... через полсекунды он понял, что погасли вообще все огни. Только перед глазами еще плавали светящиеся нити. Так всегда, если посмотришь в темноту после яркого света. Потом заорал Юл, так страшно заорал. Не ругательство, не команда, просто дикий, захлебывающийся вой. Ильнур выстрелил длинной очередью. Вспышки из дула осветили пустой двор. Грохнула дверь фургона, машину качнуло, Чин тоже заорал: от кузова его отделяла только решетка, и он представил себе, очень ясно представил, как сквозь решетку просовываются... пальцы. Покрытые чешуей пальцы с когтями. Вцепляются в шею...

Ильнур ввалился в кабину, захлопнул за собой дверцу, нажал блокиратор. Перегнулся через орущего Чина и нажал кнопку с его стороны.

– Заткнись! Заткнись ради Сахры!

– Юл дал им денег, – послышался из кузова голос Карла, – сделка с демонами. Ильнур, ты тоже... ты же сказал им...

– Заткнись! – заорал Ильнур. Он тяжело дышал, сидел, вжавшись в спинку, обеими руками стиснув автомат.

Чин подумал, что Карл прав, и подумал, что Ильнур слишком близко к нему. Если схватят, если сейчас появятся руки, пальцы с когтями сквозь дверь или в лобовое стекло... они могут перепутать. Надо... что? Выпихнуть Ильнура! Вытолкнуть его, пусть забирают, он принадлежит демонам, он заключил сделку.

Дверь со стороны Ильнура начала вдавливаться внутрь.

Да что же это?!

Чин дернул Ильнура к себе, тот едва не выстрелил. Продавившаяся сквозь дверь кисть руки семипалая, без когтей, даже без ногтей, с глазами на кончиках пальцев, начала

медленно поворачиваться. Как антенна, как... та морская дрянь с щупальцами, которая как цветок, но ест живую рыбу. Если эти глаза увидят их... Чин не знал, что будет, знал, что будет очень плохо. Ильнур застыл, даже не дышал. Семь глаз повернулись в сторону решетки, разделяющей кабину и кузов, и тут из них хлынула кровь. Целые, мать их, потоки крови, брызнуло аж со свистом, как из разрубленных артерий. Ильнура залило с головой, Чина задело брызгами. Кровь мгновенно исчезала, испарялась, но еще быстрее исчезла рука.

Что там было? Что она... они... что увидели в кузове? Что там может быть такого, от чего у демонов идет кровь?

Тагар. Город, где живут люди, убивавшие демонов. У них здесь тагарские книжки. Целых пять ящичков тагарских книжек! Демону, этой руке, – она же демон, так? – ей хватило просто посмотреть туда, в ту сторону, чтоб испугаться?

– Жить хотите? – спросили снаружи деловито и очень буднично, будто стоял светлый день, и двор был полон людей, и ничего особенного не случилось. – Выкидывайте книги и вернетесь к себе. Мы вас не тронем.

Чин долго собирался с духом, прежде чем ответить. Ильнура трясло, зубы лязгали, он вообще не мог говорить. Книги или нет, а он-то сделку уже заключил, его заберут сразу, как только последнюю книгу вынесут из фургона.

Раньше всех ответил Карл.

– Это вы с книгами нас не тронете, – заорал он, – а без книг один хрен – не сегодня, так завтра доберетесь! Никаких сделок с демонами, уроды! Это не в Тагаре придумали, вы, срань безбожная, это любой живой знает.

Больше ничего говорить было не нужно. Чин попытался завести фургон, но двигатель даже не чихнул. В тусклом свете фиолетового снйива двор казался пустым, ровные коробки зданий, ровный асфальт, ровная светящаяся разметка у погрузочных площадок. Если здесь и были люди, то их всех убили. Или забрали. Демон сказал: отдадите книги – вернетесь к себе. Так что, может, в этом месте людей никогда и не было.

Если так, то помощи ждать неоткуда. Место, которого нет, никто не найдет.

– Карл? – спросил Ильнур чуть погодя. – Что такое «безбожная»?

– Которые Бога не знают, – буркнул Карл. – Я без понятия, веришь? Про него в Тагаре рассказывают, кому интересно, приходи, да слушай. Я не ходил, мне не уперлось, но я там на стройке подрабатываю. Жене половину отдаю, чтоб не пилила, а что половину всего, она и не знает.

– Там же не платят, считай, – удивился Йозеф.

Вот уж нашел чему удивляться, сейчас-то!

– Я и считаю, – Карл, по голосу судя, был доволен, – мало не мало, а мне хватает. Кружку-две пива вечером, ну три, ну стопочку когда пропущу. Не нажираюсь же как свинья. Так что, парни, как хотите, а у меня резона нет книжки этим гадам отдавать. Это ж сделка! А какая радость пиво пить, если все время думать будешь, что демоны за тобой явятся?

– Тагарцам сдайся, – посоветовал Йозеф. И, наверное, подпрыгнул там, в кузове, потому что фургон опять качнулся. – А ведь правда же! Книжки отдадим, нас домой вернут, а мы в Тагар сразу. И спасемся. У них там есть один, я слышал, у которого жена на сносях, он вообще душу продал. И ничего. Нормально. Демон за ним пришел, а Артур демона топором пополам.

– Мы их книжки демонам отдадим, а они за это нас от демонов защищать будут? – не понял Чин.

– Они и просто так защищают, – сказал Карл задумчиво, – правило есть, что помогать надо всем, кто просит помощи. Но если мы книги отдадим, Ильнура тоже заберут.

– У тебя номер чей-нибудь есть? – это снова заговорил Ильнур.

– Чей номер?

– Кого-нибудь из лужан. Ты сказал, что работаешь в Тагаре на стройке. Чей-нибудь номер, бригадира, хоть чей-то, кого-то же ты знаешь?

– Да много кого, и бригадира своего, понятно, знаю. Галапацан зовут, Димитрий

Галапацан. Номер... есть, – до Карла начало доходить. – Нам Артур нужен. Его книги здесь, мы из-за его книг попали...

Кузов осветился светло-голубым: Карл включил телефон. Чин зажмурился. Двигатель не работал, электричества не было, так с чего бы здесь работать телефону? То, что экранчик светится, это ни хрена не значит...

– Нет связи, – сказал Карл через минуту.

– Ты с ними знаешься! – заорал Ильнур, у Чина аж в ушах зазвенело. – Ты, блин, с ними каждый долбаный день, ты что, не запомнил ничего, что они делают, чтоб Бог услышал?!

На удивление, Карл не стал орать в ответ. То есть заорал, но не со зла, а вроде с перепугу:

– Молитвы, что ли?! Слышал какие-то. Думаешь, поможет?

Тут уж не выдержал Чин:

– А что нам здесь еще поможет?! – завопил и он, чувствуя, как с криком отпускает страх.

– Молись, так тебя этак! – поддержал Йозеф из кузова. – Молись давай! И нас научи! Быстро! Пока батарейки не сели!

– Это они говорят, когда работать начинают. – В голосе Карла было маловато уверенности. – Скорый Заступник и Крепкий в помощи, предстань благодатью силы Твоей теперь и благослови, укрепи в совершение намерения благого дела детей твоих... – Он замолчал, будто Йозеф ему рот заткнул, и стало слышно, как попискивают кнопки телефона. Карл набирал номер. Связь работала.

Чин, Йозеф и Ильнур молчали. Страшно было даже моргать, чтоб не спугнуть чудо.

– Димитрий? – почти шепотом спросил Карл в трубку. – Димитрий, выручай, у нас совсем дела плохи, без Артура не выберемся...

Саэль Наумчик первым сообразил открыть закусочную как можно ближе к Тагару. В здешнем климате это и расходов особых не требовало: несколько больших шатров, внутри столы, стулья да персонал. Так это все и называлось: «Шатры». Еду привозили готовой, расфасованной в одноразовые контейнеры, воды было хоть залейся – река, вот она, а для работы водопровода хватало одного слабенького насоса. Еще Саэль придумал по утрам отправлять на стройку фургончик, с которого продавали горячий кофе и какую-то выпечку, днем тот же фургончик привозил зеленый и черный чай.

Сообразительные люди делают деньги так, как будто это очень просто. Артуру сообразительные люди всегда нравились.

Сегодня вечером все лужане, немалая часть пилигримов и даже упыри праздновали рождение Георгия Барчана. И праздновали не где-нибудь, а в «Шатрах». Правда, меню отличалось от обычного, ведь то, что хорошо днем для строителей, решивших быстро перекусить, не годится для праздничного стола, а то, что годится, нельзя есть в пост, но Саэль и тут не сплоховал, так что на столах чего только не было.

У всех был повод праздновать, и у пилигримов, и у лужан. Рождение ребенка у друзей, да даже и у дальних знакомых, это всегда радость. Но для лужан радость была особенной. Георгий Барчан – один из них, и пусть Луги больше не существует, они живы, они перестали погибать, жизнь продолжается.

Артур был рад рождению малыша, но символизма для него оказалось многовато, другие, может, и могли разглядеть в младшем Барчане человека, Артур же видел пока только символы. Первый ребенок в новой жизни на новом месте одновременно и приманка для демонов, и напоминание об их поражении. Поменьше бы надо думать о демонах, побольше о радости и чудесах, но как-то не получалось.

И это само по себе напрягало, потому что радоваться чудесам Артур привык гораздо больше, чем дергаться из-за демонов.

Он собирался незаметно убраться с праздника. Заметить бы, конечно, заметили, но

сделали бы вид, что так и надо, у него же куча дел, это всем известно, а еще он все время за всех молится, и молитвы тоже времени требуют.

Марийка осталась с Анной, и Артур жалел, что нельзя забрать ее сюда из больницы. Анне нужна охрана, люди ее, если что, не защитят, а Марийка защитит. И на помощь позвать успеет. Но если Марийку нельзя забрать из больницы, то Артуру-то можно вернуться в больницу. Из него защитник еще лучше, а ему самому совсем не мешает компания. Компания из кого-нибудь, кто его не боится. Упыри не боятся, но из них собутыльники никакие, они ж, гады, пьют, не пьянея. Себеста не боится, но Себеста не девушка. Еще Демон не боится, и он, конечно, может быть любого пола, но, во-первых, Марийка гораздо лучше, во-вторых, Демон занят – втирается в доверие к людям.

Артур уже отметил, что где б Демон ни появился, там сразу и разговоры становились живее, и смеялись больше, и петь начинали. Для стихийщика у этого парня очень уж хорошо развиты навыки общения. Хотя, да, стихийщиком он был странным, и людей всегда знал достаточно хорошо, чтоб сделать ставку на охоту за душами.

В общем, Артур уже наладился тихонько смыться, когда из-за стола, где вперемежку сидели лужане и пилигримы, поднялся, замахал рукой Димитрий Галапацан. И он явно не Романа поздравить собирался, потому что даже в общем гомоне громкое «Артур!» было слышно очень хорошо и звучало отнюдь не весело.

Вокруг притихли, на Димитрия заглядывались, тот начал, было, что-то объяснять, что-то про Карла Нильсона, охранника почтового фургона.

Вот и повод убраться. Артур пошел к выходу, сделал Димитрию знак идти за ним. Пусть все толком расскажет, не перекрикивая шум. Себеста проводил их взглядом, но остался за столом. Ему уходить нельзя. Если они сейчас все выйдут, Роман тоже к ним присоединится, а тут недолго и до того, чтоб все решили, будто с Анной что-то случилось.

– На почтарей с нашими книгами демоны напали, – выпалил Димитрий, как только они оказались снаружи. – Командира охраны убили. Нильсон говорит, они на сортировочной, сидят в фургоне, только там ни людей, никого, одни демоны вокруг. Демоны в фургон зайти не могут из-за книг. Связь не работала, пока он не помолился.

– Значит, это не ловушка. – Демон подошел так тихо, что Артур его и не заметил, пока он не заговорил. – Они зачем-то хотят убить почтальонов. Из-за книг? Запугивают. Кто связался с Тагаром, тот погибнет.

Но пока выходило наоборот. Нильсон, работавший на стройке только из-за денег, молится, чтобы спастись, а демоны не могут добраться до почтальонов из-за того, что в почтовом фургоне груз Библий. Последнее больше походило на суеверие. Книга – это книга. Что бы ни было в ней написано, если книга не гримуар, который одно сплошное колдовство и зловредная магия, то это просто буквы на бумаге. Сила записанных слов только в том, что их читают и о них думают, но Нильсон и остальные не читали Библию, и все же демоны не могли войти в фургон.

Чушь какая-то.

– Хотя они и не собирались выманивать тебя из Карешты, – Демон продолжал свою мысль, – все равно они сюда придут. Если ты уедешь, точно явятся. Не те, так другие.

– У тебя идеи есть? – буркнул Артур, так и не додумавшись ни до чего насчет Библий. – Съезди на Сортировочную или дуй в больницу, стереги Анну, пока меня не будет.

– Я на станции мало что смогу, у князей все под контролем, там не развернешься... – Демон замолчал.

Артур посмотрел на него, встретил такой же задумчивый взгляд.

– Значит, Сахра позволил им напасть, – произнес Демон медленно. – Артур, ну ее, больницу, давай-ка я с тобой поеду.

– Сахра – князь. Хочешь, чтоб он размазал тебя, как только мы пересечем границу княжества? Нет. Со мной будет Альберт. Предупреди Себесту и отправляйся в больницу.

– Артур, в этом участвует князь, там могут быть сулэмы...

– А в больницу можно пролезть сразу со всех сторон. Я один, я смогу защитить только

Анну и Георгия, тебя много, ты защитишь всех. Отправляйся.

Он развернулся спиной и к Демону, и к Димитрию, пошел к «Найзагаю», ожидающему на заставленной машинами площадке с подветренной стороны «Шатров». Забрать Миротворец, взять один из невооруженных «Скадатов»...

– Артур, мы тоже едем, – подал голос Димитрий. – Нильсон у меня в бригаде, он мне позвонил, что мы сидеть тут и ждать будем, пока ты их привезешь?

Артур чуть не спросил: «А что вы сделаете?» Прикусил язык, шепотом произнес короткий экзорцизм, где не было ни одного слова, которое можно сказать при женщинах. Ему много раз говорили, что никакие это не экзорцизмы, но он много раз видел, как это работает. И если сейчас не он сам чуть не брякнул глупую глупость, значит, это какой-то зловредный бес попытался дернуть его за язык, и значит, зловредного беса скорчило и скрючило от экзорцизма. И так ему, гаду, и надо! Далеко можно забрести, если начать думать о людях свысока и воображать себя особенным. Так далеко, что и не вернешься, пожалуй.

Поехали вшестером на трех машинах: один «Скадат», две «Стралы». Альберт, которого пришлось разбудить и который терпеть не мог, когда его будят, нудел и зевал, зевал и нудел все время, пока кавалькада ехала из Карешты на Трассу. Потом Маришка, храни ее Господь, ведьму ученую, сварила ему кофе, и младший наконец-то перестал демонстративно страдать.

– До станции примерно восемь часов езды, – сказал Артур, – максимум десять, если на границе затор. Дорога там оживленная, но заторы случаются редко. Выехали они еще под голубым снийвом... в шесть утра. – Альберт знал, как делятся здешние сутки, но все равно лучше формулировать поточнее. – На Сортировочной должны были быть часа в два, может, в три пополудни.

– «Я считать умею вообще-то, – напомнил Альберт ядовито, – получше некоторых. Если их накрыли на станции, то они позвонили бы несколько часов назад, ты к тому клонишь?»

– Да.

– «Значит, они не на станции?»

– Да.

– «У тебя вроде и у самого получилось лаз увидеть, когда ты за Марийкой пошел».

– Не увидеть, а услышать, – объяснил Артур. Не в первый раз объяснил. Альберту глубоко чужда была концепция мира, как музыки, а не как материи и энергии, так что объяснять придется еще много, долго, и толку от объяснений все равно не будет. – Звуковую лауну я бы нашел, но это не лакуна, они в княжестве. Искать нужно... что-то.

– «Пространственную аномалию?»

– Пространственную или временную.

– «Ну вот тут что-то было. Если остановимся, я смогу дырку проковырять, чтоб проехать».

С младшим не угадаешь. Иногда он преподносит как грандиозные открытия нечто совершенно непонятное, с равным успехом могущее оказаться как действительно открытием, так и набором терминов, согласованных лишь постольку, поскольку Альберту это показалось забавным. А иногда по-настоящему важные вещи сообщает так буднично, что...

– Стоп! – рывкнул Артур.

«Скадат» замер у щита, приглашающего отдохнуть в закусочной «Биджабан», следующие за ним «Стралы» тоже остановились, ни на сантиметр не изменив дистанцию. Упыри за рулем. У людей есть свои преимущества, но в скорости реакции им с вампирами не тягаться.

– «Готово, – сказал Альберт через минуту. – Поехали».

И поехали.

– Что-то изменилось, – пробормотал Аудьярт, который был за рулем «Скадата». – Мы не там, где были.

Артур поежился от острого чувства дежавю. Именно так все было, когда он оказался в Ифэрэнн. Он ведь не приехал сюда, он тут появился. Заснул в одном мире, проснулся – в другом. А что сейчас?

– Они тоже здесь были? – Аудьярт принялся, будто думал учуять запах проехавшего здесь почтового фургона.

– Да. Думаю, да.

– Значит, можно ехать нормально?

Артур вопросительно взглянул на вампира, тот пожал плечами:

– Помнишь, как мы Библию писали?

– Переписывали, – уточнил Артур и понял, что лучше бы не уточнял, вышло еще богохульнее.

– Короче, если нам не надо больше внимательно искать дыру, значит, надо ехать так быстро, как только возможно. Дай консерву. Там, сзади.

Сорок восемь банок крови, упакованные по шесть, стояли между сиденьями. Артур развернулся, вытащил две банки, одну открыл и отдал Аудьярту, вторую тоже открыл. Кровь мгновенно согрелась.

То, как упыри употребляли свои «консервы», входило в список их пугающих или отталкивающих особенностей. Длинный список. Самым первым пунктом в нем значилось: «упыри мертвые». Остальное было не так жутко, но тоже... впечатляло.

Аудьярт коснулся губами отверстия в крышке. Он не пил, он будто просто поцеловал банку. Две секунды, и, смятая, пустая, она улетела на заднее сиденье.

Артур сунул в руку вампира вторую порцию. Действо повторилось. Жуткое само по себе, потому что непонятно, куда девается кровь, а фантазии в голову приходят самые неприятные, оно становилось по-настоящему мрачным, стоило вспомнить о том, что так же, одним недолгим поцелуем, упыри вытягивают пол-литра крови не из пластиковой банки, а из живого человека.

Еще через две секунды, когда вторая банка улетела вслед за первой, рассыпающейся в мягкую пыль, «Скадат» был в километре от рекламы «Биджабана». «Стралы» держались за ним как привязанные. Причем на жесткой сцепке.

Через десять минут Аудьярт снова не глядя протянул руку. Артур отдал ему очередную банку с кровью, держа наготове еще одну. В «Стралах», летящих след в след, то же самое делали сейчас Димитрий и Клэй. Один поил кровью Рунко, второй – Мубариза, бойца из стаи Рены. Чтоб поддерживать набранную скорость и не дать машинам разлететься на куски, вампирам требовалась кровь. Все боевые дайны энергозатратны, а те, что связаны с искажением времени или пространства, отнимают особенно много сил.

Насчет «ехать нормально» Аудьярт преувеличил, в нормальной ситуации никто не станет пережигать столько крови. Упыри ездили быстрее, чем люди, не потому, что применяли дайны, а потому, что лучше умели водить машины. Те, кто вообще умел их водить. Сейчас скорость была сверхъестественной потому, что ситуация была ненормальной. И это еще слабо сказано.

– «Вампиры второй раз встречаются в разборки с демонами из-за людей, – тут же напомнил о себе Альберт. – Нет, телепатия мне пока не дается, – сообщил он прежде, чем Артур успел удивиться, – мы просто про одно и то же думаем. Только я думаю дальше. На каком этапе демоны взбесятся настолько, что перестанут брезговать вампирами и начнут их убивать?»

– Только когда поймут, что эти вампиры не достанутся им после смерти.

– «Не попадут в Нижние Земли?»

– Да.

Это случится не скоро. А к тому времени, как демоны поймут, что правила изменились, вампиры уже научатся защищаться. Для них это сложнее, чем для людей, но тем дороже будет награда.

– «Стой!» – скомандовал младший.

– Стой! – тут же приказал Артур.

Остановиться сразу на такой скорости было невозможно, даже несмотря на то, что дайн позволял гасить инерцию. «Скадат» вильнул, его занесло. В шаге от машины, со стороны Артура, взметнулся столб болотно-зеленого пламени. «Стралы», чудом не столкнувшись друг с другом, разлетелись на разные полосы. Счастье, что на дороге были только они. Счастье, что дороги этой на самом деле не было.

– «Вперед!» – в голосе Альберта поровну было азарта и удивления.

Артур повторил команду, произнес почти одновременно с младшим. Аудьярт, которому едва удалось выровнять «Скадат», нажал на газ. Зеленое пламя пробило покрытие шоссе сразу за машиной. Сейчас на дороге пылали два огненных столба.

– «Сохраняйте скорость! Они, кажись, не могут прицелиться, мы слишком быстрые...» – вот теперь младшего полностью захватил азарт, удивляться он перестал. А Артуру тошно становилось при одном взгляде на цвет пламени. Надо же было выбрать настолько мерзкий оттенок! У них что в Аду, других не нашлось? Да понятно, что там все мерзкое, но это какое-то особенное.

Он передал Аудьярту слова Альберта. Вампир кивнул.

– Держись тогда, противоторпедным зигзагом пойдем.

И пошли. Теперь каждый автомобиль был сам за себя, волшебная сцепка распалась, три машины с бешеной скоростью неслись по шоссе, выделявая такие па, будто спятившие водители решили станцевать вальс. Или какое-то дикое танго. Зеленый огонь рвался вверх, оставляя в асфальте проплавленные черные дыры, машины крутились, объезжая пламя, иногда его удавалось опередить, иногда – проскочить на безопасном расстоянии, чаще невыносимым жаром коржило краску на боках, от зеркал остались расплавленные огрызки креплений.

– Слалом! – фыркнул Аудьярт, одной рукой выкручивая руль, другой забрав у Артура очередную банку с кровью. – Весело, а?

– Да уж.

Альберт прикрыл их полями, его и Аудьярта. За двумя другими машинами он приглядывал, но, пока не понял природу зеленого огня, предпочитал не разбрасываться. Артур не сомневался, что Рунко и Мубариз сейчас тоже от души веселятся. Упыри боятся смерти, но они так скучают, что готовы играть с ней в пятнашки, лишь бы развлечься.

– «Чертовщина какая-то...» – буркнул младший.

– Она и есть. Это демонический огонь.

– «В каком смысле?»

– Это демоны, – объяснил Артур, – я бы их отогнал, но они не здесь, здесь только их внимание.

– «Вот эта зеленая горящая хрень? Хочешь сказать, они на нас просто смотрят?»

– Не могут разглядеть как следует. Как только увидят, уже не промахнутся.

– «А сами они где?»

– В Кареште.

– «Плохо, – сказал Альберт после паузы. – Демон справится?»

– Бог не выдаст.

– «Ага, конечно. Те, что в Луге, были попроще, а?»

– Ума не приложу, чем мы достали остальных.

– «Что, правда? – уточнил младший с непонятым скепсисом. – Вот и я думаю, чем это ты демонов так достал? Хотя, да, здесь как-то быстро получилось... ладно, а дальше что? Нам же придется когда-то остановиться. Сколько еще ехать?»

– Минут пятнадцать, если здесь география как в реальности, – Артур оглянулся на пылающую зелеными огнями дорогу, – выдохнутся, если только их там не легион.

– «А если легион?»

– Тогда передерутся.

Альберт хотел знать, до каких пор демоны будут брезговать вампирами и

превентивными ударами. А Артур, пожалуй, хотел бы знать, когда демоны научатся объединяться и действовать сообща. Если к тому времени церковь не станет достаточно сильной, чтоб защищать себя от совокупного демонического могущества, от христианства в Ифэрэнн останутся только мученики. За убитых можно будет порадоваться, все они спасутся, но кто станет примером для других людей, если даже жития святых написать будет некому?

А ведь пока и церкви нет.

Впрочем, в том, что она будет, Артур уже не сомневался. Если только Марийка, Демон, Себеста и люди сумеют сегодня отстоять Карешту. Стоило бы подумать о том, почему он не отнес Себесту к людям, но Артур ограничился пометкой на этой мысли, чтобы вернуться к ней позже.

Демоны уже в Кареште. Город или больницу штурмуют прямо сейчас.

Марийка шла по коридору без окон. Очень унылому коридору. С обеих сторон покрашенные в цвет стен двери, потолок светится, на скучном полу иногда появляются стрелки с надписями: «хозблок», «выход на лестницу», «сестринский пост»... глазу зацепиться не за что. В этой части больницы, где пациентов не бывает, никому в голову не придет сделать обстановку повеселее. Зачем? Позади морг, впереди выход на лестницу, между ними какие-то подсобки со швабрами или сломанным оборудованием, или что там в них может быть? Марийка не заглядывала. Двери заперты, и ладно.

Демоны могли прийти в больницу – «порог» здесь был только в палатах, – но демонам нет нужды прятаться в чуланах со швабрами. Они если придут, то попытаются сразу проникнуть в людей. Вот на людей и стоило обращать внимание.

Только в этом коридоре никого не было. Ночью все спят, кроме дежурных сестер, а те на постах сидят, ну или в комнате отдыха. Кофе пьют.

Один демон в больнице был, но он был Демон, почти свой, или даже без «почти» уже, раз Артур ему настолько доверяет, что отправил защищать больницу. Демон был повсюду, наверное, даже в палатах, но он все равно попросил Марийку и Себесту делать обходы. Сил у него хватает, а умения ими пользоваться – нет. Это знакомо. Так с дайнами в самом начале, когда понимаешь, что можешь сделать что-то особенное, но не знаешь как. Пробираешь, выходит фигня всякая. Скольких Марийка симпатичных парней распугала, пока отрабатывала обаяние, не сосчитать. И это в старшем классе старшей школы, когда, между прочим, судьба решается, пригласят на выпускной, не пригласят.

Пока она дайн обаяния тренировать не начала, она не сомневалась, что пригласят минимум четверо, и знала, чье приглашение примет. А когда начала... да уж. Правильно отец предупреждал, что социальные дайны лучше пробовать на незнакомых, с незнакомыми поспорить не жалко.

Впереди мелькнул силуэт, неясная тень, будто смазанная бликами света на стекле. Стекланных дверей Марийка не помнила, не считать же за них прозрачные дверцы шкафа со всякими там шприцами. Но и в обман зрения она не верила, поэтому прибавила шаг, чтоб посмотреть, кому тут еще не спится и почему он в шкафу. Демоны могли напасть, могли не напасть, но людям в шкафах точно делать нечего.

И все же высокий двустворчатый шкафчик был битком набит людьми, они отпихивали друг друга, прорывались к дверцам, царапали пальцами стекло. Шкаф был заперт. Ключ с биркой торчал из замочной скважины, но Марийка нипочем не повернула бы его.

Ее тоже увидели. Толкотня усилилась. Дверцы задрожали сильнее.

Кем бы ни были эти... кем бы они ни были, они материальны.

Марийка отпрыгнула от шкафа и понеслась к лестнице. Нужно было найти Демона.

О том, что он здесь повсюду, достаточно просто позвать, она вспомнила только тогда, когда услышала его голос:

– Я уже знаю. Они пытаются войти.

– Хотят захватить людей?

Марийка не знала, что значит «войти». То, что рвалось из шкафчика, оно же не в шкафчике было. И не в коридор больницы пыталось выбраться.

– Массовая одержимость, – подтвердил Демон. – Я сильнее, по крайней мере, пока они отвлекаются на Артура. А им придется все время на него отвлекаться, так что войти без помощи изнутри они не смогут. Но в комнате отдыха в отделении «Скорой помощи» врачи начали вспоминать, как умирали разные пациенты, скоро они начнут винить в смертях себя, этого достаточно, чтоб снаружи уцепились. Этих отвлечет Себеста, а ты пройди по этажам, может подняться паника, нам нужно будет ее погасить. В основном тебе. На третьем уже что-то начинается. В детском отделении.

Какие дайны лучше всего помогают гасить панику? Те же, что могут ее раздуть. Но, чтоб использовать их, надо было быть психом. Не в смысле нужно сойти с ума, чтоб применять эти дайны, а в смысле сойти с ума по-настоящему, свихнуться, и тогда ты сможешь сделать людей маньяками, или загнать в депрессию, или наслать галлюцинации, или просто открыть справочник психиатра и выбирать по алфавиту.

Она была нормальная. Хотя, конечно, если подумать, то с паникой помогут справиться и ее дайны. Главное, везде успеть, если начнется.

И желательно одновременно...

Зеркало, висящее у окна на лестничной площадке, царапали изнутри длинные худые пальцы. На стекле оставались белесые, медленно тающие потеки. Обладателей рук Марийка не видела, но их должно было быть много, если только это не какая-нибудь тысяченожка... или тысячеручка. Фу, лучше вообще о таком не думать.

Марийка сняла зеркало, развернула к стене. Глянула в окно. Здесь оно выходило во внутренний двор и было окном, а не бойницей. Но снаружи стояла ночь, а на лестнице горел свет, так что Марийка не увидела, что происходит снаружи, увидела только свое отражение. И отпрыгнула назад, чуть не покотившись со ступенек, когда отражение начало делиться. Два, четыре... много... шестнадцать? Еще больше? Окно задребезжало, как под сильным порывом ветра.

Демон сказал, что ее задача гасить панику, но сейчас Марийка сама запаниковала и врезала по стеклу пяткой. Осколки со звоном осыпались на подоконник, на пол, на улицу. Острые. Кроссовку располосовало в хлам. Ногу тоже, но эти-то раны сразу затянулись.

Надо было разуться. И надо высадить все окна, на которых нет штор или жалюзи.

Теперь за окном был виден больничный парк, редкие фонари, высокая стена с башенками. С башенок, если что, можно отстреливаться, да и зубцы на стене не для красоты, но от демонов это не спасет.

В парке что-то было. Марийка не видела что, но она его чувствовала. Что-то огромное, выше стены, выше здания больницы. Это оно пыталось добраться до людей? Но оно одно, а Демон говорил о нескольких. И если оно такое огромное, то несколько таких могут просто раздавить и больницу, и Карешту, не справятся только со скалами, в которых крепость Рены.

– Так! – скомандовала Марийка сама себе, стараясь копировать Артура, – отставить панику! Демон, сделай так, чтоб не было никаких отражений!

Отдав приказ, она развернулась и понеслась по лестнице вверх, на третий этаж.

Половину третьего этажа занимало детское отделение. Ужасное, должно быть, место днем, когда дети не спят. Больные-то они больные, но не все ведь настолько, чтоб тихо лежать в кровати с умильным видом. А бодрые дети, сбившиеся в стаю, – страшное дело, Марийка это знала, она в Сидене много раз видела школьников на экскурсиях. Еще она подозревала, что воспитателями и учителями в начальной школе становятся люди, каким-то образом овладевшие дайнами обаяния или подчинения. Ничем другим способность умирения детей не объяснить.

Наверное, оказавшись в окруженном демонами доме, нужно быть серьезнее. Хотя бы думать о демонах, они все-таки страшнее детей. Но Марийка сама приказала себе отставить панику и теперь выполняла приказ. Она знала, что нужно делать, знала, что не нужно

бояться, выкинула из головы Зазеркалье. С разбегу толкнула двустворчатые двери, ведущие с лестницы на этаж... и остановилась.

Демон об этом говорил, когда сказал, что что-то начинается?

Сестры выводили детей из палат. В квадратном холле, который был заодно игровой комнатой, уже топтались, сонно озираясь, пятеро малышей в цветных пижамах и тапочках с ушами. Туда же две сестры и две нянечки вели еще четверых. Марийка прислушалась к ощущениям: да, девятéro. Больше тут пациентов нет. И как прикажете использовать дайны, чтоб дети не попали под удар? Блин, да на фиг морочиться? Детям Артур потом мозги вправит, если что. Или Себеста. Этот тип много чего умеет. Откуда что взялось, спрашивается?

– Что тут происходит? – спросила она, выйдя в центр холла.

Дети, так толком и не проснувшись, тут же потянулись к ней, облепили со всех сторон. Такие теплые, мягкие... как щенки. Только у них, в отличие от щенков, вкусная кровь, и они просто переполнены этой кровью.

Нет уж, нет уж, фу! Сытый вампир должен уметь не думать про кровь. Сытый, сильный вампир. Голод для слабаков! Дети неправильно реагируют на дайны. Этот должен привлекать и пугать, окружать аурой власти и силы, перед которыми невозможно устоять. А что получилось? Они полезли к ней прятаться, как цыплята к курице под крыло. Курица для цыплят, конечно, тоже власть и сила... но дайн явно подразумевает другой эффект.

Марийка погладила подвернувшиеся под ладонь головы, какие-то косички с бантиками, мягкие тонкие волосы, как шелковая паутинка. Взглянула на медсестер, которые, в отличие от детей, подойти к ней не рискнули. Вот кто правильно реагирует: остановились в отдалении, поклонились, не могут оторвать от нее взглядов.

– Они все умрут, госпожа, – начала одна.

– Бедные крошки, – вторая с трудом сдерживала слезы.

Нянечки помалкивали, им субординация встречать не позволяла, но тоже чуть не плакали.

– Мы решили, раз им суждено умереть, значит, спасти может только чудо. Надо ехать в Тагар.

– К Артуру, – закивала вторая сестра, – госпожа Барчан говорит, что он может все.

Отлично придумано! По дороге в Тагар демоны их всех угробят, а виноват окажется Артур. Хорошая репутация иногда хуже плохой.

– Никто не умрет, – сказала Марийка, – уложите всех спать и выполняйте свои обязанности.

Она сейчас могла бы сказать, что они умеют летать или что тапочки-кролики надо кормить морковкой. Поверили бы во все. И в то, что никто не умрет, поверили тоже.

– Идите, идите, – Марийка слегка подтолкнула двоих из прижавшихся к ней детей, – ночью надо спать.

С маленькими дайны работали не так, как со взрослыми, но ее послушались. Отцепились и побрели спать. Нянечки и медсестры, выполняя приказ, увели обратно детишек, которых тащили в холл, и начали сновать из палаты в палату: кому-то принести попить, у кого-то подоткнуть одеяло, кому-то померить температуру, или что там они делают? Марийка прошлась по этажу, убедилась, что во всех палатах закрыты жалюзи и задернуты шторы. На нее поглядывали, на нее смотрели при любой возможности. Если бы она не приказала этим женщинам выполнять свои обязанности, они ходили бы за ней по пятам, не сводили взглядов и внимали каждому слову. Обычно Марийка нормально к этому относилась, так и должно быть, когда используешь такой дайн, но сейчас почему-то бесило. Демоны, что ли?

– Не открывайте окна, – громко распорядилась она напоследок и сбежала из отделения. Еще два с половиной этажа. И на каждом надо зачаровать и персонал, и пациентов.

Никогда еще Марийка не встречала такого сопротивления дайнам. Люди поддавались

ее обаянию, тут все было в порядке, но убедить их в том, что ее нужно слушаться, получалось не сразу. Казалось, будто, не в силах противостоять воздействию дайна, его пытались отклонить, перевести на другой путь, на другие рельсы.

Хрен-то там! С каким-нибудь другим вампиром, может, и получилось бы, но только не с ней. Обидно было, правда, что демоны из Зазеркалья могут влезать людям в голову и насылать всякие смертоносные мысли, а их демон, тот, что Демон, не может так же залезть и эти мысли повыдергивать. Сил ему хватит, но Артур сказал бы, что так делать нельзя. Да Демон, наверное, и без Артура думает, что так делать нельзя. Он людей от одержимости защищает, это уже много, а с тем, чтобы отвлекать живых от... всякого, Марийка и Себеста и сами справлялись. И Анна помогала: и в родильном отделении и в отделении новорожденных было тихо, спокойно так, даже дети не плакали, спали себе и все, или ели, или ели и спали...

Марийка хотела бы подольше там оставаться. Из четверых женщин, ожидавших выписки с малышами, никто, кроме Анны, не позвал бы ее к себе в палату, но жалюзи-то на прозрачных стенках подняты, чтоб отражений не было, и можно на маленьких смотреть сколько угодно. Они такие интересные, как будто уже здесь, но еще не совсем. Как будто они одновременно и здесь, и где-то там, откуда приходят души. А еще... еще они такие крошечные, даже не верится, что настоящие.

Вообще-то Марийка предпочла бы оставаться в отделении новорожденных еще и потому, что во всех других ее жуть брала. Никто из живых не понимал, что все не так, что они странно себя ведут и думают о странном. Если не следить за ними постоянно, они будут совершать странные поступки. Из-за этого Демон не сразу мог заметить воздействие, если только не происходило чего-то совсем уж... безумного.

Себеста остановил хирурга, который решил ночью провести назначенную на утро операцию. Остановил, когда пациента уже разрезали и одна из медсестер запачканными кровью тампонами начала рисовать на полу операционной какой-то знак. Пока она не занялась этим, Демон и не догадывался, что и хирург, и сестры – все под воздействием.

В операционную унесся Себеста, его кровь не нервировала. Справился не хуже, чем могла бы Марийка. Все прошло благополучно: что нужно было отрезать – отрезали, что нужно было пришить – пришили, и даже не заметили, что делали что-то странное. Все знали, зачем нужно рисовать кровью на полу, были уверены, что это обязательная процедура, такая же, как вымыть руки и надеть специальный костюм.

Демон сказал, что один знак большой беды не наделает, но привести людей в чувство будет уже сложнее, и они смогут продолжить рисовать. А каждый новый рисунок – это усиливающееся влияние. Демон развивать мысль не стал, Марийка и сама очень хорошо представила, как рехнувшиеся врачи и сестры добывают кровь для рисования все новых и новых знаков, разрушающих границу с Зазеркальем.

Сортировочная станция горела, пылала так, будто сплошь была застроена складами ГСМ. Светло было как днем. Ревущее пламя вздымалось до самого неба, черный дым расплзался по темным облакам.

Ни один упырь не посмел бы приблизиться к такому пожару, вообще ни к какому пожару, и Аудьярт первый остановил машину. Обе «Стралы» подлетели и замерли, выстроившись на дороге в шеренгу, перегородив всю проезжую часть.

– Там есть живые, – сказал Аудьярт.

Живых там быть не могло, это было очевидно и для Артура, и тем более для упырей, панически боящихся огня. И все же Аудьярт чуял людей, а значит, Господь хранил их в пожарище, как сохранил трех отроков в огненной печи.

– Я их приведу. – Артур, с Миротворцем наперевес, выбрался из «Скадата». И стоило ему захлопнуть дверцу, как земля разверзлась и все три машины разом провалились в яму, полную зеленого огня.

Языки мертвого пламени скрыли «Скадат» и «Стралы». Артур, защищенный от огня

полями, застывший на тонком перешейке, в первый миг понял только то, что демоны уже не в Кареште. Они вернулись, они стали пламенем, а князь Сахра дал им силу. В следующее мгновение Артур осознал смерть людей и вампиров, страшную смерть в огне. Вампиры, обреченные на Нижние Земли, люди, обреченные снова родиться в тварных мирах. Они ничего не успели! Лишь самым краем души прикоснулись к таинству, узнали о вечной жизни и не дотянулись до нее.

– Сахра! – заорал Артур, перебивая ревущее пламя, – я приду за тобой! За всеми вами!

Он был в бешенстве, в помрачающей разум ярости, которая бывает лишь от острого чувства собственного бессилия. Уничтожить демонов, которые сожгли его людей! Уничтожить Сахру! Демоны были ближе, и Артур, не колеблясь, шагнул в зеленый огонь. Альберт что-то крикнул, но Артур не расслышал его то ли из-за треска огня, то ли из-за шума крови в ушах.

Даже под защитой полей жар оказался нестерпимым. Кожу мгновенно стянуло, запахло паленым. Артур сжал пальцами холодную рукоять Миротворца, сгруппировался, ожидая удара о дно. Он не ожидал, что яма окажется слишком глубокой, и ошибся. Знал, что не разобьется, что Альберт прикроет, и тут ошибиться не мог, поэтому, не заботясь больше о том, чтоб упасть правильно, взмахнул Миротворцем, рассекая лезвием ревущий зеленый огонь. Адская купель раздалась, расступилась, превратившись в огненный колодец. Артур свалился на дно, перекатился... поля смягчили удар. И, не заботясь о том, что срывающаяся с губ молитва звучит, как угроза или проклятие, очертил круг «Копьем святого Георгия».

Не благословлять же этих тварей, в самом деле! Они давно отказались от благодати. И они боялись. Сердце пело от их страха, от ужаса, с которым они отступали перед силой святого знака.

О том, что у демонов, кроме страха перед ним, есть еще и разум, Артур не думал. О том, что пекельный жар может убить его раньше, чем он убьет демонов, не думал тоже. Копье золотом высветило сплетающиеся в ревущей пляске зеленые огненные ленты, средоточие пламени, и он прыгнул туда, ударил, промахнулся. Пламя изогнулось, как под порывом ветра, золотая сердцевина снова затерялась в густой мерзкой зелени. Он не успевал, демоны плясали среди огня, сверкая золотом, спрятаться так, чтоб их было совсем не видно, они уже не могли, отмеченные святым знаком, но убегали, ускользали, гнулись, уворачиваясь из-под ударов.

– «Экзорцизм... – прошелестел Альберт, – хватит, Артур, я не могу держать... изгони их!»

Нельзя, никак нельзя по-черному ругаться во время молитвы, но Артур с трудом удержался от того, чтоб матерно не рывкнуть на младшего. Куда, будь они прокляты, можно изгнать демонов из Ифэрени?! В Нижние Земли? Да у них там дом родной!

Но Альберт сказал, что больше не может держать поля, а значит, экзорцизм – это все, что оставалось. Вышвырнуть тварей вниз, надолго, чтоб не могли выбраться, не смели соваться к людям.

В болотной зелени снова мелькнул золотой проблеск, горячий воздух обжег легкие, когда Артур вдохнул его, чтоб приказать демону «изыди!», но сверху вниз светлыми нитями протянулись трассеры, в демона, в бесплотное средоточие его сущности ударили пули. И не прошли насквозь. Они впились в огонь, как в живое тело. Демон забился в судорогах, пламя взвыло пронзительно и громко, показалось, что поля, защитившие от огня и удара о землю, треснули, не выдержав этого воя. Артур зажал бы руками уши, но он держал Миротворец... и он знал, хоть и не слышал, что лезвие топора торжествующе свистнуло, врезаясь в разрываемую автоматными очередями тварь.

Сверху стреляли, и стреляли не наугад. Те, кто стоял там, на краю провала, тоже видели золото святого знака, тоже знали, куда целиться. И, хвала Господу, у них было оружие, способное повредить бесплотным! Ошеломленные не меньше Артура, демоны, уязвимые для пуль, не успевали сбежать от Миротворца, топор и молитва одного за другим отправляли их

в небытие, из одной силы превращали во множество слабостей.

Демонов было пятеро. Пуль на каждого ушло не меньше сотни. Пятьсот выстрелов, пять ударов топором, и, в конце концов, лишь тучи пыли да серная вонь от погасшего огня. Оплавленные стены ямы дышали жаром, в котором можно было запечься заживо, но на то, чтоб защититься от этого жара, у Альберта еще оставались силы. И на то, чтобы поднять Артура на поверхность, на чудом сохранившийся асфальтовый мостик, младшего тоже хватило.

Болело все: лицо, руки, даже глаза. Артур ничего не слышал – уши забило свернувшейся от жара кровью, – и мало что видел: по земле стелился черный дым от горящих складов сортировочной. Душу разрывало надвое. Светлая, чистая, изумленная благодарность Господу за явленное чудо, и черное бешенство из-за бессмысленных смертей. Он только сейчас понял, что мог погибнуть. Демоны сумели добраться до него, эти пятеро или сам Сахра, сумели превратить ярость в поводок, на котором потащили его к смерти.

– «Ты вообще, блин... – проворчал Альберт, – три здоровенных тачки держать, еще и тебя прикрывать, я тебе кто? Я думал, мэджикбук расплавится!»

– Ты колдун, не желающий подумать о своей душе.

Артур сейчас мог воспринимать вопросы только буквально, а фразы – только по частям. И часть про «три здоровенные тачки» он не понял, пока не увидел их: «Скадат» и две «Стралы», стоящие метрах в десяти от провала. Упыри, все трое, держались поодаль, спиной к спине, с автоматами в руках, словно в круговой обороне. Люди, тоже с оружием, стояли на краю ямы, такие же изумленные, как упыри, но их изумление выражалось не в готовности к бою, а в том, как они переглядывались, смотрели друг на друга, на свои автоматы, на Артура. В том, как они не находили слов.

– Но ты самый сильный из колдунов, – добавил Артур, силясь поверить в увиденное, – я думал, они все погибли.

– «А я подумал, что, если их убьют, ты сам об демонов убьешься и забудешь, зачем мы сюда ехали».

Хотелось верить, что младший не знает, как близок к правде.

– Это же не ты? Изменил их пули?

– «Это не я, – буркнул Альберт недовольно, – ты сам знаешь, кто это. Не желаю об этом говорить. Все, я обновил поля, иди и забирай людей со станции».

Снова идти в огонь совсем не хотелось. Но это был хотя бы обычный огонь, не демонический, нормальное красное пламя, смерть в котором, говорят, очищала, если проходила с соблюдением некоторых правил.

Умирать Артур не собирался, просто о смерти сейчас как-то само собой думалось. Он повесил Миротворец в петлю на поясе и пошел к перекосившимся от огня металлическим воротам.

– «Поля я держу, – напутствовал его Альберт, – но ты там не задерживайся. Упыри говорят, живые где-то рядом с воротами».

Он не только поля держал, сейчас, когда можно было не отвлекаться на защиту людей и вампиров, младший мог себе позволить еще кое-какие фокусы. Когда Артур приблизился, ворота начали открываться. Отчаянный скрип резанул слух, едва-едва отошедший от воплей демонов, раскаленный металл сопротивлялся, гнулся, визжал, но в конце концов изувеченные створки раскрылись достаточно, чтоб пропустить двоих таких, как Артур.

Обожженная кожа болезненно отреагировала на близкое пламя. Красный огонь, в отличие от зеленого, и не подумал расступаться. Артур тихо ругнулся, поморщился, снова вспомнил о вавилонских отроках и подумал, что им, пожалуй, хуже пришлось. Он-то в пещь огненную добровольно пошел, а у них, бедолаг, выбора не было. Да и не печка здесь, все-таки горят здания, а не воздух, ну асфальт вот поплавился и дышать почти нечем, но зато черный от копоти почтовый фургон оказался рядом. Так близко, что его не могли скрыть даже клубы черного дыма.

Артур бегом пересек отделяющее его от машины расстояние, всего несколько шагов.

От кузова веяло холодом, так же, как от Миротворца. Господь являет чудеса людям Ифэрэнн, являет одно за другим. Артур обошел фургон, ладонью стер копоть с лобового стекла, встретился взглядом с вытаращенными глазами немолодого дядьки в форменной куртке, кивнул и показал большим пальцем в сторону кузова, мол, скажите им там, чтоб открывали.

Открыли сразу. Почему его не приняли за демона? Наверное, по той же причине, по которой никогда не принимали. Это про Альберта в Единой Земле ходили слухи, что он ангел, а самому Артуру, видно, не судьба прослыть кем-то, кроме чародея или святого.

А еще они не поверили в защитные поля. В том, что огонь их не тронет, ни на секунду не усомнились, а в то, что это просто магия, не поверили. И они не собирались оставлять в фургоне книги. Весь остальной груз готовы были бросить, почта не почта, а ситуация из тех, которые считаются форс-мажором, и инструкция тут велит бросать все и спасаться, но бросать Библии эти четверо не собирались. А Артур-то думал, как уговорить их забрать книги с собой. Какое там уговаривать! Вздумай он предложить хотя бы один ящик оставить, ему б, пожалуй, сказали что-нибудь неприятное. Даже несмотря на то, что встретили как избавителя и, кажется, считали его появление еще одним чудом.

С чудесами следовало разобраться. Причем раньше, чем с мыслью о том, почему подумал о Себесте не как о человеке.

Глава 11

*В этом мире благополучие настоящего и стремление к лучшему
будущему противоречат друг другу.*

Нагарджуна

Обратно в Карешту возвращались так же быстро, как ехали до станции. Банок с кровью как раз хватило, чтобы пролететь весь путь до Трассы и вырваться из морока в нормальное пространство. Если Сахра и хотел не выпустить их, ничего у него не получилось.

По Трассе уже не гнали так бешено, а в Карешту вообще въехали, соблюдая знаки ограничения скорости. Предназначенные, кстати, для людей. Ни в тварных мирах, ни в Ифэрэнн история не знала ни одного случая аварий с участием упырей... точнее, ни одного случая непредумышленных аварий.

Через город сразу поехали к больнице. Она располагалась в стороне от жилых кварталов – трехэтажное здание, образующее вместе со стеной квадрат, внутри которого был парк, фонтаны, тенистые аллеи, песчаные дорожки. Уютное и красивое место.

Сейчас на фоне черных гор и синего снийва больница высилась монолитной глыбой: сквозь плотно закрытые жалюзи не просачивалось ни лучика света. Фонари в парке горели, но из-за них здание казалось еще более темным и грозным.

Там все было в порядке. Марийка звонила, и Себеста звонил, доложили, что демоны ушли. Да Артур и сам знал: демоны не смогли разделить между двумя целями и предпочли больнице сортировочную станцию. Но больничный корпус выглядел так мрачно и тревожно, что всем стало не по себе: и людям, и упырям. Еще и ворота не спешили открыться: видеокamеры отключили тогда же, когда переворачивали зеркала и закрывали окна. Очень уж неприятное было на мониторах слежения, неприятное и неприятно-близкое, и Демон решил не воображать, будто эта близость, иллюзия.

Аудьярт посигналил, две «Стралы» нетерпеливо поддержали его, мигая фарами, и в конце концов их впустили на стоянку под защитой больничной стены.

Демонов здесь, кроме Демона, не было. И вообще все было нормально настолько, насколько все может быть нормально в больнице, которую больше часа осаждали демоны и весь персонал и пациенты которой очарованы вампиром.

Главный врач, о скверном характере которого знала вся Карешта, смягчился нравом и за всю ночь никому не сказал ни одной гадости, потому что Марийка посоветовала ему быть

добрее к людям. Из отделения новорожденных какой-то тать украл все букеты с цветами и притащил их в холл, снабдив записками о том, что это для Марийки. Два предприимчивых юных медика опустошили хранилище станции переливания крови и преподнесли добычу опять же Марийке в подарок. О том, что кровь, обработанная консервантом, в пищу не годится, они не подумали, думали только о том, чтоб сделать приятное и перепллунуть конкурента с цветами.

У Марийки был опыт массового очарования, но она никогда не оказывалась заперта с очарованными на одной территории, так что стоило Артуру войти в вестибюль больницы, как Марийка вылетела на улицу. Уже из-за порога помахала рукой, на одном дыхании выпалила:

– Я в Тагаре, приезжай, как закончишь, не могу больше... – и запрыгнула в «Стралу». Кажется, если бы перед ней немедленно не открыли ворота, Марийка проехала бы насквозь.

Хоть «дайн» и переводится как «подарок», а не бывает их без побочных эффектов, и, значит, все вампиры за свои таланты платят. Так или иначе. Ладно, цветы и кровь в красивой корзинке, это еще ничего.

Анна спала, Артур решил ее не тревожить. Роман уже тоже был здесь, уставший, но трезвый, сидел в палате, покачивал колыбельку с сыном. Артур так бы их и оставил, чего людей дергать, теперь-то, когда все уже в порядке, но Роман его увидел и вышел в коридор.

– Знаешь, и правда ведь, они себе же хуже делают, что бы ни творили, – сказал он без предисловий, – так всех напугали, что эти три мамыши, – Роман неопределенно махнул рукой вдоль палат, – тоже хотят детей крестить. Марийка говорит, Анна ничего им такого не сказала, только, что за Георгия не боится, потому что Господь сильнее любого демона. Остальное все страх сделал, а страх демоны сами нагнали.

– Это мы умеем, – подтвердил Демон, материализовавшись рядом и без приглашения вступая в разговор, – Артур ловит души бреднем, а демоны делают бредень все более частым. И если я чему и удивляюсь, так это тому, как мы с нашими талантами сами давным-давно не обеспечили Ифэрэнн христианами.

– Да потому что в князей верят. Князья и от других демонов защищают, и от вампиров, и от разных напастей. Чем больше демоны пугают, тем больше люди к князьям тянутся, – Роман уловил иронию Демона, но объяснял вполне серьезно, – мы тоже сначала думали, что Артур кого-то из них Богом называет, думали, на Трассе какой-то свой князь есть, про которого он знает, а мы нет.

– Стереотипы! – Демон закатил, было, глаза, но вдруг перестал выделяться и хмуро уставился на Романа. – Про князей я всегда знал, что им до людей дела нет. А теперь Сахра влез в человеческие дела. Получается, что люди правы, князья за ними присматривают? Артур, давай-ка заберем Себесту, вернемся в Тагар и по горячим следам все обсудим. Роман...

– Я тут буду, – Роман покачал головой, – в ваших разговорах я все равно одно слово из трех понимаю.

Собрались в доме Себесты. Димитрий Галапацан и оба строителя из его бригады: Яр Базулин и Рон Спиельман, сам Себеста, Марийка, Аудьярт, Рунко, Мубариз и Демон. Чуть позже к ним присоединились четверо почтальонов и совершенно неживая – не от горя еще, от растерянности – Нина Мальмваль.

– Я не знаю, куда ее... как с ней... – тихо, чтоб не слышала Нина, объяснил Карл, оказавшийся после гибели Юла старшим в почтальонской команде. – Соседок позвал, хотел на них оставить, а она ни в какую. Привез вот.

– Правильно сделал! – заорала с кухни Марийка, которая вроде вообще не должна была Карла слышать. Хотя дом махонький, для вампирского слуха десять метров от кухни до прихожей – не расстояние. – Нина, идите сюда! Нина, вы знаете, что Артур и эти ребята тех демонов насовсем прибили? Навсегда. Хорошо, что вы приехали, помогите мне на кухне,

пожалуйста! Эту толпу голодных парней кормить надо, а одна я точно не справлюсь.

Если Марийка и умела готовить, в чем Артур сильно сомневался, то десять минут назад она точно не собиралась этого делать. На кухню юная упырица ушла, чтоб посмотреть, сколько в холодильнике крови и надо ли заказывать еще. Себеста держал дома небольшой запас на случай визита Ласки или опять же Марийки, но сейчас-то в гостях было четверо упырей.

Нина из всего сказанного поняла, наверное, только, что нужно помочь на кухне и отправилась на голос как сомнамбула.

Марийка знает, что делает? Вряд ли. Но успокоить Нину она может, успокоить настоящего, вывести из ступора и хотя бы на время переключить мысли со смерти мужа на что-нибудь другое. Юл погиб так нелепо, что, наверное, все, что Нина почувствует, когда начнет осознавать реальность, это даже не горе, а злость. Бешенство, подобное тому, какое охватило Артура, когда он увидел, как провалились в огненную яму «Скадат» и «Стралы». Что ж, значит, Марийка правильно сделала, сказав, что демоны уничтожены. Душа Мальмваля оказалась в кабале у кого-то из тех пятерых. Это не то же самое, что продать душу, но из кабалы до рабства один шаг, и чтоб не сделать его, нужна огромная сила духа. А теперь, раз демонов нет, он свободен, он родится где-то в тварном мире, а может быть, уже родился. Для Нины, считающей Ифэрэнн единственной реальностью, утешение так себе, но она знает, что муж отомщен и его душа свободна. Уже хорошо.

– Не все сразу, – пробормотал Артур.

Нанего вопросительно уставились со всех сторон, живые и мертвые с одинаковым любопытством.

– Кто первый спросит «что это было?» – поинтересовался Демон. – Я не про глубокую мысль о том, что не все сразу, я про остальное. Что у нас есть? Князь, заинтересовавшийся людьми? Или князь, который не хочет, чтобы в княжества попало Священное писание?

– А это не то же самое? – спросил один из почтальонов, водитель фургона.

– Вот в этом и вопрос, Чин, в этом и вопрос.

– Вы четверо – доказательство того, что у Сахры был повод не впускать книги в княжество, – сказал Себеста, обращаясь и к Чину, и к остальным почтарям, – что-то вас спасло, демоны не смогли добраться. Они думают, что дело в книгах.

– Думают, что за книгами есть что-то еще? – уточнил Карл. – Мы молились, и телефон заработал, это же не книги сделали.

Разговор пока получался обрывочным. Все делились впечатлениями, рассказывали, кто что видел, до обмена мнениями и, как следствие, рассуждений дойдет еще не скоро. Но и спешить некуда. Поиск истины не терпит суеты, а они сейчас как раз пытаются искать истину. Пытаются понять, что происходит и какова в этом роль людей.

Марийка притащила из кухни здоровенное блюдо с печеной картошкой и каким-то мясом, Нина принесла несколько тарелок с зеленью и крупно порезанными овощами. Перед Артуром поставили глиняную миску с сухарями и запотевший кувшин с водой. Самое то в такую погоду. Снийв светлел, согревался, и, несмотря на толстые стены, хорошо сохранявшие прохладу, в гостиной постепенно становилось жарко. Людей много, места мало.

Ладно, Демон заметит рано или поздно, сделает прохладнее.

Сложно ему. Сложно, когда ты можешь очень многое, но тебя никто никогда и ни о чем не просит. Приходится самому догадываться, что делать. Приходится быть очень внимательным, все время ставить себя на место людей. Этак недолго и самому человеком стать. Демону пошло бы на пользу, да и всем, наверное, пошло бы на пользу, превратись он в человека. Что ж, может быть, когда-нибудь. Когда он заслужит. Или когда испытает что-то, что заставит его переродиться. В Ифэрэнн происходит много чудес. На Земле их происходило не меньше, но в течение веков, а то и тысячелетий, а здесь счет идет на недели. Словно Господь ждал, пока Его потерявшиеся дети захотят найти дорогу домой, и теперь показывает ее, чтоб они уж точно не заблудились.

– Сахра может объединять демонов, как бы вбирать их в себя, – задумчиво рассуждал Демон, – до сих пор нашим преимуществом было то, что они друг другу не доверяют, остаются каждый сам за себя. Сахра может это изменить.

– Я чувала вокруг больницы что-то одно, но очень большое, – подала голос Марийка, прислонившаяся к стене рядом с аркой, отделяющей кухню от гостиной.

– В огненной яме они тоже были пятеро, как один, – Артур кивнул, – отдирались друг от друга, только когда я доставал их Миротворцем. Но мы уже и так знаем, что Сахра вмешался, нам нужно понять почему. Чего он боится?

– Сомнений во всемогуществе? – предположил Демон. – Каждое княжество – это и есть князь, абсолютная власть, абсолютная сила. Князья могут все. Все, что только можно представить. И все остальное тоже. Сахра мог бы никогда не выпускать вас из морока, но выпустил же. Может, он не вмешивался, а просто дал тем пятерым возможность объединиться? Почему-то. Зачем-то. А может, он не вмешивался, потому что знал, что не всемогущ? Звучит как-то странно, – добавил он, подумав. – Князья всемогущи, это факт, все остальное домыслы, а это факт.

Артур даже удивился.

– Господь всемогущ, – напомнил он Демону, – вот это действительно факт. А больше – никто. Мы с Божьей помощью сильнее любого князя, сильнее всех демонов.

– А почему Он раньше не помогал? – поинтересовался один из охранников, Ильнур Алаев, оживленно участвовавший в разговоре, пока речь шла о боевых действиях, но притихший, когда тема изменилась.

– Вы не просили.

– Да мы же о Нем и не знали!

– Так и есть. Теперь знаете. Всеу свое время.

– Он вас создал. Тебе мало, что ли? – Демон со скрипом отодвинулся на стуле подальше от стола и закурил, но вместо табачного запаха комната наполнилась прохладной свежестью. – И это вот «никаких сделок с демонами», – произнес Демон противным голосом, вложив в слова все отвращение к главному правилу Ифэрэнн, – откуда, по-твоему, взялось? Пока вы с нами ни о чем не договариваетесь, мы вам ничего не можем сделать...

Аудитория к такому заявлению была явно не подготовлена, Демон это понял и пояснил, уже с меньшим пафосом:

– Убить можем, но это мелочь.

– Нет, не проповедник, – констатировал Себеста, оценив деморализующий эффект выступления. – Парни, он говорит о том, что демоны не могут получить наши души, если мы сами их не отдадим, потому что нас защищает Господь.

– А чтобы сделать больше, ему надо, чтоб мы знали, чего хотим, – добавил Карл Нильсон, – я ж вам объяснял. За этим в Тагар и едут, чтоб узнать, чего хотеть.

– Мне одному не хватает Ласки? – Себеста вопросительно оглядел всю компанию.

Ласка очень хорошо умела объяснять, но именно поэтому она была сейчас в больнице, рассказывала о том, что произошло ночью. Рассказывала так, чтобы люди сами поняли, что им лучше сделать. Чтоб узнали, чего хотеть... Артур невольно улыбнулся. Покачал головой:

– Ласка занята.

– Дело не в книгах, дело в людях, – заявил Демон, – ну и в вампирах, но не в книгах. Книги просто... руководство к действию. Инструкция для людей, как стать такими, какими Бог их задумал. Он же вас создал, а Он плохого не сделает, так что Артур прав, вы все равны князьям, если не сильнее. Нет, я не знаю, что может быть круче всемогущества, но если Артур прав и в том, что князья не... не всемогущи, то... получается, что ваша вера в Бога для них опасна. Она сделает вас такими, какими вы должны быть. А сам Господь как не вмешивался, так и не вмешивается. Он за всеми вами по отдельности присматривает, за каждым индивидуально, остальное вы сами делаете. Даже Артур сюда приехал, потому что так захотел, а не потому, что его кто-то прислал.

– И мы теперь что, враги князьям? – переспросил Ильнур. – С какой радости? Я в

школе в Ахтеке учился и военное училище там же заканчивал, и везде... да кого там, нам еще с ясель всем твердили, что князь хочет, чтоб мы были лучше всех и чтоб все были лучше всех.

– В каждом заложен талант, и не один, и князья хотят, чтоб мы их развивали, – объяснил Себеста сбивчивую мысль Ильнура, – это политика любого княжества. Демон говорит, князьям нет дела до людей, но я знаю случаи, когда они вмешивались. Люди удивительным образом спасались от смерти. И все они либо уже были... не скажу великими, но известными точно, либо становились такими. Талантливые люди. Разные.

– Князья и сулэмы из их свиты отличаются от других демонов так же, как святые отличаются от обычных людей. Им не нужны души, им не нужно становиться сильнее, я не знаю, что им нужно. Они – это Ифэрэнн. Что нужно Ифэрэнн? Если Себеста и Ильнур говорят правду, получается, что князьям нужно то же, что и Богу?

– Брат говорит, Богу нужно, чтобы люди вернулись к Нему, а князьям нужно, чтобы люди стали богами, – Марийка отлепилась от стены, сунула в карман телефон. – Ему, блин, весело, – пожаловалась она Артуру. – Будто он об этом все знает! Он сказал, – Марийка взглянула на Ильнура, – мы враги князьям не потому, что можем стать сильнее, а потому что Артур пришел, чтоб уничтожить князей, и мы просто попали в плохую компанию.

Глава 12

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

Ин.12 :24

До столкновения с Сахрой Артур не думал об уничтожении князей, он думал, что его дело в Ифэрэнн – рассказать людям о Боге и дать им и вампирам возможность спастись. До столкновения с Сахрой князья рассуждали так же, как он. Если верить Змею, во всяком случае. Тот прямо сказал, что сулэмы не считают Артура врагом, просто не знают, чего от него ждать. А ведь Альберт говорил, и правильно говорил, что миссионерство не его работа, его дело – война. Рейд в Ахтеке расставил все на свои места, обещание уничтожить Сахру вырвалось само, и Артур не жалел о нем ни тогда, ни сейчас. Тогда он был в ярости, теперь ярость прошла, но правда осталась правдой: он враг демонам, враг князьям. А они объявят врагами всех, кто последует за ним. Врагов нужно убивать, это верно для обеих сторон. Тем жителям Ифэрэнн, кто примет христианство, грозит смерть, и князья больше не защитят их ни от демонов, ни от упырей. Демонов князья будут поощрять, упырей... не будут, но только потому, что брезгают.

О судьбе принявших христианство вампиров Артур не беспокоился: их тела рассыплются в пыль, а крещенные души будут подвластны только Богу.

Понимали ли сами вампиры, что их ждет? Что смерть, которую символизирует крещение, будет для них настоящей?

Артур не знал. Казалось, пример Ласки, руки которой до сих пор не зажили полностью, пример Аудьярта и Рунко были достаточно убедительны. Еще убедительнее было то, что никто из упырей не мог войти в храм. На паперти из всех пор на их теле начинала течь кровь; те, у кого хватало смелости войти в притвор, получали ожоги, а если и это не останавливало, приходила боль. Вампиры не боятся боли, не считают ее настоящей, для них она не предупреждение о ранах или болезни, ведь они не могут быть ни ранены по-настоящему, ни больны. Однако боль, которая обрушивалась на них под сводами маленького тагарского храма, была такой, что вампиры отступали перед ней.

К счастью, стоило выйти наружу, из-под окружающей паперть колоннады, как боль проходила, и исцелялись ожоги, и даже выяснялось, что потеря крови совсем невелика. Но опасность для упырей храма, и вообще христианства, по крайней мере, христианских

символов, была очевидна. Однако они приезжали в Тагар и оставались. Ждали, когда Артур будет крестить Георгия и трех других новорожденных Карешты, ждали, когда он будет крестить лужан.

О новостях из Тагара они узнавали по своим каналам связи, принцип работы которых понимал только Альберт и объяснял слишком уж просто: «Да как у нас с тобой, только они не родня». Упыри могли связаться друг с другом быстрее, чем через юор, здешнюю глобальную сеть, но доступ к этим каналам был не у всех. Точно так же, как не все могли говорить с животными, или изменять скорость течения времени, или управлять стихиями... вампиры, как люди: у всех свои таланты.

Люди, впрочем, тоже знали о готовящемся таинстве, и к дню, на который было назначено крещение, в Тагаре и Кареште снова не хватало места для всех приезжих. Снова были разбиты палатки, снова на износ работали водоноши, а курьеры из закусочной Саула сбивались с ног, развозя заказы. И в городе, и в поселке царила атмосфера то ли пикника, то ли близкого праздника, но крещение и было праздником. Оно, хоть и символизировало смерть, но за этой смертью следовало воскресение, возрождение для вечной жизни. Чего ж не радоваться?

Артур был готов к тому, что нужно будет исповедовать лужан и еще многих людей из тех, кто строил Тагар. На исповедь приходили и упыри, список их грехов зачастую ужасал, а исповедь, естественно, отнимала больше времени, чем человеческая, и все же Артур успевал, даже с запасом. Однако когда в Карешту хлынул поток гостей, стало ясно, что за восемь дней с исповедями не уложиться – о крещении попросили еще пятьсот человек.

Все это вместе: оглашение, исповеди, наречение имен младенцев – занимало время целиком. И, чудны дела Господни, злоба демонов вновь обратилась против них же, потому что единственным испытанием, которое следовало пройти оглашенным, стало желание креститься. Крещение означало войну с князьями, в Тагаре и Кареште об этом знали все. Это было отречение от князей, от прежних защитников, от прежних правил, от всей прежней жизни. Жизнь новая обещала быть полной опасностей. Может быть, очень недолгой. И, возможно, очень страшной. Если люди не боятся этого, какие еще нужны доказательства?

– «Я бы на твоём месте их самих боялся, – ворчал Альберт, который, будто на Земле дел мало, звонил чуть не в каждый перерыв между исповедями. – Нет никакого смысла связываться с тобой и твоим Богом, когда у них есть князья. Арчи, они психи! Они ненормальные и опасные».

И ведь договаривались же не спорить об этом. Точнее, младший никогда ни о чем таком не договаривался, это Артур старался избегать разговоров о христианстве. Так повелось еще с Единой Земли: стоило задеть эту тему, как они с Альбертом полностью переставали понимать друг друга. Говорили на одном языке, но не могли друг друга слышать. Люди выбирали между возможностью стать как боги и возможностью вернуться к Богу, для Артура выбор был очевиден.

Для Альберта тоже.

К счастью, сейчас у Артура не было ни времени, ни сил на то, чтобы спорить. А то опять разругались бы вдрызг, а из Ифэрэнн к младшему с коробкой конфет мириться не придешь. Далековато.

В последний день, ближе к вечеру, Тагар посетила Рена. Пришла пешком в компании двух больших рыжих собак. Если у нее и были телохранители, то этим вечером никто из них не сопровождал правительницу. А скорее всего, их просто не было. В Кареште Рене не грозила никакая опасность, а за пределами города телохранителями могла стать любая из ее боевых стай.

Весть о том, что Рена изменила маршрут ежедневной прогулки, разлетелась по Тагару задолго до того, как правительница вошла в поселок. Артур встретил ее на маленькой площади перед храмом, Себеста и Марийка болтались поодаль, делая вид, что оказались здесь совершенно случайно. Демон развоплотился и делал вид, что его вообще нет. Всем было ужасно интересно. Кроме Артура. Тот думал, что дела на сегодня закончены, и

собирался остаток вечера и ночь провести в молитве, отдохнуть перед завтрашним таинством. Любопытства у него хватало лишь, чтобы лениво размышлять о том, что он уже нарушил все традиции всех конфессий, и, видимо, завтра будет нарушать те, которые еще и не придуманы.

– Я хочу исповедаться, – сказала Рена, – и креститься завтра вместе со всеми.

Артур себя почувствовал так, будто в позвоночник воткнули пару электродов. Усталость как рукой сняло, но изумился он так, что засомневался, не начались ли галлюцинации.

– Я хочу спастись, – произнесла Рена терпеливо, – у меня есть шанс спасти свою душу, и я хочу им воспользоваться.

Упыри-эмпаты становятся очень неприятным явлением, когда ты чувствуешь себя идиотом. Гораздо приятнее иметь дело с эмпатами, чувствуя себя властелином мира или хотя бы кем-то, у кого есть мозги, чтобы думать.

– Ренатир я отдам тебе, – продолжила упырица, пока Артур пытался перестать думать об эмпатах, – с тобой останутся шестеро моих социалов и все боевые стаи. Сорок шесть вампиров, на которых ты можешь положиться.

Она знала, что крещение – это смерть. Еще она знала, что крещение – это начало новой жизни, вечной жизни. Для упырей, в отличие от людей, эта новая жизнь должна была начаться сразу на Небесах. Артур верил, что так и будет, но он представить не мог, что есть упырь, который верит так же. Упырь, который не боится уничтожения своего тела.

– Пойдемте тогда, – Артур чуть было не предложил правительнице руку, но вовремя вспомнил, что мертвецы не одобряют прикосновений, – исповедальня для вампиров у меня дома.

– Они все хотят креститься завтра, – сообщила Рена следующую новость, едва не вогнавшую его в ступор, – все, кто приходил к тебе на исповедь. В моем случае это связано с большим количеством формальностей, поэтому я предупредила заранее. Об остальных ты узнал бы только завтра. Тебе не страшно, рыцарь? В твоих руках их жизнь.

– Нет, не в моих. Вы же отдадите души Богу.

Страшно, действительно, не было. Артур, правда, предпочел бы, чтоб люди не видели, как будут крещены упыри. Но, с другой стороны, этим людям Ласка пересказывала истории из Ветхого Завета, а кто-то уже и сам прочел Писание. После этого чтения увидеть, как кто-то сгорит заживо во славу Божию, не такое уж испытание для нервов.

Крещения ждали как праздника, к нему готовились как к празднику, и этот день, едва начавшись, стал казаться особенным. С самого утра, с голубого снийва, который по какой-то неведомой прихоти природы оказался пронизан золотыми нитями. Небо отражалось в реке, и вода тоже стала синей и золотой, а еще в ней отражались цветные палатки, пестрые флажки, воздушные шары и нарядные люди. Упыри, сосредоточенные и серьезные, праздничной атмосферы не нарушали. Даже те, кто приехал из княжеств, уже привыкли воспринимать их как защитников, гарантию безопасности, и чем серьезней упыри выглядели, тем надежней казались.

Марийка, Демон и Себеста устроились на крыше дома Артура. Дом стоял ближе всех к храму, прямо через реку от него, на пригорке, так что с крыши просматривался весь берег аж до самой Карешты. Демон сказал, что Альберт тоже здесь, но никто больше его не видел. Все трое по десять раз уже спросили друг у друга: «нервничаешь?» и десять раз заверили, что нет.

– Спокойны, как мертвые, – ядовито прокомментировала Марийка, когда вопрос и ответ прозвучали в очередной раз. – По-моему, мертвяки сегодня больше всех дергаются. О, смотрите, смотрите, Артур весь золотой! Сейчас начнется, да?

О порядке совершения таинства они знали, Артур проводил инструктаж. В основном для вампиров, которые обеспечивали безопасность, но и для всех, кому интересно, тоже. Про золотое сияние он, правда, не говорил, но он о нем и не знает; Альберт объяснял, что Артур

понятия не имеет ни о том, что у него нимб есть, ни о том, что он иногда светится. А если сказать, не поверит, так что лучше и не пытаться.

– «Воду святит», – подал голос Альберт.

Марийка вздрогнула от неожиданности, Себеста хмыкнул и сказал:

– И тебе доброе утро.

– «Доброе, не вопрос, – Альберт сделал паузу, – он сейчас экзорцизм начнет читать. Все готовы?»

– Я-а... не уверен, – протянул Демон, которого о молитве, конечно, предупреждали, но, видимо, не так угрожающе, как это получилось у Альберта.

– «Тогда держись крепче», – посоветовал бездушный Артуров брательник.

И тут вода в реке тоже засияла золотом, чистое, прозрачное зарево поднялось до самого неба. Золотая, просвечивающая синим завеса, тонкая и нежная, как самый дорогой эсименский шелк.

Люди входили в этот свет без страха, их силуэты ярко вспыхивали, а потом исчезали, поглощенные золотым сиянием. Даже странно, разве это не должно пугать, разве люди не должны бояться всего необычного? Марийка сидела, обхватив колени руками, смотрела на реку, говорила себе, что, если бы она вошла в это золото, она сгорела бы. И все равно было не страшно. Наверное, потому, что она знала, что не пойдет туда.

Артур беспокоился о том, что люди и вампиры увидят, как сгорят Рена и другие мертвые. Получается, что зря беспокоился. Потому что в золотом свете таяли все: и мертвые, и живые. Просто живые потом выходили обратно, счастливые, все еще будто светящиеся, наверное, это потому, что с них водопадами стекала вода. Живые выходили, а вампиры – нет. Они остались там, среди синевы и золота. Может быть, им даже больно не было?

Марийка вопросительно взглянула на Демона:

– Им было больно?

Тот кивнул. А потом погасил сигарету, сломал ее, слишком сильно вдавив в пепельницу, встал и подошел к краю крыши.

– Я тоже хочу.

– «Ополоумел? – спросил Альберт. – Тебе нельзя!»

– Это почему?

– «Ты не постился».

– Я вообще не ем.

– «Не исповедовался».

– Это не обязательно, вода все грехи смывает.

– «Ты умрешь».

– Я одна сплошная бессмертная душа, как я могу умереть? Я хочу креститься, что, я хуже людей? – Демон сунул руки в карманы, приняв крайне независимый вид, и шагнул с крыши вниз.

Нет, тут было невысоко, одноэтажный домик, до земли чуть больше трех метров. Но Марийка все равно подалась вперед, к краю, чтоб убедиться, что этот придурак ничего себе не сломал. Придурак бодро топал к речке, все так же, руки в карманах, походочка, как у шпаны с городской окраины. На подходах к берегу, показалось, будто ему в лицо начал дуть сильный ветер, по крайней мере, так это выглядело для Марийки и Себесты, наблюдавших издали. Волосы взметнулись, полы расстегнутой куртки захлопали, как паруса, Демон наклонился вперед и продолжал идти.

Что там было, в этом ветре, которого не чувствовал больше никто? Лед? Острые камни? Взвесь шлифовальной пыли? Одежду и кожу словно полосовали острые когти, царапин и разрезов становилось все больше, по мере того как Демон приближался к Артуру. Розоватой взвесью разлетелись капли крови.

– Если он развоплотится, ему разве не проще будет? – спросила Марийка у Себесты и Альберта одновременно. Кто-то из них, наверняка, знал ответ.

– «Если он развоплотится, он вообще к Артуру не подойдет, – сказал Альберт, – хотя

шансов и так немного».

– Может, он прав насчет исповеди? – заговорил Себеста, глядя, как Демон идет сквозь ветер. – Если это не искупление, то наверняка испытание. Выдержит, значит, дойдет.

– А если не дойдет не потому, что не выдержит? – Марийка передернула плечами, – если он просто умрет, и все?

– «Одна сплошная бессмертная душа, хрен там он помрет, – недовольно бросил Альберт. – Психи долбанутые! Себеста, а ты почему здесь, а не там?»

– Потому что не псих? – это прозвучало как вопрос, так, будто Себеста и сам искал причину, по которой он передумал креститься.

– А правда почему? – спросила Марийка, не отрывая взгляда от Демона. Он мог умереть, он правда мог умереть, не насовсем, но по-настоящему, а это еще хуже. Лишиться тела сейчас, это было бы для него то же самое, что услышать, что он никогда не сможет спастись.

– Потому что пока для меня крещение – это решение проблем и ответ на вопросы, – ответил Себеста задумчиво, – а должно стать выходом за предел всех проблем. Это же изменение, переход в другую жизнь. Я хочу измениться до того, как пойду туда, а не после.

– «Гордыня, – констатировал Альберт тоном знатока. – Думаешь, ты лучше других или сильно хуже других и то, что им подходит, тебе не годится?»

– Артур грехи ярлыками не лепит.

– «Ну так я-то не Артур».

Марийка ахнула и вскочила:

– Смотрите!

Порыв ветра, последний, самый сильный, сорвал с Демона остатки одежды и плоти. Какое-то мгновение, доли секунды, различимые, наверное, лишь для вампиров, по берегу двигался голый костяк. А потом на его месте взметнулся вращающийся столб пламени, из которого выросли, распахнулись на десятки метров два огненных крыла. Пылающий крылатый смерч легко скользнул к Артуру, ветер больше не останавливал его, даже как будто сделал быстрее и сильнее.

Хотела бы Марийка знать, о чем они говорили, Артур и огненный вихрь, гибко склонившийся к нему, разбрасывающий во все стороны оранжево-золотые протуберанцы. Но о чем бы ни шел разговор, он получился коротким и закончился тем, что Демон – это ведь все еще был он? – так же легко и стремительно влетел в золотую завесу. Она расцвела алым, заискрилась, колыхнулась, будто и правда была соткана из шелка. Над водой взлетели тысячи искр, сотни тысяч, сверкающие бабочки, блики от граней огромного бриллианта, и все стихло.

Марийка почувствовала запах крови, повернулась к Себесте. Тот тоже поднялся на ноги, стоял рядом с ней, сжав кулаки так, что ногти поцарапали ладони. Он, кажется, не дышал. Марийка тоже, но... ей и не надо.

Что там с Демоном? Он тоже? Как Рена? Но он же не был мертвым! Он не должен был...

Она выдохнула, когда Демон вышел из воды. Нормальный Демон. Только голый и с крыльями. С огненными крыльями, с которых потоками лилась вода. Он как-то очень по-птичьи растопырил крылья, так что перья встали торчком, встряхнул, разбрасывая искры и брызги.

– И правда, бесполой, – пробормотал Себеста.

Ох, как Марийка его сейчас понимала! Надо было хоть что-то сказать, чтобы не взорваться от эмоций. Себеста сказал, а она вот молчала, и ее уже начало потряхивать.

– У него... волосы от крыльев не загорятся? – нашла она наконец. – Огонь же!

– А он со своей шевелюрой носится, да, заметила? – Себеста ухмыльнулся. – Как девчонка.

День закончился. Снийв из белого стал голубым, потом синим, потом потемнел до

глубокой фиолетовой тьмы. На берегу реки и в палаточном лагере еще горели костры, оттуда еще слышны были голоса, но постепенно усталость забирала всех, и крещеных, и некрещеных, и причастных Таинств, и зрителей, и горожан, и гостей.

Карештцы вернулись в свои дома, тагарцы – в свои, кто-то повел друзей под свою крышу, кто-то остался ночевать у друзей в палатках.

А собрались опять в доме Себесты. Так уж сложилось, что и по делу, и без дела встречались у него, а не у Артура.

– У тебя дома хочется говорить шепотом, не пить ничего, кроме воды, и ноги на стол не положишь, – объяснил Роман. Нарушивший пост из-за рождения сына, он с тех пор ничего, кроме воды, и не пил. Но дело было, конечно, не в выпивке.

– «Это потому, что у него там исповедальня для вампиров, превратил дом в церковь и рад, – младший сегодня был настроен особенно скептически. Он так и не понял, почему люди предпочли христианство спокойной жизни, он действительно считал их всех ненормальными, возможно, опасными, и поэтому нервничал. – Ну хоть какой-то смысл во всем этом был, у вас появился начальный капитал».

– Расскажи им, – попросил Артур Демона, – никто, кроме Альберта, не знает, что ты сделал.

– Альберт тоже не знает, но он зато про деньги все понял.

– «Был бы у тебя брат тамплиер, ты б тоже про деньги научился первым делом все схватывать», – буркнул Альберт.

Демон развалился в кресле со стаканом в руке, крылья ему не мешали, они погасли и стали бесплотными.

– Я выбрал стать человеком. Теперь у меня, как у вас, только душа и тело. Ну крылья еще.

– У тебя же не было крыльев? – уточнил Роман.

– Это подарок. Не спрашивай, я сам пока мало понимаю. Теперь у меня есть крылья, и теперь я человек, только бесполой и крещеный. И я смог отдать Артуру все саолы, а Артур смог их взять. Поэтому мы сможем обеспечить жильем и работой всех христиан. Всех, сколько их есть на данный момент, по крайней мере.

– Они захотят вернуться домой, – сказал Себеста.

– Понятно, что захотят, но, когда поймут, что там не жизнь, все равно ведь вернутся.

– Или нет. Ты не знаешь. Они не побоялись стать врагами князьям, думаешь, они побоятся проповедовать в княжествах? Это ты считаешь, что там теперь не жизнь, а для них это жизнь, просто другая.

– «Деньги вам нужны будут на то, чтобы защищать их и себя, – вмешался Альберт, – потому что у нас уже проблемы. Карешту отрезали от юора».

Юор – это информация. Просто информация. Любая. В том или ином виде он пронизывает все, весь мир или, если верить Альберту, все миры, все живое и неживое, материальное и нематериальное, существующее в реальности и в воображении. Все, значит, все. Где-то там же, в юоре, обитают некоторые демоны. А князья, помимо много другого, как раз юор и есть. Это одна из основ их власти в княжествах, понятная Альберту, кстати, в отличие от музыки, в которую младший вообще не верит. Князь властен над юором своей земли, может менять его по своему усмотрению, отменять или, наоборот, делать действительностью любые события, в любую сторону поворачивать ход времени, а то и вовсе останавливать его. А еще князь может закрыть юор. Сделать недоступным.

Так просто, что даже не очень верится. Вся связь идет через юор, вся информация, даже бумажные письма или... что угодно, газеты, книги. С бумажными носителями задача решалась доставкой их адресату, но все остальное показалось неразрешимой проблемой. Когда наконец в полном масштабе осознали, что произошло, тогда же и поняли, что теперь христиане не только не смогут связаться с княжествами по телефону или через сеть, они теперь не смогут даже общаться с людьми на территории княжеств. Их не услышат. Может

быть, даже не увидят. Не воспримут ничего из того, что они могли бы рассказать.

А ведь полтысячи человек, принявших вчера крещение, были из княжеств, и они собирались туда вернуться.

– Вампиры их услышат, – пообещал Демон, – но это только хуже, потому что тогда христианам будет прямая дорога в Стадо. В Стадах не так уж плохо, – добавил он справедливости ради, пока Ласка ничего не сказала по этому поводу, – у больших стай Стада – это общины со своими правилами, люди в них живут почти обычной жизнью, но в любом княжестве, кроме Эсимены, Стада вне закона. Уходить туда никто не запрещает, но относиться начнут как к вампирам: любой может ограбить, убить, уволить без выходного пособия... Что еще можно плохого сделать? – Он вопросительно взглянул на Себесту.

– Никакой страховки, никаких кредитов, никакой помощи, даже детей в государственную школу не отправишь, хоть дети и не в Стаде. Их вообще отобрать могут, кстати говоря. А почему ты у меня спрашиваешь, что плохого можно сделать людям?

– А у кого? – удивился Демон. – Я пока еще вообще безгрешный. И если не задумаюсь над своей половой принадлежностью и не решу, кто я, у меня есть все шансы оставаться безгрешным до смерти. Но теперь-то всем ясно, почему у нас такая странная компания подобралась?

На него вопросительно воззрились все, включая, кажется, Альберта. Младшего видели только сам Демон и Ласка, но судя по тому, что он молчал, а не заявил, что ему-то давно все ясно, он тоже ожидал продолжения.

– Да Поместье же! – Демон закатил глаза. – Дом Марийки. У них там свой юор, который полностью под контролем ее брата, Марийка может с ним связаться, с братом, и он предоставит нам выход в юор, временный или постоянный, это как договоримся. В постоянный я не верю, потому что Наэйр нам враг, но хотя бы временный, это уже хорошо. По крайней мере, те из христиан, кто, въезжая в свои княжества, разобьется на границе, смогут связаться с родственниками или вызвать спасателей. Если не убьются насмерть, конечно. Но сейчас их насмерть убивать неразумно, потому что они еще нагрешить не успели.

– «Он мне нравится, – заметил Альберт, – он как ты, Арчи. Умудряется быть христианином и прагматиком одновременно. Только он еще и циник».

– Я романтик. – Демон обиделся. – У меня крылья есть!

Марийка, сидевшая верхом на стуле, положила руки на спинку, а подбородок на руки и задумалась.

– А зачем Наэйру нам помогать?

– Затем, что тебя нельзя заблокировать от юора, мало ли что с тобой может случиться.

– Но с ним-то я всегда могу связаться.

– А ты скажи, что не будешь.

– Шантажировать Наэйра?

– Князя же нас шантажируют. А он с ними заодно.

– С ними шантажом ничего не решишь, – не выдержал Артур, – с ними нужно либо честно, либо сразу насмерть.

– «Мне он никакой не враг, – сказал Альберт, – наоборот, союзник, одно дело делаем...

– Он задумался. – Мир от Артура спасаем. Нет, со Змеем точно не выгорит».

Марийка ушла в себя, даже глаза закрыла, начала тихонько раскачиваться вместе со стулом. Себеста не без тревоги слушал поскрипывание креплений. Марийка легкая, но и стул не железный.

– Наэйр говорит, нам нужна Ойхе, – произнесла Марийка, не открывая глаз, – Артур, он сказал, что поможет тебе, если ты, когда придет время, не станешь помогать Волку.

Артур глянул на Демона, слышал, мол? И кто кого шантажирует?

– Никаких сделок с... гадство, – Змей был ангелом, что сильно портило традиционную формулу безопасности, – короче, никаких сделок с ним! Я еду в Эсиму. Заодно отвезу туда книги.

– А то демонологам читать нечего, – с притворным пониманием продолжила Ласка. – Очень любезно с твоей стороны. Ты поедешь в Эсиму, а кто в Кареште останется? Храм, службы, требы, кто, кроме тебя, это делать сможет? Те из наших, кто были священниками в тварном мире, сегодня наконец упокоились. Ты, может, на весь Ифэрэнн один теперь.

– Карешту и Ренатир пока можно оставить на социалов, они управляли землями при Рене, она была уверена в их верности, значит, мы тоже можем им доверять. Служить в храме будет Демон. А ты ему поможешь.

– Я не могу помогать ему вести службы! – Ласка взмахнула сигаретой. – Ты думаешь, что говоришь?! Я даже в храм не могу войти!

– Ласка, ты помогала мне сегодня и справилась. Ты весь день читала за диакона. И обошлось даже без головной боли.

– Я не... это было не в храме. И все равно все было не по правилам, мы даже не знаем, где запад, а где восток, можно было нарушить еще немножко. Кто-то же должен был тебе помогать!

– Запад слева от красного столпа, восток справа. А ты настолько переживала о Рене и ушедших с ней священниках, что вообще не вспомнила ни о каких правилах. Ты можешь войти в храм, можешь войти в алтарь, можешь помогать Демону.

– Артур, не сходи с ума! Даже если... все равно нельзя. Я не крещена. Я вампир. Да я вообще женщина!

– И что? – буркнул Демон. – Я, может, тоже.

Альберт ржал. Он покатывался от хохота, изредка стонал: «помедленнее, помедленнее, блин, я записываю!» и снова терял дар речи от смеха. Марийка сидела, вцепившись в спинку стула, притворялась мертвой, и, кажется, только благодаря этому у нее получалось не смеяться.

А еще у Артура было нехорошее подозрение, что братец там, у себя, не один. И что проклятый Змей, Исполняющий Обязанности Вселенского Зла, веселится на Земле на пару с Альбертом. Гад ползучий! Попробовали бы сами, когда традиции не работают, кругом одни вампиры, стороны света не различить, а в реке течет святая вода! Их бы сюда, и Змея лучше прямо в реку. Вот тогда бы, может, Артур и сам посмеялся.

Глава 13

*Золото и жемчужины – словно пламя огня. Смотришь на них –
загорается тело, дотронешься – сгоришь.*

Кабир

Когда за рулем была Марийка, Артур старался спать или по крайней мере сидеть с закрытыми глазами, чтобы не видеть ни спидометр, ни проносящиеся за окнами пейзажи. «Скадат» мчался со скоростью чуть выше двухсот километров, не сравнить с тем, как ехали с Аудьяртом в Ахтеке под дайнами и с кровью, в четыре раза медленней, чего уж там. Но Артур не доверял женщинам за рулем, а Марийка впадала в неистовство при малейшем намеке на сексизм. Сказывалось трудное детство, проведенное в невыносимо патриархальных условиях. Все понятно, все объяснимо, но впавшей в неистовство женщине за рулем Артур не доверял вообще.

Поэтому делал вид, что спит и ничего не видит. А получалось, что полностью в Марийке уверен.

Доверял он ей или нет, ехали все равно намного быстрее, чем он добирался бы в одиночку. В прошлый раз путь в Эсиму занял четверо суток, в этот раз – тридцать часов. Даже с учетом остановки в Уэлане, которую сделали, не сговариваясь. Нельзя отказывать себе в удовольствии полюбоваться уэланским небом. В эти дни оно светилось нежной зеленью с проседью серебра и светлого ультрамарина, прозрачные слои красок сменяли друг друга, иногда небо вспыхивало почти земной синевой, а над склонами гор, золотыми от

незнакомых цветов, в синеве словно засияло солнце.

Настоящее солнце, а не черная дыра, каждое утро открывающаяся в середине неба.

Артур слышал, что иногда, очень редко, в этой тьме можно увидеть звезды. Но видно их было только из центра капища в диких горах Кабира, и о том, что это звезды, не знал никто из прихожан или приезжавших на капище туристов. В Ифэрэнн думали, что это души людей, ставших богами или каким-то иным образом выполнивших свое предназначение.

Упыри знали о звездах, знали о солнце, знали о том, что дыра в небе – это выход из Ифэрэнн, до которого никто никогда не сможет добраться. Там, на той высоте, не летали даже птицы, там невозможно было летать. Снийв, такой красивый, не был небом, не был воздухом. Он был как вата. И как в вате в нем завяз бы любой, имеющий крылья. Да и куда вел этот выход? Ответа «отсюда» недостаточно, чтобы хоть кто-то рискнул попробовать.

Потому что здесь было красиво. По-настоящему красиво. Красив был не только снийв, полный света, глубины и подлинных красок неба, красива была земля: холмистые степи, дикие горы, глубокие реки; города как цветы, цветы как сказка. Здесь даже сказка была, страшная, людоедская, но невыразимо красивая.

И здесь была настоящая жизнь. То, что тела обитателей Ифэрэнн были лишь видимостью, ничего не меняло. В конце концов, тело – это инструмент, а живет и радуется или горюет, влюбляется или расстается, молится Господу или проклинает Его не тело, а душа.

Артур думал, что, если бы он мог добраться до зияющего в небе черного провала, он все равно не стал бы этого делать. Ему нравилось в Ифэрэнн. Хотя знать о том, что красота этого мира – заслуга князей, а его задача в этом мире – война с князьями, было странно.

Они проехали по хрустальному мосту и покатались по широким улицам Сидены, в центр города, мимо небоскребов, величественных, как айсберги, и легких, как блики солнца на воде, туда, где дома с плоскими крышами и кружевными галереями утопали в садах, а журчание фонтанов было мелодичным, как птичье пение.

Машину оставили на одной из подземных парковок: до дворца Ойхе нельзя было доехать, только идти пешком. Ее придворные пользовались порталами, а гости могли в полной мере насладиться прогулкой по старинным кварталам. Или, если очень уж спешили, – доехать до дворца под землей. Там, по слухам, тоже было довольно красиво, на тоннели не пожалели изразцов и узорной резьбы, но ни Артуру, ни Марийке совсем не хотелось под землю. Как бы они ни спешили, ожидать, что Госпожа сегодня же даст им аудиенцию, было нельзя, так что лишние полчаса ничего не меняли.

Дворец походил на перистое облако, или на жемчужину, изузоренную тончайшей резьбой, или на застывший свет белого снийва. Он не походил на обиталище Ночи; Артур скорее поверил бы, что это день уходит сюда отдыхать, уступая место темноте. Даже листья на деревьях в окружающем дворец парке и то были белыми и серебристыми. Присыпанные серым гравием дорожки, причудливые фонтаны, яркие мазки цветов на клумбах, а над всем этим громада дворца, который, кажется, вот-вот оторвется от земли и поднимется в небо, где ему и место.

Никакой стражи ни в парке, ни в дверях. Резные ворота гостеприимно распахнуты, сразу за ними огромный зал, узоры перламутровой мозаики, статуи, картины, негромкая музыка, неожиданное многолюдье. Это вход во дворец Госпожи, но это и один из музеев Эсимены. Анфилада залов по периметру дворца, открытых для публики, представляющих самые разные сокровища, самые красивые и удивительные произведения искусства.

– Нам туда, – Марийка дернула Артура за рукав, пока он не забыл, зачем они вообще пришли во дворец, – под ту арку. Это портал в приемную.

В сравнении с роскошью музея, приемная показалась бедной, бледной и очень строгой. Светлый мраморный пол, функциональная, добротная мебель, простая стойка для оружия, из украшений только живые растения. Ощущения строгости не умалял даже фонтан, в конце

концов, тут повсюду были фонтаны, кажется, в Эсимене их использовали вместо климатизаторов. То ли считали более интересными, то ли более эффективными, а скорее всего, именно климатизаторами фонтаны и были.

Артура приятно порадовало то, что с его появлением ничего не сломалось, не отключилось и не начало подавать сигнал тревоги. А могло бы. Дворец был не просто напичкан магией, он из нее состоял. Хотя, может быть, не из магии, а из музыки. Тогда да, тогда понятно, почему все работает без сбоев.

– Тут, кроме нас, куча народу, – сообщила Марийка конфиденциально, – вот прямо здесь, но с разницей во времени что-то... в какие-то доли секунды, короче. Я без понятия, это Назйр рассказывал. Сейчас будут спрашивать про цель визита и...

– Артур Северный и госпожа Марийка, – прозвучал бесполой мягкий голос. – Госпожа готова принять вас, если вы, господин Северный, оставите топор.

– Что, прямо сейчас? – Марийка озвучила их общие мысли.

– Да.

Лаконично. Но непонятно. То есть со сроками все ясно, но за что вдруг такая милость?

Артур поставил Миротворец в стойку. Направляющие, вырезанные из ароматного дерева, были как будто специально под его топор и сделаны. А ведь Миротворец вроде как никаким стандартам не соответствует. Великоват.

Времени на то, чтобы удивиться или хотя бы подумать над совпадением, ему не дали. Обстановка изменилась: теперь Артур и Марийка были в небольшом круглом зале с прорезными стенами, сквозь которые открывался круговой обзор на дворцовый парк. Красивое зрелище. Наверное. Но Артуру сразу стало не до пейзажей.

Он увидел эту женщину, девочку, черноволосую, стройную до худобы, нежную и отчаянно нуждающуюся в защите. Со смуглого лица в упор смотрели глаза, огромные, черные, ясные. Только глаза: с головы до ног девушка была закутана в шелка, неяркие и плотные. Артур видел тонкие кисти, узкие босые ступни, видел выбившуюся из-под платка черную вьющуюся прядь пушистых волос. Но взгляд снова притягивали ее глаза, глубокие омуты, полные тепла, и понимания, и радости, и... безумия.

Он моргнул, тряхнул головой, пытаясь прогнать наваждение.

Она не была безумна. Что бы с Ней ни случилось, какую бы страшную потерю Она ни пережила, сколько бы боли ни вынесла, Она не была безумна. Потому, что верила, и потому, что знала, в чем смысл Ее боли и потерь.

А эта женщина была сумасшедшей. В первые мгновения показалась похожей на Нее, заморозила, поразила, едва не зачаровала, но... нет, иллюзия рассеялась, чары спали. Все закончилось.

Артур поклонился Ойхе, та медленно кивнула в ответ. Платок сполз с головы, копна черных кудрей вырвалась на свободу. Красивая женщина, настоящее чудо Господне, она была первой, и это капля ее крови во всех других женщинах делает их... соблазняющими, волнующими, любимыми. Разными. Делает их женщинами.

– Перестань молиться. – Ойхе протянула Артуру руку, оказалось, что под слоями шелка ее запястья были украшены браслетами. – Это не очень-то вежливо с твоей стороны, Артур Северный. Ты Ее рыцарь, но сейчас ты у меня в гостях.

– Я не перестану молиться, Госпожа. – Артур старался быть вежливым, но улыбка сама напознала на губы. – Я всегда молюсь. Теперь и за тебя тоже.

– Я лучше Ее!

– Вас нельзя сравнивать, Госпожа. Ты – Первое Творение, ты совершенна, а совершенство ни с чем не сравнить.

– А Она? – спросила Ойхе с ехидцей.

– А Ее я люблю.

Ойхе фыркнула и, поведя плечами, стряхнула с себя шелковые покрывала, оставшись в шальвар-камизе, кажущийся строгим покроем которого, увы, лишь делал ее тело еще более соблазнительным. Смотреть на Госпожу Ночь было радостью и испытанием одновременно.

Пытка наслаждением... до этого момента Артур думал, что так бывает, только когда занимаешься любовью и тянешь время, каждое мгновение превращая в заполненную желанием и удовольствием вечность.

Да что ж такое?! Он думал, что чары спали? Куда там! Они просто изменились.

Ойхе улыбнулась, ее голос стал мягче, но, к счастью, серьезней.

– Это я посоветовала остальным закрыть для вас юор. Иначе ты никогда бы сюда не приехал или приехал бы слишком поздно. Отправить демонов за Библиями тоже придумала я. Князя, ты ведь знаешь, не считали тебя врагом, да и ты, добрый христианин, говорят, водил дружбу с сулэмами там, у себя на родине. Марийка, – Ойхе взглянула на девушку, – привет. Прости, что сразу не поздоровалась, это испортило бы весь эффект.

– Да что-то я эффекта не вижу, – буркнула Марийка, смерив Артура выразительным взглядом, – могла бы и не затрудняться.

«Вот кобры!» – Артуру захотелось сунуть руки в карманы и плюнуть на пол или еще что-нибудь сделать... такое... антикобриное. Именно так поступил бы Альберт, поэтому Артур сдержался: еще не хватало брать пример с младшего брата.

Ойхе и Марийка обменялись улыбками, в которых, надо признать, яда было все-таки меньше, чем дружелюбия.

– Чего ты от меня хочешь, Госпожа? – спросил Артур.

– Войны с князьями. Но это далеко идущие планы. А прямо сейчас я хочу открыть для христиан и Ренатира юор Эсимены... собственно, это уже сделано, ты можешь сообщить своим людям, что они снова в юоре. И еще, Артур, я хочу дать тебе ангу. В Ифэрэнн невозможно ходить напрямик, но анга – это выход в любую точку Эсимены или Трассы. На твердую землю и под открытое небо, – уточнила Ойхе, и уточнение прозвучало как формула. – А из Эсимены ты сможешь пойти в любое княжество. Но только в столицу. В определенное место каждой столицы, туда, где расположена моя резиденция. Когда за христиан возьмется всерьез, тебе очень пригодится возможность быстро попадать в разные княжества. Возможно, вместе с тобой в ангу смогут пройти еще несколько человек... или вампиров. – Ойхе взглянула на Марийку. – Вампиры даже лучше, правда? Мои прекрасные дети.

Анга представляла собой гибкую, упругую полоску с цифрами, сделанную из тонкого пластика. Активировалась она набором шестизначного кода, проецировала крошечное, не больше ладони, трехмерное изображение княжеств и пронизывающий их луч Трассы. Дальше нужно было выбрать какую-нибудь из столиц или точку выхода в Эсимене или на Трассе. Изображение увеличивалось и детализировалось, можно было посмотреть координаты выбранного места, запомнить их, чтобы потом не ждать появления карты, а просто вводить нужное число.

– Полезная вещь, – сказал Артур. – Спасибо, Ойхе.

В тварном мире он успел привыкнуть к порталам, а на небольшие расстояния, в пределах сотни километров, Альберт их просто телепортировал. Это не от лени, оба любили долгие переезды, вообще любили дорогу. Но события складывались так, что порой нужно было не просто срочно оказаться где-то, порой нужно было оказаться в нескольких местах одновременно. Полилокальности Бог людям не дал, да оно и к лучшему, а порталы и телепорты позволяли свести опоздания к минимуму. Когда от того, насколько быстро ты доберешься, зависит, сколько жизней ты успеешь спасти – или сколько нечистых тварей успеешь убить, – лучше не опаздывать.

В Ифэрэнн постепенно шло к тому же. Ренатир тридцать часов оставался без связи с внешним миром. Сейчас Марийка, с ногами забравшаяся на диванчик у прорезной стены, вполголоса трындела по телефону... такое впечатление, что сразу с десятком собеседников. Может, и правда с десятком, если не со всеми лужанами одновременно. Раз она до сих пор просто разговаривает, а не бежит вокруг, размахивая руками и рассказывая о неисчислимых бедствиях, обрушившихся на Карешту и христиан за эти сутки, значит, бедствий обрушиться не успело.

Ойхе тоже смотрела на Марийку, улыбалась, черные глаза, затененные длинными ресницами, потеплели, и смягчилось безумие во взгляде. Она считала вампиров своими детьми, Артур знал об этом, об этом все знали. Она убивала живых детей, об этом тоже было известно всем. Немудрено сойти с ума, если жить так, как она... вообще-то немудрено сойти с ума, если каждый день видеть в зеркале такую красоту.

– Зачем тебе война с князьями? – Артур понял, что, как только перестает думать о делах, начинает думать об Ойхе и думает не то, что подобает монаху и священнику. – Вы с ними друзья.

– Конечно, мы друзья. Но они демоны, а я человек. Князьям я зла не желаю, – Ойхе покачала головой, – я желаю добра людям. Им нужно знать о Боге, Артур, знать, что Он есть и что Он силен. Твоя вера прекрасна, – она наклонилась вперед, шелк камизы четче обрисовал полную, тяжелую грудь, – она даст людям новую, вечную жизнь. Но она отнимет все, что у них есть в этой жизни, не вечной, обычной, той, от которой они отказываются, принимая христианство. А война даст силу тем, кто боится перемен и крещения, убедит в том, что князья – не единственный выбор. В конце концов, фейри им гораздо ближе, фейри – их создания. А люди – дети моего Отца, и вернуться должны в Его дом, а не приходить сюда снова и снова, пока не потеряют все человеческое и сами не станут богами.

– Я думал, ты проклята.

Ойхе сделала кукольное лицо, хлопнула ресницами, мгновенно превращаясь из прекрасной и мудрой женщины в невероятно красивую пустышку.

– Это так сложно, Артур. Лучше продолжай считать меня проклятой.

– Но...

– Мне нужно еще кое-что. – Волна шелковых, блестящих кудрей перелилась с плеч за спину, на точеной шее стала виднее голубая тонкая жилка, и Артур забыл, что хотел сказать. – Ты отдашь Библии демонологам – это хорошо, ты расскажешь им о Боге – это тоже хорошо, но этого мало. Артур, я могу сделать анги доступными для всех христиан, если ты построишь храмы во всех столицах княжеств. Сеть выходов из храма в храм по всему Ифэрэнн. Тебе и твоим рыцарям она понадобится, и очень скоро. Ангам не смогут пользоваться вампиры, это решать не нам, и если Отец решил, что так должно быть, значит, так и будет. Но люди смогут.

Ей нужно было распространение христианства по всему Ифэрэнн. Благое дело, Артур тоже хотел именно этого. Но храмы в столицах... когда каждый христианин стал врагом князей. Это ведь не Земля, где правители, гонители христианства, не знали точно, кто из их подданных принял новую веру. Хотя какая разница? И тогда, и сейчас люди отрекаются от прежней жизни. А что князья могут сделать с ними, кроме как отнять эту жизнь? Да, разумеется, это не обязательно означает смерть, есть вещи хуже смерти, например потеря близких. Но... в этом ведь и смысл. Все или ничего.

Артур знал: его самого считали чудовищем потому, что он в свое время отказался вот так от брата. Отдал его на пытки и смерть. Еще он помнил свое удивление, ведь он все сделал правильно, почему же люди одной с ним веры осуждают его? Альберт, погибни он тогда, мог бы спастись. Честно говоря, другого способа спасти брата Артур не знал до сих пор. Христиане Ифэрэнн будут вынуждены поступать так же: отречься от семьи и от друзей, оставить все, идти к Богу. Ну так они готовы к этому. Те, что приняли крещение в Кареште, точно готовы.

Они пожалеют о потерях, но не о выборе, который сделали. Всем им, вообще всем христианам, есть на кого посмотреть, чтобы понять: бывают потери куда более страшные, но не бывает потерь напрасных. Тридцать три года жить, зная день смерти своего сына, зная, как он умрет, как долго и страшно это будет, – это могло бы стать кошмаром, но стало радостью от каждого дня с ним рядом, тем более дорогого, что смерть с каждым днем подходила все ближе. Она прожила это, пережила, выжила, и смерть, посрамленная, отступила. Теперь для людей смерти нет. Кто-то это уже понял и окунулся в воды реки Карешта, чтоб воскреснуть для вечности. Кому-то еще предстоит это понять.

А кто-то, конечно, останется с князьями, чтобы умирать снова и снова.

– Расскажи мне о вампирах, – попросил Артур. – Марийка и ты тоже, если закончила промывать мозги Себесте. Никто не знает их лучше вас.

– Отец знает, – Марийка захлопнула телефон и сунула в задний карман своих очень тесных джинсов. – Лучше меня знает, это по-любому. Но разговаривать с тобой, пожалуй, не будет. Он тебе, конечно, должен, и все такое, но он предпочтет сам что-нибудь сделать... в какой-нибудь безвыходной ситуации. А что с вампирами?

– А то, что наместники не позволят нам строить храмы на своей земле, если только не станут христианами.

– Они все маги. Какое им христианство?

– Вот именно. Единственное, что нам остается, – это покупать землю и вести незаконное...

Ойхе поморщилась и подняла палец, прерывая Артура:

– Условно-законное, рыцарь, условно-законное звучит гораздо лучше.

– Условно-законное строительство, – согласился Артур, который не видел особой разницы. Искать лазейки в законах – это одно, это он умел, называть использование лазеек законными методами – совсем другое. Этого он не умел, не любил и обычно не делал.

– А земля принадлежит вампирам, – продолжила Марийка. – Ага, я поняла. Только в Карешту из княжеств никто по-настоящему крутой не приезжал. Нам их надо будет искать в городах... ну или я могу у отца спросить, кто где главный, чтоб не искать.

– Или сразу в Пески? – спросила Ойхе. – Анга выведет к Пентаграмме, а там Марийка поможет сориентироваться.

– Нет уж, нет уж, – Марийка замотала головой, – в Песках клетки с Жертвами, Артур их увидит, возьмет топор, и нам не с кем станет договариваться. Вообще хаос начнется. В Песках и так хаос, – сообщила она Артуру, – никогда не поймешь, кто с кем дружит, кто с кем воюет, с какой стороны пулю поймает, кто в рейд позовет. Там жить надо, чтоб разбираться. А если ты еще и всех убьешь... хм. – Она моргнула.

– Порядок наступит, – резонно заметил Артур.

– Вы туда идете поговорить. – Ойхе звякнула браслетами. – Не увлекайтесь. Я скажу, чтобы Жертв выпустили или добили. Если ты будешь знать, что поход в Пески освободил...

– Ойхе задумалась, что-то подсчитывая на пальцах. – Сто двадцать семь человек, захваченных вампирами для чудовищных экспериментов и вивисекции, это будет хороший стимул, правда?

– Почему вампиры с Трассы обходятся без Жертв и экспериментов?

А вот не надо было забывать, с кем имеешь дело. Вампиры, прекрасные дети прекрасной детоубийцы, они во многом лучше людей, но нельзя идеализировать их, можешь слишком сильно разочароваться.

– Пески – особенное место, – ответила Ойхе. – Артур, они не для удовольствия это делают. Ну или, – она легкомысленно улыбнулась, – не только для удовольствия. Ну так что, вы идете? Заодно испытаете ангу, а то я не знаю, проходит в нее большая машина или только маленькие, спортивные.

Глава 14

Начиная изучение какого-либо народа, встречаешь силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, природу его страны.

В. О. Ключевский

Ширины анги хватило, чтоб мог проехать «Скадат», но хватило едва-едва. Зазоры между краями портала и бортами машины были не больше пяти сантиметров. О том, чтоб провести в ангу какую-нибудь более габаритную технику, не стоило и думать. Никаких

броневиков, никаких транспортных. Но портал, если его не закрывать, оставался активированным минуту, а за это время мог принять людей, ручное оружие, те же «Скадаты» с грузом или бойцами-упырями. Сами они пройти не смогут, зато смогут проехать, если за рулем будет христианин.

Если в каждой столице каждого княжества получится открыть один такой портал, это станет хорошим подспорьем в войне. Артур предпочел бы, чтоб миссионерство и война существовали отдельно друг от друга, так, как задумывалось в тварных мирах. Но даже в тварных мирах миссии порой становились укрепленными пунктами, а священники начинали слишком радикально отделять своих от чужих. Что же говорить об Ифэрэнн, где война будет не с людьми, а с естественными врагами людей?

Будут ли люди воевать на стороне демонов? Скорее всего. Демонов они боятся, но князьям верят. Мало кто понимает, что князья опаснее всех демонов вместе взятых. Они опасны еще и тем, что их считают защитниками... и тем, что они действительно защищают.

Хотят, чтобы люди стали как боги.

Да, на стороне князей будут воевать многие. А христианам нельзя воевать с людьми. Интересно, князья правда рассчитывают, что это ему помешает? Нет, вряд ли. Им нужно другое. Они видели становление веры во множестве тварных миров, и во всех этих мирах люди, стремящиеся к Богу, забывали о том, что нельзя убивать людей. И приходили к ним, к князьям Ифэрэнн. Они думают, людям нужен только повод, чтоб начать убивать, думают, дай им повод, а лучше причину, и убийства не прекратятся. А может, они не думают, а знают. Без разницы. Они ошибаются. Любой, кто рассуждает о людях вообще, а не о каждом человеке, ошибается так же. Демон сказал, Господь думает о каждом, для Него нет человечества, есть человек. А больше так не может никто. Поэтому не ошибается только Бог.

Но как же не хочется, как не хочется, чтобы люди, христиане, забыли о том, что нельзя убивать людей!

Пески занимали большую часть пустыни Сельема, и на привычные Артуру пустыни походили так же, как походили на тварный мир все остальные края Ифэрэнн. Вроде бы то же самое, но словно бы под другим освещением или с другой огранкой. Во все стороны, насколько хватало взгляда, разбегались волны барханов, серые, золотистые и голубые под белым мерцающим небом. Горизонт выгибался не вверх, а вниз, и пустыня казалась внутренней поверхностью плоской перламутровой раковины.

Эта красота должна была умиротворять, мягкий свет неба, его отражение в песке, серебристое мерцание воздуха. Но ничего умиротворяющего не было в бесконечном, очень ярком палаточном лагере, посреди которого в беспорядке, без намека на план застройки, если тут вообще знали такие слова, торчали щитовые дома и водонапорные башни, раскрашенные еще ярче палаток.

Выехав из анги, «Скадат» остановился в нескольких метрах от тускло светящихся линий, проплавленных в светло-золотом песке.

– Пентаграмма, – сказала Марийка. – Слышал о ней?

– Только то, что сказала Ойхе. Точка выхода.

– Ойхе ее нарисовала. Развлекалась. Форму выбрала для развлечения, а вообще-то в Пентаграмме сила, сюда Ойхе вложила и отец. Пески не княжество, не государство, столицы тут нет. Со стороны посмотреть, тут вообще каждый сам за себя. Но вот, Пентаграмма.

Марийка вылезла из машины, Артур тоже выбрался наружу, ожидал, что окажется на раскаленном песке, как на сковородке. Ожидания оправдались.

– Зато ночью тут холодно, – утешила Марийка, – холодина, трындец, Жертвам одеяла с подогревом дают. Поначалу. Пока они еще люди.

Здесь само слово «холодно» казалось невозможным, но Артур знал, так бывает. Днем жара, от которой нет спасения, ночью – пробирающий до костей холод. Камни трескаются, металл не выдерживает, а люди ничего, живут. Ну а вампирам-то, понятно, ни жара, ни

холод не помеха.

– Давай по порядку, – попросил он, – начала о Пентаграмме, вот о ней и рассказывай, не перескакивай сразу к Жертвам.

Между светящейся пятиконечной звездой и крайними палатками было метров двести свободного пространства – то ли дань уважения к Пентаграмме и силе Ойхе, то ли упыри здесь свои сборища устраивают. Или не бывает у них никаких сборищ? Каждый сам за себя. Нет, Марийка как раз об этом начала говорить, о Пентаграмме как объединяющем факторе. Вообще, интересно, упыри же стайные. Те, что на Трассе обитают, серьезно организованы, но и те, что в княжествах, вроде бы тоже должны как-то организоваться. Они друг другу нужны, инстинкт ли, или здравый смысл заставляют сбиваться в группы с как можно более разнообразным набором дайнов. Значит, они должны как-то объединяться и в Песках.

Автомобиль, появившийся из пустоты, не мог не привлечь внимания. В Ифэрэнн знали об ангах, и все равно они вызвали такой же интерес, какой на Земле могли бы вызвать порталы. Ангами пользовались наместники и высшая знать, люди, напрямую общающиеся с сулэмами из свиты князей. Каждая анга выдавалась только с личного разрешения князя.

Упыри плевать хотели на князей и их приближенных; Пески в этом смысле походили на Трассу, с той только разницей, что на Трассе упырям до князей и правда не было дела, а вот Пескам и княжествам приходилось сосуществовать, и, по разумению Артура, Пески от княжеств довольно сильно зависели.

Летающая к ним на байках и раздолбанных автомобилях орда развеивала все иллюзии относительно уважения упырей к знати.

Налетели, оглушив ревом двигателей, подняв тучи песка и пыли из-под колес. «Скадат» осыпало дождем мелких камешков. Детский сад... Артур покачал головой. Ну ничем эти парни и девчонки не отличались от человеческой молодежи, сбивающейся в стаи и норовящей запугать или хотя бы озадачить всех, кто на них не похож. Ничем, кроме возраста. Среди этих, носящихся вокруг, скорее всего, не было по-настоящему молодых. Молодняк не побоялся бы так же нагло наскочить на незваных гостей, будь они хоть маги, хоть даже личные слуги сулэмов, но никто из молодых упырей не рискнет присоединиться к старшим. Разве что старшие сами позовут, однако приглашение еще заслужить надо.

Демонстрация удали молодецкой закончилась довольно быстро, такого рода ритуалы вообще не занимают много времени. Явного лидера в орде не было, так что вопросы «какого хрена приперлись» в разных вариациях прозвучали вразнобой. Да уж, эти в гости не пригласят, баню не растопят и за стол не посадят. У них тут столов и нет, наверное. Зачем упырям столы, упыри людей живьем едят.

– Я хочу поговорить с теми, у кого есть земля в столицах, – сказал Артур громко. – Искать в княжествах, только время тратить, если где и встречаться с вами, так на вашей территории.

– Ну нашел ты нас, легче тебе стало? – Один из парней оскалился, демонстрируя четыре длинных клыка, глаза его тоже изменились, а вслед за ним такой же неприятный, почти пугающий вид приобрели еще четверо вампиров, две девушки и два парня. – Смертный, ты хоть знаешь, куда приехал?

– Туда, где вампиров достаточно много, чтоб найти среди них тех, с кем можно говорить, а не драться. – Артур поймал себя на том, что копирует акулю улыбку Ласки и быстро перестал улыбаться.

– Ага, – заметила Марийка, – вот они тебя и узнали.

Угадала. Действительно узнали. Что-то в настроении упырей изменилось, по толпе пробежал быстрый шепоток. Парень, заговоривший первым, и четверка из его стаи снова стали выглядеть как люди, но разговор не продолжили. Зато подал голос другой вампир, высокий и с виду чрезвычайно свирепый.

– У кого ты забрал ангу, Убийца Демонов?

А Артур-то думал, что плохо, когда тебя называют так же, как твой топор. Это он еще не знал, что может заработать прозвище, где первым словом будет «убийца».

В одежде этого здоровенного мертвяка привлекала внимание джинсовая безрукавка. Ни ворота, ни ошейника, ни браслетов – так же, как Харир, этот упырь не боялся демонстрировать остальным шею и руки, значит, был достаточно силен, чтоб прибить любого, кто поведется на провокацию.

Ну или, по крайней мере, никто пока не рискнул проверить его силу.

– Подарок Ойхе, – ответил Артур.

– Госпожа просила отпустить Жертв, вывезти к людям. Хорошо хоть не попросила, чтоб мы их по домам развезли. Вот мы бы знали еще, где их дома! – Здоровяк приподнял верхнюю губу, тоже показав клыки, но, в отличие от примолкшей пятерки, он не хотел напугать, просто выражал неудовольствие. В нем было меньше человеческого, а чего больше, звериного или чудовищного, так сразу не разобрать. – Ладно, Убийца, я Бесто. Будь моим гостем. Вы оба, ты и твоя чикса. Если кто на них захочет охотиться, – он повысил голос и тут же сорвался в рык, все-таки в нем было больше зверя, чем чудовища, – на того я сам начну охоту. Поехали за мной!

Рывкнул мотор байка, Бесто развернулся на заднем колесе, понесся сквозь толпу, в которой тут же образовалось свободное пространство. А вслед за ним, так же насквозь, не заботясь о том, чтоб ни с кем не столкнуться, с разных сторон помчались еще десятеро. И либо это была вся стая Бесто, либо, если он взял с собой лишь особо приближенных, стая Бесто была по-настоящему большой. А это, насколько Артур помнил объяснения Марийки, означало немалую власть в княжествах. Стаю надо кормить, и чем она больше, тем дороже выходит кормежка.

– Я о нем слышала, – сказала Марийка в ответ на вопросительный взгляд, – Бесто – вожак большой стаи, у него дела в Иду, значит, наверное, есть земля в Тегирму, столица все-таки. В Иду все бешеные, хоть люди, хоть вампиры; какой князь, такое и княжество. Ну ты сам видел.

Артур видел. А еще он знал, что Иду было рядом с Ренатиром, настолько, насколько географические понятия вообще применимы к Трассе и нормальному пространству. Иду было так же близко, как Ахтеке, гораздо ближе, чем Уэлан, Хуол или тем более Эсимена, но ни один человек и ни один упырь оттуда не приехал в Карешту, не заинтересовался Тагаром.

– Отец все знает о Песках, – продолжила Марийка, – а я больше по Трассе, там хоть правила есть. Из здешних вампиров знаю только Первых, а из них знакома только с теми двумя, которые служат Ойхе. Они давно уже больше на демонов похожи, чем на людей. В смысле они ученые, их вообще ничего мирское не интересует, а еще они пьют кровь вампиров, человеческая им не подходит. По-моему, в Песках их боятся. И за вампиров, наверное, уже не считают.

«Скадат» в окружении вампиров Бесто выехал на заставленную автомобилями и байками площадку, к дому из пластиковых щитов, разрисованных дикими граффити, бессюжетными и, кажется, бессмысленными. Вокруг стояли палатки, рядом с некоторыми высились пирамиды продуктовых ящиков, упаковки бутылок с водой, коробки с сухпайками, промаркированными как собственность арх разных княжеств.

– Некоторые берут в Пески свое Стадо, – объяснила Марийка. – Чтоб не есть консервы.

Упыри не могут без крови. Они даже не могут напиться крови досыта. Постоянно чувствуют голод. А от недоедания голод начинает терзать их так, что отключаются все остальные чувства. Голодный вампир добудет кровь любой ценой, из любого, кто окажется поблизости, будь это другой вампир или человек, неважно, чужак или свой, враг или друг. Голод вынуждает най, оставленных без присмотра, возвращаться в свои семьи, убивать самых близких людей. Вампиры на Трассе всегда окружены людьми, но большинство из них кормятся консервами. Вампиры Песков тащат в эту даль горы воды и еды, лишь бы кормиться живыми людьми, а не кровью из банок. Хотелось думать, что Первые, о которых сказала Марийка, пьют кровь здешних вампиров, а не охотятся на обитателей Трассы.

Бесто снял ботинки, поднялся на широкую веранду, где стояли три очень низких

кресла, по сути, две подушки со спинками, и прямо на полу, на циновке, валялся наладонник. В воздухе над ним разворачивалось какое-то ток-шоу – судя по костюмам, наладонник был настроен на один из телеканалов Иду.

– Кто переключил? – буркнул Бесто, ни к кому не обращаясь.

Из дома вышла невысокая полная женщина в кимоно, поклонилась вампиру, потом гостям:

– Новости закончились, господин, и я решила посмотреть свою передачу.

Это и правда была ее передача. Изображение оказалось достаточно крупным и четким, чтоб Артур и Марийка, не поднимаясь на крыльцо, видели, что ведущая – именно эта женщина.

Значит, бизнес в Иду, земля в Тегирму, на входе в дом нужно снимать обувь, а нормальной мебели не будет, только циновки и карематы. Что в Ифэрэнн подкупает, так это верность княжеств своим традициям. Ни одно не может назвать себя законодателем моды для всего мира. В Песках, казалось бы, какие традиции? Здесь обитают упыри, в княжествах они вообще вне закона. А вот, пожалуйста: хоть Бесто и его стая и одеты как банда из фильмов про постапокалипсис, хоть дом снаружи и выглядит, как приют безумца с нарушенным цветовосприятием, вся обстановка внутри традиционно идунская и, надо думать, в палатках тоже.

А настоящие банды постапокалипсиса сейчас в тварном мире, и вряд ли они одеваются так же, как бойцы стаи Бесто.

– Это Май, – сказал Бесто, – Май, это Убийца Демонов... как его там?.. и его женщина.

– Артур Северный, – сказала Май и снова поклонилась, – большая честь для меня, господин. Госпожа, – теперь она поклонилась Марийке.

Та до сих пор не успела придумать, как назваться, поэтому сделала глупое лицо и кивнула в ответ:

– Привет, Май.

Вряд ли Май была слугой Бесто – своих слуг, играющих в княжествах хоть сколько-нибудь видные роли, упыри не афишировали. Значит, либо упырь, поддерживающий иллюзию жизни, либо... что? Донор из Стада? Телеведущая может быть в Стаде? А как же бесправность и социальная незащищенность? Или, если канал не государственный, то без разницы?

Вопросов снова было больше, чем ответов.

– Короче, так, Убийца, – Бесто с неожиданной для такого громилы легкостью сел на подушки, скрестив ноги, – садитесь вы оба. Май, принеси им отравы своей и что там люди едят? Тащи.

– Мы не голодны, – сказала Марийка быстро.

Поскольку ее мнение Бесто не интересовало, а распоряжение принести отравы не вдохновляло, Артур кивнул:

– Действительно, не голодны. Мы только что от Ойхе.

– Ну тогда хрен с ним. Иди, Май.

Бесто проводил женщину взглядом, потом повернулся к Артуру:

– Она из Стада. Ты что думаешь, только на Трассе в Стадах по-людски живут? Все, что им по закону не дают, мы даем. Закон у нас тоже... – он щелкнул когтистыми пальцами, – вот тут. Закон у того, у кого власть и деньги. Так зачем тебе земля в столицах? И чем ты будешь платить?

– Земля нужна, чтобы построить храмы. Платить мы будем демоническими саолами.

Бесто хмыкнул. Оба ответа оказались для него неожиданными, и упырь на некоторое время задумался.

– Так ты умеешь забирать саолы? – спросил он наконец.

– Она умеет. – Артур посмотрел на Марийку.

Бесто хмыкнул снова, взгляд черных глаз мазнул по Марийке с несколько большим интересом. Насколько Артур знал, в Иду женщины были ровней мужчинам.

Пренебрежительное отношение к Марийке точно не объяснялось идунскими традициями и традициями упырей тоже, уж у них-то вообще о неравенстве полов речи не шло, все решали дайны и характеры. Значит, это пренебрежение Бесто притащил откуда-то еще. Из тварного мира? Откуда он родом, интересно? Он точно не идунец, и даже не потому, что смотрит на Марийку как на диковинную зверушку.

В Иду все носят холодное оружие. Дети там вроде как чуть не с рождения получают какой-нибудь клинок и остаются с ним на всю жизнь. Будь у Бесто такой, он взял бы его с собой, когда поехал к Пентаграмме.

– С твоими храмами будут проблемы, – пообещал упырь, тоже, как и Артур, придя к каким-то выводам.

– Это храмы Господа, а не мои.

– Да без разницы, проблемы начнутся раньше, чем ты их строить начнешь. Ты даже подрядчика не найдешь.

– Я уверен, что вампиры в княжествах много строят.

– А, даже так. Значит, ты не только хочешь купить землю, ты хочешь еще и нас втянуть?

Артур кивнул. Он никогда и не скрывал, что хочет «втянуть» вампиров. Вампиры вне закона, христиане вне закона, хуже точно не будет, а лучше – очень возможно.

– Даже если ты сможешь построить храмы, их сожгут. На пожарных не рассчитывай.

– Я рассчитываю на прихожан, негорючие материалы и системы противопожарной безопасности. Не так уж сложно защитить здание от поджогов.

– От поджогов! – презрительно фыркнул Бесто. – Да князю Аташу хватит одного взгляда, чтоб от храма остался пепел. А может, и смотреть не придется.

– А вот тут я уповаю на Бога.

– Тегирму – город Аташа, он там может все, что захочет. Или даже там только то, что он хочет, и есть. Храм он там не хочет, зачем ему?

– Мы не будем спорить об этом, Бесто, – Артур покачал головой, – если будет интересно, разузнай, как Сахра у себя в Ахтеке пытался убить людей из Ренатира. Скажи лучше, все вампиры Песков чтят князей так же, как ты?

– Да сейчас, разбежались.

– Это ты не такой, как остальные, или Аташ отличается от других князей?

– Он может и разрешить... – выдал вдруг Бесто, на первый взгляд без всякой связи с вопросом Артура, но, похоже, что именно вопрос его на мысль и навел, – у тебя топор есть.

Мысль о том, что Миротворец станет причиной, по которой Аташ позволит выстроить на своей земле христианский храм, на первый взгляд выглядела сомнительно. Однако, может быть, Бесто и прав. Идунцы с большим почтением относятся к своему оружию. Их мечи, топоры, алебарды, сабли, копья – словом, все, кроме ножей, – это священные символы, воплощение Аташа. Возможно, для предметов культа они слишком функциональны, но в отсутствие войн, функциональность оружия лишь условность. Войн в Ифэрэнн не бывает, а убивать друг друга в Иду, как и во всех других княжествах, предпочитают с помощью огнестрела. Это и удобнее, и быстрее.

– Аташ другой, – продолжал Бесто, – ему все равно, человек ты, вампир, чародей или даже дух. Бери оружие, поднимайся на вулкан и прыгай в огонь. Он примет. Поэтому мы не будем в Нижних, мы будем с ним. Еще можно в бою погибнуть, но это вампиру сложно, – он пожал плечами, – да и незачем, есть же вулкан.

Вулкан Аташ, огромный, с белой снеговой шапкой и красными безлесными склонами, был единственной горой в равнинном Иду. Тегирму расположился у его подножия, выплеснувшись на склоны волной парков. Прямые улицы разбегались от центра, от храма-дворца, главное здание которого, сложенное из аташского красного камня, словно сливалось с горой. В храме брала начало лестница, ровным зигзагом ведущая к вершине.

Открытки с горой Аташ, с храмом, с цветущими парками Тегирму, с лестницей этой жуткой, но очень красивой, Артур видел много раз. В его путеводителе раздел, посвященный

Иду, тоже открывался фотографией храма и лестницы. Подняться по ней на вершину было непростой задачей, в путь отправлялись многие, но завершали его единицы. Остальные предпочитали вернуться. Еще раз все обдумать. Еще немного пожить. Вернуться можно было и с вершины, но кто туда добирался, тот уже не менял решения.

Лава Аташа принимала всех, у кого есть оружие. Человек сгорал, становился огнем, душа уходила на вечную службу князю. Оружие появлялось в храме в ожидании новорожденного, родители которого выберут именно этот клинок. Ходили слухи, что те, кто пытался спрыгнуть в вулкан безоружным, оказывались на границе Иду и никогда больше не могли вернуться в княжество. Проверять слухи никому не хотелось. Оказаться на границе без возможности вернуться – это еще ничего, но от князя, суть которого – пылающее жерло вулкана, можно ожидать куда больших неприятностей.

– А те, кто просто умирает? – спросил Артур. – С ними как?

– Да как везде. Снова рождаются, – уверенно ответил Бесто. – Не знаю, здесь или нет. Ты, понятно, скажешь, что не здесь, но уж демонам они точно не достаются. Думаешь, в Иду кому-то нужен будет твой Бог? – поинтересовался он уже без агрессии, не иначе, мысль о том, что Аташу понравится Миротворец, настроила на мирный лад.

– Да Он всем нужен. – Артур прогнал мысль о том, что ему самому мог бы понравиться Аташ. – Каждое мгновение. Посмотрим, смогу ли я это объяснить. Но, с Божьей помощью, думаю, и в Иду меня услышат.

– Тогда давай так, Убийца. – Бесто кивнул. – Вожаков настоящих стай, таких, как я, семьдесят восемь. В Песках сейчас, кроме меня, тридцать вожаков из четырех других княжеств; я тебя проведу по стоянкам, поговоришь с теми, у кого есть земля в столицах. Сидену Ойхе тебе уже и так обещала... считай, шесть из двенадцати у тебя будет, если договоришься. Но тут дело такое, я согласился, потому что Аташ тебя примет. Наверняка примет. Остальные на князей кладут вот с таким прибором, но, – Бесто скривился, – никому не нужны проблемы, а твои храмы – это очень много проблем. Нужно что-то, кроме саолов, хотя бы даже и демонических.

– Есть что-нибудь, что нужно всем вампирам? – спросил Артур. – У тебя здесь курят?

– Я же гостеприимный, если гость хочет курить, то пусть курит, – отозвался Бесто тоном, однозначно указывающим на то, где он видел бы традиции гостеприимства, если б не обитал в Иду. – Май, пепельницу! А есть что-нибудь, что нужно всем людям? – Он уставился на Артура.

– Есть то, что нужно им объективно, – это вернуться к Богу, и есть то, что они думают, будто нужно. Много разного, но найдется и общее. Например, все хотят безопасности для близких, неспособных за себя постоять.

– А я думал, денег или любви. Хм...

Неслышно появилась Май, поставила на столик пепельницу, поклонилась и вышла пятясь. Бесто молчал, пока Артур раскуривал трубку, только снова зыркнул на Марийку, когда она достала сигареты. Определенно, он не умел относиться к женщинам как к людям. И все-таки Май остается в его Стаде, и наверняка она там не единственная родом из Иду.

– А ты прав, – заговорил Бесто после долгого раздумья, – любовь, деньги – это тоже вроде все хотят, но если любовь настоящая, то ради нее отдадут любые деньги, а чтобы ее спасти, если что, от нее же и откажутся. Даже присказка такая есть, типа это для твоего же блага. А у живых еще и родители, и дети, за их безопасность что угодно отдадут. Ганко на этом деле срубает чуть не больше, чем на Жертвах. На выкупах, – объяснил он. – Кого не выкупают, он сюда привозит, но за тех, кого выкупают, получает больше, чем за тех, кого в Песках продает.

Артур снова напомнил себе, что упыри не люди. И мысленно поблагодарил Ойхе, которая приказала отпустить Жертв. Хоть кого-то удалось спасти.

Бесто вспомнил о том же, о ста двадцати семи пленниках, которых пришлось отправить обратно к живым.

– С тебя спросят за Жертв, – предрек он, – еще и за них захотят что-нибудь. С теми,

которые у меня были, ничего делать пока не начали, так что я недорого возьму. Один демонический саол за всех троих. А кто-то своих уже обработал, процесс пошел. Обработанные куда дороже стоят. У Нойты вообще четверым до перерождения сутки оставались, а Ойхе сказала, кого по домам вернуть нельзя, тех добить. Ух, Нойта и зла. Твое счастье, что она у себя, в Оороге, а то не видать бы тебе земли в Вирре: она б сама ни клочка не продала и остальным бы мозг прогрызла, чтоб не продавали.

Вирра, столица княжества Оорог, от Песков недалеко, от Ренатира – ехать и ехать, и все-таки из Оорога в Тагар приезжали и люди, и вампиры. В великолепной Вирре, самом высокогорном городе Ифэрэнн и его финансовом центре, отчаянно не хватало Бога.

Хадаморх, ее творец и владыка, даже не пытался делать вид, будто его интересуют люди. Он, в отличие от других князей, вообще никак не проявлял себя в Ифэрэнн. Это, пожалуй, и к лучшему, потому что сутью Хадаморха была война, и благодаря его равнодушию Ифэрэнн не знало, что такое войны. Но обитатели Оорога, и живые, и мертвые, молились не своему князю, а Луне или Ойхе, зримо присутствующим повсюду, и искали кого-то, кому будет до них больше дела, чем чужим княгиням.

Те, кто приехал в Тагар, нашли. В Оорог из Ренатира возвращались немногие. В Вирре нужен был храм, там он был нужен в первую очередь. Как же неудачно вышло с этой Нойтой. И для Жертв неудачно. Хотя, что значит перерождение? Может, смерть для них все-таки лучший выход?

– Я ничего не знаю о Жертвах. Если ты расскажешь больше, возможно, я придумаю, чем заплатить за них, чем-нибудь лучше саолов. – Артур выдохнул дым, ноздри Бесто дрогнули, вампир поморщился было, но вроде счел, что запах не такой уж противный.

– Лучше демонических саолов ничего нет, одного хватит, чтобы все мои машины на полгода заправить, а у меня гараж, знаешь, не маленький. Но Жертвы нам дают то, что за деньги не купишь. И всем княжествам, кстати, тоже, – рыкнул Бесто, вдруг разозлившись, – вольно им там базлать, Пески то, Пески это, Пески хуже Нижних Земель. Но Ойхе-то, – он подавил еще один рык, – она-то знает, что Нижние, вон они, сто километров в пустыню, и напрямик в Приграничье приедешь. И знает, что оттуда прет день и ночь. Так какого хрена Жертв отпускать, когда у нас каждый аждах на счету?

– Если бы здесь были Жертвы, мы бы не договорились, – сказал Артур честно, – и даже хуже, мы могли бы поссориться. А мне хватает будущей войны с князьями, война с вампирами точно не нужна. Что такое аждахи и что там в Приграничье?

– Аждахов мы делаем из Жертв. А в Приграничье жэрцы. Какая-то нечисть, они там сами заводятся, как мыши в грязи, – ответил Бесто, выдав еще кусочек информации о себе, о том, что он застал времена, когда у людей были более простые представления о мироустройстве, в частности, о мышах. – Из Нижних воняет так, что в Приграничье только демонам хорошо было бы, но жэрцы и демонов жрут, аж хрумкают. Так что демоны туда не суются. А дырка здесь, – он махнул рукой, очертив линию вдоль далекого побережья, от условного севера к условному югу, – куча дырок, одни закрываются, другие открываются, и жэрцы оттуда лезут и лезут. Те, что через пустыню проходят, ползут в княжества. Считается, что это духи из Немоты, да хрен-то там, что мы, тех духов не знаем? – Он с досадой ударил кулаком в пол. – Жэрцев считают духами, потому что они нас не жрут, а духи типа с нами тоже дружбу водят. Но они нас не жрут потому, что им живое нужно. Демоны знают, ясное дело, демоны потому Пески до сих пор и терпят, что мы убиваем нечисть из Приграничья. Не станет нас, жэрцы по всем княжествам расползутся, а отменить это, закрыть дырки навсегда, будто их и не было, князья не могут, потому что Пески – часть Немоты. Здесь музыки нет... – Бесто быстро взглянул на Артура, – я тебе про музыку не буду объяснять, это долго. Люди ее не слышат, так что...

– Я слышу, – сказал Артур. – В Пентаграмме есть музыка.

Бесто кивнул и показал клыки в короткой улыбке:

– Это Моартул и Ойхе. Не знаю, откуда у них музыка, они люди, не демоны, но вот, сделали, чтоб и у нас ее немного было. Короче, мы убиваем жэрцев, а лучше всего с этим

справляются аждахи. Они живые, нечисть на них сама идет, даже искать не надо. Десяток аждахов и боевая стая уходят к дырке, все, что из дырки лезло и расползалось по пустыне, ломится к аждахам, а там, как пойдет. Получится всех перебить, дырка на какое-то время опустеет, а у нас прибавится экзот-саолов, не получится... списывай десяток аждахов, жди, пока сделают новых. Ну и пока бойцы исцелятся. А от тех ран, которые жэрцы наносят, вампиры лечатся долго. Как люди. Кровь не спасает, только магия, или ждать, пока само зарастет.

– Аждахи – измененные люди?

– Когда они аждахи, они уже не люди, – ответил Бесто, – перерождение долго идет, люди в них умирают куда быстрее. А когда оно заканчивается, аждахи уже и с виду на людей не похожи. Они ничего не боятся, всех ненавидят и хотят все убить. Все, что движется, кроме нас, нас они любят. Больно им не бывает, смерти они не понимают, дерутся, почти как мы, и лечатся быстро. Жрут что попало, тоже удобно. Дрессируются хреново, но для дрессировки есть особые дайны. Короче, Убийца, чтоб создать аждаха, надо замучить живого до смерти, но не убить. И это, чтоб ты знал, целое долбаное искусство. Живые не очень-то выживают, из пяти Жертв хорошо, если одна аждахом становится.

Так это у него прозвучало, устало и зло, что Артур чуть не посочувствовал. В самом деле, легко ли людей до смерти умучивать, да так, чтоб не умирали?

Он вспомнил Волка, вот бы кто пригодился в Песках, вот кто мастер. И тут же перед глазами поднялся до небес свет Пентаграммы. Коленопреклоненные упыри, тысячи их, сотни тысяч, от горизонта до горизонта, и залитый сиянием Пентаграммы светловолосый парень с эльфийскими дикими глазами. Он улыбается, он говорит с мертвыми, и каждый из них, из этих тысяч, счастлив, что слышит хозяина.

Артур пришел в себя от вспышки головной боли. Поморщился, потер глаза. Альберт орал на него матом, чертыхался и богохульствовал, и почему-то от воплей братца головная боль пошла на убыль. В комнате было пусто...

Артур огляделся. Бесто и Марийка через открытую дверь смотрели на него с веранды.

– Это что, на хрен, было? – спросил Бесто.

– Че-и кэкату' эста?! – в один голос с Бесто спросила Марийка, от нервов снова заговорив на родном языке.

На родном языке Артура. На нем же сейчас орал Альберт. Есть такое слово «Родина», только что ж оно вспоминается-то всегда с руганью?

– А что было? – отвечать вопросом на вопрос неправильно, но Артур пока что не очень хорошо соображал. Впрочем, раз младший ругается, значит... – это у меня было... предчувствие, что ли. Бывает такое.

– Футуй! Ты светился!

– Чуть глаза не сгорели! – рыкнул Бесто. – Я тебя чуть не убил.

– Ну не убил же, – Артур поднял с пола трубку, табак еще тлел, – пожалуй, я смогу помочь с жэрцами. Проблему не решу, она не для того, чтобы ее решить, она для того, чтобы ее решали, но кое-что сделать можно.

Он встал, пошел к дверям. Рука Бесто мазнула по кобуре, но упырь удержался от того, чтоб схватиться за оружие.

– Как-то у вас это организовано?

Голова все еще болела. Альберт заявил, что если некоторые дураки не соблюдают осторожность, то никто их лечить не будет, и на этом связь разорвал.

– Рейды в пустыню, контроль за выходами, патрули какие-нибудь? Или кому в голову вступило, тот и пошел?

Альберт бы снял боль, в этом Артур не сомневался, младший горазд был орать и скандалить, но никогда после приступов ясновидения не оставлял его болеть. Однако чтобы вылечить, ему нужно было бы прийти сюда, а появляться в Песках он не хотел. Упырям пока незачем знать, что Артур на самом деле не один, что у него за спиной маг, сравнимый по убойности с ракетным комплексом.

– Стаи, у которых есть аждахи, дежурят по очереди, – сказал Бесто. – Нас семьдесят восемь, я говорил. Для нас патрулирование обязательно, остальные, мелкие стаи, толкуются рядом. Им экзот-саолов хочется, а без аждахов нечисть в пустыне не выловишь, надо в дырки лезть.

Артур понял, что в дырку и Бесто бы не полез, несмотря на грозный вид и отнюдь не напускное бесстрашие.

– Так и ходим: аждахи, боевая стая и мелкоты вокруг десятка три. В бою они подспорье хорошее, но насчет саолов с ними никаких договоренностей. Что успели, то их, а мы не доплачиваем.

– Кто сказал, что для ваших семидесяти восьми стай рейды обязательны?

Бесто не понял.

– Так только у нас аждахи есть.

– Как получилось, – Артур постарался найти другую формулировку, – что те, у кого есть аждахи, стали регулярно, в обязательном порядке, патрулировать пустыню? Вампиры собрались у Пентаграммы, обсудили проблему, кинули жребий и составили расписание?

Он не удивился бы, оказался оно именно так. Стайные они, стайные. Лучше, чем люди, умеют уживаться друг с другом, договариваться, соблюдать правила. Сильнее, чем люди, друг от друга зависят. Но Бесто был молод. Молод по вампирским меркам, конечно, однако почтение к старшим у вампиров тоже в крови, в буквальном смысле, а о равных себе вожаках Бесто отзывался именно как о равных. В семидесяти восьми стаях, располагающих аждахами, не было никого заметно старше и сильнее, чем он.

Так где, в таком случае, были старшие и сильные? На Трассе они правили тийрами, а в княжествах? Где скрывались, чем занимались, не растворились же среди людей. Марийка говорит, что Первые, то есть самые старые упыри, не интересуются ни Песками, ни человеческой жизнью, значит, такими, как Бесто, правят не они. Тогда кто?

– Собрались у Пентаграммы. – Бесто пожал плечами. – Жребий не кидали, так, обсудили, выбрали, кому когда удобно. В разных княжествах в разные сезоны затишье. Это задолго до меня было, задолго до большинства нынешних больших стай. Ты хочешь знать, кто самые первые стаи к Пентаграмме собрал?

Артур кивнул. О том, что даже для вечных тварей есть времена, когда их еще не было, он как-то не подумал.

– Тогда вожаками были Древние, – сказал Бесто. – Их, говорят, девятнадцать осталось, на слуху восемнадцать. Еще один то ли спит, то ли наукой занимается в Эсимене. Ты думаешь, они до сих пор указывают нам, что делать?

Он взглянул на Артура в упор, ниже на голову, но широченный, мощный. Взгляд черных глаз показался тяжелым, Артур его ощутил почти физически. Сообразил, что это дайн, удивился тому, что, пусть и едва-едва, а дайн все же сработал. И тут Бесто пожал плечами и ухмыльнулся:

– Они не указывают, но если им что-то нужно, мы делаем. Вам поставят шатер, вода и жрачка вон. – Он мотнул головой в сторону продуктового склада. – К Древним так просто не приходят; я скажу, что ты от Ойхе и хочешь встретиться, но когда они тебя примут, без понятия.

– Сейчас очередь твоей стаи патрулировать Приграничье?

– Ну.

– Когда очередной рейд?

– Под синим снийвом.

– Я пойду с группой.

Марийка не выдержала. Она, в конце концов, молчала чуть не все время, как они приехали на стоянку Бесто. Ругань по поводу ясновидения не в счет. Если в Марийке и были какие-то запасы терпения и послушания, то сейчас они закончились. Возможно, навсегда.

– Я! – Она подпрыгнула. – Все время я, я, я! Не «я», а «мы»! Мы пойдем. Я тоже могу драться! Я, если тут еще и без тебя останусь, научусь, блин, чай заваривать и телевизор

смотреть! Мы идем вместе, понятно?!

– А она резкая, – хмыкнул Бесто. – Ты дайнов для дрессировки, видать, ни одного не знаешь.

Глава 15

Несправедливость бывает двух видов: одна – со стороны тех, кто совершает ее, другая – со стороны тех, кто, хотя и может, не отводит противозаконие от тех, по отношению к кому его совершают.

Цицерон

Шатер развернули быстро. Просторный, рассчитанный на шестерых, он был разделен пологам на прихожую, спальню и кабинет-гостиную-столовую. Май, командовавшая установкой и, вообще, кажется, старшая в Стаде, позаботилась о генераторе, так что к синему снийву в шатре был свет, работали холодильник и универсальная печь, а Марийка, кривя нос, перебирала брикеты с замороженными продуктами.

– Я думала, в Стаде едят сухпак.

– В основном так и есть, – сказала Май, – но кто не ленится, берет с собой хорошую еду, и даже не обязательно заморозку. Я пользуюсь стасисными контейнерами, – добавила она, – это очень удобно.

Стасисные контейнеры стоили как недорогой автомобиль, а размером были примерно с корзинку для пикника. Чтоб привезти в Пески еды на неделю, Май потребовались бы три-четыре таких.

– Богатая семья или Бесто платит? – поинтересовалась Марийка.

– Интересная работа. – Май улыбнулась, будто и не заметив грубости вопроса. – Вы хотите знать, что такое Стадо в княжестве? – Она обвела взглядом Артура и Марийку. – Сравнить с жизнью на Трассе, не так ли? На Трассе Господа лишь кормятся из Стада, дают людям только «поцелуи», но при этом люди остаются полноправными гражданами тийров. В княжествах Господа обеспечивают нас всем необходимым, мы могли бы не работать или могли бы считать работой жизнь в Стаде. Только это не всем интересно, – она развела руками, зашелестели переливающиеся шелка кимоно, – это почти никому не интересно. Господам, таким, как Бесто, нужна не просто еда, мы нужны им потому, что мы думаем, чувствуем. И действуем. Мое шоу популярно в Иду, у него высокие рейтинги, я поднимаю интересные темы и приглашаю интересных людей. Господину Бесто я нужна из-за того, что занимаюсь интересным делом, а не из-за того, что у меня какая-то особенно вкусная кровь.

– Она становится особенно вкусной из-за того, что ты занимаешься интересным делом, – перефразировала Марийка, и Май кивнула:

– Именно так.

Бесто выглядел и вел себя так, будто ему куда больше Май подошел бы ведущий боев без правил, а то и их главная звезда. И внешность в данном случае не была обманчива. Надо думать, шоу Май по агрессивности и эмоциональной насыщенности стоило любых «Титанов рестлинга».

Надо будет посмотреть. В Кареште ловятся идунские телеканалы.

Май пригласила их поужинать, но день был постный, и Марийка заявила, что она тоже постится, как Артур. То есть пьет только воду, а ест только сухари. Ну а когда Май ушла, а снийв приобрел насыщенный голубой цвет с перламутровыми отблесками раскинувшейся под ним пустыни, в шатер явился вампир. Здраваться он не стал, но представился. Назвался Гарганом, буркнул, что скоро в рейд и надо обговорить тактику.

– Днем все чисто было, патрули ни одной дыры не нашли, может, и ночью обойдется. Но если нет, на вас жэрцы полезут, как на аждахов. – Гарган, в отличие от Бесто, Марийку не игнорировал, обращался и к ней тоже. – С аждахами вместе вас выпускать нельзя, опять же сожрут, они до живой крови сами не свои. Значит, я вам дам бойца, чтоб прикрыл, если что.

Одного должно хватить, если про тебя правду рассказывают, а группу ослаблять я не хочу. Мелочь с нами сегодня не идет, топора твоего ссутся, говорят, он глаза выжигает, так что нас четверо и каждый на счету будет.

– Нам прикрытие вообще не нужно, – сказал Артур, – вы нас к дыре доставьте, а там делайте свое дело, а мы своим займемся.

Один вампир у него уже был, да такой, который мог бы потягаться с любым из бойцов Бесто. К тому же нужно, чтоб Альберт пришел: кто лучше его сможет незнакомых нечистиков классифицировать и решить, как их надежнее всего убивать? А Альберту надо приходить без свидетелей.

– В нашу сторону даже не смотрите, – предупредил Артур, – потому что про топор правда. Сразу глаза не выжжет, но ослепит.

– Мороки от тебя больше, чем пользы. – Гарган так же, как Бесто, был искренен – похвальное качество. – На своей машине поедете?

– Да. Командуй, когда выходить.

– Да хоть сейчас пойдем. Аждахов уже в фургон загнали, так что можно.

– Я их не видела, – сказала Марийка, когда «Скадат» понесся по песку за ярким пассажирским фургоном, по обе стороны которого мчались два байкера, – и не хочу видеть, мне того, что я слышала, хватило. Но как же тут Стадо живет? Клетки Жертв, ты заметил, они же прямо посреди стойбища. Сейчас пустые, но это потому, что мы приехали. А так-то, получается, люди тут живут и у них на глазах с другими людьми делают всякое. Что, в Стада берут только злых? Или в Пески привозят только злых? Так их тут много, я посмотрела, живых в стойбище до фига.

С Жертвами в Песках делают то же самое, что делал с людьми племянник Марийки. Вот не шел он сегодня из головы, Волк Змеевич, беглый принц. Марийка, наверное, права, но Артур не понимал в людях много разного, и сосуществование их бок о бок с другими людьми, которых пытаются и медленно, страшно убивают, входило в это разное. Было там на своем месте.

А значит, было нормальным.

– В истории Земли, тварного мира, откуда я родом, во время одной из войн были убиты миллионы людей. Мирного населения. Их уничтожали в течение нескольких лет. И весь мир об этом знал. Да что там, люди жили рядом с лагерями смерти, и ничего, не беспокоились. Крематории работали круглые сутки, ежедневно умирали сотни и женщин, и стариков, и детей, даже младенцев, всему этому были свидетели, обо всем этом были документы. И это продолжалось, продолжалось и продолжалось. Пока война не закончилась, никто это не остановил. У государства, которое уничтожало людей, были союзники, чье мнение могло иметь вес, там была церковь, которая тоже прекрасно знала об убийствах, да были, в конце концов, те же журналисты и писатели, вот уж кому не молчать бы. Но нет, – Артур пожал плечами, – это была просто неудобная тема, которую не затрагивают в приличном обществе, чтобы не портить аппетит. Это не зло, это равнодушие. Оно хуже зла. Никто из Стада никогда не окажется в числе Жертв, и родственников их тоже, скорее всего, не захватят, либо можно попросить Господина, и он договорится о выкупе. Поэтому никто из Стада не беспокоится о Жертвах. О них, я думаю, просто не вспоминают. Ни в приличном обществе, ни в неприличном.

– Знаешь, что еще хуже зла и равнодушия? – спросила Марийка, помолчав. – Мы с тобой ни хрена не сможем с этим сделать. Им нужны аждахи, а значит, будут Жертвы, а мы будем жить в Кареште или где-нибудь еще, будем знать, что они есть, но не нападём на Пески, как ты напал на Харира, и никого не спасем. Иначе нечисть из Приграничья пройдет через пустыню и придет в княжества. Вот почему Жертвы так называются. Не потому, что они жертвы вампиров.

– Все верно. Их жертвуют Приграничью. Но мы посмотрим, что можно сделать.

Дыру обнаружили, уже когда синий снийв сменялся фиолетовым, то есть незадолго до полуночи, часа Ойхе. Вампиры видели в темноте, Артур нет, но густой туман, отразивший свет фар и «люстры» фургона, разглядел и он. Даже не туман – дым, белесый и тяжелый. Дым стелился по земле, расползался из центра. В дыму двигались тени, неясные, возможно, бесплотные. Когда фургон пронесся по границе задымления, тени дернулись к нему, стали более отчетливыми, словно на глазах обрели телесность.

Артур сдал назад, отъехал подальше, чтоб между ним и вампирами было хотя бы метров триста.

– Альберт?

– «Тут я, – откликнулся младший, – вижу уже. Это фейри, их на Земле сейчас несчитанные тыщи. Жрут все живое, вообще все, хоть бабочек, хоть людей, хоть других фейри. Они, по идее, змейские... твоего братца, – объяснил он для Марийки, – должны его слушаться. Но им нечем, они совсем неразумные, так что только истреблять. Миротворца они не испугаются...»

Лучшего момента, чтоб об этом сказать, Альберт не выбрал бы, даже если б старался. Жэрцы, до этого сосредоточившиеся на аждахах, которых, по счастью, не было видно в дымовой завесе, учуяли Артура. Кишащий черными кляксами туман потек в сторону «Скадата» и до чего же быстро потек. Эти нечистики без особого труда могли бы догнать машину.

Если бы от них бежали.

Марийка кошкой выметнулась на крышу, и «Скадат» содрогнулся от грохота выстрелов. Со станковым пулеметом без станины вампириша управлялась, как с винтовкой. Артур видел это и раньше, знал, что вампиры с силовыми дайнами умеют как-то гасить отдачу, и все равно зрелище было пугающим: пулемет не особо уступал Марийке в размерах.

Сам Артур стрелял из «Перкунаса», стоя рядом с открытой дверцей машины.

Уверенней всего нечисть чувствовала себя в ближнем бою, об этом рассказал Гарган. И он же предупредил, что, судя по поведению аждахов, твари могут атаковать и издалека, но физических повреждений они не наносят, а на остальное вампирам наплевать, поэтому, что за атаки, что за воздействие, неизвестно. Аждахи не расскажут: они вообще говорить не могут.

– «Пытаются тянуть силу, – сказал Альберт спокойно. Он вел наблюдение, собирал данные, так что голос был, будто младший дома за мэджикбуком сидит. – Чувствуешь что-нибудь?»

Артур не чувствовал, с ним ничего такого не работало. Он как вампир: чтоб проняло, надо от души по башке приложить, а иначе и не почешется. Потому Альберт и был нужен, чтоб изучить жэрцев, хоть какое-то представление о них составить.

А еще вот для этого...

По песку перед «Скадатом» разлилось огненное море. Марийка взвизгнула так громко, что даже перекрыла грохот пулемета, и тут же перестала стрелять. Туман отступал от пламени так же быстро, как тек к машине, но от Альбертова огня еще никакая нечисть не уходила. И эти не ушли.

– Аккуратней!

Огненный шторм грозил докатиться до вампиров. Если они там все, как Марийка, запаникуют...

– «Да знаю я! – откликнулся Альберт. – В Праге их полно, и все наши».

Пламя улеглось.

– Офигели?! – Марийка швырнула в Артура пустым патронным диском. Тот ударился о поле и отскочил. – Вы, блин... кэкэнар. Оба!

– «А я-то почему?» – обиделся Альберт, хотя огненный шторм был как раз его работой.

– За компанию, – буркнула Марийка, остывая. – Ну и что мы узнали? Кроме того, что всех их сразу сожгли? Что они огня боятся? Охренеть вампирам с этого пользы!

– «Да не надо нам про них узнавать, я их и так знаю. – Альберт пытался одновременно

важничать и обижаться, одно другому мешало, поэтому выходило плохо. – Здесь они жерцы, на Земле их сейчас криттерсами называют. Мелкие, голодные, тупые фейри. Заводятся там, где что-нибудь было по-настоящему плохое и где потом не почистили. Обычно после всего такого чистят обязательно, так что у нас они повылезли, когда Конец Света начался».

– «И чистить стало некому», – закончил про себя Артур то, что Альберт не произнес.

На Земле, да и вообще во многих тварных мирах, всегда не хватало охотников за нечистью. Людей с подходящим талантом немного, а работа опасная, пока одного найдешь и обучишь, двоих обученных убьют и троих искалечат. Сейчас, когда все охотники нужны были для защиты поселков, где жили уцелевшие после Светопреставления, в распоряжении жерцев и прочей дряни их пошиба осталась вся планета. И не одна. Достаточно один раз послушать рассказы Альберта про Землю, чтоб представить, во что превратится Ифэрэнн, если вампиры не удержат оборону. Здесь, конечно, есть и маги, и демоны, да только на Земле они все тоже есть. Но вот что-то не справились.

– В княжества жерцев князья не пустят, – сказала Марийка и добавила, подумав: – Если, конечно, их слишком много станет. Просто отменят, и все.

– «В тварном мире их тоже можно отменить, и вообще все, что случилось, отменить, будто и не было ничего, – откликнулся Альберт со злостью, – если б твой племянник перестал прятаться и сделал то, что должен».

– Он не будет. А я за него не отвечаю, я его вообще не знаю, мы его и не видели никогда!

– «Блин, один в семейке нормальный, и тот на голову больной. – Кажется, Альберт начал сердиться по-настоящему. – Хрена ли вы все такие, а?! Ни за что не отвечаете?! Хрена ли вы все здесь, когда там все рушится? Почему Змей один впахивает и за себя, и, блин, за сына, и за вас за всех? Вы ж маги, фейри, не-знаю-кто-еще, вы могли бы хоть эпидемии остановить?»

Артур сейчас все бы отдал за то, чтоб его обнять. Но для этого нужно было вернуться. И уничтожить мир, который Альберт спасал. Слишком большая цена за возможность побыть рядом с братом во плоти, а не призрачным голосом.

– Брэк, – сказал он, – хватит. Альберт, Марийке двадцать лет...

– «Змею четырнадцать было, когда он...»

– И Марийка не может не слушаться отца. Он ее ратун.

Вранье, конечно, но Альберт знает, что ратуна действительно невозможно послушаться.

Младший буркнул:

– «Уродская семейка».

Помолчал, остывая. И продолжил рассказывать о жерцах.

– «Они из живых силы тянут, но издалека не могут, метров пятьдесят, может, семьдесят, меньше сотни точно. Ослабляют, потом насылают сон, потом набрасываются и едят. Если кто защищен, как Артур вон, то просто набрасываются, там хоть отбиваться можно. У нас сейчас все с берегами, так что от дистанционного воздействия защита есть. Для аждахов такие амулеты тоже можно сделать. Да, жерцы, хоть и безмозглые, но если убить их достаточно много, остальные пугаются и отходят. Вообще уходят с того места. Надолго или нет, не знаю, в Прагу два месяца не возвращаются, а больше нам их нигде достаточно много истребить не удалось».

– В Праге вы действовали так же? – Артур кивнул на вампиров, разделавшихся с остатками жерцев.

– «Выманивали на живых, убивали мертвые, – подтвердил Альберт. – Там с огнем не разойдешься, город жалко, он уцелел почти весь. И, знаешь, до Терезина шестьдесят километров, оттуда перло потоком, как лава из вулкана, просто, блин, река этого дыма, не то что здесь. И все в Прагу. А когда мы им вломили, как отрезало. Они не только в Прагу не приходят, они и из Терезина вылезать перестали».

– Получается, истреблять их нужно не в Приграничье, а уже на подходах к княжествам? Чтоб боялись туда подходить. – Артур покачал головой и достал сигареты. – Слишком

рискованно.

– С сулэмов, если они узнают, станется впустить побольше жэрцев, дать им потусоваться, а потом грохнуть разом, чтоб остальным неповадно было. – Марийка, не спрашивая, вытянула сигарету у него из пачки. – И, кстати, на людей сулэмам плевать, но лишних смертей они не допустят.

– Так они знают. – Артур щелкнул зажигалкой. – В тварном мире те же самые демоны, что и здесь. Если б княжества можно было защитить, выманив жэрцев туда, они бы так и сделали. Но они полагаются на Пески.

– «Что тут с политикой, это ты сам выясняй, – вмешался Альберт, – а я хочу знать, как жэрцы из Преисподней в пустыню вылезают. Они же не демоны, которым насрать, что Пекло, что Чистилище, они фейри, для них разница есть. Значит, есть какое-то ковыряло, которым они дырки проковыривают».

Марийка поперхнулась дымом:

– Мы что, туда пойдем?

– Вы с Альбертом первые, он посмотрит, что там и как, ты его прикроешь. Я пойду за вами, «почишу» там, если получится. Пойдемте. – Артур перезарядил «Перкунас», нажал кнопку предохранителя. – Марийка, не оглядывайся.

Гарган уже махал им. Одна дыра была зачищена, но в любой момент, в любом месте могли открыться другие, и вампиры спешили продолжить рейд. Сквозь висящую в воздухе белую дымку светились габаритные фонари фургона, ярко сияла «люстра», и в этом свете были видны сутулые длиннорукие силуэты, по-одному запрыгивающие в раздвижные двери.

– «Бррр... – сказал Альберт, – жуть какая!»

Он их видел лучше, чем Артур и Марийка: ему ни темнота, ни туман помехой не были. Артур заметил только когти. У вампиров тоже есть когти, так что вроде ничего страшного. Но от аждахов и впрямь веяло жутью. Они были неправильными. Что бы вампиры ни делали с Жертвами, это искажало не только форму людей, казалось, это меняло саму суть. Опасное заблуждение: изменить человеческую суть не под силу даже демонам, самый могущественный из них не смог это сделать, лишь пробудил то, что было в человеческой природе изначально. Вот и вампиры – пробуждают. Вытаскивают на поверхность скрытое в темных глубинах души. В этих безднах больше зла, чем в Нижних Землях, потому что такое зло бессмысленно. Вампиры придали ему смысл, додумались использовать против другого зла, и это-то и есть настоящее искажение. Искажена не человеческая природа, искажены души вампиров, не боящихся использовать то, чему должно быть навсегда сокрытым, подавленным и, в конце концов, уничтоженным.

На известие о том, что они собираются уйти в Нижние Земли, Гарган отреагировал так же, как Марийка. Счел их самоубийцами. Но Марийка-то спорить не стала, а Гарган попытался отговорить. Они были гостями Бесто, Гарган был в стае Бесто, он за них отвечал. К тому же их прислала в Пески сама Ойхе.

Как ни странно, договориться помогло обещание хотя бы на время закрыть границу от жэрцев. В то, что Артур и Марийка смогут выжить на той стороне, Гарган не верил, но в то, что они смогут остановить жэрцев, поверил сразу. Какие-то все-таки странные слухи ходили в Песках об Убийце Демонов.

Когда раскрашенный фургон и оба байка уехали достаточно далеко, чтоб в дыму растаяло даже сияние «люстры», Альберт вернулся. Некоторое время он молча изучал дыру, ее даже Артур чувствовал, хоть и не видел, настолько она была... настолько в чужое место она открывалась. Не было ни боли, ни криков терзаемых душ, как под Эниривой, но что-то было, как дурной запах или как мелькающие на краю зрения тени бесов. Начни присматриваться к ним, и сойдешь с ума, не заметишь, как через твое внимание они проберутся прямо в душу. Поэтому не надо смотреть, надо молиться. И убивать.

– «Ничего не понимаю, – сказал Альберт. – Пойдемте туда».

Марийка решительно направилась прямо в клубы тумана, Альберт был там же, рядом с

ней. Артур пошел следом – «Перкунас» на плече, Миротворец в руках. Стрелять, не зная точно, где Альберт, себе дороже. Хотя младший и не во плоти, а попади в него зарядом плазмы, и вспоминать он это будет следующие лет... много лет. Артур сам больше столетия припоминал братику неудачно сработавший «конус холода» и в злопамятности Альберта не сомневался. Это у них семейное.

Он знал, что они напугали и прогнали жэрцев, но все же ожидал нападения сразу, как только Марийка пересекла границу. Нет, обошлось. На той стороне было так же пусто, как снаружи, даже пустыня была похожа, только под ногами вместо песка шелестели засохшие чешуйки крови. Так вот что здесь воняет: гниющая и высыхающая кровь. Неужели демонам и правда нравится бывать в Нижних Землях? Марийкиному брату, утонченному красавцу с замашками то ли аристократа, то ли мужеложца, нравится этот запах?

Неба здесь не было, снийва тоже; над головой, довольно низко, метрах в пятнадцати, нависали сочащиеся кровью камни. Капало, к счастью, редко. Можно не бояться, что мерзкая жижа шлепнется на голову.

– «Не могу понять, как оно работает... или могу? – Альберт, по ощущениям, стоял на месте, осматривался. Там же была и Марийка, которая старательно не оглядывалась на Артура. Миротворец, наверное, светился достаточно ярко, чтоб она не забыла о том, что оборачиваться нельзя. – Так. Сейчас я тут кое-что померяю...» – сообщил младший и заткнулся надолго.

Минут через десять тишины, нарушаемой лишь сосредоточенным тихим бормотанием Альберта, совершенно непонятным и ни кому конкретно не адресованным, Артур закурил. Еще минуты через три щелкнула зажигалка Марийки. Альберт буркнул что-то вроде: «хочу печеньку» и опять утратил связь с реальностью.

Снова он подал голос, когда Артур уже подумывал о второй сигарете.

– «Похоже, когда криттерсов становится слишком много, граница сама рвется. Это как нарыв: гной накапливается, накапливается и в конце концов прорывается».

Сравнение с гнойником очень подходило для этой местности и этой вони. Даже чересчур. Хотеть печеньку здесь мог только Альберт. Да и он, скорее всего, выделялся. Хотя, конечно, когда младший на чем-то сосредоточен, у него мозги начинают совсем не людски работать.

– «Почему именно здесь, я не знаю, – голос Альберта по-прежнему был очень задумчивым. – Может быть, дело в музыке, в том, что ее нет. Ни в какую музыку я не верю, – уточнил он быстро, пока Артур не вообразил, будто сумел убедить его хоть в чем-то, – но Пески отличаются от княжеств и от Трассы. Видимо, из-за границы с Нижними Землями. Арчи, если ты «почистишь» здесь, жэрцы начнут скапливаться где-нибудь еще. В том городе, откуда ты ходил за Марийкой, например. Тут хотя бы вампиры есть, а там?»

– Там вампиров нет, – признал Артур. – Но, во-первых, в том княжестве к ним более-менее нормально относятся, и можно будет, если что, попросить тамошние стаи прикрыть Энириву. А во-вторых, пока жэрцы накопятся, я и там могу успеть «почистить». И узнать, где еще есть лакуны, если они вообще есть. Энирива в княжестве Ойхе, у Ойхе своей музыки нет, у других князей лакун может и не быть. А рано или поздно рыцарей станет достаточно, чтоб «чистить» все Приграничье, и тогда жэрцы вообще нигде больше не скопятся.

– «Как в Единой Земле? – Младший хмыкнул. – У нас сейчас нарасхват все храмовники. Никто больше «чистить» не умеет. Священники не могут, а рыцари повывелись чуть не тыщщу лет как».

Артур не стал уточнять, что на Земле настоящих рыцарей никогда и не было. Ну или, может, на Земле были как раз настоящие, а в Единой Земле – сказочные, способные молитвой и крестом остановить нашествие нечисти, святыми знаками превращавшие в пепел нежить, наложением рук изгонявшие демонов. Рыцари ордена Храма. Ничего общего с земными тамплиерами.

Когда Единая Земля стала частью Земли, храмовникам очень быстро нашлось занятие.

То же, что и дома: защита людей от фейри. Концентрация нечистиков на Земле была ниже, но зато сама планета была гораздо больше, чем осколок Балканского полуострова, оторванный от нее на двести долгих лет. Так что в итоге все фейри, обитавшие в Единой Земле, расплзлись по планете, ну а свои, земные, тоже никуда не делись. Работы рыцарям хватало. А когда начался Конец Света, ее стало неизмеримо больше. Право слово, вернуться из Ифэрэнн стоило хотя бы для того, чтоб на Земле все наконец закончилось. Раз и навсегда. Если бы это был ужасный конец, тот самый, что лучше бесконечного ужаса, Артур не сомневался бы. Но он видел Нижние Земли и знал, что ждет тех людей и фейри, которые не смогут попасть на Небеса. Бог спасет всех, кто хочет спасения, но те, кто не захочет, окажутся в Аду. Война начнется здесь, в Ифэрэнн, души нигде не найдут убежища, не смогут родиться снова. Нет уж, возвращение не выход. Нужно ждать, Волк придет, и когда он придет, он просто «отменит» все, тварный мир вновь окажется в том дне, когда Артур предсказал его скорую гибель.

Для спасения людей нужен был Бог, для выживания мира нужно чудовище. И это шанс для чудовища стать человеком. Может быть такое? Может быть так, что Господь привел мир на грань гибели, стремясь спасти душу Волка? Да, может. Каждая душа бесценна, значит, спасение каждой души стоит мира.

Чтобы мир выжил, душа Волка должна погибнуть.

Парадокс сродни Авраамову. Кто не верит в Бога, тот не примет такого объяснения, потому что оно ничего не объясняет, просто велит положиться на Господа. Волк не верит. Ну так в том и состоит его жертва, что он, всегда убивавший, чтобы выжить, будет готов умереть, чтобы жили другие. Когда он сделает это, принесет эту жертву, Бог спасет его душу так же, как спасает всех.

Это была молитва не хуже всех прочих. Любая молитва – благодарность Богу. За мир, который Он создал, за все чудеса этого мира, и прекрасные, и страшные, за Его непостижимость и за Его непостижимое милосердие.

Альберт с Марийкой шли впереди, и Артур отстраненно отмечал, что вампириша все-таки очень красива. В грациозности, с которой она двигалась, почти не было хищности. Балетная девочка, танцующая что-то про войну, ловко управляющаяся с пулеметом из папье-маше или легкого пластика. И декорации самые подходящие. Всего красивого – только Марийка и есть, ну так зато и внимание концентрируется только на ней. Разве не в этом смысл декораций?

Жэрцев было не видно и не слышно, кажется, идти так можно хоть до самой границы княжества Оорог, до начала музыки. Пожалуй, так и надо будет сделать. Но не все сразу... Артур обернулся: по обе стороны от его следов, отпечатавшихся в высохшей крови, поднялись стены света. Золотисто-белая завеса от земли до красного, дурно пахнущего свода. Альберт говорил когда-то, что «очищенные» места так и выглядят – световой тоннель, за стенами которого беснуется нечисть. Видеть такое самому раньше не доводилось. Вряд ли он вдруг научился смотреть, как Альберт, скорее это место такое поганое, что зрение само выискивает и цепляется за все, что отличается от крови, грязи и гнили.

– Альберт, ты сможешь нам выход в Пески открыть или надо возвращаться?

– «Ага, давайте еще и сами жэрцам дырки проковыривать! Вот так они и берутся. Всякие рыцари лезут отмаливать, вылезают потом, а дверь за собой не закрывают».

– Значит, можешь. Тогда открывай.

– «Знаешь что, братец, – Альберт аж чуть наизнанку не выворачивался от ехидства, – когда я пойму твою логику, я точно уверую».

Логика у Артура была самая обычная. Логичная. Сейчас он не на нее опирался, а на то, что Альберта знал уже больше ста лет. Если тот не сказал «не могу», а начал выделяться, значит, может. Это же Альберт. Он очень умный, из-за этого и выделяется почти все время. Перестает, только когда сталкивается с чем-то, что ему вот так сразу не под силу. Над чем подумать надо. Пока младший думает, он не ехидничает.

Когда вышли в Пески, под фиолетовый снийв, подернутый дивной бело-розовой поволокой, дышала даже Марийка. Старательно прогоняла по легким сухой воздух, пахнувший жаром, остывающими камнями, похрустывающий на зубах песчаной пылью. Никакой крови, никакой гнили, никакой грязи! Только песок и опускающийся с неба холод. Артур тоже не мог надышаться, даже курить не хотелось, и тем более не хотелось думать о том, что в Нижние Земли нужно будет спускаться снова.

Марийка подошла, встала на цыпочки и с удивительной непринужденностью обнюхала его волосы.

– Ты не пахнешь. В смысле ничем таким.

Артур ее понял. Он достаточно много имел дела с трупами, чтобы знать, что вонь мгновенно впитывается в одежду и в волосы, особенно в волосы. Раз не впиталась, значит, запах был ненастоящий. Точнее, значит, пахло только там, в Нижних Землях.

– А я? – Марийка распустила волосы, начала нюхать потускневшие от пыли черные локоны. – Не могу понять.

– Не пахнешь, – заверил Артур.

– От запаха мертвечины хорошо лимон помогает, – сообщила Марийка.

Прозвучало это очень так... по-девчачьи. Артур представил себе девочек, обсуждающих, чем лучше мыть волосы, чтобы не воняло мертвечиной, и передернулся.

– Пойдем «Скадат» искать.

– Чего его искать, он там, – Марийка махнула рукой в темноту, – а Пентаграмма вон там. Вон, светится. Ты не видишь?

– Нет.

– Что бы ты без меня делал? – Она закинула пулемет на плечо и вприпрыжку направилась к «Скадату».

Путь был неблизкий, и это хорошо: много прошли, значит, много «почистили».

Остаток ночи Артур провел в молитве. Молился за Альберта. Братик устал, а завершения его работе не видно, спасение людей – дело такое же бесконечное, как истребление жэрцев в Песках. Такое же безнадежное. Жэрцев не истребить. Людей... не спасти. Спасением стала бы гибель мира, но на это Альберт не согласится никогда. На это даже Артур был не согласен.

Он молился и просил для младшего надежды. Волк придет. Артур хотел бы отдать Альберту свою уверенность в том, что Волк придет, перестанет прятаться, умрет, чтобы люди жили. Но как такое отдашь? Оставалось просить о надежде.

Марийка, которой сон был не нужен, сидела по-турецки на своей койке и сосредоточенно барабанила пальцами по световой клавиатуре наладонника, спроецированной прямо на обтянутые джинсами коленки. Иногда она начинала говорить, не беспокоясь о том, что помешает молитве. Знала, что не помешает. И говорила скорее сама с собой, чем с Артуром.

– Это будет не просто диплом. Я за него степень получу. Ни у кого нет, а у меня будет. Посмотрим, кто кого тогда жизни поучит.

Под «ни у кого» она имела в виду отца и брата, и Артур все равно не смог бы представить, как Марийка учит их жизни. Но ведь умудрилась же она убедить Моартула в том, что может сама распоряжаться собой, и убедить Змея в том, что способна сама позаботиться о своей безопасности. Так что кто знает?

В Интарафи, в стенах Института, Марийка не появлялась с зимних каникул, но она и раньше вроде как позволяла себе долгие отлучки. Писала самостоятельные работы, рефераты о Трассе и вампирах, дистанционно участвовала в семинарах и коллоквиумах. Здесь этого достаточно, чтобы получать необходимые для учебы баллы. А с конца марта взяла дипломную тему и теперь писала о становлении в Ифэрэнн христианства.

Марийка иногда зачитывала вслух куски очередной главы, так что Артур знал, что она

пишет и как. Не знал только зачем. Нет никакого смысла анализировать то, как люди приходят в веру. Это благодать, она с трудом поддается пониманию, и бесполезно пытаться вывести общие правила для всех ее удостоившихся. Потому что нет никаких «всех», есть каждый человек по отдельности, каждая душа сама по себе, наедине с Богом. Диплом у Марийки не получался, получался просто репортаж с места событий. С элементами анализа, но анализировала она в основном восприятие вампирами Артура: феномен живого человека, оказавшегося во главе большой стаи.

Не могла не понимать, что стая пока без вожака. А может, и правда не поняла еще. Времени-то со дня крещения прошло всего двое суток. Артур вот тоже не осознал пока, что на нем не только Тагар, но и Карешта и – это вообще в голове не укладывалось – весь немаленький тийр. Полтора миллиона человек. А на то, чтобы защитить их от демонов, у него есть сорок вампиров-бойцов и шесть социалов.

И все христиане, нынешние и будущие.

Право слово, следует попросить у Господа надежды и для себя тоже. Хорошо знать, что Он не оставит. Как живут те, кто не знает об этом?

Марийка не мешала молитве своими рассуждениями о прекрасном будущем, когда она станет ученым с мировым именем, а брат останется обычным ангелом. Марийка не мешала молитве, даже когда потягивалась так, что короткая майка выбивалась из-под ремня, открывая белую, нежную кожу на животе. Ее грудь натягивала плотную ткань, небольшая грудь, но красивая. Нет, молиться Марийка не мешала. И все же Ойхе что-то сделала. Ему и раньше нравилось смотреть на Марийку, и ладно, он давно думал... да что там, сразу, как ее увидел, начал думать... о том, что воздержание затянулось. Путешествие заняло немало времени, женщины были, как без них, временные попутчицы, это же Трасса, там все временное. Но в Ифэрэнн Трасса другая. И Марийка отличается от тех женщин. И ясно стало, что временного не нужно, только не с Марийкой. А еще ясно было, что постоянное вряд ли возможно. Так что лучше вообще ни о чем не думать. Он и не думал. По крайней мере, не беспрестанно. Однако Ойхе что-то сделала, и мысли вернулись.

Если это вообще можно назвать мыслями. Мыслям место в голове.

Глава 16

Трудность убеждать заключается не в том, что я знаю, что кого-то должен убедить, и не в том, чтобы с помощью красноречия уметь ясно выразить свои мысли, и не в том, что иной раз приходится идти наперекор сложившимся ошибочным взглядам. Трудность убеждать заключается в том, чтобы познать чувства того, к кому я обращаюсь, и суметь подойти к нему...

Сунь-цзы

Когда снийв стал светло-голубым, появился Бесто и сказал, что Древние готовы принять гостей.

Можно было предположить, что встреча состоится где-нибудь рядом с Пентаграммой, но Бесто, сам севший за руль «Скадата», миновал Пентаграмму, поехал дальше через лагерь, мимо палаток, домов, пустых клеток, накатанных гоночных такыров, на северо-запад, в предгорья Дорсума. Час поездки, два, три... пейзаж за окнами не менялся, Пески казались бесконечными. Кое-где пустыня сменялась участками степи, зелень травы, растущей над неглубоко ушедшими под землю ручьями, ласкала взгляд, утомленный яркими красками палаточных лагерей. В таких местах упыри почему-то не селились. Но степь быстро заканчивалась, и снова начинались стойбища, одно за другим.

Чем дальше от Пентаграммы, тем меньшего размера были лагерь, пока, в конце концов, не пошли вперемешку палатки, палатки, палатки, никаких домов, никаких специально отведенных под машины площадок, никаких значков стай. Здесь ставились одиночки, молодняк, как попало сбивающийся в группы, ищущий возможность попасть в стаю, хоть в

какую-нибудь, даже маленькую.

– Ты начинал отсюда? – спросил Артур у Бесто.

Тот фыркнул.

– Отсюда не начинают, для этих здесь все и заканчивается, если только свою стаю не соберут. Кому они нужны?

– А чтобы увеличить свою стаю, ты даешь кому-то афат?

– Если мне надо больше бойцов или социалов, я говорю, что Бесто ищет новых бойцов. Эти ко мне не приходят, они до меня не дойдут. Приходят из других стай, не таких больших, как моя. С хорошими дайнами, с полезными связями, со слугами, со своим Стадом. Мой ратун не был вожаком, но он был в большой стае, а у этих ратуны такие же, как они, одиночки.

– Это отсюда уходят на Трассу?

– Да. А куда им еще? Поднакопят экзот-саолов в Приграничье и валят в тийры. Там всех принимают, там всегда война. Ты, кстати, как? – Бесто бросил быстрый взгляд на Артура. – Берешь новичков? Рена оставила тебе стаю, кто там сейчас вожак?

Артур неопределенно пожал плечами. Вожаком стаи Рены неизбежно должна была стать Марийка, самая сильная из вампиров, хоть и не самая разумная. Разум тут не главное, советников хватит, та же Ласка готова помочь с бойцами, а социалы Рены, те, что остались, – с управлением небоевой частью стаи.

– Думаешь, они сами определятся? – хмыкнул Бесто. – Если Рена никого не оставила и ты никого не назначил, получается, что ты и есть вожак. Так как? Берешь новичков?

– Нам все нужны, – ответил Артур, впервые задумавшись над тем, а знает ли Марийка, что ей предстоит командовать стаей Рены, – и вампиры, и люди. К нам приезжают, остаются и стараются быть полезны, кто чем может.

– Много там духов? Из Немоты? Я слышал, все время где-нибудь прорываются. Как они насчет того, что вампиры с ними воюют? Сильно бесятся? В княжествах думают, вампиры с духами дружат.

– Фейри на Трассу не рвутся, на Трассе людям от людей куда больше проблем. А что, вы с ними не дружите? В княжествах ошибаются?

– Да смотря с кем же, – Бесто пожал плечами. – Кто-то помогает, врать не буду, кому-то по хрен на нас. Природные всякие духи, они даже в Иду живут, так им плевать, что мы, что люди. Их не трогают, и они не трогают, а задень, и пожалеешь, что на свет появился. А есть такие, которые убивают нас как людей. Но так-то посмотреть, людей убивают и те, кто наши союзники, и те, кто наши враги, и природные, если люди повод дают. А нас – только враги. По-любому выходит, что мы с духами дружим. На нас даже жэрцы первыми не нападают.

– Вы для них несъедобные.

– Когда на нас наезжают, мол, мы людоеды и с духами заодно, там, знаешь, жэрцы до хрена в кассу.

Тут возразить было нечего. Нелюбовь к упырям в княжествах изо всех сил хотели сделать ненавистью, страх перед упырями старались превратить в ужас, и тут действительно все годилось. Самые нелепые обвинения часто оказываются самыми убедительными. Если бы вампиры не контролировали большую часть средств массовой информации, исключая разве что государственные каналы, княжества давно вытеснили бы их в Пески и на Трассу.

Артур, кстати, и насчет государственных каналов уверен не был. Слуги – дело такое. Все о них знают, никто не знает, кто они, а они повсюду. Сколько человек может быть в слугах у того же Бесто? Тридцать? Шестьдесят? Сто? Сколько вампиров в Песках? Если в окно смотреть, кажется, что их бесконечно много. Если верить информации, собранной на Трассе, их около двух миллионов. Это очень похоже на бесконечно много. Хотя, разумеется, здесь и сейчас собрались далеко не все – в основном эти миллионы рассредоточены по княжествам. Но даже тех, кто сегодня в Песках, настолько много, что в голове не укладывается. Тысяч двести? Триста? Или больше? Население не самого маленького города,

только город одноэтажный и занимает огромную площадь.

Стойбища закончились уже в степи, последние палатки мелькнули между пологими холмами, а потом только холмы и остались. Обступили с двух сторон, пологие, заросшие цветами, тоже яркие, но эти краски не резали взгляд. Горизонт заслонили горы, они давно маячили впереди, как темные облака. Красиво, хоть, конечно, и не так, как в Уэлане. Красиво, как на Земле. И даже белое небо кажется земным, солнца-то нет, вот и получается обычная пасмурная погода где-нибудь в предгорьях.

«Скадат» летел дальше, время шло, час за часом. Артур порадовался, что взял с собой запас воды. Походная привычка. Сколько ни живи в цивилизации, а некоторые правила все равно соблюдаешь, даже не задумываясь. И когда он подумал про воду, сдавливающие дорогу холмы расступились, машина вылетела к водопаду, и иллюзия пребывания на Земле мгновенно рассеялась. На Земле таких водопадов не было. Их, наверное, ни в одном тварном мире не было.

Виктория и Ниагара в сотнях потоков, каскадом падающих со скал в кипящую чашу большого озера. На берегу озера, вырастая прямо из скалы, стоял дом с фасадом черно-красного камня. Мрачноватый, красивый, с коваными флюгерами и узорными решетками на узких стреловидных окнах. Древние очень хорошо выбрали место для проведения соборов.

Разговаривать здесь было невозможно: грохот от падающей воды стоял такой, что услышать друг друга получилось бы, только если кричать или говорить прямо в ухо. Но невероятная, воистину адская красота рушащихся сверху миллионов тонн воды искупала все неудобства. Артур даже не поморщился, когда Бесто проорал ему:

– Это Керис! Дальше сам! Я туда не пойду!

Самый большой водопад Ифэрэнн? Артур слышал о нем и об озере Керис, в котором брали начало реки Лима и Синир. Лима текла по предгорьям на восток, в сторону океана, а Синир уходила на юг и служила естественной границей Песков, отделяя их от Эсимены. Рек отсюда не было видно, отсюда вообще мало что было видно: воздух, полный брызг, грохочущих жемчужных фейерверков, потерял прозрачность.

Очень не хватало радуг. До того сильно, что даже сердце сжалось. Не в радугах, конечно, дело, солнца не хватает. И лучше о нем вообще не вспоминать.

Марийка закивала, мол, она тоже не пойдет. У Марийки были свои резоны. О Древних она знала не больше Артура, об их возможностях тоже. Кто-нибудь мог ее узнать, а это совсем ни к чему. Вполне достаточно того, что у Артура дела с Ойхе, не стоит впутывать в дела христиан еще и Семью. Трудно представить кого-то более далекого от христианства. Люди, отказавшиеся от веры... да даже демоны и то ближе к Богу.

– Их восемнадцать. – Бесто только сейчас вспомнил об инструктаже или решил, что здесь единственное подходящее для этого место. – Две женщины. Красивую зовут Роса, другую – Сита.

– Это как обычно, – встряла Марийка, наклонилась с заднего сиденья, просунула между ними голову, чтобы слышать обоих, – вечно так, одна красивая, другая – другая.

– Трое, которые рядом с Ситой обычно держатся, Вилгант, Рейнемар и Горн. Вечно разодеты, как... – презрительное фырканье, – попугайские шмотки, еще и шарфы цветные. – Бесто почему-то сделал удушающее движение. – Но, если за сабли берутся, нормальные вроде мужики становятся. Я б с ними один на один не вышел. С пулеметом только разве что. И то против Горна подумал бы и все равно не вышел. Двое в черном, ты увидишь, Биргер и Ройф. Биргер старший. С ними не договоришься, они знают с демонами. А вон там байки, шесть штук, – упырь ткнул пальцем на небольшую стоянку у озера под невысокими плакучими деревьями, – свои ребята были бы, если б не были Древними. С бородами все! – он похлопал себя по подбородку, – страшные, тебе понравятся! Андерс, Драго, Мигель, Курт, Ксавье и Стефан. Запомнил? Они, на хрен, одинаковые все, не бойся перепутать, не обижаются. Который с револьверами, длинными такими, он их на поясе носит, это Генрих. У него еще шляпа, но там он ее снял, по-любому. Рок и Ричард одеты, как я, такие же клепки, увидишь. У Ричарда на них знак «гора».

Артур понял, о чем он. Кожаная одежда Бесто была явно непростой.

Кожу теплокровных в Ифэрэнн вообще могли выделять только маги и вампиры – без магической обработки она попросту исчезала вместе с трупом животного, с которого ее сняли. А у Бесто куртка и штаны были, кажется, еще и зачарованы. Или, может, пошиты были так, что казались зачарованными. Клепки на этих байкерских доспехах были произведением искусства, да и сами доспехи, если на то пошло. И раз Бесто сказал о знаках, стало быть, без чар все-таки не обошлось. Артур, правда, не отличил бы «гору» от «равнины» или там «водоема», но Бесто пальцем изобразил в воздухе что-то похожее на трезубец. Значит, у кого на клепках изображения трезубцев, тот Ричард. Второй – Рок.

– Аман вот такой, – Бесто поднес к глазам сложенные колечками пальцы, – очкастый. Не перепутаешь. Его не зли. Еще Уго есть, выглядит как дерьмо, но, если убедишь его, не пожалеешь. Все, теперь иди.

– Спасибо. – Артур голос сильно не повышал, у Бесто со слухом куда лучше, чем у него.

– Сочтемся, – рыкнул упырь.

И правда. Им еще сделку на землю заключать.

Неумолчный грохот воды давил на восприятие, заставлял нервничать – по дороге к дому все время хотелось оглядеться, убедиться, что никакой враг не подкрадывается, пользуясь тем, что Артур не слышит его. Врагам взяться было неоткуда, скорее всего, рев водопада был слишком низким, настолько, что действовал как инфразвук. Хотя не исключено, что и без магии не обошлось. Или без фейри. Здесь точно нет другой музыки, кроме этого грохота.

А стоило подойти к высоким двустворчатым дверям, как обрушилась такая тишина, что захотелось сделать шаг обратно. Лучше уж пусть мозг сдавливает от невыносимого шума, чем он лопнет от такого же невыносимого беззвучия. Древние выбрали хорошее место, и Древние хорошо продумали встречу гостей. Хотя, надо думать, гости у них бывают нечасто.

Артур потянул на себя одну из обитых металлом створок и вошел в светлый холл, за которым, отделенный аркой, располагался зал куда больших размеров. В нем не было окон – та часть здания была утоплена в скале, но света хватало: стены от пола до потолка покрывали узоры и инкрустации из светящихся маруанских кораллов, а еще повсюду стояли цветы из Рэваха – яркие факелы разноцветного огня. Нежнейшие, прихотливые языки белого, золотого, розового и голубого пламени. Светильники красивее многих других, а учитывая редкость этих цветов, их можно было бы счесть демонстрацией богатства и могущества. Только сомнительно, чтоб Древние ставили себе цель кому-то что-то продемонстрировать. Может, они просто решили, что если уж делать искусственное освещение, то пусть оно будет самым красивым и дорогим. А может, в те времена, когда возводилась внутренняя часть дома, энергетического освещения еще и не придумали. Настоящие факелы и свечи вампирам не очень-то по нраву. Все равно как инсектофобам террариумы с тараканами и всякими многоножками.

Восемнадцать упырей, самому младшему из которых было больше лет, чем Мафусаилу, в окружении таких террариумов чувствовали бы себя, наверное, как дома. Человеческого в них, на первый взгляд, не было ничего, кроме внешности. Все они казались разными – такую пеструю компанию только в Песках и можно встретить, – но все походило друг на друга выражением глаз. Скука, подтачивающая душу таких, как Бесто, молодых, полных сил и планов, до этих упырей добралась всерьез. Даже не грызла уже, а медленно пережевывала.

Шестнадцать мужчин и две женщины, одна из которых от мужчин, впрочем, не сильно и отличалась. Камуфляж, короткая стрижка, костлявая фигура. Еще и шрамы по всему лицу и шее, прихотливые узоры, разукрашенные татуировками. Это и есть Сита? Что ж, Бесто и впрямь чтит Древних, раз умудрился, упомянув о ней, ни разу не сказать «страшная».

Артур поспешил перевести взгляд на вторую даму по имени Роса; та сидела в кресле у

стены, рядом с высокой цветочной вазой, поглаживала пальцами лепестки белого рэвахского цветка. Бледная кожа в свете лепестков казалась серебряной. В одежде Роса подражала Ойхе, только на шальварах были разрезы от пояса до браслетов на щиколотках, а камиза декольтирована так сильно, что перестать смотреть на декольте стоило Артуру труда. Смотреть на мужчин после этого было совершенно неинтересно. Вот где Марийка пригодилась бы, вправила бы мозги. Ей даже на Ойхе плевать, что уж говорить про женщин, которых и женщинами-то называть можно только из вежливости?

– Дайны не действуют, – мелодично произнесла Роса.

– Это смотря какие. – У Ситы оказался на удивление приятный голос.

А вот сорвавшиеся с потолка летучие мыши, которых Артур и не разглядел сначала, так ловко они прятались где-то среди вычурных кованых украшений все с теми же кораллами, приятными точно не были. Твари спикировали вниз, целились, кажется, вцепиться в лицо или в волосы, но то ли стрижка для них оказалась короткой, то ли выражение лица не понравилось, мыши пронеслись над головой и вновь исчезли в тенях.

Сита хмыкнула. Роса одарила ее утешающей улыбкой. Какая-нибудь дамочка с более слабыми нервами от такого утешения пошла бы и повесилась.

– Ну что? Все будем пробовать? – холодно поинтересовался один из двух, одетых в черное, мужчин. Вообще, в черное здесь, так или иначе, были одеты пятеро, но эти двое бросались в глаза. Как будто выбор цвета был вызовом или тоже каким-нибудь дайном. Последнее, кстати, не исключено. Этот постарше, значит, его имя Биргер. А молодого зовут Ройф.

– А что, не все еще попробовали? – с подкупающей наивностью спросила Роса.

Со стороны шестерки бородачей послышалось одобрительное ржание. Насчет того, что они все одинаковые, Бесто преувеличил, но, чтобы найти отличия, требовалось внимание, а на первый взгляд только бороды по цвету и разнились. Трое здоровяков, презрев кресла, сидели верхом на стульях, один водрузил ноги на стол и раскачивался, рискуя упасть, – ножки стула угрожали сломаться под такой тушей. Двое, вообще, прямо на стол и уселись.

– Я его не вижу, – проскрипел похожий на сверчка вампир в круглых черных очечках, с такой прической, будто на голове у него что-то взорвалось, и в одежде такой расцветки, что взорвалось что-то в голове у Артура. – Зато вижу, как Ройф тащит сюда всякую дрянь. Ройф, не старайся, Биргер уже попробовал. Никаких дайнов сегодня.

– Итак, – по-прежнему холодно и спокойно произнес Биргер, проигнорировавший слова очкастого, – у нас есть живой жрец, на которого не действуют дайны. Он создает себе подобных во всех княжествах. В Ифэрэнн появляется все больше не поддающихся дайнам смертных. Раз уж мы впустили его сюда, лучше ему здесь и остаться.

Артур, слушая Биргера, нашел взглядом высокого худого мужчину со старинными револьверами в кобурах. Перед ним на столе лежала широкополая шляпа, будто вытасченная прямиком из вестерна. Сразу вспомнился Рамирес, коммивояжер с пистолетом. Он приехал в Тагар в день крещения, сказал, что в отпуск. Может, и задержится. Так, ну значит, это – Генрих. А вон у того плечистого блондина зацепки на куртке и штанах украшены трезубцами – он, стало быть, Ричард, а брюнет рядом с ним – Рок. Методом исключения, Уго, получается... вот этот студент-заучка с крысой?

Бесто сказал «выглядит как дерьмо»... ну у Бесто свои представления о правильном внешнем виде.

Уго выглядел безобидно. Паренек в растянутом свитере и мешковатых штанах. Молодой, моложе Ройфа, но Ройф-то не одиночка, они с Биргером явно не чужие, а Уго сам по себе. Значит, афат получил рано и запросто может оказаться злобным социопатом. Что там Биргер говорит? М-да уж, еще вопрос, кто тут настоящий социопат. Знаться с демонами вампиры не могут, демоны с ними знаться не станут, но Биргер и Ройф, кажется, успешно создали о себе впечатление. Что за «дрянь» они пытались притащить в дом? О чем говорил Аман?

– Я вам не враг, – сказал Артур, убедив себя включить в это «вам» и обоих черных

вампиров, – я приехал предложить сделку. Вас донимают жэрцы, мне нужна земля в столицах. Жэрцев можно надолго остановить, а вы можете убедить вожаков продать мне землю.

– Он будет строить там храмы непонятно какого князя, – сказал Биргер, – и заразит всех. Мы лишимся даже слуг.

– Один мальчик заразит двадцать миллиардов живых? – В голосе Ситы было сомнение.

– Они размножаются в прогрессии.

– Он появился в Ренатире в середине этмы, в конце баспана набрал больше трех тысяч сторонников, седьмого сахра¹⁰ шестьсот четырнадцать из них приняли его веру и прошли обряд, предположительно защищающий от дайнов.

Это заговорил Уго, обращался он, кажется, к крысе, но посмотрели на него все, кроме Амана, который изучал внутреннюю сторону стекол своих очков. Не снимая их с носа.

– Меньше двух месяцев, – сказал Биргер.

– Новообращенные понесут веру дальше. – Уго, похоже, решил объяснить остальным, что означает «размножаться в прогрессии». – По непроверенным данным, они наделены различными необъяснимыми способностями. Ходят слухи, что эти люди успешно противостоят не только дайнам, но и демонам. Даже бесплотным.

– Я б его убил. – Генрих потянулся в кресле. – Но раз это Биргер с Ройфом предлагают, значит, дело нечисто.

– Жэрцы, – прорычал один из бородачей, и Артур только сейчас увидел, что зрачки у него в глазах вертикальные, да и сами глаза, желтые, яркие, скорее кошачьи, чем человеческие. – Вы оглохли, что ли? Он говорит, что может остановить жэрцев.

– Он сжег их нынче ночью, – подтвердил Рок.

– Это была огненная река, – кивнул Ричард, – опасно, но очень эффективно. Если таковы дайны от князя, которому он поклоняется, с жэрцами вообще можно будет покончить.

– И с Песками. Вы, идиоты, вы что, хотите увидеть огненную реку, текущую по стойбищам?

Да уж, спасибо Альберту, удружил. Массовое сожжение жэрцев впечатлило упырей сильнее, чем хотелось бы. Говорить, что огненная река – работа младшего, было не время, да и все равно не поверили бы.

– Я не враг вампирам, – напомнил Артур. – Мне вообще нельзя вас убивать потому, что у вас есть души, которые можно спасти.

– Поэтому ты делаешь так, что вампиры умирают сами. – Биргер гнул свое, и получалось у него неплохо. Действительно, крещение Рены и ее свиты можно было истолковать и таким образом.

– Он. Убивает. Демонов, – отдельно пророкотал желтоглазый. – Он убил кучу жэрцев.

– Он понравился Бесто, – заметила Сита, – поэтому он нравится и вам, и тем более им. – Она кивнула Генриху и Ричарду с Роком. – Биргеру веры нет, но то, что сказал Уго, вызывает опасения. И еще, что это за князь такой, о котором мы не знаем? Когда-нибудь, когда поклоняющихся ему станет достаточно много, он может прийти сюда...

– И будет война, – каркнул Биргер.

– Я за жреца! – В голосе Генриха прозвучал энтузиазм, совершенно не сочетающийся с его суровым видом.

– Клык на рельсу. – Ричард ухмыльнулся. – По-любому, я тоже. Рок, ты как?

Тот кивнул:

– Я бы повоевал. Так, чтоб пострелять. Жэрцы не война, они тупо задолбали.

– Но мы можем лишиться дайнов, – напомнила Роса, – вы, трое, вам это тоже должно быть интересно. Кого-то по-прежнему будут слушаться животные, кто-то сохранит силу и

¹⁰ Э т м а – 12-й месяц года; б а с п а н – 1-й месяц года; с а х р а – 2-й месяц года.

быстроту, но вы, как и я, не сможете ничего сделать с людьми.

– Уго вроде не сказал, что тот князь защищает от пуль.

– А вам вроде не по пятьсот лет, чтоб вести себя как подростки! – В голосе Росы прозвучала сталь.

– Он не князю служит, а Богу. – Аман посмотрел на Артура поверх очков. – Этот бог был в мирах, из которых мы сюда пришли. Обычно так и назывался: «Бог». Еще «Творец». Все помнят?

Это у него получилось почти по-учительски. А сейчас повторим тему прошлого урока: «Творец миров, в которых мы родились». Все помнят?

Похоже, что вспомнили все. Ну кроме, может быть, бородачей, которые пропустили слова Амана мимо ушей, выясняя, видят Артура летучие мыши или не видят. Показания расходились, но неизвестно, заключалась ли проблема в дайнах или в том, что мышам в зале было слишком светло.

– Его нужно убить, – сказала Сита.

– Пока не поздно, – согласилась Роса.

– Здесь никто никого не убьет. – Генрих снова стал выглядеть как молодой Клинт Иствуд в плохом настроении. – И, повторюсь, я согласен ему помочь. Слышал, Убийца? – Он взглянул на Артура. – Землю в Толэ и Келосе ла Иму тебе продадут.

– Спасибо, – сказал Артур.

Услышать, что прямо здесь его не убьют, было отрадно. Даже ему не под силу справиться с восемнадцатью упырями, которым хорошо за тысячу. Вообще-то без оружия ему и с одним таким не справиться. Тут и «Копье святого Георгия» не спасет. И Альберт не факт, что успеет вмешаться.

– «Успею, – тут же влез Альберт, – я на связи, не сцы. Щиты будут, а дальше разберемся. Что тебе этот стрелок пообещал?»

– Толэ и Келос ла Иму. Столицы Уэлана и Хуола. Итого, у нас Эсимена, Уэлан, Иду и Хуол.

– В Инамии вся земля в собственности наместника, но мы договоримся, – произнес желтоглазый и наконец перестал раскачиваться на стуле. Сел нормально. – А с Орау вообще без проблем.

«Оссис и Мару», – сосчитал Артур.

В Оссисе всего три города, почти нет населения, а то, что есть, ну до того необычное, что такие вот зверолоуды, как эти шестеро, наверное, чувствуют себя там как дома. Храм в Инамии, это будет интересно.

– Вирра, – коротко произнес Горн. – Роса, ты уж извини, но я с тобой не согласен. Это не значит, что я заодно с вами, – тут же добавил он, глядя на бородатого.

– Да не вопрос! – отозвался тот, сверкнув длинными клыками. – Был бы ты с нами заодно, меня б стошнило.

– У меня ничего нет, ничегошеньки, я нищ, – горестно сказал Аман и снова спрятал глаза за очками. – Если б что-нибудь было, я бы все равно ничего тебе не дал. Плохая примета – что-нибудь давать жрецу. Но я тебя не убью, хотя ангелы твоего Бога все время дают повод, все время, постоянно. Даже прямо сейчас.

Да уж, и на том спасибо. Бесто предупреждал не злить Амана, и, наверное, у него были на то причины. Артур понятия не имел, чем опасен безумный очкарик, но готов был согласиться с Бесто. Что-то в Амане не так, сильно не так.

– Тогда пусть уходит. – Биргер смотрел прямо перед собой. – Если кто-то хочет охранять его, вперед. Убийца, тебе не понадобится земля в столицах, ты не доживешь до фиолетового снийва.

– Посмотрим, – сказал Артур вежливо.

Что ж, сделать Уго союзником у него не получилось, но он заручился обещанием земли еще в пяти столицах. И приобрел четверых врагов, могущественных и неленивых. Отличный довесок к князьям, которые потихоньку раскачиваются на то, чтоб предпринять в отношении

христиан что-нибудь неприятное и эффективное. Неприятно эффективное.

Он развернулся, чтобы уходить, но не успел даже пройти под аркой, когда открылись двери, впуская дневной свет, и в холл шагнул высокий вампир, с ног до головы одетый в белые шелка, будто явился прямиком из Сидены. Черные волосы, заплетенные в свободную косу, падали аж до щиколоток. Несмотря на всю серьезность ситуации, Артур в первую очередь подумал о том, как жить с такой прической. И решил, что это даже после смерти невозможно.

– Надеюсь, я не слишком опоздал?

– Ты? – изумилась Роса. – Откуда ты взялся?

– Из Эсимены, – в первый раз подал голос Горн, тот, о котором Бесто говорил, что не вышел бы против его сабли даже с пулеметом, – посмотри на одежду.

Происходило что-то непонятное. Появление незнакомца восприняли удивленно и без восторга, и все же все, кроме Росы и Ситы, встали, когда он прошел под аркой. Встали, просто чтоб поздороваться. Рукопожатия у вампиров не приняты, но обойтись простым «привет» в отношении этого типа, видимо, считалось недостаточным.

Насчет одежды Горн заметил верно. По тому, как были одеты он сам и двое других спутников Ситы, казалось, что странные, вычурные шмотки – это единственное, в чем они разбираются. Обманчивое впечатление. Опасное. Одежда нового вампира не казалась ни странной, ни вычурной, действительно, эсименская мода, там многие так ходят. Просто странно, что все белое. Даже вышитые по шелку узоры и те белые, другого оттенка только. Это что-то значило. Кто в Эсимене носит белый шелк? Нет, Артур ничего не знал об этом, поэтому ничего не мог вспомнить.

– Не уходи, жрец, – незнакомец прошел мимо Артура к столу, выбрал одно из кресел, отодвинул и сел так, чтобы видеть всех, – до чего вы договорились? Хочу выбрать, к кому присоединиться.

– Что ты вообще здесь делаешь?

Биргер уже не каркал, а шипел, кажется, он был очень зол. Может быть, из-за цвета шелков? Биргер и Ройф в черном, этот косатый в белом, наверняка тут есть какой-то смысл...

– Я бы спросил, кто это вообще, а не что он тут делает, – буркнул Уго, адресуясь к крысе.

Артур мысленно сказал ему спасибо. На то, чтоб прилюдно расписаться в том, что не знаешь кого-то из больших шишек, нужна смелость. Или самоуверенность. Но в любом случае можно ожидать, что Уго ответят. Он все-таки тоже не последний упырь в Песках. И если он не знает этого, нового, то... что это означает? Что новый-то здесь как раз Уго. А этот – старый.

– «Ройф его тоже не знает, – зашептал Альберт. – Видел, как он на Биргера посмотрел? Типа кто это, блинский на фиг, и с фига ли в белом? Арчи, цвета точно что-то значат. Надо выяснить».

– Лаад это, – ответил Генрих, – най Экинчи, ная Тхалта...

– Ная Сенаса, – перебил Уго. – Все знают про Экинчи и Тхалта, но я впервые слышу про Лаада.

– «Сенаса?! – переспросил изумленный Альберт. – Этот дядька – потомок Сенаса?!»

– Они тут все потомки Сенаса, – напомнил Артур.

– «В третьем поколении?!»

Ох нет, вот это уж точно вряд ли. Но Генрих ведь перечислил всю цепочку. Лаад, Экинчи, Тхалх... все, дальше Сенас. Так это что получается, кто сюда явился? Сколько ему лет? Зачем он здесь? Артур не знал даже, что такие вообще существуют.

Генрих, улыбаясь, пересказывал Лааду недавние прения. Двое из шестерых бородачей то и дело вставляли свои комментарии. Что там Сита говорила? Кто понравился Бесто, понравится и парням с пистолетами, и этим, звероватым. Лаад из той же банды? Да чушь, он вообще ниоткуда... стоп! «Лаад» – это же эсименское слово. Оно означает просто «никто».

Никто ниоткуда, очень старый, очень вовремя появившийся. Еще и эсименец.

– «Да он маг! – Альберт как будто весь подобрался. – Точно тебе говорю, это мертвый маг!»

– Я в нем никакой магии не чувствую.

– «Потому что мертвые маги отличаются от живых. У них ресурс другой. Для тебя они все – мертвяки, все типа на одно лицо. Артур, может, его Ойхе сюда отправила?»

Лаад был древним даже для собравшихся здесь вампиров, которых называли Древними, вот так, с прописной буквы, все остальные Пески. Но все же он не был непререкаемым авторитетом. С настоящим дружелюбием к нему отнеслись зверовампиры и эта троица с пистолетами: Генрих, Рок и Ричард. Остальные... держались уважительно, но только потому, что этого требовали инстинкты. Для вампиров разница в возрасте имеет большое значение: кто старше, тот сильнее, а с сильным лучше не идти на прямой конфликт.

– При всем уважении к твоей осторожности, Роза, – Лаад улыбнулся прекрасной упырице, но та избегала смотреть на него и улыбки не увидела, – возможно, нам не стоит спешить с убийством жреца. Аман ведь уже рассказал вам о его боге?

Аман заостенел, ни дать ни взять – прикинувшийся мертвым кузнечик. Мертвый, прикинувшийся мертвым кузнечик.

– Ты зачем пришел? – прошелестел он, почти не разжимая губ. – Ты зачем пришел, Безымянный? Тысячу лет не приходил. Уходи обратно, тогда не будет ничего. Не хочу знать, что будет, не хочу знать, что будет, не...

Сита со стуком поставила перед ним банку с кровью. Аман схватил банку обеими руками, втянул в себя кровь и заткнулся. Артур хотел бы, чтоб его приступы предвидения можно было заткнуть так же легко. Он не хотел знать, что будет. Он настолько не хотел знать, что будет, что готов был, как Аман, устроить истерику.

Но не умел.

Аман, похоже, больше тысячи лет тренировался. А тут до тридцатилетия дотянуть бы.

– Мы все из разных миров, – продолжил Лаад, словно Аман ничего и не говорил, – и мы все знакомы с идеей о том, что у этих миров один Творец. Можно с этим соглашаться, можно спорить, но есть факт, с которым не станет спорить никто из нас: в наших родных мирах вера в единого Творца захватывала умы тем быстрее, чем больше ее вестников убивали. Они как шершни, – продолжил он в наступившей тишине, – те, когда их убиваешь, посылают остальным сигнал бедствия, и к месту гибели слетается все гнездо. А жрецы Белого Бога... – легкая гримаса, – можно подумать, что они, умирая, посылают сигнал: «примите мою веру». И в новую религию слетается вся планета.

Древние молчали. То ли были так впечатлены речью, то ли вспоминали историю своих миров. Все они были не с Земли. Даже как-то досадно: неужели не нашлось среди земных вампиров ни одного достаточно могущественного, чтобы войти в число Древних?

– Это похоже на правду, – произнесла наконец Сита. – Я помню, как было у нас, я застала. Их убивали, и поэтому их становилось все больше. Не знаю, как это происходило, но единобожие распространялось так быстро, что захватило планету еще на моей памяти. Лет триста... может, даже меньше. А тут есть все, телевидение, юор, газеты, – она почему-то бросила взгляд на Уго, тот насупился, – и одного юора достаточно, чтобы они за год управились. Если убить жреца, процесс пойдет лавинообразно.

– Да это уже лавина! – взорвался Ройф, – Уго привел вам цифры. Что, разве мало?

– А Лаад напомнил историю, – парировала Сита. – И, между прочим, парень убивает демонов.

– И может остановить жэцев, – вставил Рейнемар.

– Если он их и правда остановит, в чем я сомневаюсь, – Биргер говорил гораздо спокойней своего напарника, но зол был ничуть не меньше, – демоны уничтожат Пески. Они нас терпят только потому, что мы сдерживаем жэцев в Приграничье.

Лаад фыркнул и ткнул пальцем в сторону Биргера.

– Ты будешь говорить о демонах? Ты лучше всех тут знаешь, что они нас не терпят,

они просто ждут, когда мы окажемся в Нижних Землях. Жрец не только убивает демонов, он еще и спасает от них вампиров. А жэрцы... – взгляд пронзительных черных глаз обвел собравшихся. – Ну кто из вас предпочтет жэрцев вторжению демонов в Пески?

Ответом было молчание. Роса передернула плечами, и Артуру захотелось закутать ее во что-нибудь теплое. То ли дайны все-таки действовали, то ли не в них было дело, а в том, что Роса выглядела маленькой и замерзшей. Рейнемар брезгливо поморщился. Зверолюды заворачали совсем не по-людски.

Артур предпочел бы жэрцев. Это же просто безмозглые, уродливые твари, что в них такого ужасного, что вампиров кривит, как от мертвой крови? Демоны умны, красивы и гораздо более опасны. Ну ладно, Древним виднее. С демонами они худо-бедно сосуществуют, а жэрцев можно только убивать.

– Вот и я так думаю, – подытожил Лаад. – Уго, мне нужно, чтобы все знали, что любого из вожаков, кто поддержит жреца, я возьму в свою стаю.

– В какую еще стаю? – Роса выронила из рук цветок, который Горн тут же подобрал и поставил в вазу. – Да у тебя нет никакой стаи.

– Уже есть Бесто. Итак, – Лаад поднялся на ноги, – Эсимена, Оссис, Хуол, Иду, Оорог, Уэлан и Мару, верно? Рейнемар?

Второй красавчик помедлил, расправляя пышный узел шарфа.

– Ладно. Кеффа.

Сита дотянулась до крысы, умывающейся на плече Уго, подергала ее за хвост.

– Уго, что скажешь? Рэвах?

– В обмен на договор об интервью только моим изданиям. – Уго был не в восторге от идеи, но отказать значило встать на сторону Биргера, а такое себе мог сейчас позволить только Аман. Про него и так ясно, что он ни на чьей стороне. – Плюс моя же организация пресс-конференций.

Артур кивнул, не очень понимая, о чем речь. Нужно подробней разузнать у Бесто насчет этого Уго. Лаад попросил его распространить информацию, Бесто сказал, что Уго лучше иметь в союзниках, так что такое этот Уго?

– Еще Май из Стада Бесто, – добавил Рейнемар. – Уго, она ведь с одного из твоих каналов?

– С ней не угадаешь. – Уго поморщился.

– Она запускает шоу и смотрит, что будет на выходе, – объяснил Рейнемар, – может сделать героем, а может так заляпать, что не отмоешься.

– В Киусату любой храм – нелепица, – сказала Роса ледяным тоном, и все посмотрели на нее, забыв о Май, шоу и имиджах. – Если Убийца Демонов хочет нелепый храм, ему продадут землю в Киусату.

– Про Ахтеке так и так можно забыть, а чтоб заполучить землю в Кабире, нужно прикончить Биргера с Ройфом, все их стаи и, возможно, князя. Пусть это будет твоими далеко идущими планами, Убийца Демонов. – Лаад направился к выходу, под аркой обернулся: – Приятно было всех вас повидать, уверен, теперь мы будем встречаться чаще.

– Вот уж не было печали, – вежливо отозвалась Роса. – Не мог бы ты пропасть еще на тысячу лет?

– Аман, скажи им сам. А я прощаюсь. – Лаад, улыбнувшись, коснулся рукой лба и груди, развернулся и вышел в холл.

Артур не стал ждать, что скажет Аман, он и так догадывался. Лаад, в отличие от остальных Древних, умеет бороться со скукой, и он ни за что не пропустит времена, когда все будет меняться и в Песках, и в княжествах.

Попрощался он, наверное, немного скомканно, но вряд ли на это обратили внимание. Древние хотели, чтобы он ушел, почти так же сильно, как хотели, чтоб ушел Лаад. И, пожалуй, от него они тоже хотели, чтобы он ушел навсегда.

Тяжелые двери открылись, Артура тут же оглушил рев водопада. Лаад, не успевший далеко уйти, обернулся, поманил пальцем. Тысячелетний, или сколько там ему, упырь

посреди дикой пустыни рядом с натуральным упырячьим гнездом манит пальчиком, иди, мол, сюда, рыцарь, иди, не пожалеешь. У Артура все инстинкты взвыли: бежать в другую сторону. Лучше – к машине. А там взять топор и отчекрыжить Лааду голову.

– «Не ходи», – сказал Альберт.

– Не съест же, – возразил Артур.

– «Неприятно тебе это говорить, братец, но упыри едят людей. И, кстати, Деда Мороза не существует».

Последний факт оказался по-настоящему неожиданным.

– Как не существует? – Артур, направившийся к Лааду, аж шаги замедлил.

– «Ладно, про Деда Мороза наврал, но...»

– Просто держи поля наготове.

На удивление, старому упырю не пришлось перекрикивать шум водопада, ревела вода по-прежнему невыносимо, но голос Лаада, когда Артур подошел, звучал отчетливо и ясно.

Но вот то, что Лаад сказал, несмотря на ясность и отчетливость, оказалось совершенно непонятным.

– Почему Марийка носит талисман с раковиной? Ты обещал вампирам воскрешение?

– Не в этой жизни.

Артур и не знал, что Марийка носит талисман, он думал, это просто украшение.

– Раковина с жемчугом, – Лаад сложил ладони, изображая створки ракушки, – талисман, способствующий зачатию. Марийка мертвая, так зачем она его носит?

– Я без понятия, – рывкнул Артур, перекрикивая шум воды. – У нее и спроси.

– Ты не обещал вампирам ничего невыполнимого?

Для тех, кто верит, нет ничего невыполнимого. Но, если бы Марийка верила по-настоящему, она, конечно, не стала бы делать талисман, она знала бы, что нет никаких других чудес, кроме тех, что дарит Господь.

Артур покачал головой. Нет, он ничего не обещал, только вечную жизнь тем, кто спасен.

Сильный порыв ветра принес из пустыни целую тучу песка, закрутил в нее сухие травинки, пыль, каменную крошку, и через мгновение рядом с Лаадом ударил копытами в землю темно-серый призрачный скакун. От длинной гривы веяло жаром, раскаленными песчаными бурями, прилетающими в Эсимену из пустыни. Лаад ухватился за эту гриву, взлетел на конскую спину, и с новым порывом ветра оба, и конь, и всадник, растаяли в пыльном смерче. Артур даже не успел задаться вопросом, как Лаад добрался сюда от Пентаграммы. К Пентаграмме-то ангой, раз уж его Ойхе прислала, но оттуда сюда пять часов на машине. Или, видимо, всего полчаса, если оседлать бурю.

Правда ведь, маг. Причем странный какой-то. Не знал бы Артур, что он упырь, решил бы, что фейри. Хотя, конечно, все упыри феям дальние родичи.

Так что там с Марийкой? Он вытряхнул из волос крошки земли и соломинки, пошел к «Скадату». Она хочет ребенка? Так сильно, что даже вообразила, будто это возможно?

– «Змей тоже мертвее мертвого, а ему это не помешало», – напомнил Альберт, который, ясное дело, никуда и не думал исчезать.

– Змей сына создал, а не зачал, это другое дело. Он вообще не человек.

– «Да Марийке-то пофиг, другое или нет. Она насмотрелась на мелких в Кареште и захотела себе такого же, а как, не ее забота. Как-нибудь. Для того талисманы и делают... – Альберт примолк, а потом обеспокоенно пробормотал: – Маришка что-то много всяких побрякушек таскает, и все намагиченные. Надо их проверить».

– Маришка – твоя женщина, – Артуру одновременно хотелось и рассмеяться, и дать младшему подзатыльник, чтоб не болтал глупостей, – будет у вас ребенок или нет, зависит от вас обоих.

– «Ведьма она, – буркнул Альберт. – Ну-ка, погоди, а у тебя же с Марийкой ничего? Живешь монахом. Так ты не из-за того, что она ребенка хочет, задержался? Тебе не нравится, что она талисманы носит вместо того, чтоб Богу молиться? Арчи, ты долбанутый. На всю

голову!»

Да, Марийка говорила, что не может молиться. Она могла, они все могли, все вампиры, но это было больно. Им вообще каждый шаг к Богу давался болью и кровью, почти так же страшно, как Демону. Демон уничтожил себя, пока шел к реке в день крещения Тагара, прошел через огонь, сгорел дотла и возродился человеком. Со стороны казалось, что все произошло быстро. Сколько времени прошло для Демона, не знал даже Артур. Много. Вот и для упырей времени проходило много, и боли было много, и чудо, что не было огня.

А в семье Марийки вся вера досталась Змею.

Надеяться на талисман гораздо проще, чем просить Бога о чуде. Но если, храни Пречистая, из этой надежды что-нибудь выйдет, то демонический произвол, кривое отражение чуда, сможет породить только чудовище.

В стойбище вернулись уже под синим снийвом. Первые полчаса поездки Бесто только и говорил, что о Лааде. Вел себя как подросток, к которому вдруг лично пожаловал рок-идол и позвал в свою группу... точнее, как подросток-бандит, к которому лично явился самый могущественный из крестных отцов и предложил работу и покровительство. А ведь взрослый мужик. Сколько ему лет? Вряд ли меньше трехсот. Может быть, дело в возрасте смерти? Получаешь афат в пятнадцать, остаешься пятнадцатилетним, проживи хоть тысячу лет. Получаешь афат в сорок, будешь взрослым все посмертие. Надо будет потом спросить у Марийки или у Альберта, так ли это.

Бесто прожил больше пятнадцати лет, но определенно меньше двадцати пяти. Слишком молодой, чтоб помнить Лаада, слишком молодой, даже чтоб слышать о нем, он оказался не готов к личной встрече. К ней даже Древние оказались не очень готовы. Даже Артур, у которого не было и десятой доли вампирского чутья на силу и возраст.

Марийка помалкивала. Возможно, она знала о Лааде больше, чем Бесто, может быть, даже больше, чем Роса. Лаад ее точно узнал. Не зря же назвал по имени. Впрочем, раз уж он не стал делиться этим ни с Древними, ни с Бесто, значит, тоже решил, что Марийке полезнее сохранять инкогнито.

А искренность Бесто, по правде сказать, подкупала. Он, ясное дело, мог быть и хитрым, и скрытным, и коварным, он был вожаком большой стаи, а там на одной искренности и силе далеко не уедешь. Но теперь, посмотрев на Древних, на желтоглазого Ксавье с его зверообразными бандитами; на Генриха, будто сошедшего с экрана вестерна и лишь по случайности прихватившего с собой серый стетсон, вместо белого, положенного хорошим парням; на Рока и Ричарда, таких же диких, как банда Ксавье, просто умеющих держать эту дикость внутри, под сравнительно цивилизованным обликом, Артур видел, что Бесто похож на них на всех. Искренность, да, это их и объединяло. Вместо камней за пазухой, отравленных стилетов или перстней с ядом у этих ребят прямо на виду были пистолеты и бейсбольные биты.

Очень искренне. Кто не спрятался, они не виноваты.

Лаад не походил ни на одного из них. И все же Роса явно дала понять, что считает его таким же. И эти девятéro держались с Лаадом как со своим. Ну и где же его пистолет? Его бейсбольная бита? Где оружие, которое на виду и которое он может пустить в ход в любой момент, когда что-то ему не понравится? Что это может быть? Магия? Какие-то особенные дайны?

Чего от него ждать? Чего он сам хочет?

Размышления прервал Бесто, попросил рассказать, как прошли переговоры. Артур выкинул Лаада из головы и скомпоновал все впечатления в отчет, где факты оставил в одном столбце, а свои домыслы вынес в другой. Не то чтоб он собирался отчитываться перед Бесто, просто такая форма удобней всего, чтоб дать самое полное представление о событиях.

– Погоди, погоди, – перебил вампир, когда Артур дошел до приведенной Уго статистики, – это правильные цифры? И что, дайны на вас не действуют?

– Цифры правильные, насчет дайнов я понятия не имею. Трудно сказать, действуют

они или нет, если неизвестно, применяют ли их.

– Тогда ты Росе и Вилганту с Рейнемаром как кол в сердце. Из них из всех только Горн нормальный.

«Нормальный» – это, интересно, что значит? Полагающийся на саблю больше, чем на дайны? И ведь угадал же Бесто.

– Горн первый из них, кто меня поддержал. Земля в Вирре.

– Он там всем заправляет, – буркнул Бесто, – мы с Нойтой и Габаджи лет сорок уже его выдавливаем. А он, гад, хоть и одевается как баба, дерется-то как мужик. Давно бы до стрельбы дошло, если б наместник только того и не ждал, чтоб нас всех из Оорога выставить. Хрен мы куда денемся, это понятно, но много что заново придется начинать, а это нам зачем?

А ведь Роса сказала, что у Генриха, Рока и Ричарда дайны такие же, как у нее и троих ее нарядных красавцев. Значит, и им Артур должен был бы поперек глотки встать. И дайны Бесто, хоть и трудно в это поверить, тоже должны быть основаны на очаровании и привлечении внимания.

– Сегодня все еще твоя стая в патруле? – спросил Артур вслух.

– И сегодня, и завтра. Дежурства недельные.

– Отправь ко мне командира патруля или скажи, как его найти. Нужно обсудить маршрут. Сегодня мы не поедем вместе с вампирами. Надеюсь, вчерашнего хватило, чтоб нам можно было доверить самостоятельный поиск?

– После вчерашнего с вами ехать, большую смелость иметь надо., – Бесто ухмыльнулся. – Но я ли не молодец, что живого с мозгами в рейд взял, а? Кто б еще про огонь сообразил? Из наших никто, точно.

– Собираешься жечь жэрцев? – Марийка подпрыгнула на заднем сиденье, снова сунулась вперед. – Как? Мы... вы же огня боитесь.

– Про гранатометы не слышала никогда? – сарказма в вопросе не было, Бесто верил, что на свете есть женщины, не подозревающие о существовании гранатометов. Да он идеалист, этот упырь. И правда ведь пацан совсем. – Не у всякого хватит духу из такого стрелять, но кто рискнет, не пожалеет. Термобарические боеприпасы, хорошая дальность выстрела, безопасно и почти не страшно. Тактику поменяем, на крышу фургонов с аждахами гранатометчиков посадим, а самих аждахов будем выпускать с дрессировщиком, без боевой группы. Как жэрцы вылезут, дрессировщики аждахов быстро в фургон загонят и по газам.

Артур представил себе гранатометную тачанку и в очередной раз уверился, что Роса права насчет Бесто и симпатизирующих ему Древних. Такая идея точно пришлась бы по вкусу и зверовампирам, и всем троим стрелкам, хоть в белых стетсонах, хоть в черных.

– Скоро начнут говорить, что тебе никто не помешает пустить огненный шторм на стойбища, – это был неожиданный вывод из краткой лекции про гранатометы, но по-своему логичный.

– Уже, – сказал Артур. – Биргер.

– Этого никто не слушает. А вот прежде чем остальные додумаются, тебе надо будет уехать. Мы снимаемся в понедельник, тебе лучше с нами и отвалить. Если успеешь до того времени что-то с жэрцами сделать, хорошо. Нет, так хватит и того, что ты насчет огня подсказал, дальше проще будет.

– На том участке, где мы вчера были, жэрцы не появятся в ближайшие полгода.

– Не верю, – заявил Бесто с подкупающей прямоотой, – но поглядим.

Глава 17

*Поцелуй любви желанный —
Он с водой соленой схож.
Чем сильнее жаждешь влаги,
Тем неистовее пьешь.
Рудаки*

Хотелось бы выбрать участок, по-настоящему удаленный от стойбищ, но Приграничье протянулось вдоль Песков, или Пески вдоль Приграничья, двумя параллельными линиями, от Лимы до окраин Эсимены. До начала музыки, защищающей от прорывов из Нижних Земель. От жэрцев, выбравшихся в Пески, музыка не защищала, но в этих районах княжества люди не селились, так что даже если жэрцы и обходили патрули, упыри перехватывали их раньше, чем те добирались до живых. Люди, впрочем, держались подальше от границ не из-за жэрцев, о которых и не подозревали, а как раз из-за упырей.

Правильно делали.

В общем, убраться от Песков так далеко, как хотелось, не получилось бы. Приграничье было недостаточно широким. Сто, сто пятьдесят километров, куда не сунься, везде слишком близко. Но все же Марийка повела «Скадат» прямо на восток, а фургон с аждахами, пока еще без гранатометчиков, отправился на северо-северо-восток. Хотелось надеяться, что первая дыра попадется вампирам, когда они будут на таком расстоянии, чтоб даже отблесков пламени не увидеть.

А еще хотелось бы обойтись без огня. Для того чтобы спуститься в Нижние Земли, не обязательно искать дыру, проделанную жэрцами, и, значит, не обязательно разгонять их огненным штормом. Всего-то и нужно выбрать подходящее место и пойти вниз, а оттуда двигаться вдоль границы до вчерашней точки входа.

Пройти этой ночью предстояло много. Бесто прав, не стоит задерживаться в Песках после его отъезда. Из живых на территории Песков в безопасности могут себя чувствовать только те, кто в Стаде. То, что Бесто принял их у себя и назвал гостями, имело значение лишь для него самого. От остальных защищали не законы гостеприимства, а исключительно сила Бесто и авторитет, на силе же и основанный.

И, раз уж скоро уезжать, нужно до отъезда сделать как можно больше.

Перед тем как Артур связался с Альбертом, Марийка вдруг сказала:

– Белая одежда означает, что вампир не пьет кровь. Я не знаю, как это возможно, это просто сказки, что есть такие вампиры. И еще Лаад. Он не сказочный, но его как бы нет... – Она вопросительно посмотрела на Артура. – Ты меня понимаешь?

– Отсутствие имени делает невидимкой?

– У него нет имени, значит, его не видят духи, он неуязвим для проклятий и магии. А еще он не пьет кровь, и это сделало его неуязвимым для демонов. В нем нет... – Марийка искала слова, – нет того, что есть во всех остальных. Голода? Безумия? Я не знаю. Все-таки голода. Ни имени, ни черной метки в душе, ты знаешь, что это значит?

Да, это Артур понимал. Душа Лаада не достанется демонам, не попадет в Нижние Земли. Значит, он враг, а не союзник. Такой же враг, как князья, которые мешают людям идти к Богу, показывая им иной путь, путь к божественности. Лаад – зримое воплощение иного пути для вампиров.

Было бы жаль... Если б он не был так любопытен.

– Что смешного? – спросила Марийка почти сердито.

– Лаад нам, конечно, враг. – Артур постарался не улыбаться, но без толку, Марийка чувала эмоции немногим хуже настоящих эмпатов. – Но он же об этом не знает. Он окрестится из одного только любопытства и, может быть, станет первым вампиром, который не сгорит во время таинства.

– Он же все равно мертвый. Крещение все равно станет окончательной смертью.

– Если б все было так просто, если б все всегда работало одинаково, как бы мы жили! – Артур хотел, чтоб это прозвучало как предостережение, а получилось почти мечтательно. – Ладно, посмотрим. Пока он на нашей стороне, и я бы очень хотел, чтоб это так и оставалось.

Альберт, когда Артур связался с ним, первым делом радостно сообщил:

– «Ни одного амулета!»

Не поверил, стало быть, что Маришка без его согласия не предпримет ничего

необратимого. А мог бы догадаться. Чтобы рожать детей в тварном мире, нужно было уповать на Бога и принимать все, что Он ниспослет. Люди способны уповать, но им очень сложно принимать то, что дети рождаются в основном мертвыми. А откуда взяться живым, если души не отпускают из Ифэрэнн. Да они и сами не уходят: страшно родиться в умирающем мире.

– Открой мне выход в Нижние Земли, – попросил Артур, – если к утру дыру не найду, я тебе снова позвоню, чтоб обратно выпустил.

– «Ты мне в любом случае позвони, вот я гадать буду, в порядке ты или жэрцы сожрали. До тебя же не дозовешься, пока ты молишься. Заодно обругаю тебя за то, что разбудил в несусветную рань».

– Для тебя все несусветная рань, что раньше полудня.

– «Ты просто завидуешь», – сказал Альберт с достоинством. И обрубил связь.

Территорию чистила от нечисти именно молитва, и на то время, пока Артур будет в Нижних Землях, Альберт останется без связи с ним. Артура, на его месте, это тоже бесило бы, и он тоже готов был бы на жертвы вроде раннего подъема, чтоб убедиться, что Альберт цел. Но ругаться, наверное, все-таки не стал бы. Хотя кто знает? Чтоб сказать наверняка, надо сначала понять, чем плохо вставать вместе с солнцем? На Земле оно хотя бы есть.

– Я тебе тоже позвонить не смогу? – поинтересовалась Марийка. Она не собиралась спускаться вниз, пользы от нее там не было бы никакой, и ей самой от молитвы и Миротворца тоже хорошо не стало бы.

– Если твой оператор обслуживает Преисподнюю, то без проблем.

С них случилось бы. Не с самой Марийки, а вообще с Семьи.

– Облом. У меня «Хрустальный мост». Карештийцам всем на него перейти придется. Блин, как на нас теперь наживутся, прикинь! А знаешь, чья компания?

– Росы? – предположил Артур наугад и вышел из машины.

– Эй, ты светишься!

Проклятье! Брякнуть наобум и угадать – прямой путь к очередному приступу предвидения. И Альберт, как назло, уже ушел... Артур попытался дозваться до брата, но увидел, как сгустились вокруг тени. Тьма стала материальной – фары «Скадата» больше не рассеивали ее, лишь пробивали два узких тоннеля. Когда из густой черноты выскочили первые человекообразные фигуры, Артур выстрелил, дал по кругу очередь из «Перкунаса», вспышками лучей и дульным огнем расчистил пространство. Только для того, чтоб увидеть, как со всех сторон приближаются десятки... тварей? Он узнал силуэты. Видел их один раз, издавека, но ведь не забудешь такое. Это не твари, это люди, аждахи.

Артур уронил «Перкунас», перехватил Миротворец так, чтоб бить обухом и рукоятью, а не острием. Он не знал, что делать. Он в первый раз в жизни оказался в бою, в котором не знал, что делать.

Марийка уже тронулась с места – надо было уехать подальше, пока свет, исходящий от Артура, не стал ослепительным, – когда зарокотал «Перкунас». Свет обжег глаза, изрезал мягкую тьму пустыни сполохами, какие всплывают на внутренней стороне век, если быстро зажмуриться. В кого он стреляет?! Марийка ни футуя не видела. Долбаная винтовка! Почему Артуру не стрелять из порохового оружия?! Хотя бы в темноте!

И тут же стало светло, как... да как в Аду! Белый до синевы яркий свет Миротворца, будь он неладен. Марийка ударила по тормозам, бросила руль, схватилась ладонями за глаза, ощущая под пальцами кровь.

Что там происходит?! Где Альберт? Как его позвать?!

Она схватилась за телефон, на ощупь нажав кнопки.

– Демон! – заорала, надеясь на то, что не ошиблась. – Найди Альберта! Вы все там, кто-нибудь, как его найти?! Ищите! Быстро!

– Какая интересная смертная, – ответил незнакомый голос. – Как уверенно отдает приказы в Карешту. Но ты забыла, что ваш Демон теперь человек.

«Скадат» дернулся вперед. Марийка уронила телефон, вцепилась в руль, она слышала и чувствовала всем телом, как колеса тяжелой машины скребут по песку. Не поворачиваются. «Скадат» тащило куда-то волоком.

– Во тьму, девочка, – прошипел телефон из-под ног, – попрощайся со светом.

Ничего лучше Марийка не слышала с тех пор, как Артур сказал, что она красивая.

Сияние Миротворца погасло, и это стало сигналом. Марийка открыла глаза, моргнула, разлепляя испачканные кровью ресницы.

Какая же это тьма? Просто темно. Хорошо!

Справа мелькнули силуэты аждахов, «Скадат» продолжал двигаться, но колеса больше ничего не касались, теперь машину как будто несло на волне темноты.

Ну уж нет!

Марийка схватила пулемет с заднего сиденья, открыла дверцу и выкатилась наружу. «Скадат» проплыл мимо, темный, быстрый, уже не похожий на машину. Пыльные жгуты черного бархата сдавили Марийке горло, оплели запястья и ноги. Она рванулась, замедлила время, выпуталась из хватки теневых щупалец. На миг показалось, будто ослепла по-настоящему, так стало темно, но и это ощущение быстро прошло. Марийка меняла ход времени, то ускоряла его, то замедляла, ей нужно было как можно скорее попасть обратно, к аждахам, к Артуру. Она могла бы уничтожать все препятствия на пути, все эти демонские фокусы... она их знала, футуй! Любой человек и любой вампир, попав в эту тьму, должен был трепетать от ужаса, потерять способность двигаться, лишиться разума.

Если бы было время, Марийка постаралась бы изобразить все это, но она спешила. Артур перестал стрелять, и она знала почему. Этот придурок, этот... он вообразил, будто аждахи люди. Его сожрут раньше, чем он поймет ошибку!

Но они же и правда люди!

Без разницы. Плохо, что ее слишком далеко унесло через тени, плохо, что ее по-прежнему пытаются схватить. Биргер еще не понял, а если и понял, все равно не оставляет попыток.

Плохо, что она так боится за Артура. Так сильно, что не может сосредоточиться...

Марийка остановилась. Может, она ошиблась, может, нет, но показалось, что выход в обычное пространство уже рядом.

Главное, не промахнуться.

Она перестала думать об Артуре. Постаралась перестать. Нет, не получилось, но удалось хотя бы поверить, что если что-то уже случилось, то оно случилось, а вот если нет, то не надо паниковать, надо не дать этому случиться. Лучше б научилась молиться, Артур классно умеет сосредоточиваться, умеет не психовать.

Марийка хотела стать как Артур.

Она сказала: «ну и хрен с ним» и сделала так, чтоб если ничего не случилось, то оно и не случилось.

Время вокруг нее замедлилось, еще замедлилось... почти остановилось, свернулось в прозрачную сферу. Марийка очень-очень аккуратно, очень осторожно разделила ее пополам. Сфера существовала только в воображении: время не имеет формы, время – это направление. Есть север и юг, есть право и лево, верх и низ. А есть время вперед и время назад... вот в направлении «время вперед» Марийка и отправила почти половину своей силы. Половину запаса крови. Она даже увидела, как кровь выступила из пор, только не как жидкость, а как свет. Неоновая девочка... блин.

Позади нее, там, где время побежало с бешеной скоростью, сменялись часы, дни, недели... там годы должны были пройти, если кровь потрачена не впустую. Кто б там ни был, он сдохнет! Сдохнет от голода! Биргер, тварь, убить его это не убьет, нодохлый вампир – это просто задереженевший труп.

Марийка, окруженная медленным временем, сделала последние несколько шагов к выходу из тьмы.

Миротворец по-прежнему сиял, свет уходил в небо застывшим белым столбом. Что бы ни случилось с Артуром, он больше не двигался. Марийка увидела этот свет, увидела сгрудившихся аждахов, зажмурилась и побежала.

Она запомнила, где кто из аждахов стоял, когда она вышла. Запомнила расположение силуэтов, черных пятен в ослепительно-белом сиянии. Они не двигались, для них время шло очень, очень медленно. А у нее были когти, были армированные металлом подошвы ботинок, была сила, позволяющая разрывать аждахов на куски, пробивать насквозь, открывать головы.

Люди? Да плевать!

Она вернула ход времени обратно, когда поняла, что в радиусе десятка метров не может больше найти никого живого и подвижного. Артур был жив, но тоже не двигался и не очень-то дышал. Марийка выждала, жмурясь, борясь с желанием глянуть сквозь ресницы, что же вокруг. Тут только глянь, без сетчатки останешься, как не фиг делать. А крови на исцеление мало, да и не так просто лечиться от этих ожогов.

Никто не пришел, никто не напал на нее из окружившего со всех сторон жгучего света. Марийка кивнула, втянула когти и направилась к Артуру. Перво-наперво надо его отсюда унести. А топор оставить. Топор никуда не денется.

Этот... рыцарь. Он ведь и правда не убивал аждахов. Как-то, наверное, отбивался – Марийке во время боя попадались под ногами тела, во-первых, живые, во-вторых, слишком тяжелые, чтоб отбросить одним пинком. Раз тяжелые, значит, целые. Она таких не оставляла, разрывала на куски и разбрасывала подальше. Аждахи живучи, как вампиры, Бесто так сказал, а это значит, что и расчленение не гарантия. Они вон хоть и кусками, а до сих пор не все передохли: сердца бьются, легкие свистят. А все, кто целиком, одним куском, и живые, – это работа Артура.

А то, что сам Артур истекает кровью и пахнет его кровь так страшно, что хочется бросить его и бежать, не оглядываясь, это работа аждахов. И сколько в нем крови осталось, неизвестно. Хватит ли, чтоб донести его до бархана, спрятаться от света Миротворца?

Отец говорил, что от ран люди умирают долго. Они совсем не такие живучие, как вампиры, но жизнь в них теплится, даже когда по всему выходит, что лучше было бы умереть, и поскорее. Отец об этом многое знал, сколько он людей убил, это же не сосчитать, он сам давно со счета сбился. Марийка ему безоговорочно верила, но только сейчас, когда увидела Артура, до конца поняла, о чем ей рассказывали.

Он не мог выжить. В нем крови не осталось. Одежда промокла насквозь, по песку тянулась влажная дорожка, на губах пузырилась алая пена. То, что Артур еще дышал, было чудом, наверное, он дышал только потому, что молился. Вот закончит молитву, и все...

Марийка в панике, дурея от пугающего запаха крови, содрала, срезала когтями изодранный в клочья камуфляж. Но от того, что она увидела раны, легче не стало. Она не знала, что делать, не знала, как лечат людей, как вообще лечат. Футуй! Да она просто не могла лечить. Как?! Чем?! У нее не было даже аптечки. Можно былолизать раны, все до одной, чтобы остановить кровотечение, но кровь Артура убьет ее раньше, чем она закончит.

– Наэйр! – Марийка почувствовала, как из глаз брызнули слезы, сжала зубы и сильно постучала кулаком по песку: – Наэйр, да где ты?... У меня... я... Артур... Да иди же сюда, я сама сейчас умру, если ты не придешь!

Только не реветь! Нельзя реветь! Брат все может, он же ангел, он даже мертвых может воскрешать!

Не воскрешать, а забирать у прадеда. Это совсем другое. Артур окажется не там. Артура оттуда, куда он уходит, не забрать, это будет навсегда. А он молится, значит, точно уйдет туда.

– Не приду, – ответил брат, – если приду, то сам его убью. Слишком много крови. Для тебя она яд, а для меня соблазн. Ты же вампир, Марийка, твоя кровь – панацея. Остался у тебя запас?

Ее будто по голове подушкой ударили. Тяжелой такой. И пыльной. Оглушенная, Марийка хлопнулась задницей на пятки. Чтобы Наэйр сказал такое! Ее родной брат?! Его там что, подменили? Еще какой-нибудь Биргер влез в разговор, как влез в телефон, вместо Демона?

– По-другому его здесь не удержать, – сказал Наэйр. – Решай сама. Не уверена – отпусти. Миротворцу давно пора на Небеса, всем спокойней будет.

Миротворец – это был топор, но и брат, и отец называли так Артура. Почему-то. Марийка перестала об этом думать, вообще перестала думать, самым кончиком когтя, самым острием, чтоб было не больно, провела по запястью вдоль вены. Поднесла руку к губам Артура. Было страшно, что его кровь попадет в рану, а еще было страшно, что ее кровь не подействует. И все. Больше Марийка ничего не боялась. Будь что будет.

Люди, когда их прогнали из Рая, придумали плотскую любовь. Или, может, это демоны придумали. Бог сказал им плодиться и размножаться, людям, а не демонам, а в наказание сделал так, чтоб это было больно. А демоны сделали так, чтоб это было счастьем. Или, может, Бог сделал так, чтоб любовь была счастьем, а демоны придумали секс и превратили его в цель, к которой все стремятся. Хотели, чтобы люди забыли про любовь. А может... это и был Рай, то, что люди о нем помнили, и демоны все испортили? А может, наоборот, Бог хотел все испортить, а демоны оставили хоть что-то.

Все сложно, все непонятно, Марийка все равно ничего об этом не знала, она не была живой, она была вампиром. А у вампиров есть то, чего никогда не будет у людей. Есть «поцелуй». И это всегда любовь. Даже когда «целуешь» того, кто просто еда, пока ты пьешь его кровь, вы близки, как никогда не станут близки люди, как бы сильно они ни любили друг друга. Это наслаждение, которое людям друг с другом никогда не испытать. Поэтому смертные уходят в Стада, поэтому они тянутся к вампирам, бросают свою жизнь, бросают близких, необратимо меняются. Все ради того, чтобы снова и снова чувствовать это: абсолютную близость, как будто две души отылились друг для друга и оказались полны любовью.

Когда вампир отдает свою кровь, это чувство усиливается. Так делают слуг. Так добиваются безоговорочной и бескорыстной преданности. А если вампир отдает свою кровь тому, кого... это ведь правда?... тому, кого любит, происходит что-то, чему не найти определения, не найти слов, чтобы рассказать, как это. Если Рай и правда есть, то он не на Небесах, он там, где смешивается кровь вампира и человека.

Рай прямо здесь.

Марийка не знала, когда она перестала бояться. Ни о каком «когда» уже нельзя было говорить. Был «поцелуй», странный, но правильный, она отдавала кровь Артуру, мир вокруг разлетался на цветные осколки, складываясь заново во что-то невероятное, сказочное, теплое и полное счастьем. А потом был «поцелуй», но уже настоящий. И кровь Артура обжигала губы, от нее остановилось сердце, вены вспыхнули изнутри, Марийка закричала от боли и все-таки была так счастлива, что хотела умереть прямо сейчас, хотела, чтоб это осталось навсегда, чтоб это было последним, что она чувствует.

Боль вспыхнула и прошла. Кровь, живая и мертвая, смешались, став волшебным зельем. Затягивались раны, сердце снова билось, одно сердце или два в едином ритме? Марийка отдавала все, что у нее было, все, что было ею. Взять все, что отдал Артур, она не могла. Слишком много, слишком чуждо, слишком... просто слишком. Не для нее, ни для кого вообще. Но он хотел отдать, и этого ей было достаточно.

На губах растворяется нежность, как пламень и лед.
С каждой каплей я дальше на шаг или ближе, не знаю?
Вместо крови по венам из сердца отравы течет,
С каждым вздохом отчетливее чувствую, что умираю.
Вместо сердца ударов я чувствую пламень и лед,

С каждой каплей с тобою все глубже срастается кожей,
За закрытыми веками знаю, что Он подождет,
То, что даришь мне ты, на Него очень близко похоже.
Раскрывая ладони, отдам тебе все до конца,
Словно душу, все чувства вложу в средоточие крови.
За сиянием эмоций я не различаю лица,
«Поцелуй» – это то, что живые называли любовью.

«Поцелуй», я не знаю, увы, мне сравнить не дано.
Мы едины с тобой, это больше, чем вместе навеки.

В первый день, на причастье священник нас поит вином,
Его кровь раздавая по капле.
Он был человеком?¹¹

Оба были слишком обессилены, чтобы идти искать машину или тем более добираться до стойбища Бесто. Да и не дошли бы мимо чужих-то стоянок. Так и остались за барханом. Артуру нужно было бы еще забрать Миротворец, но пока топор лежал в двухстах шагах от них, среди мертвых аждахов, и светился не хуже, чем любой из Столпов. Хороший ориентир для тех, кто в курсе, что это за свет. Хотелось бы верить, правда, что враги на него не набегут.

– Теперь у нас одна кровь, – сказал Артур.

Марийка замерла, ожидая продолжения. Артур – молчун, и если говорит что-то, то не ради того, чтоб констатировать факт.

– Для вампиров это что-нибудь значит? – спросил он.

– А для людей?

– Люди... – Артур заулыбался, – мы с Альбертом.

– Чего?! – переспросила Марийка изумленно.

– Вот я об этом и говорю, – отозвался Артур глубокомысленно и по-прежнему весело, – у людей все, понимаешь ли, не так. Но значит очень многое.

– Для вампиров это... ну... типа секса, – сказала Марийка неуверенно, потому что говорила неправду. Не всю правду. В общем, привирала.

– Да сейчас! – Артур фыркнул. – И у людей, и у вампиров такому только одно название есть. Ваш «поцелуй» – это любовь. Если б мы с тобой не хотели, чтоб так было, и ты, и я, было бы иначе, я прав?

Марийка переглотнула и лихорадочно начала рыться по карманам куртки в поисках сигарет. Нашла. Пачка промокла от крови аждахов, помялась и заскорузла, но пару сигарет наковырять удалось. Одну она прикурила, вторую отдала Артуру. Кисет с трубкой остался в «Скадате», а где «Скадат», неизвестно. Через тени он очень далеко мог уехать.

Телефон тоже остался в «Скадате». Но это не беда. Их все равно уже ищут, об этом позаботился Наэйр. Найдут. Миротворец не зря светится.

Нет, мысли о насущном спокойствии не приносили.

– И... да, – выдохнула она, – прав. Иначе стал бы слугой. Или я бы умерла. У тебя кровь ядовитая.

– Ну и хорошо, – Артур точно говорил не о крови, – лучше, чем могло бы быть, будь ты человеком.

– Это разве не грех?

Синие глаза воззрились на нее с искренним недоумением.

– «Поцелуй»?! Вот это? – Артур свел ладони вместе и раскрыл, будто отдавал что-то

¹¹ Автор стихотворения Алисса Льюис.

важное, что-то из самого сердца. – Бог любит вас, если подарил такое. Нам учиться и учиться, чтоб так друг другу верить. Но к вопросу о людях, – он снова заулыбался, помотал головой, – прямо сейчас я пересматриваю свои представления об одном знакомом вампире. Единственном, которого я знал на Земле. Я думал, его побратим... кхм... ну побратим и есть. Общая кровь, все такое. Слухи ходили, но я как-то... даже и не думал, что это правда.

Марийка не была эмпатом, но пока что могла чувствовать эмоции Артура. Постэффект «поцелуя». Артур ее тоже чувствовал, и ощущения были такими... ну да, вот такими, хотелось улыбаться и... и вот. И Марийка улыбалась. И ей было смешно от того, как он ошарашен. И еще он был рад за того парня, и от этого был ошарашен еще больше. Артур, он смешной иногда, он ужасно правильный, а когда то, что не по правилам оказывается хорошим, а не плохим, он становится вот таким, как сейчас.

Хотя, нет, таким, как сейчас? Марийка его вообще никогда не видела. Но тут не в том незнакомом вампире дело. Тут дело в «поцелуе».

– Вообще-то вампиры не меняются кровью, – сказала она. – Даже если любят. Это проклятие, связь, которую не разорвать. Ты думаешь, что любовь навсегда, меняешься кровью, но время идет, и если любовь не настоящая, она проходит. А связь остается. И превращается во взаимное рабство. Мало кто рискует. Почти никто.

– Они тысячу лет вместе, думаю, разобрались за это время, навсегда оно или ненадолго.

– Ты правда думаешь, что это не грех?

– Я знаю. Грех полагаться на идолов и кумиров. – Артур ткнул пальцем в ракушку с жемчужиной, которая выбилась из-за ворота куртки и которую Марийка пока не собралась отчистить от крови. – Если будет на то воля Божья, будет и чудо. Поменяй ты оправу, можно же просто красивую вещицу сделать и носить в свое удовольствие. Просто так. – И добавил, как будто это было чем-то само собой разумеющимся: – Альберт говорил, что не женится, пока у меня жены не будет. Теперь у него отмазов нет.

Приехал за ними Бесто в компании еще двоих бойцов своей стаи. На двух машинах прикатали. Одной оказался канувший во тьму «Скадат». Сначала, впрочем, вообще никого не было видно, только из-за барханов слышались пронзительные сигналы и пара выстрелов. Поди еще догадайся, что это не враги наступают, а свои просят топор убрать, чтобы подъехать без опаски.

Артур, несмотря на помутненное или, наоборот, слишком просветленное сознание, довольно быстро сообразил, что там вдали за шум. Сходил за Миротворцем, спрятал лезвие в чехол. Предположительно, после этого свет тускнел или вообще гас. Вампирам виднее. Артур сам никогда никакого света от Миротворца не видел.

Потом один из спутников Бесто, Гевхер, он участвовал в сегодняшнем патрулировании, осмотрел трупы аждахов, изрытый, пропитанный кровью песок, побродил вокруг. Бесто выслушал его доклад и решил снова сесть за руль «Скадата».

– Поговорить надо, – объяснил он Артуру. – Я к вам водителем не нанимался, но ее за руль не пушу, а ты, всяко, хуже водишь.

Ну, надо так надо. Наверное, и правда, многое требовало объяснений.

– Ты, значит, вампир? – прямо спросил Бесто у Марийки, когда поле боя осталось позади. – За каким-то гадом притворялась живой. Ладно. Мы там, недалеко от вашей машины нашли Мейкала. Его стая с Биргером... или под Биргером, хрен их разберет, уродов, и на всех аждахах, которых ты порвала, тоже его тавро. Мейкал спит. Твердый как доска. От голода заснул и аж высох, будто лет десять не жрал. А я его три дня назад видел, бодрый бегал, сытый, веселый... нет, не веселый, – добавил Бесто после краткой паузы, – они веселыми не бывают, но бодрый и сытый точно. Это что было? Твои дайны временем управляют?

Марийка кивнула. Она отражалась в зеркале заднего вида, так что Бесто ее кивок увидел. Помолчал, потом сказал:

– Полезно. Но опасно. И кто твой ратун?

– Ну... – Марийка замялась, – он просил не говорить. Он не из Песков.

Артур о таком вообще впервые слышал. Управление временем он всегда считал демоническим искусством, людям или вампирам это не дано, разве что по Божьему промыслу. А оказывается, такие дайны существуют, и они не уникальны.

– А ты, – Бесто обернулся, глаза по-звериному блеснули в темноте, отразив свет Золотого Столпа, – ты же Убийца, тебе демоны на один укус, почему сам аждахов не поубивал? Гевхер говорит, там кругом твоя кровь. Они б тебя сожрали, у них когти, как у нас, и сила наша, их надо на куски рубить, руки-ноги отрывать, как она.

– Они люди, – сказали Артур и Марийка хором.

– Аждахи они, – Бесто выругался и прибавил скорости, – нелюди, специальные чудища, чтоб жэрцев выманивать и мочить.

– Я не видел, – признался Артур. – Там двое было вообще школьников. Еще парень из Мару, на плантации жемчужниц работал. Одна медсестра со станции переливания крови. Из Рэваха рабочий. Двое моряков, тоже из Рэваха, их пираты захватили. – Он хотел бы перестать рассказывать, но не получалось, из кошмарных тел аждахов, из их бешеной ненависти ко всему живому, как из Преисподней, пытались вырваться, освободиться, спастись живые, истерзанные души. – Еще бизнесмен из Оорога, приехал в Кеффу в отпуск, арендовал яхту... его и двух девушек на этой яхте и взяли. Еще...

– Ты как Аман, что ли? – перебил его Бесто. – Да быть не может! Очкарик на всю голову двинутый, а ты же нормальный вроде. Демонов, вон, убиваешь... Еще Мервуд есть, так она тоже чокнутая, и парни ее. Они шизанутые, – сказал он убежденно, – на них посмотришь, и видно: сами здесь, а мозги в Кабире или, блин, вообще на Луне. Ты на них не похож.

– Они тоже видят аждахов как людей?

– Они задолбали уже. Аждахи на них кидаются как на живых. К клеткам подпускать нельзя. Мервуд, ладно, ей старого барахла какого-нибудь подсунешь, часов, там, телефонов, магнитол, еще какой дряни, и все, считай, нет ее с парнями и не будет, пока они из этого взрыватель не соберут. А очкарика если принесет в стойбище, то хоть беги. Вот надо ему на аждахов посмотреть, и все тут. Говорит, если их настоящие имена назвать, то они умрут. И все ходит, имена выпытывает. А они бесятся, клетки ломают, успокаивай потом. Собачьего печенья не напасешься. Да и не дело это, когда аждахи на вампира кидаются. Что у них в башке, кто знает? Привыкнут, слушаться перестанут, дрессировщика покусуют. Или и правда, Аман имена вызнает, они и помрут.

– Я не чокнутый, – сказал Артур задумчиво.

Марийка издала какой-то неопределенный звук, но воздержалась от развернутых комментариев.

Аман прав насчет имен, только он остальное понимает неправильно. Мало знать имена. Чтобы освободить аждахов, за них нужно молиться. Как за тех, кто оказался в Нижних Землях. Молитва никого не убивает, здесь Аман тоже ошибся, молитва возвращает к жизни, так или иначе, молитва может подарить покой. Что будет с телами аждахов, если кто-нибудь станет молиться за их души? Пока не попробуешь, не узнаешь. Молиться-то за них все равно нужно, даже у грешников в Нижних Землях должна быть надежда на спасение, на новую жизнь, а тем более у этих несчастных, чья вина только в том, что они не смогли защититься от вампиров.

– Пески не должны захватывать христиан.

– Да ну? – Бесто ухмыльнулся. – Правда, что ли?

– Их не получится переделать в аждахов, только время потратите и людей замучаете. А вот насчет Амана и Мервуд, и кто там еще есть из «чокнутых», можете не беспокоиться. Даже если они узнают имена, чтоб убить аждаха, этого недостаточно. Иначе я сегодня убил бы пятнадцать человек.

– Двадцать два, – сказала Марийка.

– А по ошметкам все двадцать пять, – добавил лишенный тактичности Бесто. – Так он

правда людей не убивает? – Вопрос был адресован Марийке. – Вообще совсем? Даст себя зарезать, если что? Или, там, ограбить?

– Или в лоб засветит, так, что уши отвалятся, – отозвалась Марийка. – Последнее более вероятно. Он даже аждахам кости переломать умудрился. А если они как вампиры, то по их костям на лошади ездить можно. На подкованной. И ни фига им не будет.

– В этом и смысл. – Бесто был польщен, как будто сверхъестественную выносливость аждахов считал своей заслугой. – С христианами посмотрим как получится. Да и как их от остальных отличать? Крест-то любой нацепить может.

– Не любой крест вампиру глаза выжжет, – объяснил Артур миролюбиво. – Думаю, такой приметой будет достаточно.

Моартул злился. Повелитель Песков, хозяин Поместья, сила, у которой даже имени не было, только жуткое прозвище, злился, как мещанин, узнавший, что единственная дочь бросает Университет и выходит замуж за гитариста группы «Режь свиной электродрелью». Причем еще не определилась, выходит замуж по любви или из идейных соображений.

Это была не та злость, на волне которой Моартул насылал чуму на государства, вырезал под корень эльфийские поселки или затевал войны, изменяющие очертания материков. Когда находила та злость, он становился общительным, дружелюбным, даже веселым. О его чувстве юмора ходили легенды, которыми потом сотни лет матери пугали непослушных детей. В общем, та злость подходила к прозвищу Моартул идеально. А эта... Наэйр вообще не видел раньше отца таким.

Он мог бы порадоваться, что у него самого двое сыновей и ни одной дочери, если б только один из его детей не погиб, пытаясь убить Артура, а второй не канул в небытие раньше, чем родился. По всему выходило, что из Моартула воспитатель все-таки лучше.

Сейчас на глазах у Наэйра рушились все принципы феминизма, которые Марийке удалось привнести в семейный уклад за, без малого, девятнадцать лет. Начала-то она рано, первое «я сама» заявила, когда ей еще и двух не было. И вот все идет прахом, отец грозит запереть в башне, выдать замуж, отдать в монастырь, услатить в тварный мир... сам факт того, что, всегда логичный и последовательный, Моартул выдвигал взаимоисключающие угрозы, был до крайности удивителен. Все-таки женщины – особенные создания. Ты можешь знать их с рождения и все равно не будешь представлять, на что же они способны. И ведь Марийки даже дома нет, а какой эффект.

Впрочем, эффект отчасти как раз потому, что она не дома.

– И она не придет, пока ты не пообещаешь безопасность и ей, и Артуру, – напомнил Наэйр отцу.

Он понимал, что рискует. Но это было так захватывающе! Сам-то никогда не умел так злиться, так по-человечески. Он и человеком никогда быть не умел.

А гнев отца рано или поздно улегся. Факты – штука такая, с ними надо либо мириться, либо менять, но менять факт Марийкиного замужества означало причинить вред и Марийке, и Артуру. Оставалось смириться. О том, чтоб навредить Марийке, отец, естественно, ни на миг не задумался, несмотря на все угрозы, а Артуру они обещали невмешательство. Моартул, кстати, всерьез раздумывал над тем, станет ли убийство мессии помехой распространению христианства или, наоборот, послужит катализатором. Он когда-то был ревностным христианином.

Наэйр убедил отца, что в любом случае это будет означать, что они нарушили обещание. И опять же, будь Артур мусульманином или еще каким монотеистом, не носящим креста, отец счел бы нарушение обещания благим делом. А так и тут не сложилось. Хоть и непонятно, какого толка, хоть и явно не православный, а все-таки христианин. Значит, хочешь не хочешь, а слово надо держать.

Со всех сторон Марийке повезло.

– Ну а ты? Провидец! – за отсутствием в пределах досягаемости любимой дочери, отец заметил наконец, что у него еще и сын есть. И вспомнил, что сын тоже не подарок. – Ты мне

скажи, она хоть счастлива-то с ним будет? И не смей говорить, что ты не смотришь в будущее близких родственников, у тебя других вообще нет.

Наэйр не смотрел, это было правило, от которого он не собирался отступать даже ради отца. Но об Артуре он знал достаточно. Артур был святым, то ли идеальным человеком, то ли законченным нелюдем, и счастливым с ним не мог быть никто. Он не понимал и не ценил жертв, ни одной, кроме той, единственной, которую принес людям Бог. Все другие подвиги, свершения, примеры самоотречения Артур воспринимал как должное, сам так жил и не находил свою жизнь чем-то особенным. Он пожертвовал Альбертом, отдал его на муки только потому, что не хотел согрешить. Пожертвовал пасынком Наэйра по той же самой причине. Пожертвовал, в конце концов, всем тварным миром... опять-таки ради спасения души, но в этот раз хотя бы не своей. Волка спасал, спасибо ему большое. Чтобы тот однажды вернулся и спас мир. Да все к тому идет, что некуда будет возвращаться.

Отец подождал ответа, понял, что не дождется, и задал вопрос иначе:

– Она не пожалеет?

– Нет, – в этом Наэйр был уверен, он видел будущее Артура, он не понимал сестру, но был уверен в ответе, – не пожалеет ни на секунду, никогда, что бы ни случилось.

Глава 18

Людям необходимы даже самые дурные законы, ибо, не будь их, люди пожрали бы друг друга.

Эпикур

Марийка недолго пряталась от отцовского гнева, прикатила домой уже через день, прямо из Песков. Что-что, а рассчитывать время и появляться с просьбами или неожиданными известиями именно тогда, когда с наибольшей вероятностью просьба будет исполнена, а известие принято благосклонно, она еще в детстве умела. Сегодня, слушая, как она разговаривает с отцом и как тот от гнева и скрежета зубовного переходит к поиску аргументов за то, почему Марийке нужно оставаться с Артуром, Наэйр не в первый раз задумался, а кто в Семье настоящий тиран, самодур и деспот? Традиционно считалось, что Моартул с его характером, чувством юмора и легендарными подвигами на ниве установления всеобщего счастья, благополучия и идеального порядка.

На территорию Поместья традиции, похоже, не распространялись.

Впрочем, до тирана и деспота Марийка все-таки не дотягивала. Те действуют силой и хитростью, а она – умильностью и упрямством.

Ничего хорошего не было в том, что она стала женой Артура. Ни сейчас, ни потом не выйдет из этого ничего доброго. Плохое? Да, возможно. И уже скоро. По-настоящему плохо то, что Марийка все равно будет думать, что это хорошо.

– Еще я заберу «Гламону», нам столько придется ездить, а ее можно на крыше «Скадата» возить. – Марийка была преисполнена надежд и аж фонтанировала планами, креститься пока не собралась, правда. И для отца это, наверное, было хорошо.

– Не надо тебе ее забирать, – сказал Наэйр, – не увлекайся мотоциклами пока, хватит с тебя машины. И ездь лучше на заднем сиденье.

– С чего это? – если с отцом Марийка старалась во всем соглашаться и делала это до тех пор, пока ситуация не выворачивалась так, что соглашался уже отец, то с ним она спорила всегда, во всем, по самым ничтожным поводам. – Буду ездить, где хочу. Я вообще лучше Артура машину вожу. И на чем хочу. Что мне сделается, я вампир.

– Ты да, а она нет. По крайней мере, мы не знаем этого наверняка.

Он, наверное, не так хотел бы об этом сказать, такие новости преподносятся как-то менее обыденно, к ним готовить надо. Но его же никто не подготовил к тому, что сестренка явится домой, нося под сердцем дитя. Марийка – вампир, как было верно замечено. Она мертвая. У мертвых с детьми... сложно. И дело не только в том, что мертвые детей

отвратительно воспитывают.

Но все равно, надо было как-то подготовить. Если не Марийку, то хоть отца.

Тема «запереть дома» снова стала лейтмотивом. О монастыре или ссылке в тварный мир речи уже не шло, потому что монастырь и ссылка – это наказание, а наказывать Марийку не за что. Наоборот. Но вот беречь надо.

Марийка, естественно, упиралась и давила на то, что лучше мужа ее никто не побережет, что ее бережет Бог, что это вообще не дело, когда муж и жена порознь, тем более если тут такое. Наэйр не стал их слушать, ушел к себе. Но и этого оказалось недостаточно: дом вибрировал от эмоций, от радости, волнения, изумления, недоверия. Все вместе это называлось счастьем, и счастья было слишком много для того, кто знал, чем все закончится. Хорошо не знать. Артур этой радости тоже лишен, но, с его точки зрения, финал как раз и будет счастливым. Он опять не поймет, что это жертва, будет уверен, что не отдает, а как раз получает. Был бы он сумасшедшим, обычным психом, пусть гением, пусть магом, было бы легче. К сожалению, он был святым. И он был прав, считая благом все, что приходит от Бога, даже боль, потери и смерть.

Найэр расправил крылья и взлетел, направляясь к черной дыре в центре неба. Пора было заглянуть в тварный мир. Вот уж где почти нет счастливых, а боли, потерь и смерти с избытком хватает на всех.

Храм в Талае, на острове Орау княжества Мару, был построен самым первым. Что там строить-то на Мару, во владениях Даалнаму, в климате, который можно было бы назвать благословенным, не будь он дьявольским? Больше всего времени ушло на резьбу на поддерживающих крышу столбах. Ну и вообще на оформление. Маруанцы-христиане подошли к делу ответственно: вручную ткали яркие полотнища для стен; вручную же, как собирают чай, собирали самые лучшие пальмовые листья для кровли; вручную вытесывали и шлифовали каменные плиты, которыми замостили пол.

Крест был деревянным; прорезанный насквозь тонкими узорами резьбы, он парил в небе, невесомый, прозрачный; словно парус летучего корабля, тянул весь храм вверх, поднимал над жаркой, никогда не остывающей землей. А внутри здания всегда царила прохлада. Сквозь цветные стены, как сквозь витражи, лился свет снийва, ветер колыхал плотную ткань, и фигуры на стенах оживали. Святые улыбались, – а попробуй сохранять суровость, когда вокруг натурально райские кущи! – младенец-Христос тянулся руками к погремушкам, Богородица, любующаяся Сыном, иногда поднимала голову, чтобы взглянуть на будущих прихожан.

Мару – сто восемнадцать островов, почти никаких общих законов и единой внутренней политики. Столица считается таковой только потому, что в ней живет больше всего народу, а еще она расположена на самом большом из островов. Князю Даалнаму не было дела до людей, так же как всем другим князьям. Но на Мару и наместника не было. Правители островов раз в год собирались в Талае, чтоб решить накопившиеся проблемы, требовавшие совместного обсуждения. Тогда же в столицу съезжались все жители княжества, кто не ленился, или не был слишком занят, или не был в морском походе, или не забыл, что пора ехать в Талай. И начинались праздники. Неделю, полторы, в зависимости от времени, которое требовалось Объединенному Правительству на то, чтоб обсудить все внесенные в регламент вопросы и, конечно, тоже погулять и повеселиться.

Других официальных торжеств на Мару не было. Да и эти считались официальными лишь постольку, поскольку как-то так сложилось.

Храм достроили в конце месяца даалнаму: символичность, без которой Артур предпочел бы обойтись. И в этом же месяце, в последнюю его неделю, Объединенное Правительство собиралось на ежегодный съезд. Съезд всегда проходил в конце даалнаму, – маруанцы, в отличие от Артура, находили символичность правильной, – к этому времени в Мару старались приехать туристы из всех остальных княжеств, и они тоже, естественно, стремились в Талай. На других островах в праздники Съезда делать было нечего, если только

ты не любитель уединенного отдыха с минимумом комфорта в окружении неработающих баров, закрытых магазинов и пляжей, где, чтоб получить полотенце на лежак, нужно полчаса ждать кого-нибудь из служащих. Выходные брали даже музеи, почти все, кроме открытых для посетителей биостанций. Закрытые, разумеется, тоже продолжали работать, но там туристов хотели видеть разве что в виде корма для акул.

Про Мару, с его островной вольницей, ходили разные слухи, и шутка насчет корма для акул где-то запросто могла оказаться правдой. Туристы? Да кто их считает? На Мару каждый год исчезало больше людей, чем в остальных княжествах за пять лет. Многие оказывались в Песках, но не все. О судьбе остальных можно было только догадываться.

И все же маруанские острова, пригоршня драгоценных камней, брошенных в волны двух морей, влекли к себе людей. Ни одно княжество в Ифэрэнн не походило на другое, но Мару отличалось от всех. Наверное, в бесконечном море, в море, которое здесь было повсюду, таилось волшебство, чары, перед которыми невозможно устоять, как перед дайнами вампиров. А в этом году, кроме местных жителей, приехавших на праздники, кроме туристов, приехавших на праздники, в Талае собрались еще и христиане. Приехавшие на свой праздник, которым они готовы были делиться со всеми. И Артур, поразмыслив, решил, что это совсем неплохо.

Маруанцы заинтересовались строительством с самого начала: когда Артур приезжал в Талай, чтобы помолиться об установке креста, он видел среди собравшихся зевак тех же людей, что приходили посмотреть на молитву после заложения фундамента. Любопытство отнюдь не порок, оно одно из самых полезных душевных свойств. Так же как в Кареште, люди здесь сначала смотрели со стороны, интересуясь, но не настолько, чтобы задавать вопросы. А потом, по мере строительства, понимая, что происходит что-то невиданное, не выдерживали и начинали спрашивать. После постановления креста, необыкновенно красивого, полного собственным светом, Артуру пришлось задержаться в Талае, отвечать на вопросы, объяснять, рассказывать.

У всех строителей, разъехавшихся из Тагара в двенадцать столиц, были с собой Библии, и в каждой группе были один-два ученика Ласки, умеющие толковать Писание, так что семена веры легли в подготовленную землю, но это заняло время. А времени, как всегда, не хватало. Артур с Марийкой пропустили тогда два судна до Уэлана, не дождались третьего, захваченного пиратами, и в итоге отправились на материк на суденышке размером с семечко подсолнуха. Рассчитывали встретиться по пути с лайнером с Иниса, к прибытию которого в Уэлане подавали специальный поезд, и встретились бы, но опять-таки наскочили на пиратов. Или это пираты наскочили на них? Пираты не аждахи, они вразумлению поддались, пусть и неохотно, так что до Уэлана добрались куда быстрее, чем ожидалось. Пиратский корабль, он любому лайнеру фору даст. Недоразумение с береговой охраной уладили, отдав им этот самый корабль за сравнительно малую компенсацию, а количество христиан в Мару увеличилось настолько же, насколько стало меньше пиратов.

Все делается к лучшему, потому что делается по Божьему промыслу.

Сегодня Артур вспоминал тогдашние приключения и улыбался. А Демон, поклявшийся с тех пор не отпускать их с Марийкой на Мару в одиночку, раздумывал о том, не пора ли ему определиться с полом.

– Здешняя мода – это что-то. Мне столько же лет, сколько Ифэрэнн, но я никогда не обращал внимания, что на Мару так одеваются. Вся жизнь впустую!

На Мару «так» одевались, это Демон хорошо сформулировал, лучше не скажешь. И мужчины и женщины здесь носили длинные юбки, большое количество украшений и впечатляющие по сложности прически. Мода других княжеств внесла свои коррективы, кроме юбок в обиходе имелись разнообразные шорты, брюки, стилизованные хакама, шальвары и юбки же, но такой длины, что их могло и вовсе не быть. Маруанцы в силу жизни у моря и рыбно-растительной диеты были в основном стройными и спортивными, одежда смотрелась на них прекрасно, и на женщинах и на мужчинах, – последние не носили мини-юбки, что лишний раз свидетельствовало о Господнем милосердии. Но поскольку, кроме

юбок, а также шорт, брюк, шальвар и тому подобного, они надевали только украшения, да и то в основном в косы, женщины Мару производили с непривычки ну очень сильное впечатление.

– У тебя вся жизнь впереди, – сказал Артур, – вперед, здесь прекрасный климат для самоопределения. Тебе тело для чего дали?

Демон повел плечами, как будто одежда давила ему на крылья. «Боксерская» майка давить на крылья не могла, даже если б они были материальными, так что это просто нервы.

– Вот так кое-кто и пал, между прочим. Самоопределился, увидел женщину, и все.

– У тебя-то наоборот. Сначала было все, потом увидел женщин, пора самоопределяться.

Марийка двинула его локтем в бок, и Артур, лязгнув зубами, заткнулся.

И правда, сложную тему задела. Демон куда строже относится к заповедям и наверняка был прав. Только вот Артур так и не смог поверить, что Бог дал мужчинам и женщинам радость плотской любви только для того, чтоб запретить радоваться. Пусть его, Демона, бесполой он все равно только условно. Во всем остальном нормальный мужик, и сам о себе думает, как о мужчине. Иначе заглядывался бы не только на девушек, но и на парней.

– Скоро синий снийв, – Марийка смотрела в небо, – будут фейерверки. Себеста тоже привез целую кучу. Волшебных. Я даже не знаю, где он такое добывает. Вы видели, сколько людей приехало специально на освящение? Я даже не знала, что нас уже так много.

– В Оссис приедет меньше, – предрек невесть откуда взявшийся Себеста, не иначе явился, как фейри, стоило помянуть его имя, – в Оссисе климат не тот, дожди все время и мошка с комарами.

Демон пожал плечами и огляделся.

– Там тоже море есть. Себеста, а ты откуда знаешь, что Ашукьяхар как раз и пал из-за женщин?

Себеста хмыкнул:

– А я и не знаю. Но гаже Оссиса княжеств нет. И храм мы там достроим в ашукьяхаре, так же как здесь достроили в даалнаму.

– Значит, комаров не будет, – утешил Артур.

Названия месяцев по именам князей, это было удобно, кто же спорит. Но совпадения настораживали. Храм, достроенный в месяц даалнаму во владениях Даалнаму. Храм, достроенный в месяц ашукьяхар во владениях Ашукьяхара.

Артур не удивился бы, окажись, что по плану все храмы во всех десяти княжествах будут достроены в месяцы, носящие имена правящих там князей. Самому факту совпадений не удивился бы. Но хотелось знать причины.

Демон прав насчет моря. Оно есть и здесь, и в Инамии в Оссисе, и скалы, на которых выстроена Вирра, стоят по колено в морских волнах. Море наполняет пещеры в подземном Файху, столице Рэваха; Делинци, главный город Кеффы, вообще построена на острове, а Киусату, уникальный город, площадью двенадцать миллионов километров, омывается океаном с трех сторон, и место для храма в нем выбрано на самом конце длинного мыса. Есть ли княжества, где столица не была бы на морском берегу? Да. Иду и иногда Хуол, когда небесная часть его столицы, Келос, не парит над океаном, а курсирует над материковой частью княжества. Но часто ли такое бывает?

Даалнаму еще один князь, который всегда с людьми. Так же, как Луна, правительница Уэлана, так же, как Аташ, правитель Иду, и Геркем, владыка Рэваха. Луна – светило, единственное в Ифэрэнн, Аташ – огонь, Геркем – земная твердь, а Даалнаму – великий океан. Нет ни неба, ни звезд, ни солнца. Бог создал их, и они остались верны Ему. В отличие от этих, падших.

Теперь на самом большом из островов Мару на земле, воплощении Геркема, окруженный морем, воплощением Даалнаму, под невидимой днем луной стоял дом Господень, и ни земля, ни море, ни луна, ни даже бешеный огонь Аташ не могли причинить ему вред. Если только их силой не воспользуются люди.

Люди... они могли быть светлы как ангелы, они были страшнее демонов. Бог защищал их от демонов, защищал от вампиров, но не защищал друг от друга. Они знали правила и, в отличие от демонов и вампиров, могли их соблюдать. Просто не хотели. И Господь принял их выбор.

В десяти княжествах строились христианские храмы, в одиннадцати княжествах христианство было вне закона. Так же, как людей, ушедших в Стада вампиров, христиан лишили человеческих прав, они больше не были подданными князей, они сами выбрали другого господина. И князья приняли их выбор.

То, что Бога нельзя выбрать, можно лишь вернуться к Нему, было оставлено без внимания. Князья вернуться не могли и не собирались позволять это людям. Зависть не худший из пороков, но все же очень неприятный. У князей, впрочем, и весь остальной набор присутствовал. Первые среди падших, они сами пороки и создали.

Артур не мог их ненавидеть. Должен был, наверное, но не получалось. Впрочем, он и насчет того, что должен, сомневался. Какая уж там ненависть, их жалеть надо, закосневших в упорстве, в осмысленной безнадежной злобе, осознающих ужас и необратимость своего выбора, неспособных раскаяться.

Они не могли сожалеть, потому что знали, что поступили правильно. Безвыходная ситуация. Люди никогда не окажутся в такой. Неудивительно, что князья завидовали.

Удивительно было то, что делали люди. Не христиане. Те люди, что были добрыми соседями принявших христианство, те, что работали вместе с ними, чьи дети ходили в те же школы, обычные люди. Они могли быть светлы как ангелы... Могли. Но для них это было слишком сложно.

Сообщения приходили из всех княжеств, со всех концов Ифэрэнн. Каждую неделю. Десятками. Последнее было из Киусату.

Настя и Хамира Гладышевы, ученицы четвертого и шестого классов. Настю во время урока физкультуры старшеклассники повесили на веревке для лазанья, повесили высоко, и веревка была толстая, Настя умерла не сразу. Старшеклассники устроили соревнование для малышей: кто допрыгнет, чтоб дернуть девочку за ноги так, чтоб сломать ей шею. Ее сестру Хамиру в этот же день сбросили с крыши школы. Целились попасть на ограду, хотели знать, можно ли таким образом сломать позвоночник. Хамира упала в кусты по ту сторону, кое-как добралась домой. Родители, еще не осознавшие, что они больше не люди, пытались звать врачей, пытались добиться защиты у арханов. Им повезло, их просто убили. Хамиру забрали соседи, семья Даунингов. Муж, жена, трое своих детей... они могли позаботиться о девочке. К тому времени, как об этом узнали другие христиане Киусату, к тому времени, как известия дошли до Карешты, парализованная Хамира стала игрушкой для всего квартала. Стоило это недорого, но из-за количества желающих деньги получались приличные.

В Киусату можно было отправить рыцарей, их хватило бы, чтоб дать бой хоть всей киусатской архе: рыцарями стали почти все арханы Эсимены, а кто не стал, те лишь ждали, когда придет их очередь принять крещение. Они рвались туда. Первые христиане Ифэрэнн, они понимали, что нельзя мстить, нельзя держать злобу, что нужно прощать. Сменяются поколения, прежде чем заповеди станут формальностью, а пока их соблюдали со всей честностью и изо всех сил. Но они были арханами, защитниками, знали свой долг, и долг требовал наказать преступников. Артур сам когда-то не знал шестой заповеди, понятия не имел, что она есть. Не было заповеди «не убей», была: «защитай», так что эсименских арханов, первых рыцарей Храма, он понимал, как понимал себя тогдашнего.

И в Киусату поехал сам.

Взял с собой Демона; тот, во-первых, не отстал бы, во-вторых, мог попробовать помешать Альберту, вздумай тот не вовремя выйти на связь. Создавать помехи Демон умел прекрасно, будто это единственное, что осталось ему от зловредной сущности, зато уж осталось в такой концентрации, что разведи каплю на ведро, вылей на землю, и оттуда еще десять лет никуда не дозвонишься. В том, что Альберт, узнай он о судьбе Гладышевых, не

оставит от квартала камня на камне, и будет большой удачей, если не возьмется за весь город, Артур не сомневался. В том, что Демон не сделает ничего, кроме того, что ему скажут, тоже был уверен. Не умел Демон сочувствовать, не понимал, о чем жалеть. Для него все было даже проще, чем для Артура. Одна из девочек на Небесах вместе с родителями, вторую нужно забрать. И все. Он тысячелетиями наблюдал за людьми, и не ужасался человеческой жестокости, и не удивлялся человеческому милосердию.

Артур видел многое, хоть и прожил гораздо меньше, и Артуру казалось, что люди не перестанут удивлять и ужасать. Но не порочностью или праведностью, нет, и то и другое было по-человечески, и то и другое часто сочеталось в одной душе, за которую шла вечная схватка между ангелами и демонами. По-настоящему удивительным и ужасным было равнодушие – вот где ни Бога, ни Дьявола, вообще ничего, одно лишь серое, пустое зло, с которым даже сражаться нельзя. В него просто проваливаешься, как в зловонную яму.

О судьбе Хаамиры Гладышевой знали в школе, знали в районной больнице, знала вся улица, в конце концов. В первые дни крики девочки были слышны во всех окрестных домах, так что соседи попросили Даунингов улучшить звукоизоляцию. Это все, что они сделали. Это все, что их заинтересовало. Тех из них, кто не стал в доме Даунингов завсегдатаем.

Артур старался не думать об этом, пока «Найзагай», выскочивший из анги на юге города, в резиденции Ойхе, летел на северо-запад по широким улицам. Огромный город, гигантский, превосходящий размерами большинство государств Земли, Киусату был полон нарядных людей и дорогих машин. В Киусату не было ни одного одинакового здания, и каждое было архитектурным шедевром. В Киусату все время был праздник.

Гладышевы лишь чудом стали единственными христианами, погибшими от рук веселых и незлобивых обитателей дивного города.

Когда Хаамира уже была у Даунингов, в другом районе Киусату напали на целую христианскую общину. Так сложилось, что люди приехали в Тагар всей улицей, шесть домов, тридцать человек, все вместе работали на стройке, все вместе были крещены. Вместе и вернулись. Из тридцати человек мужчин было десятеро, они попытались дать отпор. Но христианам нельзя убивать. А убивать христиан можно.

Детей взяли в заложники, женщин и мужчин выпустили на улицы, дали два часа форы и устроили охоту. За каждую пару ушей полагался приз: бутылка дорогого ликера из Кеффы производства завода «Нааман».

Одна из женщин, убегая от преследователей, выскочила на проезжую часть, где ее сбила машина упырицы Винканы, вожака одной из стай, которым покровительствовала Роса. Это Винкана продала христианам землю под храм в Киусату. Но ей не было бы дела до судьбы сбитой женщины, если бы та не испачкала кровью ее ослепительно-белую и нереально дорогую «Амику». По мнению Винканы, «Амика» стоила дороже жизней всех христиан, вместе взятых, и уж точно дороже жизней тех, кто преследовал эту несчастную христианку.

Охота немедленно была прекращена, охотников искали до сих пор, хоть все и понимали, что, вероятнее всего, они уже в Песках.

Христиане покинули город сразу, как только забрали детей, перебрались через границу в Эсимену. Все десятеро мужчин пожелали стать рыцарями. Все дети мужского пола тоже. Пора было строить монастыри, казармы архи не годились для того, чтобы селить там гражданских. И хорошо, что пока хватало инструкторов.

Хорошо, да. За эту мысль Артур и зацепился, когда «Найзагай» въехал на улицу, где жили Даунинги. Нужно было думать о хорошем. Потому что иначе... кто знает, что он сделает? Смирение и милосердие сейчас казались качествами нужными, но совсем не обязательными.

Демон, всю дорогу просидевший за спиной так, словно ему вообще не нужно было держаться, сейчас вцепился Артуру в пояс и, забыв про шлемофон, заорал в ухо:

– Только не наделай глупостей!

Ох, вот уж точно, вредительство его никуда не делось, просто из осознанного

превратилось в импульсивное. У Артура чуть голова не лопнула. Он остановил «Найзагай» у дома Даунингов, все еще слыша звон в ушах, сошел с седла. Забрал топор и направился к дверям.

Стучать не стал. Двери были не те, в которые надо стучать, район-то безопасный. Так что хватило одного удара, чтобы вынести и дверь и косяк. Следующим ударом Артур сбил с ног случившегося в прихожей человека. Дальше в ход пошел Миротворец, потому что по пути попала какая-то мебель. Была ли это гостиная или столовая, бог весть, разобраться Артур не успел – вокруг появилось довольно много людей. Даунинга-старшего он узнал, видел фотографии. От остальных отмахнулся, пару раз двинув обухом топора в одну сторону, рукоятью – в другую, а главу семьи взял за кадык, притиснул к стене, предварительно снеся Миротворцем закрепленный на ней огромный телевизор.

Выше надо телевизоры вешать. Так, чтобы под ними человек помещался.

– Где Хамира?

Кто-то уже звонил в арху: Артур слышал задыхающийся от крика голос, диктующий адрес. Пусть приезжают. Убивать, конечно, нельзя, но защищаться-то можно. Он бы сейчас с удовольствием позащищался. В этом доме оказалось слишком мало желающих напасть. Вообще ни одного.

Девочку держали в подвале. Она действительно была парализована, но не полностью, поэтому ее предусмотрительно приковали к стене. Двенадцатилетнюю малышку. Артур был родом из мест, где в тринадцать выходили замуж, но... замужество – это совсем другое. Совсем. На Хамире живого места не было. И нужды в звукоизоляции тоже давно не было, Хамира уже не могла громко кричать.

Цепь звонко лязгнула под ударом Миротворца, распалась пополам. Ошейник можно будет снять в резиденции Ойхе.

– Забери ее, – велел Артур Демону. – И вот что, тут еще есть дети...

Демон вопросительно выгнул бровь:

– Нет, больше нет. Только трое наверху, но с ними все в порядке.

– С ними не все в порядке, – Артур прислушивался, не воют ли сирены арханов, но пока было тихо. – Где именно наверху?

– В комнате окнами во двор, – ответил Демон, подняв Хамиру на руки. – Я возьму хозяйскую машину?

– Не на байке же ее везти!

Вообще-то за ними ехали врач и водитель из резиденции, но они отстали от «Найзагая», пролетевшего по улицам против всех правил дорожного движения, вообще против всех правил. Успеют, хорошо, нет, значит, пусть возвращаются.

– Забирай машину и подожди нас, – приказал Артур.

– Нас?

– Да.

Он вышел из подвала, Демон за ним. Детей уже не было в комнате наверху, они спешили вниз по лестнице в сопровождении невысокой красивой дамы. Та, увидев Артура, вышла вперед, загораживая от него детей. Госпожа Даунинг, мать, жертвующая собой, это было трогательно. Эти белые дрожащие губы, взгляд, полный непреклонной решимости, стиснутые на груди руки.

А дети... двое мальчиков и девочка. Самому старшему не было и десяти. Годится.

– Я их забираю, – сказал Артур.

Демон, уже на полпути к гаражу, только хмыкнул. Входная дверь, лежавшая на полу, поднялась и захлопнулась с громким стуком прямо перед носом прошмыгнувших к ней детишек. Разлетелись остатки косяка.

– Вы не смее... – Голос изменил госпоже Даунинг, сдавленный от слез, сорвался на визг.

Но конечно же Артур смел это сделать. Дети не кинулись к матери, они кинулись

убегать. Если бы хоть один из них был рядом с ней, если бы хоть один вцепился в подол ее красивого платья... Артур все равно забрал бы их, но забрал бы, жалея Даунингов. А так, увы.

– Идите за ним, – приказал он детям, кивнув на Демона, – деваться вам все равно некуда.

Дети еще помедлили, потом младшие взяли за руки старшего и вот так, держась друг за друга, отправились в гараж.

Они бы, может, не пошли, но их дом больше не выглядел безопасным местом. Только не сейчас, с выбитыми окнами, разломанной мебелью, стреляющим искрами телевизором, от которого уже занялся край поддуваемых сквозняком штор. А Демон выглядел... как ангел. Артур даже сам удивился. Столько в неугомонном крылатом засранце было заботливости, и тепла, и обещания, что все будет хорошо.

Артур сам никогда и не сомневался, что именно так все и будет: хорошо, а дальше все лучше и лучше. Но сейчас, здесь, с учетом обстоятельств... в общем, он и сам был признателен Демону за то, что тот именно такой. Все будет хорошо. Обязательно.

Арханы приехать не успели. Машина из резиденции Ойхе добралась вовремя. На ней увезли Хамиру. Артур и Демон не задержались в Киусату, они увезли детей в Тагар, передали там на попечение Барчанам.

Пора было строить монастыри.

У наместника Киусату хватило здравого смысла не выступить против Карешты. Ему удалось погасить поднявшуюся по городу волну возмущения, требования немедленно отправить в Карешту арханов, вернуть детей. Эсимена с ее арханами-рыцарями была слишком близко, чтобы Киусату мог позволить себе отправить свою арху в Карешту. К тому же в Ифэрэнн никогда не было войн, не было оружия для ведения войн, и результат противостояния арханов и вампиров Трассы был непредсказуем. Здесь решало не число, а умение плюс количество магов. У вампиров был опыт войн друг с другом и с людьми. У вампиров были дайны, сравнимые по мощи, а то и превосходящие многие заклинания. Вампиров в Кареште как-то очень быстро стало больше сорока – в течение пары дней их число перевалило за две сотни. Словом, по всему выходило, что раз в Ифэрэнн никогда не было войн, то не стоит и начинать.

Но в своих выступлениях по радио и телевидению, и на пресс-конференциях, и на многочисленных встречах с представителями городских районов наместник рефреном повторял одну и ту же мысль: кто проявил бессмысленную жестокость, должен безропотно принять в ответ жестокость осмысленную, оправданную.

Он действительно так думал? Оправдывал чужаков, вторгшихся в его город и забравших детей у подданных князя? Хотелось верить, что так и есть. Что наместник понимает: христиане лишь воздали злом за зло. Это не по правилам, не по-христиански, но это наказание по заслугам.

Себеста считал, что по заслугам было бы убить. Вампиры думали так же, но они, как Демон, не жалели ни семью Хамиры, ни саму Хамиру. Слишком много прожили, чтобы жалеть. Вампиры просто хотели драки, большой, затяжной войны, способа скрасить досуг чем-то серьезным и увлекательным. Артур запретил мстить, Марийка донесла запрет до своей стаи, а заодно до остальных вампиров, приехавших в Карешту в эти беспокойные дни. Очень быстро об этом узнали в Песках: вампирская сеть всегда работала быстрее и лучше юора, и стаи, назначившие место сбора на границе Эсимены и Киусату, вернулись обратно, кто в Пески, кто в «родные» княжества.

Мести не будет. Достаточно того, что Даунинги лишились детей.

– У тебя что, сердца нет? – спросил Себеста.

Он видел Хамиру, он с ней разговаривал. Артур с девочкой и словом не перемолвился, за прошедшие дни ни разу не побывал в Киусату. И не собирался туда. Есть Демон, есть Ласка, есть Анна, они гораздо лучше знают, как нужно разговаривать с Хамирой, лучше

знают, что с ней делать. Ну а кроме того, у Ойхе есть врачи и маги. Чего больше? Сколько во всем Ифэрэнн девчонок ее возраста, оказавшихся в еще более страшных обстоятельствах? Сколько их в Песках? У кого из них есть для поддержки лучшие доктора, у кого в психотерапевтах монахиня с четырехсотлетним стажем вправления мозгов?

Сердца нет? Возможно. Это еще ничего, если так. По крайней мере, в Ифэрэнн его пока ни разу не назвали чудовищем и не начали бояться только потому, что он таков, какой есть.

– Если хотите принести пользу, – сказал Артур вампирам, – найдите способ, убедите Росу в том, что ее миньонам нужно поработать над общественным мнением в Киусату. То, что несколько десятков человек стали жертвой демонов, еще не означает, что все княжество должно поддаться соблазну и счесть их несправедливо обиженными.

Обойтись без стай Росы было нельзя, Киусату принадлежало им.

Карештицам и вообще вампирам с Трассы не стоило там появляться. Вампиры из Песков тоже не могли себе позволить злоупотреблять дайнами на чужой земле.

Артуру не трудно было представить, как его слова – каждое его слово – летят по сети, недоступные людям, только вампирам. Они дойдут и до Росы, никто не посмеет подступиться к ней с просьбой, но она все равно услышит его пожелание. И что скажет? Какова будет ее воля? Пока Роса не пришла ни к какому решению; от Киусату, как от брошенного в воду камня, по всему Ифэрэнн расходились круги слухов, обсуждений, переживаний, недоумения и злобы. Наместник успел вовремя. Он воззвал к человеческому в людях и добился отклика. Пусть не все, но многие в Киусату ужаснулись не тому, что у их земляков отобрали детей, а тому, что их земляки оказались способны сделать с ребенком. И с другими людьми, такими же людьми, как все. Ведь не перестали же христиане относиться к роду человеческому только от того, что нашли Бога и утратили подданство.

Многие. Но не все.

– Почему ты не используешь вампиров? – снова и снова спрашивал Себеста. – Тебе нельзя убивать, нам всем нельзя, хорошо, это я понимаю, но им-то можно!

Артур не знал, как объяснять то, что для него было очевидно. Заповедь «не убей», она же включает в себя не только запрет на убийство, это запрет на все, что может погубить душу. Любую душу. Странное дело, говорить он никогда не любил, но обычно все-таки умел выражать словами то, что было на уме или сердце. Ничего сложного там не было, чего ж не выразить? Даже без ругательств получалось. Но в этот раз как отрезало. Это ведь Себеста, он вроде всегда все понимал, задавал больше всех вопросов и сам находил на них ответы. Всегда умел думать. Что же изменилось?

Взорвался в конце концов Демон. Демон, который большую часть времени после возвращения из Киусату проводил, объясняя недопустимость мести журналистам, прихожанам, христианам, просто людям, забрасывающим форум Тагара вопросами.

– Почему-почему? Себеста, ты же умный мужик. Почему ты сам ждешь, что Артур погубит души вампиров ради того, чтоб погубить несколько жизней?!

– Они же все равно убивают, – заметил Себеста резонно.

– Они когда-нибудь перестанут. Так же, как ты когда-нибудь окрестишься. И Артур не отдаст твою душу демонам только потому, что ты пока не носишь креста. И не отдаст вампиров только потому, что пока они дальше от христианства, чем Каин.

Вот Демон объяснять умел. Не зря именно он вел службы в Тагаре, пока Артур мотался по княжествам, присматривая за строительством других храмов, возил в Пески из Эсимены защитные амулеты для аждахов и ходил в рейды в Пограничье. Не зря именно он наставлял будущих священников. Артур знал, что Демон станет главой церкви Ифэрэнн, давно решил это и знал, что по какой-то причине в церкви не будет его самого.

Наверное, это к лучшему. Его дело воевать. И Артуру не хотелось думать, что же случится, почему ему не будет места среди христиан. Он, наверное, мог бы выяснить – Демон научил его правильно пользоваться ясновидением, научил, как превратить проклятие в дар. Посоветовал каждый день анализировать ситуацию, определять текущее место церкви в Ифэрэнн, перспективы развития, вероятность конфликтов и писать отчеты. Дело

привычное, Артур занимался этим еще в Единой Земле, и тогда, надо признать, пророчества его действительно не донимали. Здесь сработало даже лучше: в своих записях он предсказывал будущее, но делал это осознанно, не переставал воспринимать окружающую действительность и не маялся потом головной болью. Словом, Артур, наверное, мог бы заглянуть и в свое будущее, увидеть, где же его место, если не во главе церкви или не в должности командира ордена Храма, но не хотел. Пусть все идет своим чередом. Пророческий дар дан ему не для того, чтобы любопытствовать относительно собственной судьбы.

– А вот ты мне скажи, Артур, – вкрадчиво поинтересовался Демон однажды, после очередного дня, доверху заполненного хлопотами о строительстве странноприимных домов на Трассе рядом с каждым из княжеств, – почему ты все время говоришь, что Даунинги и их соседи стали жертвами демонов? Ты давно перестал объяснять, что мстить нельзя, теперь твердишь, что они не виноваты. По-твоему, это лучше работает?

– По-моему, это понятнее, – признался Артур. – Ты лучше меня толкуешь заповеди.

– Я не могу обращаться с ними так же вольно, как ты. Но насчет демонов, парень, ты действительно думаешь, что это их работа?

– Люди сами по себе до такого не додумались бы.

Демон долго молчал. Артур успел за это время набить трубку, раскурить ее и известись под взглядом Демона настолько, чтоб сделать еще одно признание:

– Ладно, люди додумывались и не до такого. Но за этим всегда стоят демоны, за всем, что называется бесчеловечностью. В этих поступках нет людей, отсюда и название.

– Демонизмом оно не называется, – возразил Демон. – Артур, ты зачем ездил в Киусату?

– Забрать Хамиру.

– Нет. За этим туда поехал я – охранять тебя и забрать девочку. Так и вышло, если помнишь, это я ее забрал, а ты забрал младших Даунингов, которые тебе, кстати, куда интереснее Хамиры. Это правильно, но речь не о них. Так зачем ты ездил в Киусату, Артур? Ты хотел задать вопрос, так ведь? Хотел спросить – почему?

– И вместо этого сломал дом.

– Ну, – Демон улыбнулся, – после того, как я стал сулэмом, и до того, как стал человеком, я многое успел о тебе услышать и знаю, что ломать дома – это нормальный для тебя способ диалога. Если бы ты спросил, знаешь, что они ответили бы тебе? И сами Даунинги, и все их соседи, все, кто приходил, чтобы развлечься с Хамирой?

– Сказали бы, что не знают... что бес попутал, наваждение нашло. Люди так говорят обычно.

– Когда к ним приходят и ломают сначала челюсть, потом ребра, а потом дом? Не сомневаюсь. Артур, – сочувствие в голосе Демона стало таким явственным, что даже слегка напугало, – если бы они не знали, что тебя нужно бояться, они сказали бы: «При чем тут девочка? Вы ущемляете наши права!»

– Какие... права? – Артур поперхнулся дымом. – Право пытаться ребенка до смерти?!

– Ох, да нет же! Первые слова «при чем тут девочка» вообще выводят Хамиру из сферы их восприятия. Право не отвечать на вопросы, тупой ты рыцарь! Право на личную жизнь. Неужели не понимаешь? Хамира не имеет значения, значение имеет то, что сейчас на их улице идет ремонт, восстанавливается дом Даунингов, и это нарушает покой остальных. Значение имеет то, что их начали донимать журналисты. Значение, конечно, имеет то, что у Даунингов забрали детей. Это все вызывает их возмущение, это стало причиной едва не начавшихся в Киусату волнений. Их нарушенные права, а вовсе не искалеченная девочка. А три года назад в семье, жившей на той же улице, один из детей потерял зрение в результате травмы. И добрые соседи выжили эту семью и с улицы, и вообще из квартала. Знаешь почему, Артур? Потому что школьный автобус должен был изменить маршрут и ездить мимо их домов до того времени, пока парню не восстановят глаза. Они не хотели автобус под своими окнами. Он помешал бы им. Ущемил бы их права. Тогда по этому поводу было

много шума, тоже говорили про черствость, бесчеловечность, поразительное равнодушие. Но на все вопросы ответ был один: «Почему вы говорите об этом мальчике, почему вы не хотите говорить о наших правах?» Это по-человечески, Артур. Демоны тут ни при чем. И мне так же жаль, что они ни при чем, как и тебе.

Еще одна поразительная черта человеческого характера. В одном ряду с равнодушием. И ведь он столько раз сталкивался с ней! Похоже, что слишком часто. Привык, перестал обращать внимание, а в итоге попросту забыл. Есть люди, которые не способны понять, что как ты поступаешь с другими, так и другие могут поступить с тобой. У них словно нет ни в разуме, ни в сердце важного механизма, обеспечивающего это понимание. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Казалось бы, что проще? Но почему это было самым сложным.

– Я поехал в Киусату, чтобы защищать тебя, – повторил Демон. – На нас и правда могли напасть, на вас с Марийкой во время ваших поездок по княжествам часто нападают, верно ведь? Но защищать тебя нужно было не от этого.

– Понимаю. Мне нельзя было спрашивать. – Артур выбил трубку совершенно бездумно, лишь бы занять руки, начал чистить ее, хоть в чистке она пока и не нуждалась.

– Скорее, тебе нельзя было слышать их правдивый ответ. Надо было дать тебе возможность изменить его на вранье про попутавшего беса и про наваждение. Если б Даунинг сказал: «При чем тут девочка?», когда мы были в их доме... – Демон покачал головой.

– Спасает мою душу?

– Защищаю. Ты же мою защитил.

Глава 19

Быть не может, чтобы вера христианская могла с таким авторитетом распространяться по всему миру, если бы она не была истинна.

Августин Блаженный

«Юлия Шилова, Алим, Уэлан. Получила от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается. Чарльз Шакита, Зэрем, Уэлан. Получил от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается. Адольф Весландер, Янгва, Уэлан. Получил от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается...»

Итого за провокацию нападений на христиан семей, имеющих малолетних детей, уплачено сто двадцать саолов. Других доказательств, кроме договоров с подписью Артура Северного, я вам не предоставляю из соображений собственной безопасности, но и этого вам должно быть достаточно. Не отвечайте на этот адрес, он будет удален сразу после отправки письма».

На освящение храма в Толэ, в Уэлане, собралось больше людей, чем на Мару. Здесь было море, здесь правила Луна, климат летом в приморской части был почти маруанским, и все княжество превратилось в один бесконечный сад. От горизонта до горизонта – цветы и деревья, уходящие вдаль холмы как нежные акварели на фоне переливающегося красками неба. Отражение в снийве походило на полярное сияние, в разное время суток распускались разные виды цветов, и небо меняло цвет, и земля меняла цвет, и между землей и небом танцевал пахнущий цветами ветер.

Неудивительно, что многие воспользовались освящением нового храма как поводом приехать в Толэ. В другое время, когда бы еще собрались? А так желание посмотреть на христиан, на Демона, на странных вампиров с Трассы, которые, по слухам, стали работать на

людей, превратилось на словах в желание полюбоваться знаменитыми каналами Толэ, искупаться в Аркате, ну и поприсутствовать на христианском обряде, конечно. Что в этом такого? Они же всех к себе зовут.

Все и приехали. У Артура с Марийкой, у обоих, эта мысль появилась, когда они увидели, сколько людей и вампиров собралось на площади перед храмом, на крышах окрестных домов, на соседних улицах. Предприимчивые горожане всю продавали места у окон, а арханы, надо думать, на чем свет стоит кляли и христиан, и человеческое любопытство.

– Их, наверное, миллион, – изумленно сказала Марийка, разглядывая запруженные людьми улицы с обзорной площадки под куполом. – Или даже десять миллионов. В Толэ на улицах всегда свободно, даже в праздники, тут же до фига места. А сейчас, смотри, кирпич бросишь и точно в кого-нибудь попадешь!

Артур освятил храм, а проповедь читал Демон, так что можно было позволить себе сколько угодно торчать здесь, на крыше, вдали от любопытных глаз, и смотреть на город. В Толэ не строили зданий выше шести этажей, улицы были широкими: тротуары, проезжая часть и обязательный канал с морской или пресной водой. Над самыми узкими каналами горбились мостики длиной от силы в десяток шагов, самые большие пересекали великолепные мосты, застроенные магазинами и кафе. Море обнимало Толэ с трех сторон, море текло по улицам, запах морской соли усиливал аромат цветов, а небо, отражая вечно беспокойные волны, переливалось и мерцало и становилось еще прекраснее. Леди Луна водила дружбу с князем Даалнаму так же, как лорд Месяц дружил с Аташем.

А сегодня казалось, что на широких улицах Толэ действительно собралось все население Ифэрэнн.

– Обычно говорят «яблоку упасть негде», – поправил Артур, – кирпичами бросаться нехорошо.

– Кирпичом надежней. Тут полно всяких гадов.

Он только головой покачал. Ну вот как объяснить, что не бывает гадов? Нижние Земли только потому и существуют, что люди думают, будто кто-то их заслужил. Будто кто-то заслужил наказание. Марийка разглядела среди собравшихся тех, у кого они успели забрать детей. Ну так эти люди и в Тагар приезжали, предлагали деньги, клялись, что никогда больше, обещали принять крещение. Что ж их теперь, кирпичами, что ли?

– Посмотри лучше, здесь даже на островах цветочные плантации. Вон, видишь, как светятся? Как разноцветные облака.

– Да тут кругом цветы. – Марийка была беспощадна, а проповеди Демона о том, что христиане не держат зла, и о том, что счет идет лишь по последнему поступку, она отсюда, сверху, не слышала, несмотря на то что голос был воистину ангельским и разносился над Толэ без всяких микрофонов и динамиков.

Здесь кругом были цветы, это правда. Артур повидал уже все княжества, даже подземный Рэвах, и в каждом думал, что оно самое красивое в Ифэрэнн. Сейчас он думал так про Уэлан. Не в первый раз. Скоро он будет так же думать про Мару, где нужно порешать кое-какие дела с пиратами и вампирами и купить материалы для аждахских защитных амулетов, а пока пальма первенства была у владений Луны.

В уэланском Приморье и на холмистых равнинах цветы росли круглый год. В горах, где бывали снежные зимы и затяжные, с дурным характером, весны, предпочтение отдавалось деревьям и кустарникам, но и там цветы появлялись на черных безлистных ветках еще в начале геркема, а заканчивалось цветение в марнии, чуть не одновременно с тем, как ложился снег.

Марний – князь Киусату. До освящения храма в его владениях еще шесть месяцев, достаточно времени, чтобы не думать о Киусату неотступно. Тем более что гонения на христиан продолжались во всех княжествах, кроме Иду и Эсимены. Было над чем подумать. Было о чем беспокоиться.

Было чему удивляться – несмотря ни на что, люди не боялись креститься.

Демону предстояло закончить проповедь, а потом крестить тех уэланцев, кто помогал строить храм и учился быть христианином. А Артуру – ехать в горы, забирать детей у пяти семей, пойманных вампирами.

Он покинул столицу сразу после того, как закончилось таинство. К середине ночи проделал полпути до Сви́лы, самой большой уэланской реки. От стоянки у приметных ворот одной цветочной плантации навстречу его «Скадату» вырулил другой, куда более серьезно бронированный, и Артур остановил машину. Пересел на пассажирское место, пустил за руль вампира из стаи Бьорна. Вампира звали Софор. А стая Бьорна была одной из двух, деливших городок Янгва.

В Янгву и надо было. Она располагалась на склонах хребта Хентеф, недалеко от большой лакуны, где круглый год проходила ярмарка и из которой рукой подать до Немоты.

Лакуны, провалы в торжественной музыке князей, почти не встречаясь в центральных областях княжеств, множились к границам, пока, в конце концов, не сливались в одно заполненное тишиной пространство. Немота была прослойкой между княжествами, опасным местом, через которое волей-неволей приходилось прокладывать шоссе и железнодорожные пути. Вблизи от границ, вблизи от соединяющих княжества дорог фейри были не слишком агрессивны, поэтому рядом с дорогами устраивали ярмарки живущие в Немоте люди и по дорогам же выбирались в Немоту старатели, охотники за драгоценными камнями и металлами, редкими растениями, зачарованными вещами, какие и на ярмарках-то продавались задешево, а в человеческих поселках подальше от музыки стоили в несколько раз меньше, чем в княжествах.

Кое-кто из предприимчивых жителей Янгвы, осознав бесправность своих земляков-христиан, попытался продать их упырям. Бьорн, до которого уже добралась информация из Песков о том, что из христиан аждахов не выйдет, отказался от сделки. Его соперник в бесконечной войне за город, упырь по имени Грей, проявил больше интереса и вызвался быть посредником в сделке с фейри. Если б не соперничество, Бьорн, вероятнее всего, не заинтересовался бы участием нескольких христианских семей, но раз уж выпал случай и помешать конкуренту, и заработать очки во взаимоотношениях с церковью, а в перспективе войти в стаю Лаада, он этим случаем воспользовался. По вампирской сети связался с Карештой, от помощи отказался – маленькие стаи предпочитали меряться силами без привлечения сторонних участников, – просто сообщил, что из шестнадцати янгвийских охотников на христиан пятеро женаты и имеют детей младше десяти лет.

Себеста, когда услышал о новостях из Янгвы, о том, почему Бьорн вообще решил связаться с Карештой, поинтересовался у Артура, действительно ли ему нужна репутация похитителя детей. Артур знал, что бывает репутация и похуже, а детей забирать все равно кто-то должен, так почему не он? На этом разговор и закончился. Остался неприятный осадок, но пока не получилось понять, откуда он взялся. Все делалось правильно. Напустить на детей медведей, чтобы разорвали на куски, или отнять детей у родителей суть одно и то же: воспитательный момент для всех остальных. Только в первом случае дети сразу попадают к Господу, а назиданием становится их смерть, во втором же случае дети придут к Господу постепенно, если только достанет разума и сил воспитать из них настоящих рыцарей, ну а назиданием для других станет горе родителей.

Что здесь не так?

Им нравилось в монастыре в Тагаре, там некогда было скучать, там каждый день приносил что-то новое и интересное.

Они быстро переставали тосковать по дому. Все остальное: учебная программа, преподаватели – арханы и вампиры из социалов – друзья, игры, взрослые, которым можно доверять, – все это было не настолько важно. Все это не помогло бы в считанные недели избавиться от тоски по родным домам и родным людям. Дело в другом: для этих детей настоящим домом стал монастырь, казалось, они родились, чтоб оказаться там. А уж почему так случилось, почему именно те дети, которых Артур забирал у гонителей христианства,

были созданы для того, чтобы стать рыцарями, это тема, о которой бесполезно рассуждать между делом. Ответ будет «потому что», и он дурацкий, не настоящий. А настоящий и верный ответ слишком большой, чтобы сформулировать его без долгой молитвы и хотя бы нескольких дней покоя.

Марийка осталась в Толэ, она любила праздники, а заодно, пользуясь случаем, назначила здесь встречу своему научному руководителю. Глава кафедры социологии и политологии Интарافийского института интересовался христианством, хоть и называл его феноменом, а не верой, и, конечно, он приехал на освящение храма. Он и в Мару был, там Марийка отдала ему черновик двух первых глав диплома, а сегодня они собирались обсудить и эти главы, и новый храм, и растущий ажиотаж вокруг христианства. И непостижимую разумом человеческую жестокость.

Почему самая мирная, самая добрая из всех религий породила столько зла, это и для Артура было загадкой. В Ифэрэнн христианство никогда не станет таким, как на Земле, имя Божье не станет оправданием для войны, а инаковерцев никогда не оттолкнут от порога странноприимного дома. Но даже в Ифэрэнн христианство пробудило в человеческих душах такие черные бездны, о каких, наверное, знали только демоны и вампиры. Хоть Демон и говорит, что люди всегда такими были, это неправда, иначе они потеряли бы стыд, разучились бы ужасаться жестокости.

После событий в Киусату повернулись тяжелые шестерни машины под названием медиаконгломерат Уго, и Ифэрэнн постепенно стал распадаться пополам. На любое выступление против христиан газеты, журналы, радиостанции и телеканалы самого разного толка реагировали каждый в своем стиле, но все с одной идеей: люди, притесняющие других людей из-за вероисповедания или по другой причине, нерукоподаваемы. Люди, поступающие с другими людьми так, как Даунинги, как соседи Гладышевых, как киусатские врачи, как те, кто поддержал их всех, не могут называться людьми. Это выглядело убедительно, а еще это было верно по сути, по тому мерилу правильного, которое есть в душе у каждого человека, если он не безумен.

«С кем ты?» – люди пока еще сами не замечали, что ищут ответ на этот вопрос.

«С кем ты?» С музыкантами, политиками, актерами, учеными, учителями, каждый из которых известен и знаменит, каждый из которых заявил, что поддерживает христиан, что любой имеет право выбирать себе богов? Или с людьми, чьих имен никто никогда не слышал, с жалкими людьми, способными только на то, чтоб издеваться над беззащитными?

Уго формировал общественное мнение медленно, тяжело, но надежно и наверняка, однако он был не единственным медиамагнатом в Ифэрэнн, и его конкуренты встали на сторону гонителей христианства просто потому, что это была не сторона Уго. Для тех, кто видел ситуацию целиком, противостояние выглядело как битва громадных, неповоротливых тварей, использующих в качестве оружия что-то вроде облаков или тумана. Это были ядовитые облака и туман, в котором легко заблудиться. Независимо от того, насколько правильные вещи ты проповедуешь, когда их нужно донести до миллиардов людей, они должны быть в красивой обертке. А обертка скрывает суть.

С Евангелиями не так, с христианством не так, для того чтоб человек вернулся к Богу, не нужно никаких оберток и фантиков. Но они нужны для того, чтобы христиан перестали убивать.

Артур смотрел в новостях, как известные актеры предлагают свои виллы в качестве убежища для христиан. Видел анонсы евангельской мистерии с участием звезд музыки, кино и театра – из-за имен участников и режиссера билеты на мистерию оказались распроданы еще до того, как начали продаваться, а с началом продаж расходились уже с аукционов. Читал письма от желающих сделать пожертвования, и хоть в пожертвованиях пока не было нужды, знал, что Демон благодарит и принимает их. Артур не хотел наступления времен, когда христианство превратится в моду. Уго делал эти времена неизбежными. И делать это было необходимо.

Люди постепенно забывали о чародее из Немоты, для людей главой христиан становился Демон. Он учил новых священников, вел обширную переписку, участвовал в пресс-конференциях, выступал с проповедями на официальном телеканале Эсимены. Он по-прежнему с трудом выносил упырей, это инстинкт, тут уж ничего не поделаешь, но с Лаской они как-то умудрились сработаться, и Демон создал из нее и Анны Барчан образцы христианской женственности. Впору за голову хвататься: Ласка, четырехсотлетняя упырица – пример для молодежи, кумир девчонок, мечтающих служить в архе, и почему-то символ сотен подростковых спортивных команд, причем не только девчачьих. Вот что значит правильно расставить акценты.

Работы хватало всем, не только Анне и Ласке, Демон стал человеком, но характер-то у него не изменился, а всем известно, что деятельнее демонов никого на свете нет. Артур ждал, когда в сознании людей Демон прочно и окончательно займет место предстоятеля церкви. Тогда можно будет уйти в тень и предоставить Демону самому принимать решения. Пока он приходит за одобрением каждой идеи, пока ему нужны указания, пока он слишком полагается на пророческий дар Артура, научился, гад, использовать его так, чтоб обходилось без приступов, по крайней мере, без тяжелых приступов. Это не может продолжаться вечно.

Демон не понимал почему. Он тоже видел, что Артур становится неудобен для людей, знал, что его с самого начала побаивались, а теперь и вовсе перестают понимать, но не видел, каким образом это может помешать Артуру оставаться во главе создаваемой церкви и принимать решения.

Артуру позаглаза хватало того, что он был главой церкви для упырей. И для демонов. Зарождающееся в Ифэрэнн христианство уже сейчас словно делилось на две части: на тех, кто видел только Евангелие, слушал Демона, не понаслышке знал о милосердии и прощал врагов ради спасения их и своей души; и на тех, кто близко к сердцу принял Ветхий Завет, заключал сделки с Артуром и верил в абсолютную и идеальную бесчеловечность Господа, милосердного лишь к тем, кто не пытается чинить зла Его детям.

Благо хоть среди упырей не было землян, заставших ветхозаветные времена.

Не-землян хватало. Девятнадцать древних тварей, древних скучающих тварей. Шутка ли? А сколько их на Трассе?

Путь был неблизкий даже с учетом того, что машины вели упыри. У людей поездка заняла бы часов пятнадцать, двенадцать, если очень спешить. Упыри спешили, поэтому до окраин Янгвы добрались за шесть часов. Миновали первые дома, одноэтажные каменные коттеджи, окруженные огородами. Дальше начались трех- и пятиэтажки, тоже сложенные из местного камня, в Янгве было мало места, городок со всех сторон стиснули горы, поэтому дома здесь строили многоквартирные, сразу на пять – десять семей. Красивые дома с внутренними дворами, коваными воротными арками, с непременными деревьями у входа в парадное.

– Вон тот дом, – сказал Софор, ткнув пальцем в пятиэтажку дальше по улице, – последний этаж, три крайних окна... – Он замолчал, всматриваясь, потом резко прибавил скорость, и «Скадат» почти прыгнул вперед, в считанные секунды преодолев последнюю сотню метров.

Артур не увидел в окнах ничего подозрительного. Что там вообще можно разглядеть со светлой-то улицы да сквозь густую листву?

– Хозяин дома, – бросил Софор.

Дома? А должен быть в горах на границе с лакуной, там, где его и еще семерых янгвийцев держат вампиры Бьорна.

Дверь в парадное была не заперта, о консержах здесь и не слышали, зато холл под потолком опоясывал орнамент в виде стеблей и листьев полыни. Защита от нечисти. Артур отметил это мельком. Янгва – приграничный город, здесь больше боялись фейри, чем людей, и умели от них защищаться.

По крутой лестнице он взлетел на пятый этаж. Софор остался в машине, пытался связаться с Бьорном, выяснить, что произошло, но не зря же первым порывом вампира было как можно скорее оказаться рядом с этим домом, оказаться внутри. Хо́да в квартиру ему не было, но он даже об этом не вспомнил.

У порога нужной двери валялась сломанная пополам подкова. Раньше она висела над притолокой. Последний рубеж обороны. Если бы вернулся хозяин квартиры, глава семьи, ему не понадобилось бы ломать подкову, которую он сам же, скорее всего, и повесил.

Прежде чем выбить дверь, Артур успел подумать о том, что это становится привычкой.

Он вломился в темную, заставленную мебелью прихожую. Своротил стойку с обувью, чудом не разнес ростовое зеркало, увидев в нем свое отражение. Сориентировался в расходящихся из прихожей дверях – только одна вела в помещение, чьи окна выходили на проезжую часть, тут-то в этой двери и возник человек... возникло существо, выдававшее себя за хозяина. Ошибиться было невозможно, принять его за человека было невозможно. Черты лица, составленные тят-ляп, как в плохом графическом редакторе из негодных картинок. Губы едва прикрывают частокोल острых зубов. Зрачки расползлись шире радужки. Артур много раз видел, как фейри выдают себя за людей, и каждый раз не понимал, как им это удастся. Не понимал, почему люди не видят подделку, ведь это всегда вот такое уродство.

Бывали случаи, когда фейри оказывались не уродливыми, а слишком красивыми. И это было еще хуже.

В комнате за спиной нечистика кричала женщина, кричала от боли. Артур глазом моргнуть не успел, как в руках у противника появился топор, копия Миротворца. Это была большая удача, что фейри настроился копировать людей и машинально продолжил делать это, даже оказавшись в опасности. Хотя откуда бы ему знать, что Артур опасен? Нет, не в удаче дело, а в сомнении: оказавшись в доме, каким-то образом преодолев защиту, фейри почувствовал себя всемогущим. Кто из людей способен причинить ему вред? Людям от него не спастись, никому из тех, кто его заинтересует.

А то что с топором в тесном пространстве не развернуться, это неважно. Он же не собирается драться, думает, что просто убьет или заколдует.

Артур одной рукой перехватил Миротворец у самого лезвия, рубанул сбоку, поверх древка иллюзорного топора, по правому плечу фейри. Короткий размах, но длина Миротворца позволила нанести удар, достаточно сильный, чтоб разрубить даже не иллюзорную плоть. Есть там настоящее плечо или нет, дело десятое, где-то под слоями иллюзий все равно скрывается средоточие твари. Лезвие рассекло плоть, застряло в кости, а Артур уже бил с другой руки, концом древка. Удар выдернул лезвие из раны, вбил фейри в косяк. Прочное дерево выдержало, фейри не влетел в комнату, не дал Артуру пространства для замаха, но и сам ударить не успел. Лезвие Миротворца поднялось и опустилось снова, хрустнула ключица, туго подались разрушаемые ребра. Массы топора хватило, чтоб до середины развернуть грудную клетку. Человек бы уже умирал, фейри лишь потерял подвижность. Понадобилось еще два удара: обухом в подбородок и снова рукоятью – в пах, чтоб забросить его в комнату, сбить с ног. И уже там, в небольшой спальне, где какое-то непонятное существо корчилось и исходило криком на развороченной кровати, Артур нанес последний удар. Сверху вниз по лежащему фейри, разрубив наконец череп.

Он нашел средоточие. Фейри рассыпался облаком дурно пахнущей пыли, остался лишь грязный след на ковровом покрытии.

Крик женщины, казалось, высверливал мозг, он был уже совсем не человеческим, настолько пронзительным и громким, что невозможно было думать, хотелось бежать, чтоб никогда больше не слышать этих звуков. Не меньше секунды ушло у Артура на то, чтоб понять, что же он видит. Промедление было хуже смерти, но он смотрел, смотрел в упор и не понимал. У нее было лицо с кроличьим приплюснутым носом, с переносицей, покрытой плюшевой рыжей шерстью, у нее были длинные уши, человеческие, бесшерстные, но длиной в ладонь, и они продолжали расти. Судорога сводила прижатые к груди руки, плечи вращались

в тело, свободными оставались лишь предплечья и локти, и они тоже на глазах покрывались рыжим мягким пухом. Что происходило с ногами, не было видно под сбитыми покрывалами. И хвала Господу, что не было видно.

Артур наконец умер.

– Господи, – выдохнул он, осеняя женщину крестом, – помоги дочери Твоей, избавь от колдовства, волшебства и чародейства, да не причинят они ей зла. Светом Своим сохрани ее, Благодатью Своей отвори нечестие!

Кошмарные метаморфозы прекратились. Крик повис в воздухе, как будто существовал сам по себе, а не исходил из сжавшегося в треугольник рта с двумя длинными передними зубами. И сразу в какой-то неуловимый для взгляда момент все изменилось. На раскуроченной постели, задыхаясь и хрипя от крика и слез, осталась лежать женщина. Нормальная человеческая женщина.

Одежда на ней была разодрана – даже прочная ткань джинсов не выдержала трансформаций. А еще ее трясло от холода, неизбежного следствия шока. Артур накрыл несчастную одеялом и услышал, как Софор зовет его из-за входной двери:

– Что там? Если нужна помощь, пригласи меня войти!

– Входи. Принеси воды и найди что-нибудь выпить.

Вампир не может без приглашения войти туда, где живут. В парадное запросто, в вестибюль гостиницы – пожалуйста, а в квартиру или в номер уже никак. А фейри вообще не могли войти в этот дом. Артур думал, что нарушена вся защита, оказалось, что нет, на мертвых правила по-прежнему распространялись. Что же не так с фейри?

Софор принес воду в здоровенном, литра на два, кувшине. Как и большинство вампиров, он не имел представления о том, сколько и чего нужно людям, чтобы наестся или напиться, мерил потребности по себе, а для него-то два литра крови – это несколько глотков, говорить не о чем.

– Я отправил остальных по другим адресам, – сказал он, глядя, как Артур поит женщину водой, – скоро узнаем, что там. Спросил у Бьорна, они никого не отпускали, тебя ждут.

– Чего ждут? В Пески я никого забрать не дам. – Артур поставил кувшин на перевернутую прикроватную тумбочку, наклонился над женщиной: – Как тебя зовут?

– Янина, – проскрипела она сорванно.

– Повторяй за мной, Янина. – Артур смотрел ей в глаза, чтоб не пропустить момент, если что-то пойдет не так. – Отец Небесный, освободи меня от последствий грехов моих. Освободи меня от всякого проклятия. Войди в мое сердце и живи там. Я прощаю всех людей, причинивших мне вред или плохо поступивших со мною, так как я хочу, чтобы и Бог простил меня. Я верю в свое освобождение и исцеление через Тебя, Господи. Я прославляю Тебя и воздаю всю хвалу и честь Тебе, Святому Богу!

Она повторяла молитву, сначала механически, не вдумываясь, но, когда произнесла «освободи меня от всякого проклятия», начала осознавать смысл, в хриплом от слез голосе появились интонации. Софор прошипел что-то невнятное и убрался из спальни. Как большинству вампиров, ему неприятно было упоминание Господа, а о спасении в стае Бьорна никто пока не помышлял.

– Теперь я христианка? – спросила Янина, когда молитва закончилась.

Так можно было спросить про заразную болезнь, ставшую единственным спасением от смерти.

– Не так просто стать христианином. Просто молись хоть иногда, больше тебя ничего не защитит.

– Мой муж... он был заколдован? Ты его... – Она сглотнула и так и не смогла сказать «убил».

– Это был фейри, – сказал Артур, – я не убиваю людей, никто из христиан не убивает.

– Но дом защищен...

– Дом теперь защищает молитва, об этом и речь.

– Мне надо повторять эти слова и тогда фейри не смогут прийти?
– Эти или другие, молитв много, главное молиться от сердца. В Толэ есть храм, если что. Где дети?

– В школе. – Она моргнула и стиснула пальцами одеяло, поняла или вспомнила, кто он и зачем приехал. – Ты хочешь их забрать?

– Я их заберу.

– Нет, – светлые глаза снова стремительно наполнялись слезами, – нет, пожалуйста! Это же мои дети! Они же мои!

Артур вышел из спальни. Нужно было выяснить, что происходит в остальных семьях. Хорошо, если фейри явился только сюда, тогда можно будет увезти эту женщину к кому-нибудь из подруг. Они наверняка все между собой дружны, раз мужья вместе взялись за торговлю людьми. На такие дела случайных знакомых не зовут.

Софор ожидал в парадном, курил. Увидев Артура, он нервно оскалился:

– Ты светишься, ты сам как дух.

Но этим недовольство и ограничилось. Если у Софора и болела голова от молитвы, то не настолько, чтоб держаться от Артура подальше.

– Во всех четырех домах духи были, – доложил он, выкинув сигарету, – двоих парни застали и убили, двое ушли. Люди не выполнили обещание, не отдали христиан, вот защита и перестала работать. Суки жадные... всех подставили, кто в домах живет. Если б не мы, духи не ушли бы, не заколдовав всех живых. А вместо баб там кролики, и хрен знает, что с ними делать. – Софор встретил вопросительный взгляд и объяснил: – Кролики. Такие... мохнатые. У них уши еще.

– Большие?

– Уши?

Артур вдохнул, выдохнул, отметил, что табак у упыря еще тот горлодер, и спросил снова:

– Кролики большие? В человеческий рост? Или обычные?

– А. Нормальные. Бегают. Обои грызут.

Последнее, наверное, доказывало нормальность кроликов. С упырями не всегда было легко найти общий язык. С людьми, впрочем, тоже.

– Поехали, – сказал Артур и пошел вниз.

Кролики, точнее, крольчихи, были нормальными, только декоративными. Маленькие, мохнатые, таких держат в домах вместо кошек. На каждую был надет ошейник с бубенчиком, а в ошейник вложена записка. Текст и почерк разнились, но смысл сводился к одному: крольчиха – подарок от мамы, а мама уехала по делам, но скоро вернется. Не надо было хорошо знать фейри, чтоб понимать, кто вернется, кого дети должны впустить в дома под видом родных матерей.

К счастью, уроки в школах еще не закончились.

Артур молился, снимал чары и, как мог, приводил перепуганных женщин в чувство. Все четверо приняли фейри за своих мужей, все четверо спрашивали о мужьях в первую очередь. Страшно думать, что любимый человек заколдован, радостно должно быть, когда узнаешь, что это не так, но эти женщины не испытывали радости, выяснив, что их супруги в плену у вампиров. Песков боялись больше, чем любого колдовства фейри.

Зато страх за мужей мешал им думать о своих несчастьях и сходить с ума от пережитого ужаса.

Всех их собрали вместе в доме на две квартиры, принадлежащем двум из пяти семей, и только тогда они вспомнили о детях. Янина напомнила. Ее привезли рыдающую в голос, растрепанную и почти невменяемую. Она даже не переоделась, так и была в разодранных по швам джинсах и блузке. И повторяла: «Деточки мои, мои деточки...» так душераздирающе, что и остальные четверо женщин вспомнили про детей.

Что ж, когда-то ведь надо.

Софор и двое его бойцов остались присматривать за домом, пока не вернутся мужья, главы семей. Дальше обеспечением безопасности жителей должны были заняться городские власти.

Артур куда больше полагался на силу молитв, верил в то, что Господь защитит пятерых своих дочерей, ведь Он хочет спасти их так сильно, что отнял у них детей ради того, чтоб они задумались о своей жизни. Ему самому предстояла рутинная работа: объяснить Бьорну, что людей надо отпустить, убедить школьную администрацию в том, что он имеет право забрать нескольких младшеклассников, а потом вывезти детей на Трассу. Оттуда через ангу – в Тагар, в монастырь. А потом, уже без детей, обратно в Толэ – забрать Марийку, Демона и Себесту.

Главное, не пускать Марийку за руль. Ох, вот это и правда испытание... Артур никогда не верил в сказки о том, что беременность смягчает женский нрав, уж о чем о чем, а о гормонах Альберт ему рассказывал. Особенно много Альберт рассказывал о гормонах после того, как стал встречаться с Маришкой. Но кто бы рассказал, какое отношение гормоны имеют к характеру мертвых женщин? А ведь, судя по Марийке, имеют самое непосредственное.

Глава 20

Чтобы рассказать о своем сновидении, нужно проснуться.

Сенека

«Циера Винсик, Иртарум, Кеффа. Получил от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается. Аурелий Барбер, Рилус, Оорог. Получил от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается. Силас Вэллс, Элуркар, Кеффа. Получил от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается...»

Итого, за провокацию нападений на христиан семей, имеющих малолетних детей, уплачено сто двадцать саолов. Других доказательств, кроме договоров с подписью Артура Северного, я вам не предоставляю из соображений собственной безопасности, но и этого вам должно быть достаточно. Не отвечайте на этот адрес, он будет удален сразу после отправки письма».

Это видение преследовало Амана, назойливое, неотступное. Видения становились такими только тогда, когда о них нужно было кому-нибудь рассказать. Но Аман не мог рассказывать. Его не понимали. Все, что для него было ясно и четко, другим казалось бредом сумасшедшего. Аман знал, что он не сумасшедший, но другие не знали.

Он видел огромные залы со стенами из живых драгоценных камней, светлые залы без окон и дверей, залы с высокими сводами, над которыми тянулась, свиваясь, бесконечная лента Ифэрэнн. Эти залы – место вне всех времен или во всех временах, как опоры для всего остального мира. Может быть, когда-то именно в них рождалась музыка. А сейчас в них спали драконы. Огромные змеи, которым едва-едва хватало места между сияющих стен, под высокими потолками, огромные крылатые змеи. Аман боялся залов, но любовался ими, он боялся драконов, но любовался и ими тоже. Даже спящие, они были прекрасны, а когда просыпались, их красота попадала в самое сердце. И живое сердце остановилось бы, не выдержав этого зрелища.

Мертвое сердце Амана не билось уже так давно, что он и не помнил, как это.

Драконы просыпались, вскидывались на мощных когтистых лапах, поднимали головы, раскалывая полупрозрачные стены, как яичную скорлупу, расправляли крылья, вдребезги разбивая потолки. Драконы взлетали, и Ифэрэнн, лишенный опоры, превращался в осколки.

Аман знал, кто разбудил драконов. Он видел его в каждом видении. Тот жрец с нимбом

вокруг золотых волос, Убийца Демонов, явившийся в Ифэрэнн, чтобы спасти людей и вампиров от Нижних Земель. С ним должны были прийти ангелы, но почему-то не пришли. Аман часто видел ангелов; в отличие от демонов, они не мешали смотреть на себя, но так же, как демоны, никогда не разговаривали с ним, поэтому он не мог спросить, почему они не пришли со жрецом и когда придут.

Это ангелы, а не демоны делали непонятным все, что он говорил, хоть он и старался объяснять как можно лучше, хоть он и знал, что объясняет самые простые вещи. Были ли ангелы врагами? Да, наверное. Хуже, чем демоны. Демоны просто брезговали, а ангелы мешали.

Но о видении нужно было рассказать. И Аман попытался. Он собрал всех в доме у водопада и рассказал про подземные залы, про драконов, про то, что Ифэрэнн держится на их спинах, и про жреца, с которым не пришли ангелы. Он рассказал, что Ифэрэнн не просто падет, а будет разрушен. Рассказал про музыку, про расколотые стены, про то, как перемешаются времена, а души останутся неприкаянными и все угодят в Нижние Земли. Или все умчатся в тварные миры, чтобы стать призраками.

Аман очень старался говорить так, чтобы его поняли. Нельзя было допустить, чтобы Убийца Демонов оказался в драконьих залах. Вроде бы он сказал об этом много раз, он повторял это так часто, что в конце концов его попросили перестать. Но что с того? Все поняли совсем другое: чтобы избавиться от Убийцы Демонов, нужно заманить его к драконам. Хорошо было только то, что никто, кроме Биргера и Ройфа, не хотел убивать. Даже Роса. Всем было интересно посмотреть, что еще он сделает, как еще обидит демонов, во что превратится Ифэрэнн. А слова Биргера о том, что Ифэрэнн превратится в ничто, интересными никому не показались.

Аман от отчаяния сначала стал кричать, потом совсем перестал говорить, закрыл глаза, чтобы не видеть даже черноты за стеклами очков. Если Убийца Демонов окажется рядом с драконами, драконы проснутся. Он же об этом говорил, а не о том, что драконы убьют Убийцу. Почему все всё услышали наоборот? Как так получилось? Как так всегда получалось? Зачем ангелы делали с ним такое? Аман не знал. У него были ответы на многие вопросы, но любой его ответ всегда понимали неверно. И лучше уж было вообще ничего не говорить, чем говорить и все портить. Только если молчать, то видения не отпустят, а если они не отпустят, то ведь и с ума сойти не долго.

– Я устал объяснять, почему ты спас семьи в Янгве, – сообщил Демон и демонстративно брякнулся лбом на стол.

На столе звякнули рюмки.

– Если не ты, то кто? – лаконично спросил Себеста, озвучив заодно и вопрос, который не стал задавать Артур.

– Ты, Себеста. – Демон одним глазом следил, как Ласка разливает по рюмкам водку. – Ты у нас по связям с общественностью. И ты, кстати. – Он ткнул пальцем в Ласку. – А это контрабанда. Это же водка с Иниса? Она к вывозу запрещена.

– Это подарок, – ответствовала Ласка.

– Мы ее не вывозили, – подтвердил Себеста, – это наши маруанские друзья, новоиспеченные христиане с острова Инис. В заповедях ни слова не сказано о контрабанде, так что они ничего не нарушают.

– Себеста не может объяснять про Янгву, – сказал Артур, – он сам не знает, почему я их спасал.

– Я ж не христианин. – Себеста загрустил и выпил.

– Вот именно. А ты знаешь. – Артур взглянул на Демона.

Тот застонал.

Сейчас он совсем не походил на ангелоподобного главу христианской церкви, сейчас он куда больше был похож на прекрасного принца, подавшегося в разбойники и спивающегося в банде лесных троллей. Еще одним принцем в банде был Альберт, но он

присутствовал незримо, мечтал о коньяке и пил кофе с вареньем. В разговоре не участвовал, потому что поддерживал канал связи между Марийкой и Маришкой, а те строго-настрого запретили ему «подслушивать».

Артур младшему сочувствовал, но помочь ничем не мог. Вздумай он прислушаться, о чем там болтает устроившаяся в кресле Марийка, ему бы худо пришлось. И Альберт со стороны Маришки тоже рисковал столкнуться с репрессиями.

– Мы помогаем всем, кто просит о помощи, – сказал Демон.

– Даже врагам, – вставил Себеста.

Демон снова стукнулся головой о стол, потер лоб и посмотрел на Себесту так, словно с удовольствием приложил бы о столешницу его самого.

– У нас. Нет. Врагов, – произнес он раздельно. – У христиан нет врагов, кроме демонов. Именно эту мысль я пытаюсь донести до людей в течение вот уже шести месяцев. И тут ты наносишь мне удар в спину. Артур, нам нужно дать Уго интервью, которые он хочет. С теми семьями, которые травили христиан, а сейчас сами приняли крещение.

– У которых отняли детей, – вставил Себеста.

– Которые воссоединились с детьми.

– К которым дети не захотели возвращаться.

– А чьи проблемы, блин? – не выдержала Ласка. – Если этим мелким засранцам в монастырях лучше, чем дома с родителями, то почему ты, Себеста, говоришь так, будто это плохо?!

– Потому что дома должно быть лучше.

– Но им лучше в монастырях, и это хорошо. Хорошо, что им хорошо, ясно? Артур, скажи!

– В монастыре и должно быть лучше.

– «Что вы хотите услышать от парня, который прожил в монастыре всю жизнь? – ядовито поинтересовался Альберт. – Но так-то, да, там хорошо».

С детьми, с будущими рыцарями, на взгляд Артура, все получилось правильно. Родители многих из них уже приняли христианство, а сейчас в Тагаре среди прочих потерявших детей жили и Даунинги. Вместе со всеми оглашенными ходили на занятия. Удивлялись, что их приняли в поселке и не попрекают ни словом.

Они задумались, многие из этих людей задумались по-настоящему. А тех, кто просил о крещении только для того, чтобы вернуть детей, Демон видел сразу. Он с удовольствием цитировал кого-то из знакомых мертвых мудрецов, утверждая, что притворство в добродетели незаметно переходит в стремление и привычку к ней, и назначал притворщикам полугодовой курс занятий в церковной школе. Учеба до полного понимания великого таинства – время уже доказало эффективность этого метода.

Так же сразу Демон видел тех, кто действительно переосмыслил себя и свою жизнь. Таких крестили после необходимого количества уроков, небольшого, не так много времени нужно на то, чтобы рассказать о Боге тем, кто и правда хочет к Нему прийти.

Вот только дети не возвращались ни к первым, ни ко вторым. Не хотели. Встречаться с родителями, ездить к ним в гости, это сколько угодно. А возвращаться в бывший дом навсегда – ни в какую.

В бывший дом... Артур про себя машинально продолжал: «К бывшим родителям». Чти отца своего и мать свою, все верно, но также Господь сказал: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня». Воспитанники в монастырях, основа будущего рыцарства, были достойны Господа. И хорошо, что их родители, становясь христианами, понимали, что значат слова: «Кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

– Какие интервью нужны Уго? – спросил он вслух.

– С родителями и с детьми. Пошли слухи о том, что это мы провоцируем нападения на христиан.

– Чтобы отнимать детей?

– Да.

Артур задумался.

– Нет, – сказал он. – Не надо интервью. Что было, то прошло, взрослым не нужно вспоминать о том, какими они были в той жизни, они же от нее отказались. А детям не нужно вспоминать о том, что сделали родители. Лучше объясни еще раз, пусть Уго объяснит, что Бог любит всех Своих детей и кто любит Бога, кто уважает Его мнение, тот тоже любит всех Его детей. Это так просто... Почему мы никак не можем этого объяснить?

– Не мы не можем объяснить, а нас не могут понять, – буркнул Демон, и все выпили еще по одной, как будто он сказал тост. – Слухи о том, что мы подставляем своих же ради того, чтоб отобрать детей у чужих, пониманию тоже не способствуют.

Артур кивнул. Слухи – это плохо. Но о христианах ходило множество слухов, и многие были отвратительными. Одним больше, одним меньше, что изменится? Хватало ведь и рассказов о событиях, казавшихся людям чудесами: о победах над демонами и упырями, о необъяснимых исцелениях, об изгнаниях фейри. Бойцы уэланской архи уже четвертый месяц ездили в Эсимену к тамошним арханам-рыцарям. Очень интересовались приемами борьбы с нечистью. Арханы Оорога и Кеффы не так давно спросили, можно ли и им участвовать в этих совещаниях по обмену опытом.

Что Кеффа, что Оорог – горные княжества, а в горах у фейри больше власти, чем на равнинах. Границы с Небывальщиной тоньше, лакуны чаще. Арханы, может, и не стали бы связываться с рыцарями только для того, чтоб защитить от нечисти обычных людей, но в горах Кеффы было множество курортов, куда съезжалась вся знать Ифэрэнн, а в Оороге, кроме гор, вообще ничего не было, и там фейри досаждали даже в столице.

Наместники контакты с христианами не запретили. Официальная позиция князей по этому поводу была неизвестна, так же как по всем остальным сторонам человеческой жизни. Неофициальную Артур знал: князья ожидали войны, но никто не хотел ее, кроме Сахры в Ахтеке и Баспана в Кабире. Поэтому один за другим освящались храмы: в столицах их было уже восемь, через два месяца будет десять, а можно было бы построить и все двенадцать, если бы кабирские упыри не были врагами христиан, если бы князь Сахра не вел войну с христианством на территории своего княжества.

Сами себе враги – и упыри, и князь. Князь-то понятно, он же демон, а те всегда и все делают назло, причем обычно назло самим себе. А упырям не повезло: выбрали стаю Биргера и теперь вместо пути к Богу искали путь к демонам. В итоге рисковали душами и, что почти так же плохо, сами лишали себя красоты. Все в Ифэрэнн было красивым, и храмы в столицах тоже были прекрасны. Иначе невозможно.

Храм в Инамии, столице Оссиса, строили вампиры – маги из стаи Ксавье – и маги из Сидены под присмотром любопытствующего Лаада. Высящийся на скале над бурным морем инамийский храм выглядел как расправляющий крылья лебедь, который вот-вот сорвется в полет над волнами, и сделан он был из живого дерева, из переплетенных стволов и ветвей серебристого местного сланца. В стенах вили гнезда птицы, под корнями нашли приют маленькие звери, а назначенные Демоном священники в первую же неделю организовали неподалеку от храма кормушки для лосей и зубров, которых на окраине столицы водилось в изобилии.

А Себеста ошибся со своим предсказанием, что на освящение храма в Оссис приедет меньше людей, чем было на Мару или в Улбали. Людей собралось даже больше. Их могло оказаться слишком много для маленького городка, где дикие звери бродили по улицам наравне с домашней скотиной, но освящение и крещение оглашенных прошли очень мирно, а рэвахская железная дорога, обслуживающая все три города Оссиса, предоставила несколько специальных поездов для того, чтобы гости могли спокойно и с удобством покинуть пределы княжества.

Реклама железнодорожной компании Рэваха в течение месяца занимала лучшие места в ведущих печатных изданиях Ифэрэнн, шла в прайм-тайм на нескольких популярных

телеканалах, и не стоила компании ни одного саола. Уго проклинал тот день, когда связался с христианами, Артур делал вид, что сочувствует, и никому было не скучно, а это главное, когда имеешь дело с вампирами.

Храм в Киусату, из стали и стекла, резал небо сверкающим лезвием шпиля. Он был виден издалека, с любой из обзорных площадок любого из сотен тысяч киусатских небоскребов. Когда Артур смотрел проект, храм показался ему мрачным и грозным. Но в мрачности была мощь, а в угрозе – обещание защиты, и, может, это не лучшие качества для храма, но Артуру понравилось. Храм в Киусату походил на поднятый к небу двуручный меч...

Мысли о мече стоило выкидывать из головы еще на подходах, поэтому Артур предпочитал думать, что храм похож на Миротворец. На оружие, которым людей защищают от демонов.

На освящении киусатского храма Даунинги и стали оглашенными. Глава семьи раскаивался по-настоящему, его жена хотела вернуть детей и по-прежнему считала, что не сделала ничего плохого. Никто ее не торопил. Всеу свое время, и благодать не минует никого из ищущих.

С выгнутой крыши храма Тегирму скалились алые горгульи, а над ними простирали крылья ангелы из белого мрамора. Ангелы защищали чудовищ от гнева небес, чудовища защищали ангелов от врагов на земле, а если смотреть издалека, крылья и тех и других превращались в бело-красный венок, крылья ангелов и адских тварей, на которых громадное тяжелое здание взлетало в небо с той же легкостью, с какой парил над северным морем Оссиса храм-лебедь Инамии.

В Делинци, столице Кеффы, храм был сложен из золота, серебра и небесно-синего фарфора. Полностью построенный на пожертвования, он был, словно мозаикой, украшен гербами княжеств и значками городов, где жили люди, присылавшие в Тагар деньги. Красивый храм, очень красивый, и зримая благодарность всем, кто поддерживал христиан в эти, самые сложные, времена.

Дальше станет проще. Когда-нибудь станет проще. Но сначала будет война.

Церковь не нуждалась в деньгах, тысячи демонических саолов, полученных во время боя за Лугу, приумножились за счет беспрестанных нападений демонов, фейри и вампиров. Почти каждая поездка Артура пополняла церковную казну на десяток-полтора саолов: сам он их забирать не умел, но Демон не отпускал его одного, а когда не охранял лично, заставлял брать с собой упырей-телохранителей.

Церковь не нуждалась в деньгах, но с благодарностью принимала жертвования. Делая подарки, люди – и христиане, и те, кто пока еще даже не помышлял принять крещение, – чувствовали свою общность, становились ближе друг к другу. Понятие «ближний» переставало быть размытым словом из евангельских притч, воплощалось во множестве очень разных людей.

Удивительно, что Демон, который додумался до всего этого, по-прежнему считал необходимым просить разрешения на каждую новую идею. Он знал о людях больше, чем Артур мог узнать за всю жизнь, и знал, что прав, но почему-то не мог перестать оглядываться. Снова и снова спрашивал: «Можно, мы сделаем вот так?» Он сказал не так давно, что чем больше власть, тем больше соблазнов. А когда Артур признался, что не понимает, о каких соблазнах речь, долго веселился и подытожил совсем уж непонятным: «Придурок ты, я поэтому тебя обо всем и спрашиваю».

О том, что по этой же причине Демон не хочет, чтоб он уезжал куда-то без охраны, Артур догадался и сам. И уже начал грустить по временам, когда они мотались по всем княжествам вдвоем с Марийкой. Мало того, что с Марийкой было куда лучше, так он еще и

скучал по ней, надолго покидая Тагар. Да и само понятие «надолго» изменилось. Два-три дня стали казаться слишком большим сроком, а когда счет шел на недели, жизнь вообще становилась печальной, и от язвительных комментариев Альберта было несколько не легче.

Братик ревновал. Смешно, если забыть, как сам когда-то ревновал его к одной ведьме. И жутко от мысли, что скучать по Альберту значит желать ему смерти. Так легко забыть, что в Ифэрэнн нет по-настоящему живых.

Артур скучал по брату и молил Пречистую, чтоб Альберт не оказался здесь еще хотя бы лет двести. А что? Маги живут долго. Когда Волк вернется на Землю, можно будет уйти из Ифэрэнн. Не навсегда, конечно. Просто можно будет снова появляться в тварном мире. И все станет лучше, чем сейчас. Все встанет на свои места, без странных мыслей, путаницы и противоречий.

А пока оставалось путешествовать в компании вампиров-телохранителей и убеждать Марийку, что бойца лучше ее все равно нет и не будет.

Артур до сих пор не мог понять, как они умудрились-таки объяснить Марийке, что ей не надо больше сопровождать его в поездках. Демон предлагал даже пустить в ход тяжелую артиллерию в лице Змея, но Марийка действовала по принципу: выслушай брата и сделай наоборот, поэтому ничего бы из этого не вышло. Так что действовали своими силами, сообщая, подключив даже Маришку. Какой-то из аргументов сработал, зная бы какой. Может, оно и в будущем пригодилось бы.

Понятно, что других детей у Марийки не будет, но, возможно, аргумент опирался не на безопасность дочери, а на какие-нибудь другие соображения, применимые в разных ситуациях. Сейчас уже не выяснить. А Марийка не расскажет. Марийка уверена, что она сама решила никуда не ездить, потому что перестала помещаться за рулем «Скадата».

Вообще-то не перестала – в «Скадате» на водительском месте и двум таким, как она, было бы не тесно, но, надо думать, ей все-таки стало тяжело и неудобно часами сидеть в машине и, уж точно, ей стало тяжело и неудобно драться. Какие там драки, когда на живот можно две кружки пива поставить и так ходить? Врачи говорили, что девчонка растет очень быстро, для человека слишком быстро, и предполагали роды уже в следующем месяце. А Змей сказал Марийке, что дочка родится, когда будет освящен храм в Хуоле, а это месяц этма, девятый от зачатия.

Кому верить? Альберт настаивал на том, что Змею знать лучше. Артур не желал слышать о том, что Змей может сказать хоть слово правды. Но ясно было, что этот знает о волшебных детях гораздо больше, чем врачи в больнице Карешты, которые не представляли, как реагировать на то, что у девчонки в животе Марийки есть когти и зубы, а взгляд осмысленный и очень любопытный.

Полагаться на собственные пророчества? Так их не было. Все, что видел Артур с тех пор, как вернулся из Янгвы, это подземные дворцы, где спали драконы. Он успевал пройти по двенадцати дивным чертогам, успевал увидеть, что один из них пуст, а потом драконы открывали глаза и на этом видение заканчивалось.

Демон сказал, что драконы – это князья. Сказал, что это не метафора, что нужно понимать его буквально. Драконы – это ипостась князей, созданная для разрушения, тоже музыка, но такая, что даже безмолвие Немоты лучше, чем ее страшная дисгармония. Одним из таких драконов был Змей, брат Марийки. Нет, это не его место пустовало в подземельях, он никогда не был князем, его музыка не звучала в Ифэрэнн, он просто был таким же, как те, внизу.

Ну и как верить такой твари? Хоть в чем-то. Хотя бы даже в том, что касается его будущей племянницы?

Демон с Альбертом оба твердили, что Артур лучше бы думал о драконах и о том, что означают эти видения, почему обрываются так резко и каков может быть финал, который Артуру ни разу не удалось увидеть. Попробовали бы сами думать о драконах и видениях, когда жена на седьмом месяце!

До рождения дочери и до начала войны оставалось два месяца. Два освященных храма.

Храм в Файху, столице Рэваха, тоже строили вампиры. Маги. Рэвах был единственным в Ифэрэнн княжеством, где знать не знала о фейри, здесь, вместо нечисти, внутри холмов жили люди. На поверхности не было ни одного поселения, даже портовые города размещались в огромных пещерах, через которые были проложены искусственные русла для океанских судов.

Артур никогда не был в сидах, зато Альберт бывал и утверждал, что подземные города Рэваха не уступают в красоте обиталищам фейри, несмотря на то что выстроены гораздо практичней. С человеческой точки зрения, практичней, ясное дело, сиды, с точки зрения фей, надо думать, тоже очень удобны.

Строиться без магии в Файху было бы сложно. Если инамийский храм-птица из живых растений был создан магией просто потому, что упырям так захотелось, а люди решили, что это красиво, то в лабиринте естественных и рукотворных пещер, составлявших столицу Рэваха, помощь стихийщиков стала настоящим спасением. В Инамии храм вырастили из дерева, в Файху его вырастили из камней, металла и самоцветов. И, пожалуй, этот, каменный, храм был таким же живым, как тот, деревянный.

Таким же прекрасным.

В Рэвахе Артур впервые задумался о том, как много людей приезжает на освящение храмов. Впервые подумал о том, что дело, может быть, и не в храмах вовсе, а в том, что Господь хочет, чтоб люди видели как можно больше красоты. А Ифэрэнн был красив. Да, его основу создали демоны. Но остальное сделали люди. И открытие храмов в столицах для многих и многих стало поводом отправиться наконец в путешествие, увидеть чудеса других княжеств, прикоснуться к иной, незнакомой красоте.

И в Рэвахе Марийка начала разговор о судьбе их дочери.

Артур думал, что она не понимает, собирался сказать... он не боялся этого разговора, даже время не тянул, просто полагал почему-то, что лучше обсудить все уже после того, как девочка родится. Оказалось, что Марийка прекрасно все понимает. Что ж, она видела уже достаточно человеческих младенцев, и она достаточно читала и смотрела фильмов о том, как должен развиваться плод, ну а кроме того, она сама была волшебным ребенком, так же, как ее брат, отец, дед и прадед, с которого и начался весь их род.

– Что будет, когда мы ее окрестим, – спросила Марийка прямо, – то же, что и с вампирами?

Артур не знал, что будет. Он предполагал, что крещение окончит пребывание девочки среди живых, но не был в этом уверен. А еще, если бы Марийка была против крещения, он не стал бы настаивать. Марийка сама до сих пор не окрестилась, предпочитала оставаться с ним, а не спасать свою душу. И малышке тоже можно было предоставить такой выбор.

– Я боюсь, – сказала Марийка, – она еще не родилась, а я уже за нее боюсь. Если не вверить ее Богу, то до нее доберутся демоны. Потому что... такая добыча. Твоя дочь, племянница Наэйра, внучка Моартула и правнучка Базса. Я верю, что, если кто-нибудь доберется до нее, ты не позволишь собой манипулировать, ты так безжалостен, что даже жить с тобой может только вампир. Но я знаю, что и Наэйр, и отец уступят тем, кто попытается шантажировать их нашей дочкой. И я не знаю, сможем ли мы ее защитить. А вот Бог точно сможет.

Над тем, что сказала Марийка, нужно было хорошо подумать. И Артур думал. Молчал. Все время, пока набивал и раскуривал трубку. Думал и молчал, пока не докурил.

– Я не безжалостный, – сказал он, тщательно все взвесив.

Марийка пожала плечами:

– Ты любишь всех, а это значит – никого. И ты знаешь, что тело – это только инструмент для души, способ взаимодействия с материей. А это значит, что ты не видишь разницы, живы твои близкие или мертвы, с тобой они или на Небесах.

– Я вижу разницу.

– Значит, ты предпочтешь, чтоб они умерли.

На это возразить было нечего. Сожалеть о смерти тех, кто ушел к Богу, – эгоизм, а не любовь.

– Но за это тебя и любят, – добавила Марийка задумчиво, – за то, что ты такой, за то, что ты знаешь, как правильно, и поступаешь правильно, и учишь остальных. А я люблю еще и за то, что ты человек. Хотя ты и совсем бесчеловечный. Если честно, мой брат и то больше тебя похож на людей.

– Ну спасибо. Твой брат – враг мира...

– Конечно! Так же, как все люди – враги и миру, и друг другу. Знаешь, что я думаю, Артур? Если Бог заберет нашу дочку к себе прямо во время крещения, она будет за меня молиться вместе с тобой. А это гораздо лучше, чем если она останется здесь и ее душу захватят демоны. Видишь, я уже немного умею рассуждать так же, как ты. Когда научусь этому полностью, тогда и приму крещение. И не смей тогда скучать обо мне, потому что это будет против всех правил.

«Светлана Брянцева, Азурблау, Оорог. Получила от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается. Теннили Гунтум, Маили, Кабир. Получил от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается. Дезмонд Хьятохак, Ваайтера, Мару. Получил от Артура Северного три сута авансом и двадцать семь по выполнении работы. Копия договора прилагается...»

Итого, за провокацию на нападения на христиан семей, имеющих малолетних детей, уплачено сто двадцать саолов. Других доказательств, кроме договоров с подписью Артура Северного, я вам не предоставляю из соображений собственной безопасности, но и этого вам должно быть достаточно. Не отвечайте на этот адрес, он будет удален сразу после отправки письма».

Себеста проснулся оттого, что кот запрыгнул на колени. Здоровенная скотина. Чуть не уронил. Кресло-то без подлокотников.

Опять заснул за компьютером. Возраст, что ли? Или просто работать меньше надо? Быть мэром в Тагаре сложнее, чем в Луге. Из Тагара бизнесом удобнее управлять, но что-то удобство это только бизнесу на пользу и идет, а здоровью, похоже, нет. Себеста зевнул, потер глаза. Допил кофе из большой кружки. Еще горячий. Значит, спал недолго. А что делал, когда заснул?

В памяти смутно маячили какие-то невыносимо скучные таблицы с именами и числами, но экран был чист. Скорее всего, сверял поставки с графиком. Закончил работу, собирался выключить компьютер и идти спать, и заснул прямо в кресле. Все-таки это возраст. Даже не в том дело, что заснул, а в том, что не получается вспомнить, над чем работал. И опять же, не в первый раз.

Или в отпуск? Демон предлагает после того, как у Марийки с Артуром родится дочка, забирать Артура и обеих девчонок и ехать на Мару. Он, мол, после освящения всех храмов какое-то время и сам с делами управится. Демон плохого не посоветует, даром, что демон. И Артуру тоже отдохнуть стоит, а то доработался, драконы сниться стали. Уж лучше забывать, что делал, когда заснул, чем в каждом сне драконов видеть.

Кот выгнул спину и зашипел на что-то в углу кабинета. Опять ежи в дом пролезли. Поведились целым семейством, приходят из степи, как к себе. Правда, чаще все-таки идут напрямиком на кухню.

Мерцания монитора и клавиатуры не хватало, даже чтоб увидеть, что происходит в шаге от кресла. Себеста щелкнул выключателем лампы, вспыхнул свет, но тени стали еще гуще. И почему-то от этого стало жутко, так жутко, что захотелось бежать. Кот прыжком метнулся к дверям, больно оцарапав бедро задними лапами. Себеста бы тоже метнулся, еще и кота бы обогнал: так страшно ему никогда не было, даже когда демоны напали на Лугу, но

он оцепенел от этого страха. Даже стыдно не стало, нельзя так бояться, мужчине – нельзя, а все равно стыдно не было.

– Ты должен поговорить с демоном, – гулко прозвучало из тени. – Поезжай в степь, подальше от Тагара, позови его, скажи, что у тебя есть предложение.

Пистолет в ящике стола, только руку протянуть...

Руки не слушались.

И не получалось молиться. Давно уже не получалось, с того дня, с седьмого аташа, когда все лужане приняли крещение. Все, кроме него. Сейчас молитва могла бы помочь. Сейчас не могло помочь ничего, кроме молитвы.

– «Господь, Отец мой...» – попробовал сказать Себеста. В мозг будто сверло ввинтилось. И стало совсем темно.

Вряд ли он снова заснул, скорее потерял сознание, и какое-то время тень или что-то в тени управляло его телом. В себя Себеста пришел в ложбине между холмами, заросшими густым кустарником. Луна светила так, что глаза резало, тени были четкими и черными, аж вязкими от густоты. Где он, Себеста не знал, видел только склоны холмов, кусты, большие валуны вокруг. Позвать демона? Но какого? Не Демона же. Чтоб его позвать, надо быть в Тагаре.

Стараясь действовать как можно незаметней, Себеста провел ладонью по карману, где лежал телефон. Должен был лежать. Но телефон остался на столе в кабинете.

– Демон? – позвал Себеста вслух.

– Лхар, – пророкотала тень, – называй его Лхаром. Он услышит.

Страх понемногу отступал, появлялись злость и любопытство. Что это за тварь такая? Как она вошла в дом? Как смогла напугать так сильно? Что же это получается, он темноты испугался?!

– Да иди ты, – буркнул Себеста и полез вверх по склону, чтоб оглядеться. Тагар где-то недалеко, огни с вершины точно будет видно.

Тени скользили под ногами, сбивали с толку, подсовывали под руки обманку, вместо веток кустарника, но голос больше не был слышен, и страх не возвращался. Зато любопытство становилось все сильнее. Имя Лхар не давало покоя, не шло из головы.

Если это демон, то лучше даже не думать о нем. Но... если это демон, то почему имя кажется знакомым? Как будто это кто-то, кого знал, но забыл. Провалы в памяти, пробелы, лакуны... возраст, возраст. Да к духам возраст! Этот провал можно заполнить, так чего ждать?!

Себеста вылез на вершину и остановился, оглядываясь. Огней Тагара он не увидел – до самого горизонта лежала темная и тихая степь, только тени облаков скользили по холмам.

– Лхар! – крикнул Себеста.

И услышал отклик. Это был не голос, не звук, даже не мысль, это вновь было любопытство, вроде бы свое, но интересен теперь был не демон по имени Лхар, а... сам Себеста? Он не мог быть интересен сам себе. Чужие эмоции в своей голове – это сумасшествие или... что? Одержимость?

Тень заговорила снова, теперь слова звучали как раскаты близкого грома, словно степь выдыхала их своей необъятной грудью. Земля вздрагивала под ногами, и кости грозили треснуть, рассыпаться в пыль, таким невыносимо низким был голос тьмы.

– Я знаю, как убить Убийцу Демонов, Лхар.

Убийцей Демонов вампиры называли Артура. Себеста не мог двигаться, почти не мог думать и боялся, что, когда все закончится, он снова не сможет вспомнить, что произошло.

Снова? Такое уже было?

Он мучительно старался сосредоточиться на разговоре, но один из собеседников был в его голове и вообще не пользовался словами, лишь эмоциями, которые смешивались с чувствами самого Себесты, превращаясь в истерический хаос; а голос второго был так низок, что никак не получалось разобрать слова.

«Отдай мне его»... – это он услышал, и, наверное, это произнесла тень.

Согласие придавило к земле, как будто с головой залило жидким бетоном, и, как ни бейся, как ни борись, уже не выберешься.

Кому-то отдали... кого-то. Это касалось его, это было жизненно важно, это было смертельно опасно. Но Себесте ужасно хотелось спать. Все можно будет выяснить потом, когда он проснется.

Все-таки Демон прав, нужно в отпуск. Он слишком часто стал засыпать вот так, ни с того ни с сего, прямо посреди какого-нибудь важного дела.

Хуол за две недели начал готовиться к приему гостей. Десятое княжество, в столице которого завершилось строительство христианского храма, последнее княжество – в Ахтеке и Кабире храмов не будет до конца войны, а может быть, и после нее. Если после нее вообще что-то будет.

Келос, летающая столица Хуола, прервал медленное движение между озером Иму и берегом Золотого моря и опустился на воду, между рассыпанными по берегам десятками городов поменьше. Это приводнение, предусмотренное на редчайший случай сбора наместников всех княжеств, превращало Келос в мегаполис с множеством гостиниц, где могли бы с удобством разместиться и наместники со свитой, и сотни тысяч людей, которые съезжались посмотреть на собор со всех концов Ифэрэнн.

Интересно же. Люди, они вообще любопытные.

Еще интереснее было то, что, только приводняясь, Келос полностью становился собой и получал право на полное имя: превращался в Келос ла Иму, Небо-на-Воде. Озеро Иму, серебряно-синее зеркало площадью в сто двадцать тысяч квадратных километров, тоже было городом. Летающая и подводная половины столицы копировали друг друга расположением и названиями кварталов и улиц, различались архитектурой и были еще одним чудом Ифэрэнн. Или сразу двумя чудесами.

Артур не бывал ни в Келосе, ни в Иму, и в Келос ла Иму ему тоже дорога была заказана: столица Хуола, пронизанная магией от озерного дна до шпилей небесных самоцветных башен, либо отторгла бы его, как чужеродный и опасный элемент, либо, что хуже, утратила часть магии, а это стало бы катастрофой. Но на освящение храма они с Марийкой все же поехали. Поселились в отеле на берегу, раухтопазовой полусфере с четырьмя изящными башенками – здание подражало архитектуре и Келоса, и Иму, выглядело необычно, но глаз радовало. Здесь же сняли номера и все бывшие лужане, отчего дорогой отель стал странным образом напоминать «Чату». Несмотря на то что атмосфера была совсем другая, и о здешней роскоши «Чата» могла только мечтать, и вампиры на отель ни за что бы не напали. Разве что одержимые. Наверное, дело было в том, что со времен осады «Чаты» прошел почти год, близилась годовщина убийства Марийки, десять дней оставалось до годовщины боя за Лугу.

Хорошее время и для освящения последнего храма, и для рождения дочки.

И для начала войны.

По-прежнему снились драконы, а в столичных храмах на мозаичных, деревянных, стеклянных, металлических полах все ярче начинали светиться круги, отмечающие выход из анги. Считалось, что порталы, связавшие храмы между собой, таким образом настраивались друг на друга. Считалось, что, когда настройка завершится, свечение погаснет. В это верил даже Демон.

Артур знал, что порталы настраиваются не друг на друга, совсем нет, но считал, что рассказывать об этом преждевременно. Он узнает, когда это закончится. Узнает, когда начнется то, к чему он готовил Ифэрэнн. Рассказать можно будет в промежутке между завершением и началом. Он как раз успеет. А у людей будет время, чтобы услышать его, но не будет времени испугаться.

Улицы столицы и все свободные участки побережья были заняты людьми. Освящение нового храма традиционно продолжалось праздником – так повелось еще с Мару, где

освящение с праздниками просто совпало, – и сейчас на городских площадях, в парках, на стадионах, над водой и под водой и на берегу шли представления, звучала музыка, отраженные снйвом, сменяли друг друга световые фантазмагии. В ближайшем к отелю парке на берегу проходил совместный парад и показательные учения рыцарей-арханов и арханов Уэлана, Оорога, Кеффы и Хуола.

Демонологи Эсимены участвовали в подготовке парада чуть ли не всем институтом, профессора и доценты наравне с аспирантами. Конечно же в учениях не участвовало ни одного демона, но иллюзорных фейри всех видов и расцветок было столько, что парад затмил все остальные представления, оказался гвоздем праздника. И не в том даже дело, что было красиво, хотя, конечно, борьба с фейри – действо очень красочное, даже в реальности, когда не используется и половины приемов и заклинаний. Люди воочию убедились, что их могут защитить, убедились в эффективности защиты. Даже законченные скептики, лучше многих понимавшие, сколько в выступлении показухи, а сколько настоящих боевых действий, забывали о скепсисе, когда воздух вспыхивал огнем, с грохотом раскалывалась земля, лязгала сталь и грохотали выстрелы. Когда в считанные секунды превращались в пыль, сгорали, исчезали в вихрях заклятий твари, наводящие ужас по ночам, твари, от которых не было спасения днем, людоеды, убийцы, чудовища, чья жестокость далеко превосходила все, что могли выдумать демоны.

Жестокость демонов уступала человеческой, но кто думал об этом, кроме, может быть, самих рыцарей?

Артуру стоило немалого труда убедить эсименских арханов в том, что он не может командовать ими, то есть не может на параде. Он командовал ими в Песках, где надолго было очищено от нечисти Приграничье, командовал на границах эсименских лакун и во время рейдов в Немоту, но парад – это другое. Это представление людей и для людей. Однако посмотреть на рыцарей и дать увидеть себя все-таки стоило, в этом сошлись и Демон, и Себеста, и Ласка. Даже Анна, далекая от рыцарей и всех и всяческих боевых действий, сказала:

– Раз уж ты все равно ими командуешь, так хоть покажись там. Чтоб знали, что ты с ними.

Артур не командовал рыцарями, не был предстоятелем церкви, не правил Карештой и не отдавал приказов упырям. Ничего этого он не делал. Как получилось, что все, включая рыцарей, церковь, Карешту и упырей, были уверены в обратном?

Нет, об этом лучше не думать, голову сломаешь. Бог создал людей загадочными. Он считал, что так интереснее. Ему виднее.

Подготовку рыцарей к параду Артур видел еще в Эсимене, но здесь все выглядело как-то иначе, может быть, потому, что было по-настоящему. Парадная форма: белые мундиры с алыми крестами, ничего похожего на принятые в Единой Земле котты, эсклавины и туники, ничего похожего на стальные доспехи и развевающиеся на ветру плащи из белого шелка.

Крест на моей груди ярко ал, как кровь на червленом щите...

Ничего похожего. Но Ave Mater Dei! Артур смотрел на этих рыцарей, на первых христиан Ифэрэнн, и видел, что они настоящие. Пречистая Дева улыбалась, глядя на них, так же, как улыбалась она, глядя на храмовников Единой Земли, защищавших людей от нечисти. Рыцари-арханы – такие же защитники, а христиане из них, пожалуй, даже и лучше, чем из братьев, оставшихся в тварном мире.

Жаль, что они не могли защитить людей от людей. Никто не мог. И соблазн беззащитности по-прежнему оставался одним из сильнейших. Одним из опаснейших. Христиане не могли защищать себя, им не у кого было искать защиты, и это действовало на остальных, как запах крови на упырей. Сводило с ума. Артур предпочитал думать, что желание истязать, насиловать и убивать – это сумасшествие, а не знать, что такова человеческая природа. Одна из немногих вещей, о которых он не хотел знать. Предпочитал заблуждаться.

Хотя Альберт утверждал, что таких вещей бесчисленное множество. Братик любит

преувеличивать.

Сейчас, впрочем, Альберт смотрел на колонны храмовников, на алые на белом кресты, на флаги Эсимены и значки окружных монастырей и воздерживался от ехидных комментариев. Вообще помалкивал. Пока в конце концов не сказал, стараясь, чтоб это прозвучало непринужденно:

– «Как дома, да? Хотя дома ты парадов не видел».

В Единой Земле Артур в парадах участвовал, это точно. Но «дома»? Альберт называет Единую Землю домом? Это он-то, утверждавший, что не скучает по ней и что на Земле не сравнить, насколько лучше.

– «Придурок ты, – буркнул братец, – я вот, может, пнуть тебя хочу, а не могу, потому что ты там, а я тут. А в Единой Земле мог и пнуть, и в глаз дать, и вообще, что захочу».

– Я тоже по тебе скучаю, – Артур улыбнулся, – я вернусь. Когда придут ангелы, тут многое изменится. Если я выживу, я смогу уходить в тварный мир.

– «Когда... чего?! – Альберт забыл и про парад, и про ехидство, и про ностальгию. – Кто придет?! Куда?! В Ифэрэнн? Как?!»

– Порталы в храмах. Ангелы придут. Я только не знаю, когда точно.

Альберт не сомневался в том, что Артур выживет. Это грело. Это грело даже больше, чем то, что он соскучился. Мнение младшего по-прежнему было важнее всего. Подвести его Артур не мог, нет уж, один раз подвел, больше такого не случится. Значит, нужно выжить. Чтобы вернуться на Землю.

Когда ангелы придут в Ифэрэнн...

Артур Северный – воплощенное разрушение, гибель мира, последний удар мизерикорда сквозь решетку забрала. Когда ангелы придут, эта сила обратится против Ифэрэнн, Земля получит отсрочку и можно будет вернуться домой. Можно будет приходить туда, и возвращаться сюда, и спокойно ждать, пока Волк решится принести себя в жертву.

Может, Марийка права, когда называет его бесчеловечным? Вот сейчас он рассуждает как человек или как нелюдь?

С Ифэрэнн не случится ничего плохого, разрушение здесь равно созиданию, невозможно уничтожить музыку, она будет звучать, она изменится и станет еще прекрасней. С людьми в Ифэрэнн не случится ничего плохого, все плохое они сделали с собой сами, пока были живыми в тварных мирах. Здесь их души услышат измененную музыку, но, как и прежде, вольны будут выбирать между злом и добром. Война Небес не прекращается, но на жизнь людей влияет лишь тогда, когда люди задумываются о ней и решают вмешаться.

Христиане станут солдатами на новой войне. Остальные... сначала пусть станут христианами.

А жертва Волка – это спасение и для него, и для мира. В первую очередь для него. Правда, вряд ли он когда-нибудь это поймет.

Что это? Мысли человека или нелюдя? Права ли Марийка? Или все-таки прав Альберт, который считает его человеком, несмотря ни на что. Несмотря даже на то, что Артур пожертвовал им в Единой Земле, чтоб спасти свою и его души.

Глава 21

«Ад и рай – в Небесах», – утверждают ханжи.

Я, в себя заглянув, убедился во лжи:

Ад и рай – не круги во дворце мироздания,

Ад и рай – это две половины души.

Омар Хайям

Ничего еще не было решено. Все шире расползались слухи о том, будто христиане сами вынуждают остальных нападать на себя, будто христиане хуже фейри, те хотя бы крадут детей, а эти забирают силой. То тут, то там, в юоре, и в газетах, и по телевидению появлялись упоминания о каких-то договорах, якобы заключенных церковью с

provokatorami.

Если верить слухам, по этим договорам провокаторам причиталось по тридцать серебряных за каждую семью с детьми, втянутую в нападения на христиан. Так символично, что просто глупо. Но здесь не настолько хорошо знали Евангелие, чтобы уловить аналогии и понять их нелепость. Эти тридцать сребреников, о которых Артур слышал все чаще, были насмешкой над христианами. Просто шуткой, понятной лишь тому, кто смеется, и тем, над кем смеются. Шутка так себе... но она начинала злиться.

Когда наконец удастся найти источник слухов или источники, демонам, затеявшим это, придется несладко. И не из-за ангелов. Ангелы к тому времени, может, еще и не явятся.

– Артур... – шепнула Марийка, дернув его за рукав, – мне надо домой, надо бассейн с кровью и чтоб ты был со мной.

Почему-то первым запаниковал Альберт. Все услышал, все сразу понял и заметался:

– «Что? Марийка? Началось? Что надо делать? Маришку позвать?!»

– Не помешало бы. – Марийка улыбнулась. – Только не прямо сейчас. Я скажу когда. Альберт, для меня это гораздо безопаснее, чем для живых. Но мне приятно, что ты беспокоишься.

Младший тут же фыркнул, надулся и со своим коронным «да больно надо» стал походить на себя четырнадцатилетнего, а не на взрослого парня, которому уже стукнуло четверть века. Он не знал, что Артур собирается крестить дочку. И Маришка не знала. Если девочка умрет, объяснить это Альберту будет довольно сложно, но Артур надеялся, что она выживет. Очень надеялся. Он не просил у Господа жизни для нее – как Он решит, так и будет. И у Пречистой не просил – незачем напоминать ей о том, что дети смертны, она и так всегда об этом помнит.

Оставалась только надежда. Но уж что-что, а надеяться Артур умел всегда.

Цепляясь за его рукав, Марийка закрыла глаза. Воздух замерцал – это открывался портал в Поместье. Домой Марийка могла попасть откуда угодно, но обычно она открывала портал так быстро, что момент перехода невозможно было заметить. Сейчас это заняло две секунды, может быть, три. Оказавшись в своей спальне, Марийка отпустила Артура, хлопнула в ладоши:

– Бассейн с живой кровью, быстро!

Что делать, он знал. Предоставил Марийку заботам рабов, а сам отправился искать Моартула.

Далеко идти не пришлось: хозяин Поместья, владыка Песков, безжалостный Сын Смерти ожидал за дверью дочериных покоев. Точнее, он стоял у арочного окна, выходящего на живописную пропасть, и делал вид, что курит. Это о чем-то да говорило, учитывая, что Моартул считал табак сатанинской поганью.

– Мир вам, Моартул. – Артур знал, что отцы за детей не отвечают, и хозяин Поместья тоже не нес ответственности за то, что его сын – воплощение зла и вообще Змей. – Мне нужна Лэда.

Моартул выкинул сигарету, развернулся к нему и протянул небольшой нож без ножен. Бритвенно-острое лезвие чуть светилось – никакой магии, просто это не металл, это звездный свет, Лэда невозможна в тварном мире, потому что там свет нематериален, Лэда невозможна в Ифэрэнн, потому что здесь нет звезд. И все-таки вот она, Лэда. Удобно легла в ладонь, спокойная, покорная, ожидающая.

Марийка рассказывала: Лэдой вскрыла себе живот Сияющая-в-Небесах, когда пыталась избавиться от ребенка, который во плоти зрел в ее чреве и не позволял развоплотиться ей самой; Лэда помогла разродиться матери Моартула; с помощью Лэды родился Змей. Сейчас она должна была послужить Марийке.

Артур никогда не чтит нехристианские традиции, а уж те, что приняты в Семье, так и вовсе не считал достойными уважения, но Лэда – другое дело. Не потому, что традиция, а потому, что рождает-то Марийка, и лучше сделать все по правилам, чем потерять ее или

дочку.

Если бы не запах, бассейн, заполненный густой карминовой жидкостью, выглядел бы даже красиво, тем более что в нем лежала Марийка и ее белая кожа по контрасту с яркой кровью казалась нежной, как лунный свет. Пахло, однако, так, что пришлось дышать ртом, чтоб не стошнило. Кровь, свежая, живая, горячая, с точки зрения вампира, лучший аромат на свете. Артур вампиром не был, но и выбирать не приходилось.

– Давай! – Марийка, счастливо улыбаясь, протянула руку. С пальцев упали тяжелые капли.

– Нет уж, я сам.

Она кивнула, закрыла глаза и откинула голову на бортик.

Артур никогда не сомневался, что запомнит эти роды на всю жизнь. Но, когда дошло до дела, понял, что не просто запомнит. Эти ощущения не потускнеют в памяти, даже когда ему стукнет сто лет. Если даст Бог прожить так долго.

Ладно хоть, он знал, как и где резать. И хорошо, что Марийку в принципе можно было без вреда для нее и дочки резать где угодно.

Где угодно не пришлось. Лэда, при всей своей покорности, повела его руку уверенно и твердо. Мягкая белая кожа упруго подалась под лезвием, рана раскрылась, и комочек плоти, ужасно горячий, по сравнению с Марийкой и даже с кровью в бассейне, сам выпал в ладони Артура. Чудом миновав лезвие ножа.

В какой момент Лэда перерезала пуповину, Артур вообще не понял. Ужасно боялся, что малышка порежется, боялся, что она захлебнется. Он без всякого почтения бросил нож на край бассейна, выпрямился, торопясь поднять дочку из крови, дать ей вздохнуть. И тут же из бассейна встала Марийка, нагая, красивая, счастливая, без следа страшной раны.

– Ох и тощая же ты... – вырвалось у Артура.

Отличный комплимент женщине, которая только что подарила тебе дочь. Всегда был мастером говорить дамам приятное в самые подходящие моменты.

Марийка хотела было что-то сказать, но в этот момент девочка наконец закричала. И как громко! Тут уж точно стало не до разговоров. И не до комплиментов.

– Люция, – сказал Артур.

Марийка вышла из бассейна, подошла к нему, обхватила руками, заключив в объятия и его, и дочку.

– Люция? Светлая? У нее точно будут волосы, как у тебя, а глаза мои, посмотри, какие черные! Ты помолишься за нее? Молитва о наречении или как это правильно называется?

– Я молюсь за нее...

– И с ней все в порядке! Артур, ты видишь? Ей не больно, она просто так кричит, потому что хочет кричать, потому что хочет, чтоб ее помыли и накормили, и хочет к маме.

– С ней все в порядке, – подтвердил Артур. – А ее маме самой надо помыться и поесть. Позови рабов. Люцию ты получишь, только когда будешь лежать или сидеть где-нибудь, где точно ее не уронишь.

– Знаешь, рыцарь, – Марийка показала ему острые страшные зубы, – хоть ты и нелюдь, но до чего ж я тебя люблю!

Напряженное ожидание, давящая на плечи неизвестность отпустили сразу и легко, так же легко, как родилась Люция. Артур не верил, что дочь переживет крещение, но теперь он и не надеялся, а поэтому было легче. Когда он молился, Люция плакала, больно ей не было, но было страшно. Девочка, с рождения питающаяся кровью, черноглазая малышка, которая за день выросла на месяц, взглядом заставляла игрушки и погремушки летать и танцевать вокруг нее и уже говорила «мама», «папа» и «деда»... ей нужно было к Богу, пока еще она не сделала ничего, чтоб Бог ее не принял.

Но где взять силы, чтобы ее отпустить? Где взять силы, чтоб своими руками открыть ей путь на Небо? Нет, невозможно. Пусть живет. У нее человеческая душа, и она вольна

выбирать между злом и добром, и ничего не помешает вырастить ее так, чтоб она всегда выбирала правильно. Подумаешь, невидаль, когти и зубы и кровавая диета! Мало ли кто как устроен? Это еще не означает склонности ко злу, и вообще со стороны Марийки семья очень религиозна, а со стороны Артура только Альберт, он один идеологическую накачку Моартула, Артура и Змея не передает точно.

Артур готов был подпустить к Люции Марийкиного брата – тот был врагом, но не племяннице же, зато о христианстве знал столько, сколько сам Артур и не надеялся когда-нибудь узнать. И, что гораздо важнее, Змей отличал хорошее от плохого и понимал, что можно рассказывать ребенку, а о чем и взрослым-то лучше никогда не говорить. Пасынок Змея был лучшим христианином из всех, кого Артур встречал в тварном мире, и Люция тоже станет хорошей христианкой.

Только некрещеной.

Пожалуйста, Господи, пусть она живет!

На пятый день Змей пригласил его к себе, в свои покои без крыши и стен, подходящие для жизни только тому, кто умеет летать и имеет привычку без предупреждения превращаться в стометрового дракона с соответствующим размахом крыльев.

– Смотри, – сказал Змей и обвел рукой оком, – видишь их?

С этой высоты видно было далеко: холмы и долины, леса, матовые ленты рек, – красивый вид, красивый и родной.

На изрезанном горами горизонте клубились тучи...

– Твою мать... сколько же их?! – Артур думал, что в Луге было много демонов, но эти тучи... все демоны, слетевшиеся в Лугу, не составили бы и сотой доли полчищ, собравшихся над горами вокруг Поместья.

– Миллионы, я думаю. – Змей пожал плечами. – Все безродные, ничьи, неприкаянные, сколько их есть, все собрались и ждут. Им никто не может приказывать, над ними нет господ, а им очень хочется господина. Люция – это приз, который откроет им дорогу в свиту сулэмов или даже сделает сулэмами. И будь уверен, Артур, между собой они не передерутся. Будут действовать сообща, не думая о себе, лишь о достижении цели.

– Демоны так не могут.

– Могут, если станут одним целым.

– Сахра?

– Да. Он покровительствует им и обещал взять к себе, если они добудут малышку. Мы друзья, мы с Сахрой, с остальными князьями и с мелкими демонами, в общем, тоже. Против меня и отца они не выступили бы, а князья и против тебя не выступят, но остальным демонам ты враг. И Люция – дочь врага. Ты можешь, конечно, сразиться с Сахрой, если сумеешь найти, если сумеешь оказаться на том же плане реальности. Но чтоб победить его, тебе придется победить их всех. Ему того и надо. Ты не победишь, Сахра вышвырнет тебя отсюда, и даже если ангелы все-таки придут, христианство в Ифэрэнн закончится вместе с тобой. Война начнется, но толку с нее людям, если будет, кому воевать за их души, но не будет того, кто покажет им дорогу?

– Есть Демон.

– Без тебя нет и Демона. Да ты и сам это знаешь.

Артур думал... пытался найти хоть какой-то способ победить всех. Змей сказал «миллионы». Но ведь нет невозможного. Господь сильнее. Хоть миллионы демонов, хоть миллиарды, Господь сильнее их всех!

И Он отправил сюда ангелов. Чего тебе больше, Артур Северный? Ангелы Господни и Миротворец – у тебя есть все для победы. Если не спешить, не увозить Люцию из Поместья, победить в войне...

– Если война начнется, первым делом ангелы явятся в Поместье. – Змей то ли читал его мысли, то ли и сам рассуждал так же, он-то пять дней смотрел на демонов на горизонте, пять дней искал выход. Не нашел, раз позвал сюда. – И Люцию все равно заберут на небо. Или

отправят на перерождение в тварный мир. Какой вариант тебе больше нравится, рыцарь?

Если война не начнется, Люция сможет жить в Поместье. Долго. Всегда. Пока не выберет сама, что ей делать, когда принять крещение, пока не решит, что ей пора на Небо.

Но война начнется.

– Еще три дня, – сказал Артур. – На восьмой день я окрещу ее. Надо сказать Марийке.

– Не надо. Марийка думает, что Люция переживет крещение. Вот и пусть так думает. Дай им хотя бы эти три дня. Мы с тобой нелюди, а она-то человек, ей так легче.

– Никаких «мы с тобой». Ты враг, а я человек.

– От драконов лучше держаться подальше, – заметил Змей, оставив слова Артура без внимания, – но, когда окажешься там, знай, что Сахра – золотой. Может быть, успеешь.

Марийка была так занята Люцией, что ничего не заметила, не почувствовала. Или это Пречистая хранила ее от неизбежного страха. Люция могла видеть и Альберта, и Маришку, узнавала их, радовалась, чем приводила Маришку в бурный восторг. Альберт бурчал, что «мелкая подлизывается», утверждал, что у детей и женщин с начала времен существует заговор, целая секта, и они втягивают в нее девушек, которые, может, сами по себе о детях и не думали бы.

Нет, Маришка пока о своем ребенке и не помышляла. Какие уж там дети, когда в Ифэрэнн лучше и безопаснее, чем в тварном мире? Но в Поместье проводила все свободное время. Его, правда, было немного.

Альберт говорил, что он не против того, чтобы быть дядей, и задумывался о перспективах когда-нибудь сдать двоюродным дедом. Марийка и Маришка в один голос призывали его не сходить с ума, не забывать о том, что Люции еще и недели нет. Альберт резонно возражал, что если племянка и дальше будет так расти, то внуки из перспективы станут реальностью уже через год.

Конечно, он знал о том, как взрослеют фейри. Он вообще знал о фейри немногим меньше, чем обитатели Поместья. Но почему-то им, всем троим, нравилось фантазировать о том, как Люция вырастет, как за ней будут ухаживать эльфийские принцы, какое лицо будет у Артура, когда она скажет однажды: «Папа, это Глайлойдуин из дома Киндруин, я выхожу за него замуж». Как будто не могло быть такого, что Люция выберет монашество или, например, станет ученым и математика будет интересоваться ее больше, чем мальчики с непроизносимыми именами.

Ничего ее не будет интересовать: ни математика, ни мальчики. Интересы Люции навсегда ограничатся мамой и отцом, дедом и двумя дядюшками – ангелом и человеком – и человеческой девчонкой, которая когда-нибудь наверняка родит Альберту дочку или сына. Люция будет молиться за них за всех, но молитвам ее научит Пречистая Дева. Это даже хорошо, что все сложится именно так. Для Люции уж точно хорошо.

А значит, и им всем тоже нужно радоваться.

К вечеру шестого дня малышка пошла.

Артур, обсуждавший с Себестой поправки к бюджету Тагара, примчался на визг Марийки. В дверях детской чуть не столкнулся с Моартулом. Вот уж с кем лучше было не сталкиваться, учитывая, что Моартул считал его католиком и намеревался когда-нибудь прикончить ради спасения души. Искренне добра желал, но спасибо, не надо.

А Люция, увидев сразу отца и деда, отцепилась от Марийки и потопала к ним, расставив руки и покачиваясь.

Моартул проявил достаточно понимания, чтоб позволить Артуру первым взять дочку на руки. Но тут Себеста, который все еще был на связи, напомнил о себе, что-то у него там стряслось срочное. Артур отдал Люцию деду, поцеловал Марийку и пошел обратно в кабинет.

– Что стряслось-то? – спросил Себеста. – Куда ты так сорвался?

– Дочка пошла.

– Ей шесть дней! – Себеста заржал: – Альберт прав, через год будете от женихов отбиваться. Seriously, Артур, этак к крещению она уже заговорит, а?

– Может быть. Что у тебя?

– Не телефонный разговор. Ты мне нужен в Тагаре, лучше прямо сейчас.

Что-то срочное среди ночи? Значит, ничего хорошего.

Артур кивнул, хоть Себеста и не мог его видеть. Взял со стойки Миротворец. В арсенале не было ничего огнестрельного или энергетического – Моартул предпочитал холодное оружие и магию, Змей... ну тот сам себе оружие. Ладно, Себеста тоже не прямо в бой зовет, для начала и Миротворца хватит.

Через шесть секунд Артур вышел из Поместья к алтарю тагарского храма, перекрестился, огляделся, никого не увидел. Себеста, видимо, ждал снаружи. Странно, он вообще-то любил бывать в этом храме по ночам. Что бы ни мешало ему принять крещение, помешать приходиться сюда оно не могло. Может, и не пыталось.

Артур заторопился к выходу, почти бегом миновал паперть, подивился густым теням, накрывшим площадь перед храмом, – новолуние, а тени такие черные, будто не луна, а солнце светит... и с разбегу провалился в эту черноту. Ухнул, как в болото, как в зыбучий песок. Вроде есть опора под ногами, но она не держит. Есть за что руками схватиться, но оно скользит сквозь пальцы. Он вытянул из петли топор, попытался положить его поперек... на что? На тень? Да как угодно, лишь бы зацепиться. И, будто это и надо было сделать, сразу стало светло.

Знакомый дымчатый свет. Артур видел его десятки раз. Свет, льющийся сквозь полупрозрачные стены из драгоценных камней. В снах и видениях Артур думал, здесь будет пахнуть, как в серпентарии, но оказалось, что этот дракон пахнет цветами и жарким ветром, а еще ледяной водой, брызги которой мгновенно испаряются в раскаленном цветочном воздухе. Золотой дракон, свернувшийся в десятки сверкающих колец и крепко-крепко спящий. Узкая морда длиной шагов в двадцать, не меньше, казалась даже красивой, узоры на чешуе переливались от червонного золота к мягкой платиновой белизне. Вот она, плоть Сахры, уязвимая для лезвия Миротворца...

Себеста из-за спины сказал:

– Извини.

За что извинялся?

Пистолет у него был с глушителем, хотя – сейчас Артур это точно знал – драконы не проснулись бы от выстрелов, не проснулись бы ни от каких обычных звуков. И стрелял Себеста хорошо. Отлично стрелял. Не всю ведь жизнь он был мэром Луги.

Ни одной смертельной раны. По одной пуле в плечи, чтоб не мог держать топор. И еще одну – в колено. Чтоб не мог ходить. Разумно. Очень больно. Совершенно непонятно. От боли Артур с минуту не мог ни говорить, ни даже думать. Не мог достучаться до Альберта. И хорошо, что не мог. Хватило времени сообразить, что младшему сюда точно не надо. Змей сказал, что от драконов лучше держаться подальше, а Змей о драконах знает больше, чем кто бы то ни было.

Сахра был так близко. Но это уже не имело значения.

– Я объясню. Лхар считает, что тебе не нужно знать, но я попросил его...

Себеста не подходил близко, остался стоять у стены, Артур его и не видел: упал так, что смотреть мог только на бесконечные золотые кольца Сахры. Акустика в зале была прекрасная, не хуже, чем в церкви, и Артур слышал каждое слово, но понимал от силы одно из трех. Очень было больно, это сильно сбивало с толку.

– Артур, я продал душу.

Показалось даже, что боль прошла.

Себеста? Продал душу? Нет. Этого не могло быть. Он никогда не сделал бы такого, себя мог бы предать, но не людей, которые ему верили.

– Тебя обманули, – Артур старался говорить погромче, потому что не был уверен, что вообще говорит вслух, а не шепчет, – ты не продавал душу, ты сильнее всех демонов.

– Давно, – объяснил Себеста, – еще когда у меня не было человеческого тела. Лхар сказал, ты знаешь, что я не человек. Тогда ты должен знать, что и тело у меня не настоящее. Не знаю, чье оно. Не помню. Я думал, я человек, но появился Лхар, и я вспомнил, что сделал.

Артур слушал. Привыкал к боли. Смотрел на Сахру. Понимал, что не сможет поднять Миротворец, и молился о том, чтобы все-таки получилось.

Себеста был фейри, благородным фейри, могущественным, волшебным, наделенным бессмертной душой. У него была Семья: жена и дочь. Были подданные: такой же волшебный народ. Они не имели дел с людьми, ничего не знали о демонах, а единственным богом считали своего правителя. Себесту. Какое бы имя он тогда ни носил. Ну а он как бог отвечал за свой народ. И когда пришла беда, настоящая беда, справиться с которой не достало ни волшебства, ни сил, правитель принес себя в жертву, чтобы спасти племя.

А может, чтобы спасти Семью? Жена и дочь, разве они не стоят того, чтобы спасти их ценой своей души?

– Не знаю, откуда об этом стало известно Биргеру, – говорил Себеста, – я ничего не помнил, я даже не представляю, сколько прошло времени, столетий или тысячелетий, сколько тел я с тех пор сменил и сколько жизней прожил. Но он откуда-то узнал.

– Знается с демонами, – выговорил Артур. Усилие небольшое, а голова уже закружилась. Вот гадство!

– Да нет, не знается, иначе я бы ему был не нужен. Без меня он не мог заговорить ни с кем из демонов. Это я позвал ему Лхара, и только когда Биргер сказал, что может убить тебя, Лхар его заметил. Ты не попал бы в ловушку теней, если бы ее делал Биргер или Лхар, им обоим нужен был я, чтобы тени смогли тебя захватить. А я не мог отказаться. Артур, я не знаю, как объяснить... как это передать... что чувствуешь, когда сам над собой не властен, не только над телом, но и над душой.

– Не извиняйся.

Себеста извинялся не словами, интонациями, но даже это было лишним. Он сделал то, что должен был, и поступил правильно, а сейчас делал то, к чему его принуждали, а значит, не делал ничего. Просить прощения не за что. Нужно выбираться из этого. Понять бы только как.

Если не демоны, то кто? Кто-то из вампиров.

Аман, видящий насквозь людей и нелюдей? Аман готов говорить с любым, кто захочет его слушать, и он счастлив, если ему задают вопросы. Биргеру потребовалось время, чтобы понять его... Обстановка была самая неподходящая, но Артур не удержался от злорадной улыбки, представив, как Биргер и Аман пытаются договориться. Если Биргер смог понять, если Аман смог рассказать, то это объясняет, откуда Биргеру стало известно про Себесту. Но только если Себеста как-то привлек к себе внимание Амана.

– Ты делал что-то еще?

– Писал письма. Те списки. Тридцать сребреников. Артур...

– Шшш... я думаю. Что хочет Лхар?

– Пытается разбудить Сахру. Отдает ему мою душу. Постепенно. Уже скоро князь проснется. Биргер сказал, он сможет убить тебя.

Да уж, кто бы сомневался, что сможет? Убить не убьет, но с телом точно придется расстаться. А дальше – на Небеса. Хорошая перспектива, да вот только по отношению к остальным как-то некрасиво получается. По отношению к Себесте. Он-то с самого начала помогал и поддерживал, с самого первого дня, как пришел в себя после вампирского плена, так и оставался рядом. Не боялся в отличие от остальных. Верил. Всегда.

И не предавал, что бы он сейчас по этому поводу ни думал.

Он и сейчас верит. Жаль, не в Бога...

Ну и что с этим делать? Есть идеи?

– Лхар, – позвал Артур, – слышь, скотина бескрылая, предлагаю обмен. Это поинтереснее, чем убийство, тем более что Сахра тебе все равно спасибо не скажет. Ты разве не знаешь, чем чревато будить драконов? Так что меняемся: ты отдашь Себесте его душу, а я

отдам тебе свою...

– Заткнись! – рявкнул Себеста.

В первый раз он промахнулся, дрогнула рука. У Артура бы тоже дрогнула, если б он стрелял в Себесту. Выбитые пулей осколки камня оцарапали щеку.

Второго выстрела Артур не услышал.

«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Священные слова звучали с такой ядовитой насмешкой, что казались глупыми, казались неправдой. Но Артур-то знал, что другой правды попросту нет. Он не видел, кто говорит, он видел драконьи залы, смотрел откуда-то с высоты, так что мог увидеть все двенадцать чертогов и всех змеев в них.

Одного не хватало. Этот один, он не спал. Некогда ему было спать. Драконы – разрушительная ипостась демонов-созидателей. Воплощенное разрушение. Кто сказал, что обязательно воплощаться в дракона? Можно ведь во что угодно. Хоть в оружие. В оружие даже правильней, оно-то уж точно создано, чтобы разрушать.

«Смелый поступок. Лхар не ожидал. Твой образ мышления и твои представления о том, как и кого нужно спасать, даже ангелам не всегда понятны. Брата не спас, зато положил душу за проклятого фейри».

Артур хотел сказать, что это потому, что фейри проклят. Если бы душу Альберта можно было спасти, отдав свою, он сделал бы это. Но тогда речь шла о спасении жизни, а жизнь не стоит души. Альберт мог спастись, только умерев на костре. Но кому объяснять это? Самому себе? Вряд ли здесь у него есть другие собеседники. А то, что он слышит, это... да он и не слышит ведь ничего.

Даже если бы Себеста не спас его, не убил раньше, чем сделка состоялась, он все равно не смог бы отдать душу Лхару. Ни ему, ни кому-то еще из демонов. Его душа больше, чем они смогут взять. Никогда не рождавшийся, не знавший ни отца, ни матери, он появился в тварном мире в виде человека только потому, что такова была воля его создателя. Должен был стать воплощением магии, как Альберт, но был крещен и посвящен Пречистой Деве, и магия трансформировалась в чары, так похожие на чудеса.

Неудачная попытка. До смешного неудачная. До полной противоположности тому, что было задумано. Второй попыткой стал Альберт. И с ним получилось гораздо лучше.

Что ж, может, его душа и больше, чем могут взять демоны, но если он поверит в то, что думает, то от нее ничего не останется.

– Я человек, – сказал Артур. – Я человек. Я христианин. Я верую в Единого Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого, и в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого все сотворено. Ради нас, людей, и ради нашего спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и ставшего Человеком; распятого за нас, страдавшего и погребенного, воскресшего, восшедшего на Небеса и сидящего одесную Отца, вновь грядущего со славою судить живых и мертвых, и Царству Его не будет конца. И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца и Сына исходящего, Которому вместе с Отцом и Сыном подобает поклонение и слава, Который вещал через пророков.

Когда он замолчал, стало тихо. Ни единой мысли. Так хорошо, когда мыслей нет. Всегда бы так было.

Почему не прочел Кредо целиком? Да потому, что это его Символ веры. Он отличается от принятого в тварном мире. И сейчас, пока тихо, пока ничего не болит и душа еще не рассыпалась на осколки, нужно как-то попасть туда, вниз, в драконьи залы. Убить Сахру. Защитить Люцию. Он может убивать демонов, убивать по-настоящему, считается, что это невозможно, но он умеет. Демонов создал Господь, и Господь дал ему силу уничтожать их,

это логично и правильно: кто создал, тот и способен уничтожить.

Ангелы не могут убивать демонов. Демоны не могут убивать ангелов.

Ну и что?

Нет, у них не разные создатели, Творец только один, только один!!! Он создал ангелов, ангелы пали и стали демонами. То, что они не могут убивать друг друга, означает лишь, что Господь не дал им такой силы! Ничего больше!

Если бы демонов создал... не Бог... если бы его самого создал... тот, кто создал демонов... Если бы сила, данная создателем, исказилась крещением, посвящением, христианским воспитанием и верой, слепой, нерассуждающей и безоговорочной верой... если бы такое произошло, он мог бы убивать демонов. Потому что их настоящий создатель дал ему эту силу и власть. Нет, не для того, чтоб он уничтожал другие его творения. Но так уж вышло. И не отбирать же теперь то, что подарено изначально. А князья до сих пор не считают его врагом. И сулэмы до сих пор не знают, как воевать с ним, не понимают, что изменилось, привыкли считать союзником.

А в чертогах внизу нет одного дракона.

– Нет, – сказал Артур. – Я человек.

И его Символ веры отличается от принятого в тварном мире потому, что... потому что то, что он знает, отличается от того, что принято считать истиной.

Тем и ценен. Он знает правду, но верит в другую правду, это и есть вера, та, что противоречит знанию, та, что вне логики и смысла. Верит потому, что любит. Верит потому, что надеется. И победит потому, что верит.

«Ты давно выбрал, – вот это точно была не его мысль, так же, как слова Евангелия, с которых начался бред после выстрела Себесты, – и никогда не сомневался. Лхар не смог бы взять твою душу. Он отпустит Себесту, считай это подарком. Смотри, Артур, ты предал Бога, и ангелы пришли».

Он смотрел. Он видел свет в окнах храмов, видел, как могучие крылья проламывают небо, видел, как трескается снийв и на прекрасные земли Ифэрэнн с удивлением смотрят звезды. Настоящие звезды. Как же их не хватало!

Черный дракон с алмазными крыльями взмыл в небеса над Поместьем, взлетел навстречу сплошной стене света, в безнадежный бой. Ангелы не могут убивать демонов, но ангелы, наверное, могут убивать ангелов. Артур не знал, что будет со Змеем, знал только, что тот не сможет победить. Нельзя выступать против Бога, особенно если половина твоей души хочет вернуться к Нему.

Когда стены Поместья разлетелись осколками, когда свет ворвался в жилые покои, Марийка уже ждала рядом с колыбелью Люции. Она собиралась драться. Не знала с кем, не представляла как, но это же Марийка. Она готова драться всегда. За Люцию, за Артура, за себя. Не умеет отступать. Так же, как ее брат. И Артур был признателен Моартулу за то, что тот остановил дочь. За жуткую клыкастую ухмылку:

– Это ангелы, дурочка. Они спасают, а не убивают.

Луч света коснулся колыбели. Сейчас... Люция должна была сгореть, как сгорела Рена, как сгорали другие вампиры, принимавшие крещение, они рассыпались на золотые искры, пусть ненадолго, но становились звездами в беззвездном небе Ифэрэнн. Но вместо того чтоб превратиться в вихрь сверкающих искр, Люция ухватилась за луч, как будто сцапала за палец кого-то невидимого, поднялась на ножки и деловито, как шла сегодня через комнату навстречу Артуру, потопала вверх. Остановилась лишь для того, чтоб сказать «мама» и «деда». Она звала их с собой. Ну конечно. Она же хорошая девочка, она любит их, и она пока еще слишком маленькая, чтобы понять, что можно не пойти туда, где хорошо, потому что те, кого любишь, не уходят с тобой.

Рассыпались осколками драконьи чертоги, хлопали крылья, ветер пел в чешуе, князья вышли на бой. Пора было возвращаться. Пора было человеку встать во главе ангельского

войска, чтобы драться с демонами за будущее людей. За то, чтоб даже здесь, в преддверии Ада, люди могли найти дорогу в Небеса.

– Почему? – спросил Артур вслух. – Зачем это тебе? Мы же победим.

«Я исчерпал все другие способы объяснить им, что нет Ада, кроме того, который они создают сами. А ты продал душу, предал Бога, знаешь, кто твой Создатель, и не забудешь этого. Твой Ад в тебе, и любой теперь может увидеть его. Иди, рыцарь. Кто-то же должен защищать людей от людей».